Министерство науки и высшего образования РФ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ВЕСТНИК

НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия
СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (66)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2022

ББК С
УДК 5+3
В 38

В 38 **Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки.**
No 2 (66). – Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 197 с.
Информационная продукция для детей старше 16 лет

Выходит 4 раза в год

Главный редактор А.О. Грудзинский – д.соц.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

Редакционная коллегия:

Б.И. Бедный (*зам. главного редактора*) – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Н. Бобков – д.э.н., проф. (ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», г. Москва); П.Б. Болдыревский – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М.А. Вахрушина – д.э.н., проф. (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации); Ю.Р. Вишневский – д.филос.н., проф. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина); М.Л. Горбунова – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.В. Гребенев – д.пед.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.А. Григорьева – д.соц.н., проф. (СПбУ); Т. Зарицкий – Dr. Hab., Associate Prof. (Варшавский университет, Польша); Л.Н. Захарова – д.психол.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.В. Золотов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Р.Г. Каспина – д.э.н., проф. (Казанский федеральный университет); А.В. Кузнецов – д.э.н., чл.-корр. РАН (Институт мировой экономики и международных отношений РАН); Ю.А. Кузнецов – д.ф.-м.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Д.Н. Лапаев – д.э.н., проф. (НГТУ им. Р.Е. Алексеева); С.В. Ледяева – PhD, Assistant Prof. (Университет Аалто, Финляндия); А.С. Макаров – д.э.н., проф. (ВШЭ, г. Нижний Новгород); Н.В. Малиновская – д.э.н., доц. (РУДН); М.Ю. Малкина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); И.Е. Мизиковский – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); М. Помпелла – PhD, Prof. (Университет г. Сиена, Италия); В.В. Николина – д.пед.н., проф. (НИРО); Г.И. Осадчая – д.соц.н., проф. (Институт социально-политических исследований РАН); Н.С. Пурышева – д.пед.н., проф. (МПГУ); З.Х. Саралиева – д.и.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); Ю.В. Трифонов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); О.В. Трофимов – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); В.Г. Фролов – к.э.н., доц. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); А.Ю. Чепуренко – д.э.н., проф. (НИУ ВШЭ, г. Москва); Н.И. Яшина – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); С.Н. Яшин – д.э.н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского)

ББК С

Электронная версия журнала:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, 2022

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

VESTNIK

OF
LOBACHEVSKY STATE UNIVERSITY
OF NIZHNY NOVGOROD

SOCIAL SCIENCES

No. 2 (66)

Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod University Press
2022

Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences. No. 2 (66). – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2022. – 197 pp.

The journal appears four times a year

Editor-in-Chief
A.O. Grudzinskiy – D.Sc.(Sociology), Prof.

Editorial Board:

B.I. Bednyi (*Deputy Editor-in-Chief*) – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; P.B. Boldyrevskii – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; V.N. Bobkov – D.Sc. (Economics), Prof.; M.A. Vakhrushina – D.Sc. (Economics), Prof.; Yu.R. Vishnevsky – D.Sc. (Philosophy), Prof.; M.L. Gorbunova – D.Sc. (Economics), Prof.; I.V. Grebenev – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; I.A. Grigorieva – D.Sc. (Sociology), Prof.; T. Zarycki – Dr. Hab., Associate Prof.; L.N. Zakharova – D.Sc. (Psychology), Prof.; A.V. Zolotov – D.Sc. (Economics), Prof.; R.G. Kaspina – D.Sc. (Economics), Prof.; A.V. Kuznetsov – D.Sc. (Economics), Corresponding Member of the RAS; Yu.A. Kuznetsov – D.Sc. (Physics and Mathematics), Prof.; D.N. Lapaev – D.Sc. (Economics), Prof.; S.V. Ledyaeva – PhD, Assistant Prof .; A.S. Makarov – D.Sc. (Economics), Prof.; N.V. Malinovskaya – D.Sc. (Economics), Assoc. Prof.; M.Yu. Malkina – D.Sc. (Economics), Prof.; I.E. Mizikovsky – D.Sc. (Economics), Prof.; M. Pompella – PhD, Prof.; V.V. Nikolina – D.Sc. (Pedagogy), Prof.; G.I. Osadchaya – D.Sc. (Sociology), Prof.; N.S. Purysheva – D.Sc. (Pedagogy). Prof.; Z.H. Saralieva – D.Sc. (History), Prof.; Yu. V. Trifonov – D.Sc. (Economics), Prof.; O.V. Trofimov – D.Sc. (Economics), Prof.; V.G. Frolov – Cand. Sc. (Economics), Assoc. Prof.; A.Yu. Chepurenko – D.Sc. (Economics), Prof.; N.I. Yashina – D.Sc. (Economics), Prof.; S.N. Yashin – D.Sc. (Economics), Prof.

Electronic version of the journal can be found at:
http://www.vestnik-soc.unn.ru/

© National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Экономические науки

Бухвальд Е.М., Лапаев Д.Н. Вариации стратегического планирования и риски для экономической безопасности России 7
Захарова С.Г., Яшин С.Н., Туманов С.В. Формирование инновационной среды интеграционных процессов, обеспечивающих динамику роста качества жизни населения регионов России 14
Пацала С.В., Горошко Н.В. Географическая структура мирового рынка атомной электроэнергии: потребление, мощности, генерация 20
Усманов М.Р. Методика оценки качества инжиниринговых услуг в сегменте нефтегазопереработки и нефтегазохимии 28
Чкалова О.В., Копасовская Н.Г., Большакова И.В. Электронные маркетплейсы как драйвер развития рынка продуктового ретейла 38

Социологические науки

Носенко-Штейн Е.Э. Расширяя границы исследований: изучение инвалидности в гуманитарных и социальных дисциплинах 48
Маслова О.А., Пятин В.Ф. Самоуправление здоровьем: цифровые траектории самореабилитации пациентов с рассеянным склерозом в условиях пандемии COVID-19 52
Коннова Л.П., Липатов В.А., Сирбиладзе К.К., Степанян И.К. Цифровые ресурсы как средство поддержки студентов с ограниченными возможностями здоровья 59
Торлопова Л.А. Социальное благополучие через социальное предпринимательство: кейсы проектов для людей с «ментальными нарушениями» в Тбилиси и Санкт-Петербурге 65
Савин И.С. Инвалидность как социокультурный феномен в Казахстане: поселенческий и религиозный аспекты 74
Алтухова А.Н., Клепикова А.А. Родители детей с инвалидностью в терапевтическом ландшафте Улан-Удэ: расставляя точки на карте 82
Носенко-Штейн Е.Э. Другая телесность в контексте инвалидности как социокультурного феномена (сравнительный анализ репрезентации «инвалидной» телесности в современной российской и зарубежной массовой литературе) 90
Варызгина А.А., Куликова А.В., Михайлова В.В. Образовательные стратегии жителей малых городов из разных имущественных групп 97
Вялых Н.А. Социальное доверие российского общества к системе здравоохранения: новые смыслы и теоретические основания в период пандемии COVID-19 104
Калачикова О.Н., Нацун Л.Н. Социально-демографические предпосылки реализации концепции активного долголетия в России 112
Шаброва Н.В. Родительское сообщество как субъект гражданского общества: ключевые элементы концепции 126
Шинкаренко Е.А. Резюме как элемент практик поиска работы молодежью 135
Фомин Е.В. Новые религиозные движения как форма религиозной организации: история изучения, дефиниции, признаки 141
Захарова Л.Н., Савичева А.В. Трудовые намерения студентов индустриальных колледжей с разным уровнем психологической готовности к работе в инновационной компании 148
Чепьюк О.Р., Бедный А.Б., Плехова Ю.О. Предпринимательское образование в исследовательском университете 157

Педагогические науки

Белова О.В., Зайцева Е.В. Качественные задачи с экспериментальной основой как средство контроля знаний и умений студентов 164
Мухина Т.Г., Паули А.В. Анализ педагогического опыта военно-профориентационной работы образовательных организаций кадетского типа 169
Провоторова Н.В. Критерии диагностики профессиональной готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления 177
Рагозина А.В., Обдалова О.А. Учёт этнопсихологических характеристик студентов в процессе обучения их русскому как иностранному (на примере индонезийской группы) 183
Титаева Е.К., Лебедева О.В. Модель организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике как средства профессионального самоопределения 192

CONTENTS

Economic sciences

Bukhvald E.M., Lapaev D.N. Variations of strategic planning and the risks to Russia's economic security 7
Zakharova S.G., Yashin S.N., Tumanov S.V. The formation of an innovative environment for the integration processes that ensure the growth dynamics of life quality of the population in the regions of Russia 14
Patsala S.V., Goroshko N.V. Geographical structure of the world nuclear market electricity: consumption, power, generation 20
Usmanov M.R. Methodology for assessing the quality of engineering services in the segment of oil and gas processing and petrochemicals 28
Chkalova O.V., Kopasovskaya N.G., Bolshakova I.V. Electronic marketplaces as a driver for the development of the food retail market 38

Sociological sciences

Nosenko-Stein E.E. Expanding Boundaries of Research: Disability in Social Sciences and Humanities 48
Maslova O.A., Pyatin V.F. Health self-management: digital trajectories of self-rehabilitation of patients with multiple sclerosis during the COVID-19 pandemic 52
Konnova L.P., Lipatov V.A., Sirbiladze K.K., Stepanyan I.K. Digital resources as a means of support for students with disabilities 59
Torlopova L.A. Social well-being through social entrepreneurship: cases of projects for persons with «mental illnesses» in Tbilisi and St. Petersburg 65
Savin I.S. Disability as sociocultural phenomena in Kazakhstan: settlement and religious dimensions 74
Altukhova A.N., Klepikova A.A. Parents of children with disabilities in the therapeutic landscape of Ulan-Ude, Buryatia: mapping the territory 82
Nosenko-Stein E.E. Other bodies in the context of disability as a social and cultural phenomenon: a comparative analysis of representation of disabled bodies in contemporary Russian and British mass fiction 90
Varyzgina A.A., Kulikova A.V., Mikhailova V.V. Educational strategies of residents of small towns from different property groups 97
Vyalykh N.A. Russian society's social trust toward the healthcare system during the COVID-19 pandemic: new meanings and theoretical foundations 104
Kalachikova O.N., Natsun L.N. Perception of aging in demographic groups of the population as a social context for the implementation of the active longevity concept 112
Shabrova N.V. Parent community as a subject of civil society: key elements of the concept 126
Shinkarenko E.A. Curriculum vitae as an element of job search practices for youth 135
Fomin E.V. New religious movements as a form of religious organization: history of research, definitions, features 141
Zakharova L.N., Savicheva A.V. Labor intentions of industrial college students with different levels of psychological readiness to work in an innovative company 148
Chepyuk O.R., Bedny A.B., Plekhova Yu.O. Entrepreneurial education in a research university 157

Pedagogical sciences

Belova O.V., Zaitseva E.V. Qualitative tasks with an experimental basis as a means of controlling students' knowledge and skills 164
Mukhina T.G., Pauli A.V. Analysis of pedagogical practices of military-vocational guidance work of educational organizations of cadet type 169
Provotorova N.V. Criteria for the diagnosis of professional readiness for innovation future specialists in the field of public and municipal administration 177
Ragozina A.V., Obdalova O.A. The study of the students' ethno-psychological characteristics in teaching Russian as a foreign language (the case of Indonesian students) 183
Titaeva E.K., Lebedeva O.V. Pupils activity in physics as a means of professional self-determination 192

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 338.23
DOI 10.52452/18115942_2022_2_7

ВАРИАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ И РИСКИ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

© 2022 г.

Е.М. Бухвальд, Д.Н. Лапаев

Бухвальд Евгений Моисеевич, д.э.н.; проф.; руководитель Центра федеративных отношений и регионального развития Института экономики Российской академии наук, Москва
buchwald@mail.ru
Лапаев Дмитрий Николаевич, д.э.н.; проф.; заместитель директора по научной работе Института экономики и управления Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
dnlapaev@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Утверждение стратегического планирования как основы управления экономическими и социальными процессами в стране на долговременном рубеже одновременно выступает и наиболее эффективным механизмом обеспечения ее экономической безопасности. Цель статьи – показать, что такая возможность может быть реализована только в том случае, если практика стратегического планирования действует согласованно на всех уровнях управления, на качественной правовой и методической основе и при этом в полной мере обеспечивается необходимыми экономическими ресурсами. С использованием методов экономико-правового анализа делается вывод, что практический переход от деклараций и законодательных установлений, содержащихся в ФЗ №172 «О стратегическом планировании в РФ», к реалиям стратегического управления оказался на деле более сложным, чем это можно было предположить изначально. Результаты исследования свидетельствуют, что наличие многих пробелов в законодательном обеспечении стратегического планирования не только дезавуирует такое планирование как механизм обеспечения экономической безопасности, но и само по себе способно создавать угрозы такой безопасности.

Ключевые слова: стратегическое планирование; экономическая безопасность, риски и угрозы стабильного развития; законодательное обеспечение.

Введение

Оба действующих в настоящее время документа по вопросам национальной и экономической безопасности Российской Федерации [1; 2] неизменно исходят из исключительной значимости качества государственного и муниципального управления как фактора обеспечения этой безопасности. При этом в данном случае действует двусторонняя связь. С одной стороны, только мерами государственного и муниципального управления могут быть решены вопросы обеспечения национальной и экономической безопасности. С другой стороны, «провалы» в качестве такого управления не только не способствуют решению названной выше задачи обеспечения безопасного развития, но и сами по себе могут создавать угрозы для результативного управления экономическими, социальными и иными процессами в стране и ее регионах. Логично также предположить, что качество государственного и муниципального управления во многом определяется полнотой и системностью той нормативно-правовой базы, на которую оно опирается. Переход к практике стратегического планирования как основы всей системы государственного и муниципального управления лишь еще более усиливает эту зависимость.

Стратегическое планирование и его документальные основы

До настоящего времени формирование законодательной и документальной базы, определяющей деятельность органов публичной власти, не дает достаточных позитивных предпосылок последовательного обеспечения требований национальной и экономической безопасности. Эта оценка будет вполне правомерной и для законодательной базы по вопросам государственного и муниципального управления.

В течение всего периода, прошедшего после принятия Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской

Федерации» (далее – ФЗ № 172) [3], многократно высказывались мнения о том, что законодательная и методическая база по стратегическому планированию нуждается в серьезном совершенствовании [4]. При этом именно работа в этом направлении, как правило, называлась как одно из условий для того, чтобы завершить подготовку и принять так называемую «базовую» Стратегию социально-экономического развития Российской Федерации, что уже изначально было закреплено в положениях ФЗ №172, но так и не было реализовано [5]. Формально в текст данного законодательного акта за прошедшие годы было внесено несколько изменений и дополнений, в т.ч. достаточно важных. Например, это изменения, касающиеся формирования и использования прогнозов социально-экономического развития страны; практики муниципального стратегирования. Изменилось определение такого документа стратегического планирования, как схемы территориального планирования; в состав документов регионального стратегического планирования введен прогноз баланса трудовых ресурсов субъекта Российской Федерации и пр.

Кроме того, в стране достаточно быстрыми темпами идет формальное накопление «пакета» документов стратегического планирования. На данный момент в Реестре документов стратегического планирования значится примерно 55 тыс. таких документов. В настоящее время в их числе обозначены:

– 116 стратегий федерального уровня;

– 1 стратегия макрорегиона (Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Сибирского региона до 2025 года);

– 1 стратегия на уровне федерального округа (Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года);

– 2286 стратегий на уровне субъекта Российской Федерации (без входящих в них муниципальных образований);

– 23320 стратегий уровня муниципального района;

– 10367 стратегий (единых) городских округов;

– 107 стратегий городских округов с внутригородским делением; 3270 стратегий городских поселений;

– 14947 стратегий сельских поселений;

– 66 стратегий внутригородских муниципальных образований (вне городов федерального значения).

Однако все это пока не позволило существенно усилить роль ФЗ № 172 как основы практики стратегического планирования с учетом жестких требований системности, четкого целеполагания, а также полного соответствия специфике государства федеративного типа и прочее. Подобная ситуация была предопределена целым рядом причин. Во-первых, очевиден «провал» с реализацией практики стратегического планирования на мезоуровне российской экономики. Между тем таковое, особенно в условиях государства федеративного типа, представляет собой необходимый элемент социально-экономического стратегирования (в т.ч. и в разрезе его пространственного компонента) [6]. Во-вторых, значительная доля действующих «стратегических» документов, особенно субрегионального уровня, по-прежнему носит достаточно формальный, общеописательный характер и не обеспечивает возможности качественного улучшения управления социально-экономическими процессами на местах. В-третьих, из имеющихся почти 55 тыс. документов стратегического планирования для примерно 52–53 тыс. из них дальнейшая перспектива в настоящее время вообще складывается весьма проблематично.

Это связано с возможными последствиями принятия и практической реализации нового закона об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [7]. В случае принятия этого законопроекта будет ликвидирован целый (и наиболее значительный по численности!) пласт муниципальных образований в стране – поселенческие муниципалитеты (а вместе с ними также городские округа с внутригородскими муниципальными образованиями и сами внутригородские муниципальные образования). Поселения, даже если у них в ходе реформы сохранятся назначаемые местные администрации, все равно потеряют статус публично-правовых образований, а вместе с ним – и право на осуществление полномасштабных функций стратегического планирования. Между тем в стране действует значительное число экономически достаточно сильных поселенческих муниципалитетов. Их изъятие из числа полноправных субъектов стратегического планирования содержит в себе явную угрозу того, что тем самым будет разрушен фундамент управления экономическими и социальными процессами в стране и ее регионах на основе достаточной инициативы и ответственности местного уровня публичной власти. Это говорит о том, что, учитывая специфику России как государства федеративного типа, а также следуя требованиям его национальной и экономической безопасности, нельзя сводить все правовые и иные проблемы практики стратегического планирования лишь к содержанию ФЗ № 172 вне его корреспонденции с иными законодательными актами, в т.ч. регулирующими основы государственности и местного самоуправления [8].

Что касается собственно законодательства о стратегическом планировании, то со временем утвердилось мнение, что дальнейшее совершенствование нормативно-методической базы такого планирования более целесообразно осуществить не за счет дальнейших частичных поправок и дополнений в ФЗ № 172, а путем подготовки дополнительного разъясняющего и конкретизирующего документа. Подобный документ за последние два-три года неоднократно упоминался в официальных комментариях, а также в различных публикациях и комментариях со стороны научно-экспертного сообщества [9, 10]. В итоге возобладала именно точка зрения о целесообразности подготовки дополнительного к закону нового нормативно-правового документа. Это нашло свое отражение в принятии такого документа, как «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ» [11] (далее – «Основы…»). Конечно, «Основы…» – не федеральный закон, и его положения по определению не могут противоречить положениям ФЗ № 172, но вполне правомочны конкретизировать эти положения и давать их практическую интерпретацию в связи со спецификой тех или иных задач стратегического планирования.

К сожалению, в итоге появление этого долго ожидавшегося документа вызвало не просто разочарование и огорчение, а откровенные опасения. Это опасения того, что данный документ не только не закроет некоторые «ниши» в действующем законодательстве по стратегическому планированию, но и, напротив, усилит факторы неопределенности и нестабильности в этой ветви законодательного регулирования и соответствующей ей правоприменительной практики.

Прежде всего, полагаем мы, неверно выбранной видится правовая форма принятого документа именно как неких «Основ». С точки зрения формальной логики следует предположить, что «Основы» должны были бы разрабатываться и обсуждаться научно-экспертным сообществом до подготовки и принятия соответствующего федерального закона, а не несколько лет спустя этого. Кроме того, в данном случае явно отсутствовал и этап экспертного обсуждения «Основ…», хотя многочисленные предварительные наработки к этому документу делались целым рядом научных коллективов, в том числе и в рамках Института экономики РАН.

Критический анализ данных «Основ…», как и ряда иных принятых ранее документов, имеющих аналогичный правовой статус («Основы»), убедительно свидетельствует, что им традиционно свойственен крайне общий характер основных положений. Столь же типично отсутствие в разных «Основах» убедительных экономических мотиваций, четкого целеполагания, а также ясно выраженной адресации к конкретным субъектам управленческой деятельности федерального, регионального и муниципального уровня. Эти очевидные пробелы в полной и даже в особой мере характеризуют и те названные выше «Основы…», перед которыми ставилась задача устранить многие недостатки действующего законодательства по стратегическому планированию. Все это не позволяет рассматривать данные «Основы…» как надежную базу для качественного улучшения работы с подготовкой и реализацией всех документов стратегического планирования. В результате нельзя не расценить эти «Основы…» как источник дополнительных рисков для стабильного, устойчивого развития экономики страны и ее регионов.

Конечно, было бы неверно оценивать названные «Основы…» только с позиции полного негатива. К позитивным моментам документа можно отнести наличие в нем ряда интересных новаций, в частности, по сравнению с содержанием ФЗ № 172. Сюда можно отнести утверждение института индикативного планирования; введение понятий циклов стратегического планирования и архитектуры его документов и пр. Важной и практически значимой новацией «Основ…» на фоне ФЗ № 172 является дополнительный акцент на проблему индикаторов (показателей), используемых в практике стратегического планирования. В «Основах…» отмечается, что система этих показателей формируется в соответствии с архитектурой документов стратегического планирования и обеспечивает согласованность этих документов, разрабатываемых в рамках прогнозирования, целеполагания, планирования и программирования как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта Российской Федерации. Это положение «Основ…» следует расценить как особо важное, исходя из того, что разработка системы и непосредственный обсчет индикаторов для текущего мониторинга и итоговой оценки достижения ранее предзаданных ориентиров по-прежнему остается не только одной из труднорешаемых задач нашей практики социально-экономического стратегирования. Однако главное то, что индикаторы, используемые в практике стратегического планирования, чаще всего не обеспечивают их достаточной взаимосвязи с количественно выраженными требованиями, «пороговыми значениями» экономической безопасности страны. В результате, при оценке реализации тех или иных документов стратегического планирования нельзя прийти к выводу,

обеспечивается ли при этом выполнение требований экономической безопасности или нет.

Парадокс «Основ…» как нормативно-правового документа заключается в трех обстоятельствах. Во-первых, значительная часть «Основ…» представляет собой перефразировку (не всегда достаточно точную) положений ФЗ № 172. Во-вторых, с правовой точки зрения проблематична сама идея использования документа типа «Основ…» не для конкретизации содержательных и процедурных моментов ФЗ № 172, не для восполнения имеющихся в данном законе существенных пробелов регулятивного характера, а для введения в правовой и экономический оборот ряда новых серьезных институций, которые в самом ФЗ № 172 вообще не представлены. В-третьих, роль «Основ…» как источника дополнительных рисков для практики государственного и муниципального управления заключена в том, что предлагаемые в них институциональные новации опять-таки не имеют достаточных экономических управленческих мотиваций; даются голословно, вне конкретных указаний на пути и процедуры их практического использования.

Например, «Основы…» очень активно оперируют институтом индикативного планирования и, можно сказать, оставляют за ним едва ли не центральное место как инструмента в современной системе управления и стратегирования социально-экономического развития. В этой связи в «Основах…» (п. 29) подчеркивается, что «основными инструментами системы стратегического планирования являются индикативное планирование…». В соответствии с «Основами…» в рамках практики индикативного планирования предусматривается формирование комплекса согласованных показателей, характеризующих состояние и цели социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, а также проведение балансовых расчетов и разработка на их основе мер для достижения поставленных целей и их ресурсной обеспеченности.

Однако в ФЗ №172 ни об индикативном планировании, ни о балансовых расчетах ничего не говорится. В этом смысле обращение к данным инструментам управленческих действий может быть расценено как незаконное. Этим блоком положений документа вообще очень трудно воспользоваться на практике, поскольку «вброс» идеи индикативности в аппарат теории и практики стратегического планирования, обозначенный в ФЗ №172, сразу же вызывает значительное число вопросов.

Прежде всего, «Основы…» не дают ответа на вопрос о соотношении индикативного и стратегического планирования, хотя формально «Основы…» нацелены на регулирование именно последнего. Так, не определено, является ли индикативное планирование универсальной сущностью стратегического планирования или только одной из его форм или одним из его инструментов. Допустимо ли в рамках социально-экономического стратегирования использование инструментов директивного планирования? Если да, то не ясно, как следует разграничивать индикативные и иные (директивные?) сегменты (методы) стратегирования в действующей практике управления. Наконец, не определена та специфика, которая характеризует взаимосвязь каждой из моделей планирования с налогово-бюджетной политикой государства. «Основы…» на этот счет никаких четких разъяснений не дают, отчего все адресации документа к идее индикативного планирования теряют всякий практический смысл, ибо просто дезориентируют управленческий аппарат всех уровней.

В некоторой упрощенной, но все же вполне правомерной формуле, признанной и зарубежной экономической наукой, всякое планирование является либо директивным (планирование советского типа), либо индикативным (форма планирования, присущая экономике преимущественно рыночного типа). Этот вопрос особо активно обсуждался в нашей экономической литературе 1990-х гг. – на рубеже 2000-х гг., когда необходимо было определиться с тем, чем, собственно, страна может и должна заменить методы директивного управления и планирования в экономике [12]. Одним из главных выводов в этом направлении исследований стали представления о том, что ни «директивное», ни «индикативное» планирование в чистом виде нигде не существуют. В зависимости от степени влияния разного рода дирижистских и либеральных идей относительно роли государства в экономике и социальной сфере всякое государственное управление основывается на комбинации элементов директивности и индикативности. Да и советское планирование, которое традиционно характеризовалось как жестко директивное, в действительности содержало своеобразные элементы индикативности в виде тенденции устойчивого невыполнения отдельных ключевых плановых (пятилетних) заданий, сложившейся еще с этапа первых советских пятилеток [13].

Законы и логика стратегического планирования

Наличие многих явных неопределенностей нормативно-правового регулирования важней-

ших аспектов деятельности в сфере государственного и муниципального управления в решающей степени определяется тем, что это регулирование развивается (формируется) логически неверно. Сложилась ситуация, когда в стране имеется закон о стратегическом планировании; имеется нормативно-правовой документ, определяющий основы государственной политики в данной сфере, а вот закон об основах плановой деятельности в целом отсутствует. Отсюда путаница в понятиях и границах директивного, индикативного и стратегического планирования; в системе присущих им институтов и инструментов; их согласования с параметрами налогово-бюджетной политики государства, соотношения планирования в публичном и частном секторах национальной экономики и пр.

Подобную ситуацию нельзя не рассматривать как реальную угрозу экономической безопасности страны за счет негативного влияния на качественные показатели функционирования системы государственного и муниципального управления. Как мы полагаем, в данном случае обеспечение требований экономической безопасности делает необходимой разработку и принятие федерального закона, определяющего всю практику плановой деятельности органов государственного и муниципального управления, а также ее взаимодействия с практикой планирования со стороны частных субъектов хозяйствования. Разумеется, в целом должна сложиться целостная и внутренне непротиворечивая система нормативно-правового регулирования социально-экономического планирования во всей совокупности присущих ее форм, институтов и инструментов. Однако опыт работы над «Основами…» показывает, что решить эту задачу будет весьма непросто.

С точки зрения потенциального воздействия «Основ…» на практику стратегического планирования на всех уровнях управления, повторимся, важно учитывать, что «Основы…» – не закон, а подзаконный нормативно-правовой акт Правительства РФ. Вносить какие-либо поправки в ФЗ № 172 или как-то иначе трактовать его ключевые понятия и регулирующие положения «Основы…» юридически неправомочны. Из этого обоснованно вытекает то, что при наличии каких-то противоречий или иных несоответствий между ФЗ № 172 (действующая редакция с последними по времени поправками 2020 года) и «Основами…» органы государственного и муниципального управления без сомнения должны руководствоваться именно законом, а не «Основами…». Сказанное в полной мере касается и получившего в последние годы широкое распространение регионального законодательства по стратегическому планированию.

Всех названных выше известных повторов и даже противоречий между ФЗ № 172 и «Основами…», конечно, было бы лучше избежать, но в целом они не имеют критического значения. В силу чрезвычайно общего характера постановок, даваемых в «Основах…», эти повторы и противоречия не могут серьезно негативно повлиять на практику государственного управления. Однако есть случаи, когда противоречия между двумя названными нормативно-правовыми документами действительно приобретают значимый деконструктивный характер. Это вопрос о составе документов стратегического планирования [14].

В ФЗ № 172 система таких документов представлена достаточно четко. В свою очередь, в «Основах…» она воспроизводится, но с известными модификациями, формально недопустимыми с точки зрения невозможности корректировать закон положениями подзаконного акта. Но в данном случае дело не в формальностях правового регулирования, а в содержательной стороне возникших противоречий.

Так, в числе документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне, ФЗ № 172 указывает на 4 позиции. Это:

– ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации;

– стратегия социально-экономического развития Российской Федерации;

– стратегия национальной безопасности, а также другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

– стратегия научно-технологического развития Российской Федерации.

В целом, «Основы…» повторяют эти позиции, однако с одной существенной корректировкой. Принципиальная со всех точек зрения позиция «Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации» здесь подменена такой крайне расплывчатой группировкой, как «документы стратегического планирования социально-экономического развития, определяющие национальные цели развития Российской Федерации, систему долгосрочных приоритетов и задач государственного управления, направленных на обеспечение устойчивого и сбалансированного социально-экономического развития».

Такая подмена кажется нам необоснованной, в том числе и с позиции усиления роли стратегического планирования как инструмента обеспечения требований национальной и экономической безопасности.

Во-первых, невозможно просто так «отбросить» стратегию социально-экономического развития как базовый документ стратегического планирования, согласно положениям ФЗ № 172. Например, Стратегия национальной безопасности однозначно указывает на ФЗ № 172 как одну из своих основ, что, следовательно, в полной мере относится и к тем ключевым документам стратегического планирования, которые этот закон предусматривает. Прежде всего, это касается именно «базовой» стратегии социально-экономического развития страны.

Во-вторых, в настоящее время представленный в ФЗ № 172 перечень данной категории федеральных документов стратегического характера носит «закрытый» характер. Это означает, что любые изменения и дополнения в данный перечень могут быть внесены только на законодательной основе. На деле это означает, что названный выше перечень, представленный в «Основах…», до внесения соответствующих изменений в ФЗ № 172, по сути, юридически несостоятелен. Не ясно, почему законодатель не смог своевременно обеспечить такое соответствие нормативно-правовых документов.

В-третьих, данная в «Основах…» такая формулировка, как «документы стратегического планирования социально-экономического развития, определяющие национальные цели развития Российской Федерации, систему долгосрочных приоритетов и задач…», явно «размывает» единое представление о сути и статусе документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне. Такая ситуация создает возможность все более и более дополнять круг документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания на федеральном уровне, все новыми разработками, ключевые требования к которым четко не сформулированы, в т.ч. с точки зрения взаимной согласованности и нацеленности на конкретные требования стратегий безопасности.

В-четвертых, не ясно, должны ли эти вновь инициируемые документы отвечать принципам стратегического планирования, установленным в ФЗ № 172. Более того, нет полной убежденности в том, что эти документы вообще смогут сыграть роль полноценного замещения «базовой» стратегии. Ведь речь идет о документе, для которого должно быть характерно не только общее целеполагание, но и четкое обозначение механизмов реализации стратегических целей развития, а также определение необходимых для этого экономических, информационных, институциональных и иных ресурсов.

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что рассматриваемые «Основы…» не решают главной задачи – развить и конкретизировать практику стратегического планирования как в целом, так и с точки зрения особой роли стратегического планирования как ведущего механизма обеспечения требований национальной и экономической безопасности. Формально, «Основы…», как и ФЗ № 172, буквально «перенасыщены» ссылками на проблематику безопасности. Однако, как и в законе, эти ссылки имеют чрезвычайно общий, малоконкретный характер. Другими словами, негативный смысл имеет то, что по сравнению с действующими нормативно-правовыми документами «Основы…» не дают дальнейшей конкретизации того, через какие государственные программы, проекты и пр. будет происходить реализация основных требований национальной безопасности социально-экономического характера. По сути, вырисовывается картина: «в целом везде, но нигде конкретно».

С целью решения этой задачи известный исследователь проблем национальной и экономической безопасности проф. В.К. Сенчагов предлагал, помимо прочего, включать в государственные программы, проекты и иные подобные целеустановочные документы специальный раздел, отражающий то, какие задачи и в какой мере решает тот или иной документ в сфере обеспечения требований безопасного развития страны. Так, В.К. Сенчагов и Е.А. Иванов указывали: «В каждом документе стратегического планирования (стратегиях социально-экономического развития страны и регионов, отраслевых стратегиях, программах, всех видах прогнозов) необходимо в специальных разделах показывать, как планируемое или прогнозируемое развитие изменит уровень экономической безопасности» [15]. Как мы полагаем, это предложение остается актуальным и значимым и в настоящее время.

В «Основах…» не видно столь значимых в современных условиях механизмов, обеспечивающих высокую адаптивность целей и методов стратегического планирования к быстро меняющимся внешним и внутренним условиям развития страны, в т.ч. в контексте экономических и иных слагаемых этих условий. В ситуации, когда факторы неопределенности заметно усиливаются, та модель стратегического планирования, которая представлена в «Основах…», на деле создает риски неадекватных управленческих действий как реальную угрозу национальной и экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271//.

2. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant. ru/products/ ipo/prime/doc/71572608/.

3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841.

4. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Новый этап в развитии государственной политики в сфере стратегического планирования // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–23.

5. Андрианов К.Н., Любимов А.П., Побываев С.А. и др. Необходимость и дальнейшие направления развития системы стратегического планирования социально-экономического развития в РФ // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 102 (176–177). С. 35–41.

6. Бухвальд Е.М. Макрорегионы и мезоуровень экономической безопасности России // Экономика и безопасность. 2019. № 1. С. 82–91.

7. Законопроект № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/.

8. Афиногенов Д.А., Виноградова Е.В., Полякова Т.А. Развитие государственной политики в области стратегического планирования в Российской Федерации: публично-правовые и научно-методологические проблемы и приоритеты // Правовая политика и правовая жизнь 2021. № 4. С. 23–37.

9. Афиногенов Д.А., Назаров В.П. О некоторых неотложных задачах по совершенствованию государственной политики в области стратегического планирования // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 16–26.

10. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // В сб.: Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем / Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. Санкт-Петербург, 2021. С. 105–111.

11. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. Утверждены Указом Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 [Электронный ресурс]. URL: http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-633-ot-8-nojabrja-2021-goda-08-11-2021.html (дата обращения: 30.03.2022).

12. Петров А.Н., Демидова Л.Г., Климов С.М. Индикативное планирование: теория и пути совершенствования. СПб.: Знание, 2000. 94 с.

13. Резников А.О. План ГОЭЛРО и первые советские пятилетки // В сб.: Экономика и общество: перспективы развития. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2019. С. 187–192.

14. Бухвальд Е.М. Основы государственной политики в сфере стратегического планирования: нерешенные проблемы // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 1. С. 32–49.

15. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Закон о стратегическом планировании и задачи по его реализации // Вестник Финансового университета. 2015. № 3 (87). С. 49.

VARIATIONS OF STRATEGIC PLANNING AND THE RISKS TO RUSSIA'S ECONOMIC SECURITY

***E.M. Bukhvald,*[1] *D.N. Lapaev*[2]**

[1]Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
[2]Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

Strategic planning practice as the basis for managing economic and social processes in the country at the long-term perspective at the same time acts as the most effective mechanism for ensuring its economic security. However, this condition is met only if the practice of strategic planning is implemented simultaneously and coordinated at all levels of management, basing on a qualitative legal and methodological basis, and at the same time is fully provided with the necessary economic resources. The eight years which have passed since the adoption of Federal Law No.172 on strategic planning in the Russian Federation (hereinafter referred to as Federal Law No.172) have shown that the practical transition from declarations and formal regulations to the realities of strategic management turned out to be more difficult than it could have been initially assumed. As shown in the article, the presence of many gaps in ensuring the practice of strategic planning not only disavows such planning as a mechanism for ensuring economic security, but also in itself can create threats to such security.

Keywords: strategic planning; economic security, risks and threats of stable development; legislative support.

УДК 338.2, 316.4
DOI 10.52452/18115942_2022_2_14

ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЫ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДИНАМИКУ РОСТА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

© 2022 г.

С.Г. Захарова, С.Н. Яшин, С.В. Туманов

Захарова Светлана Германовна, к.э.н.; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
svetlana-nngu@mail.ru
Яшин Сергей Николаевич, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
jashinsn@yandex.ru
Туманов Сергей Вячеславович, директор Издательского центра Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова
serg.tmnv@gmail.com

Статья поступила в редакцию 14.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Обоснована необходимость изучения интеграционных процессов между субъектами социально-экономического взаимодействия. Предложены основные направления трансформации процессов управления, определяющие перманентность инновационной среды. На основе факторного подхода к управлению качеством жизни населения представлена модель классификации процессов интеграции в системе взаимодействия субъектов социально-экономических отношений и определены формы интеграционных процессов в социально-экономическом развитии. Рассмотрены различные подходы к изучению национальной инновационной системы, в том числе подход к расчёту глобального инновационного индекса, представлены результаты исследования GII России по элементам модели. Рассмотрена связь национальной инновационной системы с комплексом социально ориентированных программ, направленных на динамический рост качества жизни населения. Представлен сравнительный анализ показателей качества жизни населения за 2018–2020 гг. в концепции факторного подхода к управлению качеством жизни населения, подтверждающий положительные тенденции. Обоснована модель исследования интеграционных процессов, направленных на качество жизни населения, в условиях инновационной среды.

Ключевые слова: интеграционные процессы, инновационная среда, трансформации процессов управления, качество жизни населения, моделирование, инновационные технологии, национальная инновационная система, глобальный инновационный индекс.

Введение

Кардинальные изменения как в модели социально-экономического развития страны, так и в системе государственного управления требуют трансформации интеграционных процессов между субъектами социально-экономического взаимодействия. Рассматривая интеграционные процессы как экономическую категорию, связанную с повышением уровня благосостояния всех субъектов социально-экономических отношений, в том числе населения, следует отметить динамичный характер их перманентных изменений. С момента принятия новой Конституции Россия живет в состоянии перманентно-инновационной среды, т.е. среды, подверженной постоянным, непрерывно продолжающимся переменам. Систематизация достижений в сфере разработки и принятия решений в управлении инновациями необходима для устойчивого развития страны, кроме того, стоит активно использовать конструктивный опыт внедрения западных моделей решения проблем в практику управления российской экономикой, не дублируя, а трансформируя перспективные научно-технические и инновационные разработки. Трансформация предполагает широкое внедрение математического аппарата, использование инновационных экономико-математических моделей в принятии решений и требует постоянных инновационных преобразований, что отражается в разных аспектах уровня и качества жизни населения Российской Федерации [1]. Требуется постоянная интеграция стратегического и пространственного управления социально-экономическими системами регионов России.

Теоретико-методологические подходы

Авторами выделены основные направления трансформации инновационной среды, которые представлены на рис. 1.

Рис. 1. Основные направления трансформации процессов управления, определяющие перманентность инновационной среды РФ (разработано авторами)

Рис. 2. Классификация процессов интеграции в системе взаимодействия субъектов социально-экономических отношений (разработано авторами)

Вместе с тем интеграционные процессы имеют свой экономический механизм, включающий особую специфику управления, своеобразные формы и методы, хозяйственные и правовые основы.

Основываясь на факторной модели управления качеством жизни населения РФ [2], авторами разработан подход, позволяющий обосновать классификацию интеграционных процессов, происходящих в системе социально-экономических взаимодействий (рис. 2). На основе данного подхода предложена классификация процессов интеграции в системе взаимодействия субъектов социально-экономических отношений.

На основе представленной классификации определены формы интеграционных процессов в социально-экономическом развитии и дана их характеристика с позиций качества жизни населения, поскольку именно качество жизни населения является главным ценностным маяком социально ориентированного государства [3].

Интеграционные процессы взаимодействия субъектов социально-экономических отношений, с одной стороны, неразрывно связаны со свободой реализации собственных факторов производства в экономической деятельности и получения доходов, не ограниченных трудовыми доходами.

Определяя горизонтальную интеграцию как процесс объединения субъектов социально-экономического взаимодействия, действующих в рамках интересов по достижению собственных целей, интеграционные процессы, которые осуществляются по горизонтали, представляют собой взаимодействия различных субъектов социально-экономических отношений, к которым относятся население, бизнес, органы местного самоуправления, государство.

С другой стороны, интеграционные процессы связаны с экономической деятельностью, определяя тем самым вертикальную интеграцию как процесс объединения факторов производства в экономической деятельности, действующих в отраслях с устойчивыми связями и универсальными механизмами партнёрства.

В настоящее время редко встречаются «чистые» формы горизонтальной и вертикальной интеграции. Чаще всего в экономической деятельности используется конгломератная форма интеграционных процессов. Конгломератная интеграция характеризуется диверсификационным подходом и обусловлена проникновением разрозненных, беспорядочно организованных элементов экономической системы различных отраслей в другие, не имеющие видимой производственно-экономической связи между собой. Это связано в первую очередь со сквозными технологиями по эффективному перераспределению факторов производства в экономической деятельности. Достижение сбалансированности использования всех видов факторов производства в результате конгломератной интеграции обеспечивает максимизацию доходов от собственности.

Интеграционные процессы в России активно развиваются в условиях внедрения системы корпоративного управления в отраслях общественного хозяйства и оказывают существенное влияние на динамику роста качества жизни населения. Интеграционные процессы характеризуются в том числе транснационализацией капитала из стран с его относительным избыточным количеством в страны, где он находится в дефиците, но в избытке имеются другие факторы производства (труд, земля, полезные ископаемые), которые не могут быть рационально использованы в воспроизводственных процессах из-за нехватки капитала [4]. Инструменты и методы коммерциализации инноваций в современной концепции менеджмента весьма многообразны [5]. Вместе с тем интеграционные процессы не исключают использования основных принципов диверсификации капитала между различными группами активов с целью минимизации рисков получения доходов.

Исследования развития интеграционных процессов в динамике современных общественных отношений позволяют выявить определенные характерные тенденции и факторы, обеспечивающие социально ориентированное управление в России. Материальные, природные, трудовые и финансовые ресурсы сосредоточены и реализуются в условиях корпоративного управления. Понимание важности интеграционных процессов в современном обществе, специфика их развития и особенности российской специфики диктуют необходимость разработки методологии исследования интеграционных процессов регионов России, направленных на повышение качества жизни населения. Безусловно, роль и значение интеграционных процессов в развитии экономики и выполнении социальных функций, направленных на повышение качества жизни населения, чрезвычайно высоки, а регулирование баланса интересов всех субъектов социально-экономических отношений отводится органам государственного управления.

Вопросы регулирования интеграционных процессов, особенно в инновационной деятельности, весьма актуальны для современного общества и, безусловно, должны быть подвержены влиянию со стороны государственного управления [6]. Особую актуальность приобретают современные прогрессивные способы управления развитием инновационных промышленных кластеров, основанные на математических моделях их развития [7].

Оценку национальной инновационной системы логично начать с результатов оценки показателей расчёта глобального инновационного индекса, который предусматривает как оценку возможностей для реализации инноваций, так и сами результаты инноваций [8].

Результаты исследования международного инновационного индекса по элементам модели, связанные с оценкой национального инновационного индекса России за период 2018–2020 гг., представлены на рис. 3.

Исследование авторов показало, что активизация государственной инновационной политики в ограниченных условиях пандемии в России не дала желаемого скачка результатов. Сохраняя и наращивая свои показатели по таким элементам, как человеческий капитал, уровень развития бизнеса, развитие технологий, рейтинг национального инновационного индекса России в сравнении с другими странами всё же снизился с 46-го до 47-го места.

Результаты, представленные на рис. 3, подтверждают мнение учёных НИУ ВШЭ, которые считают, что отставание России от стран-лидеров традиционно определяет низкая эф-

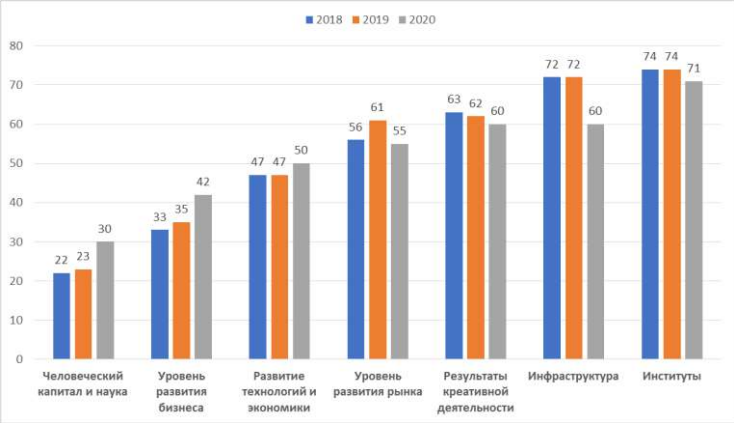

Рис. 3. Рейтинг России по элементам инновационного индекса 2018–2020 гг. [9]

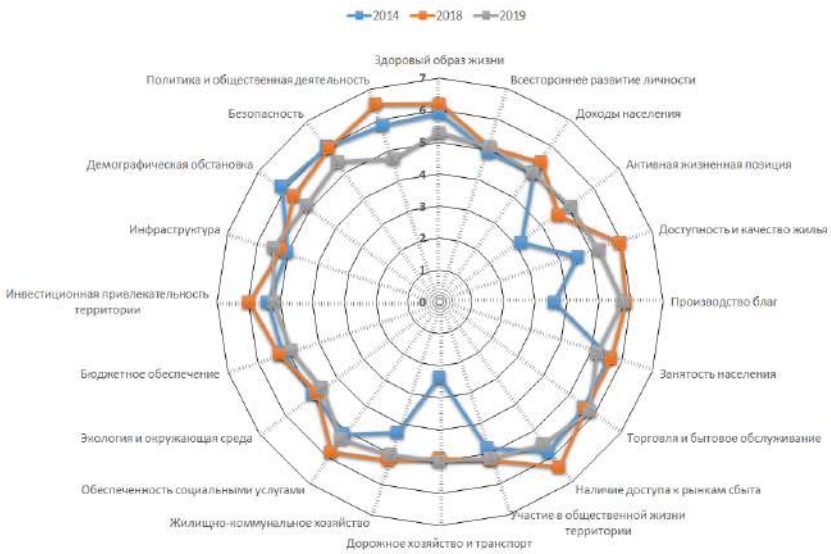

Рис. 4. Оценка показателей качества жизни населения РФ
в концепции факторного подхода (исследование авторов)

фективность институтов, формирующих условия для предпринимательской и творческой деятельности [10].

Позиции России по компонентам «возможности инновационной среды» достаточно высоки и занимают 42-е место в общем рейтинге среди 131 страны и лишь на 58-м месте по компонентам «результаты инновационной деятельности». Вместе с тем в контексте воздействия на устойчивое развитие страны скорость институциональных изменений и низкая инновационная восприимчивость общества рассматриваются как риски [11].

Исследования учёных Бостонской консалтинговой группы весьма интересны и показательны, а глубокий анализ даёт возможность разработать целевые программы инновационного развития страны на ближайшую перспективу [12]. Однако национальную инновационную систему как совокупность возможностей и результатов развития невозможно рассматривать в отрыве от национальных целей и стратегических задач развития России до 2024 года. Весь комплекс социально ориентированных программ направлен на положительный динамический рост качества жизни населения. Социологические исследования качества жизни населения за тот же период 2018–2019 гг. показали положительную динамику практически по всем показателям в период до пандемии коронавируса, а следовательно, направляющее воздействие внедряемых в России инновационных программ имеет свои результаты, но они отражены в другом социальном разрезе, а именно в показателях качества жизни населения [3]. Результаты социологического исследования, которые ежегодно проводятся на базе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, представлены на рис. 4. Для сравнения представлены результаты исследования за 2014 год. Ежегодная выборка составляет более 1800 респондентов с высшим и неоконченным высшим образованием различных специальностей и социаль-

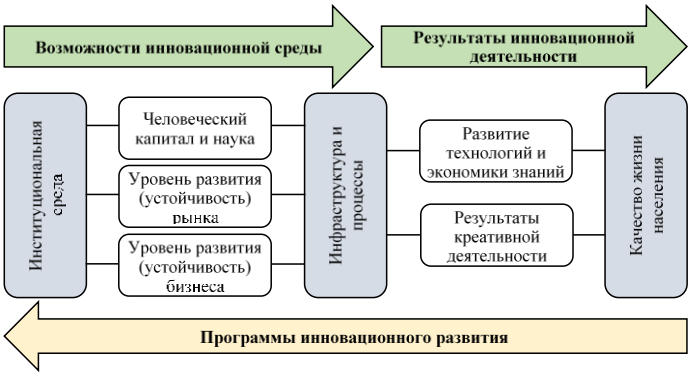

Рис. 5. Модель исследования интеграционных процессов, направленных на качество жизни населения, в условиях инновационной среды (разработано автором)

ных групп, преимущественно проживающих на территории Нижегородской области. Следует отметить, что оценка 5 баллов обозначает базовую оценку показателя прошлого года, все значения выше 5 баллов означают рост показателей по сравнению с предыдущим годом. Оценка ниже 5 показывает снижение показателей оценки по сравнению с предыдущим годом. В данном исследовании не учтено деление респондентов по категориям, а результаты представлены за период 2014, 2018 и 2019 гг. в сравнении со средней оценкой интегрального показателя качества жизни населения.

Мнение о том, что инновации являются ключевой движущей силой устойчивого развития, широко признано учёными и политиками всего мира. Согласно многочисленным исследованиям, инновации имеют положительную и значимую взаимосвязь с социально-экономическими основами устойчивого развития, кроме того, являются средством достижения многих целевых показателей развития [13]. Чаще всего используется системный подход к инновациям, который доминирует в научной литературе. Указывая проблемные зоны в инновационном развитии регионов страны, данный подход способен влиять на политические решения [14].

Исследования проблем и перспектив международной экономической интеграции позволяют оценить результаты интеграционных процессов с позиций взаимодействия стран, даются оценки условий, возможностей и особенностей развития [3], но исследования не рассматривают влияние этих процессов на качество жизни населения, хотя отмечаются отдельные положительные эффекты, отражающие рост социально-экономических показателей. По мнению авторов исследования, модель оценки интеграционных процессов, учитывая российскую специфику перманентной инновационной среды, необходимо доработать с позиций социально ориентированного государства. Модель можно представить в виде рис. 5, добавив ещё один важнейший элемент «качество жизни населения» к элементам, заложенным в модели расчёта глобального инновационного индекса.

Заключение

Использование данной модели позволит установить связь качества жизни населения с воздействующими факторами со стороны государства в области инноваций. Модель даёт возможность использовать мировые исследования в разрезе собственной социально ориентированной политики, направленной на рост качества жизни населения, разрабатывая точечные целевые программы развития.

В рамках подходов к технологическому прогнозированию саморазвивающихся и самоорганизующихся систем требуются улучшения со стороны управления наукой и инновационными процессами, где особая роль отводится предельно эффективным технологиям, имеющим эталонно-синергетическую природу [15].

Исследование выполнено в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект Н-426-99_2022-2023 «Социально-экономические модели и технологии развития креативного человеческого капитала в инновационном обществе».

Список литературы

1. Кулапов М.Н. Интеграция стратегического и пространственного управления социально-экономическими системами регионов // Цифровая экономика: тенденции и перспективы развития: Сборник тезисов докладов национальной научно-практической конференции: в двух томах. М., 2020. С. 169–171.

2. Захарова С.Г., Борисов С.А. Оценка условий формирования среднего класса России с позиций факторной модели управления качеством жизни населения // Вестник Нижегородского университета

им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 1 (49). С. 14–25.

3. Управление качеством жизни населения: Монография / Под общ. ред. С.Г. Захаровой. Н. Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2019. 157 с.

4. Мантусов В.Б. Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Мировая экономика». М., 2011. Сер. «Мировая экономика и МЭО».

5. Великороссов В.В., Колесников А.В., Кулапов М.Н., Коречков Ю.В. Инструменты и методы коммерциализации инноваций в современной концепции менеджмента. М.: Изд-во «КноРус», 2019.

6. Матакова Д.Н. Регулирование интеграционных процессов на государственном уровне // В сб.: Конкурентоспособность территорий: Материалы XX Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов. В 8 частях / Отв. за вып. Я.П. Силин, Е.Б. Дворядкина. 2017. С. 196–199.

7. Яшин С.Н., Трифонов Ю.В., Кошелев Е.В. Формирование механизма управления инновационным развитием региона: Монография. Н. Новгород: Печатная мастерская Радонеж, 2017. 276 с.

8. Россия в зеркале международных рейтингов. Информационно-справочное издание / Отв. ред. В.И. Суслов; ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2015; Автограф, 2015. 115 с.

9. База данных Глобального инновационного индекса. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2020/

10. Гохберг Л. Комментарии по материалам публикации Глобального инновационного индекса 2020. URL: https://issek.hse.ru/news/396120793.html.

11. Aleinikov A., Maltseva D., Safonova O., Dedul A., Kosareva D. The National Innovative System Development Strategy as the Institutional Framework of Sustainable Development: Features and Risks of Russian Model // SHS Web of Conferences 94. State. Politics. Society 2020. 2021. 010.

12. Глобальный инновационный индекс, Корнельский университет, INSEAD и ВОИС, 2020. Кто будет финансировать инновации / главные выводы. URL: https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII_2020_KeyFindings_RU_web.pdf.

13. Sema Yiğit. An Empirical Perspective on the Relationship Between Innovation Performance and Sustainable Development // Ege Akademik Bakis (Ege Academic Review) February 2021.

14. Paul Lewis. The innovation systems approach: an Austrian and Ostromian perspective // The Review of Austrian Economics. 2021. **34.** P. 97–114.

15. Кулапов М.Н., Варфоломеев В.П., Карасев П.А. Технологические аспекты теории управления инновационными процессами: системный анализ и подходы к моделированию // Друкеровский вестник. 2018. № 3 (23). С. 82–100.

THE FORMATION OF AN INNOVATIVE ENVIRONMENT FOR THE INTEGRATION PROCESSES THAT ENSURE THE GROWTH DYNAMICS OF LIFE QUALITY OF THE POPULATION IN THE REGIONS OF RUSSIA

***S.G. Zakharova,*[1] *S.N. Yashin,*[1] *S.V. Tumanov*[2]**

[1]Lobachevsky University of Nizhny Novgorod
[2]Linguistics University of Nizhny Novgorod

The article substantiates the need to study the integration processes between the subjects of socio-economic interaction. The main directions of transformation of management processes that determine the permanence of the innovation environment are proposed. Based on the factor approach to managing the quality of life of the population, a model of classification of integration processes in the system of interaction of subjects of socio-economic relations is presented and the forms of integration processes in socio-economic development are determined. Various approaches to the study of the national innovation system, including the approach to calculating the global innovation index, are considered, the results of the GII Russia study on the elements of the model are presented. The connection of the national innovation system with a complex of socially oriented programs aimed at the dynamic growth of the quality of life of the population is considered. A comparative analysis of indicators of the quality of life of the population for the period 2018-2020 is presented, in the concept of a factor approach to managing the quality of life of the population, confirming positive trends. The model of the study of integration processes aimed at the quality of life of the population in an innovative environment is substantiated.

Keywords: integration processes, innovation environment, transformation of management processes, quality of life management, modeling, innovative technologies, national innovation system, global innovation index.

УДК 339.9+338.45+ 911
DOI 10.52452/18115942_2022_2_20

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИРОВОГО РЫНКА АТОМНОЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ: ПОТРЕБЛЕНИЕ, МОЩНОСТИ, ГЕНЕРАЦИЯ

© 2022 г.

С.В. Пацала, Н.В. Горошко

Пацала Сергей Викторович, старший преподаватель кафедры географии, регионоведения и туризма Новосибирского государственного педагогического университета
s-pacala@mail.ru
Горошко Надежда Владимировна, к.геогр.н.; доц.; доцент кафедры географии, регионоведения и туризма Новосибирского государственного педагогического университета;
доцент кафедры гигиены и экологии Новосибирского государственного медицинского университета
goroshko1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Атомная энергетика продолжает занимать в мировом хозяйстве важные позиции, оставаясь одним из перспективных направлений. События последнего десятилетия (колебания мировых цен на углеводородное топливо, катастрофа на АЭС «Фукусима», отказ целого ряда стран от планов дальнейшего развития ядерной электроэнергетики) оказали негативное воздействие как на динамику развития рынка атомной электроэнергии, так и на его географическую структуру. Это определяет необходимость провести «ревизию» пространственной картины рынка с опорой на современную статистическую информацию. На основе актуальных данных Всемирной ядерной ассоциации проведён анализ географической структуры мирового рынка атомной электроэнергии (потребления, мощностей, производства) в разрезе ключевых государств, регионов мира и типов стран. Произведён расчёт душевого производства «атомной» электроэнергии в странах мира. Показано место России в мировой атомной отрасли. Одним из важных результатов исследования является создание актуального картографического материала, отражающего пространственную структуру рынка на современном этапе его развития. Основными методами исследования были выбраны анализ статистических материалов, характеризующих пространственную структуру рынка атомной электроэнергии, метод сравнительного анализа и картографический метод. За последние годы в географической структуре рынка атомной электроэнергии произошли эволюционные, но знаковые изменения. Из развитых государств Западной Европы и Северной Америки мировой полюс развития смещается в регионы Азии и Восточной Европы (включая Российскую Федерацию), где концентрируется 40% строящихся ядерных реакторов. Исследование географической структуры атомного электроэнергетического рынка позволяет говорить о формировании устойчивой группы мировых лидеров: США, Китая, Франции, Японии, России, Республики Корея.

Ключевые слова: атомная электроэнергетика, атомные электростанции, мировой рынок электроэнергии.

Введение

Проблемы энергообеспечения являются наиболее актуальными в мировой экономике. Запасы ископаемого топлива исчерпаемы. Этот факт во второй половине XX в. вызвал особый интерес к ядерной энергетике. Как предполагалось, ядерная энергия позволит вырабатывать электричество в огромных количествах и баснословно дёшево. Однако после Чернобыльской и Фукусимской катастроф интерес к атомным электростанциям сменился недоверием. Вместе с тем дефицит нефти продолжает усиливаться. Невозобновляемость важнейших энергетических ресурсов, используемых человечеством, заставляет его задуматься о всё более активной эксплуатации альтернативных источников энергии – ветра, Солнца, тепла земных недр. Однако необходимые для этого технологии пока ещё развиты недостаточно, да и географические условия накладывают существенные ограничения на возможности их использования. Поэтому атомная энергетика продолжает занимать в мировом хозяйстве важные позиции и пока не собирается их сдавать, оставаясь одним из самых перспективных направлений.

События последнего десятилетия (колебания мировых цен на углеводородное топливо, авария на АЭС «Фукусима» 2011 года, отказ целого ряда стран от планов дальнейшего развития ядерной электроэнергетики) оказали значительное воздействие как на динамику развития рынка атомной электроэнергии, так и на его географическую структуру. Это определяет необходимость провести «ревизию» пространственной картины рынка, используя наиболее актуальные статистические данные.

Цель исследования: характеристика географической структуры мирового рынка атомной электроэнергии (потребления, мощностей,

Рис. 1. Структура мирового производства электроэнергии по видам топлива (%, 2017 г.) [2]

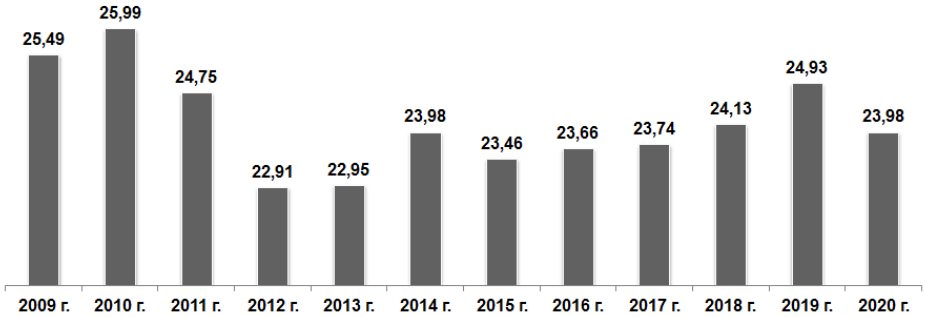

Рис. 2. Мировое потребление атомной энергии (эксаджоулей) [5]

производства) на основе актуальной статистической информации. Одним из важных результатов данной работы является подготовка актуального картографического материала, отражающего пространственную структуру рынка на современном этапе его развития.

Информационной базой исследования послужили документы и статистические материалы Всемирной ядерной ассоциации (WNA), компании BP, Государственной корпорации «Росатом». Основными методами исследования были выбраны анализ статистических материалов, характеризующих пространственную структуру рынка атомной электроэнергии, метод сравнительного анализа и картографический метод.

Теоретико-методологические подходы

В структуре мирового топливно-энергетического баланса атомная энергия появилась в середине 50-х годов XX века, когда в СССР в 1954 году вступила в строй первая на планете опытная Обнинская атомная электростанция. После чего началась эпоха расцвета атомной электроэнергетики (особенно бурно протекал этот процесс в экономически развитых странах, где наблюдался дефицит традиционных энергоресурсов), продолжавшаяся до середины 1980-х годов, когда после аварии на Чернобыльской АЭС резко усилилось негативное отношение общественности к её развитию. Вследствие чернобыльской аварии программы развития атомной энергетики во многих странах были свёрнуты или сокращены.

Однако концепция развития атомной энергетики в принципе сохранила своё значение, хотя надежды, что она станет ключевым источником энергоснабжения в мире, не оправдались. А когда человечество реально столкнулось с проблемой энергодефицита, истощения ресурсов нефти и газа и их существенного удорожания, то начался процесс повторного разворота экономики в сторону использования потенциала атомных электростанций, своеобразный «атомный ренессанс». В структуре мирового производства электрической энергии доля атомной генерации в 1970 г. составляла 1.4%, но уже в 1993 г. эта цифра возросла до максимальных 17.7% [1]. В последующие годы доля снижалась и сегодня составляет 10.3% (рис. 1). Примерно таковой она и сохранится в ближайшие десятилетия, составив около 10% в 2040 году [3].

Активизация деятельности противников атомной энергетики, особенно после ряда громких аварий на АЭС в разных странах мира (Чернобыльская АЭС, АЭС «Фукусима» и др.), сказалась на замедлении темпов её развития при одновременном ускоренном развитии так называемой «зелёной энергетики». Ряд государств даже законсервировали свои программы по развитию ядерной отрасли. Так, в Германии в 2011 году было принято решение не продлевать сроки эксплуатации всех атомных электростанций. В марте того же года о введении моратория на строительство АЭС объявили власти Италии. К 2034 году должна вывести из эксплуатации все свои АЭС Швейцария. О планах остановки всех атомных реакторов заявили в Бельгии [4].

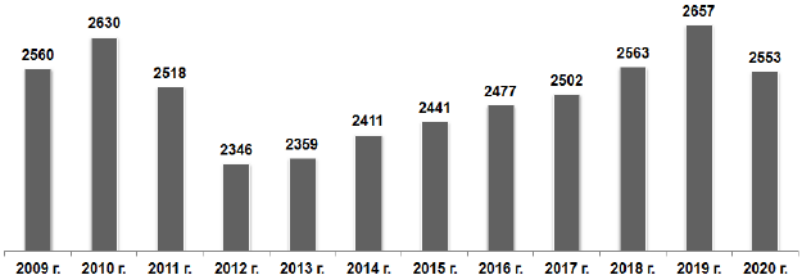

Рис. 3. Мировое производство электроэнергии на АЭС (млрд кВт·ч) [6]

Таблица 1

Государства с максимальными и минимальными годовыми темпами роста потребления на рынке атомной генерации (%, 2020 г.)

Максимальный рост		Минимальный рост	
Аргентина	25.5	Япония	–34.9
ЮАР	13.7	Бельгия	–21.6
Республика Корея	9.1	Швеция	–19.1
Китай	4.3	Германия	–14.8
Нидерланды	3.8	Франция	–11.9
Российская Федерация	2.7	Великобритания	–11.1

Составлено авторами по [5].

Несмотря на снижение доли ядерной генерации в мире, объёмы как производства, так и потребления атомной энергии снова начали возрастать после «паузы», вызванной «фукусимской» аварией (рис. 2–3).В соответствии с Прогнозом развития мировой энергетики, структура глобального энергопотребления будет становиться всё более диверсифицированной и сбалансированной: к 2040 г. произойдёт постепенное выравнивание долей ископаемых видов топлива при сохранении удельного веса атомной энергии и существенном росте доли возобновляемых источников [7].

На динамику развития отрасли и её пространственную структуру воздействие оказывают два разнонаправленных тренда: нисходящий – в экономически развитых странах, где потребление произведённого на атомных электростанциях электричества сокращается, и восходящий – в развивающихся (табл. 1) [8]. Так, за период 2009–2019 годов средние темпы роста потребления в ЕС составили –1.3%, в странах ОЭСР упали до –1.8%, достигнув своих крайних минимальных значений в Японии (–13.8%), Германии (–6.2%) и Великобритании (–2.6%). В то же время в развивающемся мире за этот период рост потребления составил 5.6%, достигнув максимума в Китае (16.7%), Пакистане (13%), Индии (9.7%).

Своего исторического пика глобальное потребление достигло в 2006 году, исторического минимума – в 2012 году. В 2020 году темпы роста потребления составили –4.1%, а за период 2009–2019 годов – –0.2%. Максимум производства электрической энергии на АЭС пришёлся на 2006 год, когда глобальная генерация достигла 2658 млрд кВт·ч, в 2012 году вслед за аварией в Японии производство обвалилось до 2346 млрд кВт·ч [5].

Рост мирового населения и глобальной экономики, сопровождающиеся увеличением потребления электрической энергии более чем в 1.5 раза до 2050 г. и возрастанием объёма накопленных парниковых газов, будут выступать основными драйверами развития атомной отрасли в мире. Так, в ближайшие 50 лет население Земли будет потреблять энергии больше, чем израсходовало за всю предыдущую историю своего развития [9].

Отрасль вновь переживает подъём, а спрос на ядерную энергию с каждым годом снова растёт, особенно со стороны ключевых государств развивающегося мира, обладающих энергетическим рынком огромной ёмкости. И хотя крупнейшими потребителями ядерной энергии по-прежнему выступают ведущие промышленно развитые страны мира (рис. 4), но самые высокие темпы роста её потребления показывают развивающиеся государства. Именно развивающийся мир выступает сегодня главным драйвером развития ядерной генерации (см. табл. 1), в то время как в развитых странах наблюдается значительное снижение выпуска электроэнергии на АЭС, что компенсируется активизацией использования нетрадиционных источников энергии.

Географическая структура спроса на атомную электроэнергию более сбалансирована и в относительно близких долях распределяется между тремя ведущими регионами мира: Европой (включая Россию), Северной Америкой и Азией. Африканский континент, за исключе-

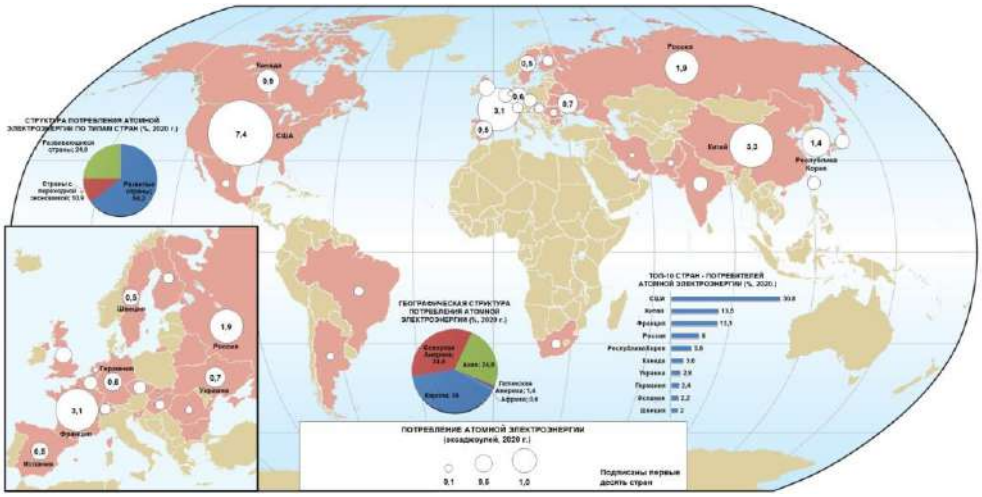

Рис. 4. Географическая структура мирового потребления атомной электроэнергии (составлено авторами по [5])

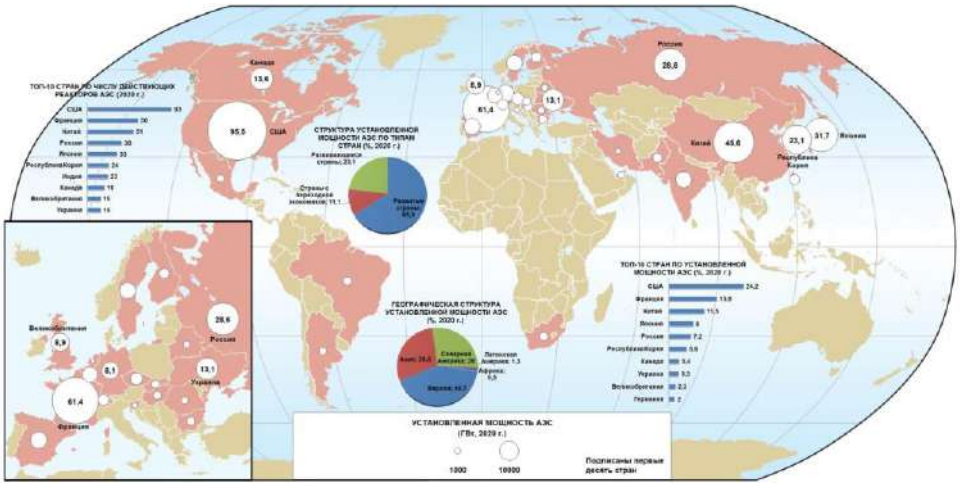

Рис. 5. Географическая структура мировой мощности АЭС (составлено авторами по [6])

нием ЮАР, практически незнаком с ядерной энергией. Единственным регионом мира, где ядерная электроэнергетика вообще отсутствует, остаётся Австралия и Океания.

Самым большим рынком сбыта для атомной генерации обладают США (31% мирового потребления), Китай, Франция, Россия и Республика Корея. Только на долю этих пяти стран приходится более 70% всего мирового потребления электричества, произведённого на АЭС. Знаковым событием в страновой структуре рынка потребления стало изменение позиции Китая, который обошёл Францию, заняв вторую строку глобального рейтинга крупнейших потребителей продукции ядерной генерации.

Суммарная мощность всех существующих на планете АЭС в 2020 году достигла 392 ГВт. После некоторого сокращения мощностей в «постфукусимский период» сегодня они устойчиво растут. Исключение составил, конечно, 2020 год, когда в условиях пандемии COVID-19 произошло падение спроса, что не могло не отразиться на сокращении мощностей ядерной энергетики и генерации.

Активное развитие атомной генерации в развивающихся странах, в первую очередь азиатских, привело к смещению Северной Америки со второй позиции в региональной структуре установленной мощности атомных электростанций на третью (рис. 5). Её же место следом за лидером – Европой – заняли государства Азии. По показателю установленной мощности АЭС в мире абсолютно лидируют США и Франция, на долю которых приходится 40% всех глобальных мощностей. Третье место, сместив с этой позиции Японию, теперь прочно удерживает КНР. По числу наиболее мощных атомных электростанций на планете выделяются Япония и Франция (табл. 2).

По величине установленной мощности атомных электростанций среди всех атомных генерирующих компаний планеты лидирует

Таблица 2

Топ-10 наиболее мощных АЭС мира (2021 г.)

АЭС	Страна	МВт	АЭС	Страна	МВт
Фукусима I и II	Япония	8814	Палюэль	Франция	5320
Касивадзаки-Карива	Япония	7965	Каттном	Франция	5200
Запорожская	Украина	6000	Брюс	Канада	4693
Йонван	Респ. Корея	5875	Охи	Япония	4494
Норд	Франция	5460	Уинтерсберг	США	3942

Источник [10].

Таблица 3

Топ-5 атомных генерирующих компаний мира (2015 г.)

№	Компания-оператор	Страна	Число блоков	Уст. мощность, нетто, МВт	Генерация в 2014 г., ГВт·ч (отпуск)
1	EDF	Франция	58	63 130	418001.40
2	АО «Росэнергоатом»	Россия	34	25443	168521.82
3	KHNP	Р. Корея	24	21674	169916.23
4	Exelon	США	22	21746	182161.63
5	НАЭК «Энергоатом»	Украина	15	13107	83122.78

Источник [11].

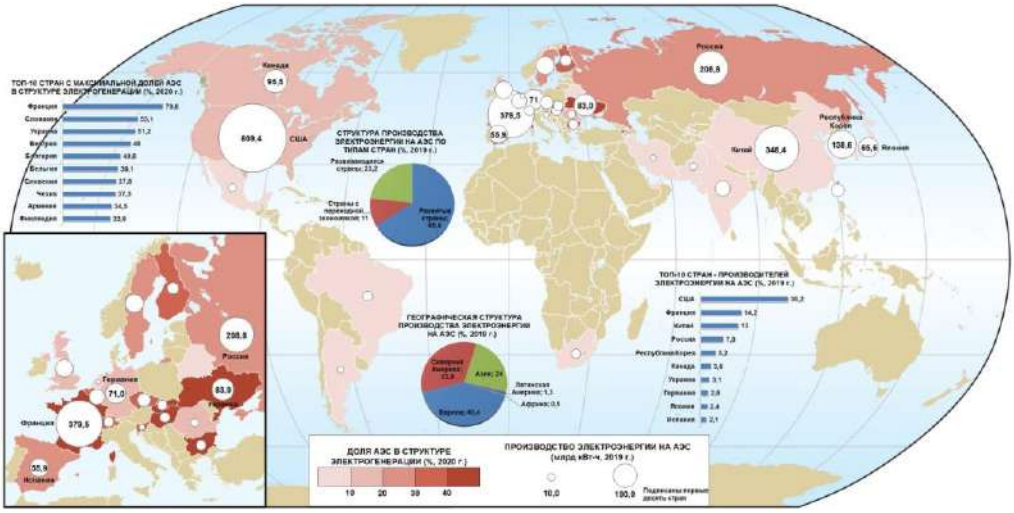

Рис. 6. Географическая структура мирового рынка атомной электрогенерации (составлено авторами по [2, 6])

французская EDF (74 ГВт, 19% от мировых), за которой вторую позицию занимает «Росатом» (26.2 ГВт, 7%) (табл. 3).

Электростанции с ядерными ректорами сегодня функционируют в 33 странах мира (2020 г.). На планете работают 443 ядерных энергоблока. Мировыми лидерами по количеству находящихся в эксплуатации энергоблоков являются США, Франция, Китай, Россия и Япония (см. рис. 5).

Географическая структура мирового рынка атомной электрогенерации (рис. 6) соответствует географии мощностей, с тем лишь принципиальным отличием, что среди лидирующей группы не оказывается ряда развитых государств планеты, обладающих значительными мощностями для производства. Так, из числа лидеров мировой десятки выпадают Япония и Великобритания.

Американские АЭС вырабатывают самое большое количество энергии на планете, за ними в лидирующую группу стран входят Франция, Китай, Россия и Республика Корея. Суммарно только три крупнейшие страны вырабатывают порядка 57% всей «атомной» электроэнергии, удельный же вес «топовой» пятёрки возрастает до 70%. Доля Европы в глобальной генерации только за последние пять лет снизилась на 5%, доля Северной Америки увеличилась на 3%, зато удельный вес Азии вырос на 8%. По прогнозам, к 2035 году атомные электростанции развивающихся государств будут генерировать больше электроэнергии, чем в развитых [3].

Удельные показатели наиболее точно позволяют оценить качественную сторону развития отрасли в той или иной стране. Если по масштабам атомной электрогенерации ряд развивающихся государств уже способен бросить вызов развитому миру, то в производстве электроэнергии на душу населения развитые страны добились больших успехов (табл. 4).

Таблица 4

Топ-10 стран по производству электроэнергии на АЭС на душу населения (кВт·ч, 2019 г.)

Страна	кВт·ч	Страна	кВт·ч
Франция	5814	Республика Корея	2703
Швеция	5535	Чехия	2671
Финляндия	4133	Словения	2645
Бельгия	3563	Канада	2530
Словакия	2821	США	2445

Рассчитано авторами по [6].

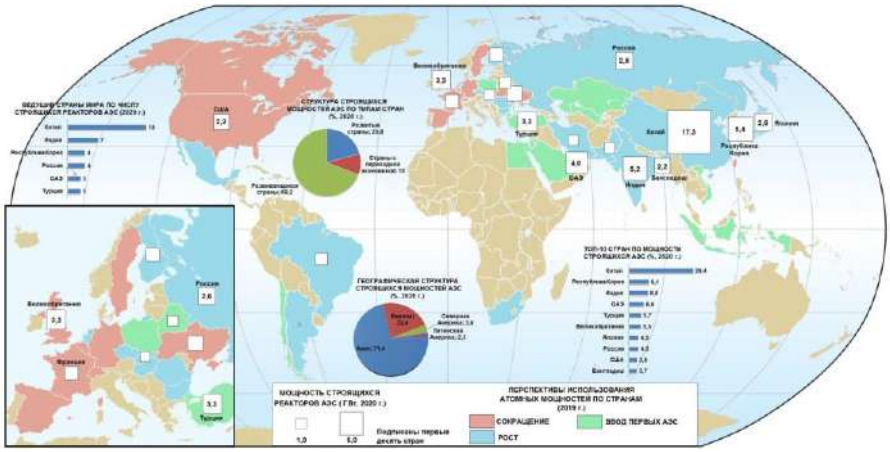

Рис. 7. Перспективные рынки атомной генерации (составлено авторами по [2, 6])

Наибольший удельный вес атомной генерации в структуре выработки электроэнергии принадлежит развитым странам, где наблюдается наиболее острый дефицит природных энергоресурсов [12]. Во Франции атомные станции производят 71% всего электричества в стране (в 2015 году эта доля составляла 76%). Более половины всей электроэнергии АЭС генерируют также в Словакии и на Украине (см. рис. 6). От 30 до 50% электроэнергии производится на атомных электростанциях в Венгрии, Болгарии, Бельгии, Словении, Чехии и ряде других стран. В Российской Федерации доля атомных электростанций в выработке электроэнергии постоянно растёт, составив в 2020 году 20.6%.

Растущий спрос на электрическую энергию в мировом хозяйстве требует строительства новых энергоблоков. И если в целом ряде стран Европы планы развития атомной энергетики под воздействием «зелёных» и общественного мнения пока не имеют больших перспектив (к странам, где в сфере атомной энергетики господствует государственная политика дискриминации, можно отнести Германию, Бельгию, Швейцарию, Тайвань, Италию, Австрию и ряд других), то в быстрорастущих экономиках развивающихся стран (особенно Азии) эпоха бурного развития атомной генерации только начинается. В Китае, Республике Корея, Индии, ОАЭ, Турции и целом ряде других государств мира разрабатываются и реализуются программы активного развития атомной электроэнергетики (рис. 7). Около 70% всех строящихся мощностей АЭС приходится на долю развивающегося мира, в первую очередь Азии. Именно туда смещается полюс развития всей мировой атомной электроэнергетики [13; 14].

Драйвером развития отрасли в глобальном масштабе выступает Китай, где число строящихся реакторов в 2020 г. достигло 18. Вслед за КНР по числу сооружаемых блоков АЭС стоят Индия, Республика Корея и Россия (см. рис. 7). Всего же в мире в стадии строительства находились 57 энергоблоков в 19 странах суммарной установленной мощностью 58801 МВт, 29% от которой также приходилось на долю Китая [6].

Заключение

Таким образом, развитие ядерной энергетики продолжается, хотя и менее активно, чем прогнозировалось ранее. Серьёзных альтернатив этому в условиях нарастающей экологической напряжённости на планете сегодня не просматривается. Важнейшим вызовом развития современному мировому хозяйству как по масштабу, так и по глубине является энергетический. Прогнозируемое истощение углеводородного топлива в сочетании с обострением глобальных экологических проблем и продолжающимся ростом мирового населения заставляет снова повернуться лицом к ядерной энергетике, несмотря на «паузу» в её развитии, вызванную чернобыльской и фукусимской «травмами».

Несмотря на продолжающиеся дискуссии о рисках атомной отрасли, последние годы характеризуются положительными тенденциями её развития: увеличивается объём потребления и генерации, относительно стабильно число функционирующих и строящихся реакторов. Во многих государствах мира состоялась переоценка роли ядерной энергетики в энергообеспечении и обозначились перспективы её развития.

За последние годы в географической структуре рынка атомной электроэнергетики произошли эволюционные, но знаковые изменения. Из развитых государств Западной Европы и Северной Америки мировой полюс развития смещается в регионы Азии и Восточной Европы (включая Российскую Федерацию), где концентрируется 40% строящихся атомных реакторов.

Исследование географической структуры атомного электроэнергетического рынка позволяет говорить о формировании устойчивой группы мировых лидеров (в порядке уменьшения рыночных долей):

– в потреблении электроэнергии, произведённой на АЭС: США, Китай, Франция, Россия, Республика Корея;

– в мощности действующей атомной электрогенерации: США, Франция, Китай, Япония, Россия, Республика Корея;

– в мощности строящейся атомной электрогенерации: Китай, Республика Корея, Индия, ОАЭ, Турция;

– в производстве электричества на АЭС: США, Франция, Китай, Россия, Республика Корея.

На динамику и трансформацию географической структуры рынка воздействие оказывают два разнонаправленных тренда: нисходящий – в экономически развитых странах, где потребление и генерация «атомного» электричества сокращается, и восходящий – в развивающихся. Абсолютной доминантой на рынке пока остаются США, но лидирующие позиции «второй» атомной державы – Франции – уже поколебал Китай, вышедший на вторую позицию в мире по потреблению и на третью – по производству «атомного» электричества. С учётом того, что на долю КНР приходится почти треть всех глобальных мощностей строящихся АЭС, не приходится сомневаться, что страна продолжит восхождение вверх в глобальном рейтинге лидеров атомноэнергетической отрасли.

Список литературы

1. Родионова И.А. Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX в. М.: Московский Лицей, 2002. 368 с.

2. Pocket Guide 2020/21 Edition / World Nuclear Association. URL: https://www.world-nuclear.org/getmedia/b8351b4a-82dc-4dee-a2a2-c42e295d0f61/Pocket-Guide-Booklet.pdf.aspx (дата обращения: 10.03.2022).

3. Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / Под ред. А.А. Макарова, Т.А. Митровой, В.А. Кулагина. М.: ИНЭИ РАН – Московская школа управления СКОЛКОВО, 2019. 210 с.

4. Зимаков А. Атомная энергетика ЕС: экономика против экологии // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 9. С. 16–19.

5. BP Statistical Review of World Energy 2021. URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

6. World Nuclear Performance Report 2021 / World Nuclear Association. URL: https://world-nuclear.org/getmedia/891c0cd8-2beb-4acf-bb4b-552da1696695/world-nuclear-performance-report-2021.pdf.aspx (дата обращения: 10.03.2022).

7. Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 г. / Рук. Т.А. Митрова. М.: ИНЭИ РАН, 2013.110 с.

8. Осецкая М.М., Украинцев В.Ф. Текущие тенденции на мировом рынке ядерной энергетики // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 154–169.

9. Публичный отчёт «Итоги деятельности государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2020 год». URL: https://www.report.rosatom.ru/go/2020/rosatom_2020.pdf (дата обращения: 10.03.2022).

10. Рейтинг самых мощных АЭС в мире / Росатом. URL: https://aem-group.ru/mediacenter/informatoriy/rejting-samyix-moshhnyix-aes-v-mire.html (дата обращения: 10.03.2022).

11. Годовой отчёт АО «Концерн «Росэнергоатом». 2015. URL: https://www.rspp.ru/upload/uf/34e/concern_rosenergoatom_io_2015.pdf (дата обращения 10.03.2022).

12. Камчатова Е.Ю. Инновационный потенциал атомной энергетики // Вестник Университета. 2017. № 11. С. 27–33.

13. Жизнин С.З., Тимохов В.М. Геополитические и экономические аспекты развития ядерной энергетики // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4 (43). С. 64–73.

14. Цвигун И.В., Балашова М.А., Науменко И.Ю. Роль атомной энергетики в противодействии негативным последствиям глобализации // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 2.

GEOGRAPHICAL STRUCTURE OF THE WORLD NUCLEAR MARKET ELECTRICITY: CONSUMPTION, POWER, GENERATION

***S.V. Patsala*[1], *N.V. Goroshko*[1,2]**

[1]Novosibirsk State Pedagogical University
[2]Novosibirsk State Medical University

Nuclear power continues to occupy an important position in the world economy, remaining one of the promising areas. The events of the last decade (fluctuations in world prices for hydrocarbon fuel, the Fukushima disaster, the refusal of a number of countries from plans for the further development of nuclear power) had a negative impact both on the dynamics of the development of the nuclear power market and on its geographical structure. This determines the need to conduct a "revision" of the spatial picture of the market based on modern statistical information. Based on the current data of the World Nuclear Association, an analysis was made of the geographical structure of the world nuclear power market (consumption, capacity, production) in the context of key states, regions of the world and types of countries. The calculation of the per capita production of "nuclear" electricity in the countries of the world has been made. The place of Russia in the world nuclear industry is shown. One of the important results of the study is the creation of up-to-date cartographic material that reflects the spatial structure of the market at the present stage of its development. The main research methods were the analysis of statistical materials characterizing the spatial structure of the nuclear power market, the method of comparative analysis and the cartographic method. In recent years, evolutionary but significant changes have taken place in the geographical structure of the nuclear power market. From the developed countries of Western Europe and North America, the global development pole is shifting to the regions of Asia and Eastern Europe (including the Russian Federation), where 40% of nuclear reactors under construction are concentrated. The study of the geographical structure of the nuclear power market allows us to speak about the formation of a stable group of world leaders: the USA, China, France, Japan, Russia, and the Republic of Korea.

Keywords: nuclear power industry, nuclear power plants, global electricity market.

УДК 658.012.011.56.621
DOI 10.52452/18115942_2022_2_28

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ИНЖИНИРИНГОВЫХ УСЛУГ В СЕГМЕНТЕ НЕФТЕГАЗОПЕРЕРАБОТКИ И НЕФТЕГАЗОХИМИИ

© 2022 г.

М.Р. Усманов

Усманов Марат Радикович, к.т.н.; генеральный директор ООО «ЛИНК»,
докторант Российского государственного университета нефти и газа
(национального исследовательского университета) им. И.М. Губкина, Нижний Новгород
marat.usmanov@lukoil.com

Статья поступила в редакцию 14.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Представлена методика оценки ожиданий заказчиков инжиниринговых услуг, включающая комплекс оценочных метрик, алгоритм реализации методики и методические указания по ее реализации. Данная методика была разработана на основе проведенного исследования ожидания качества инжиниринговых услуг со стороны клиентов. Целью данного исследования является определение направлений, по которым клиенты инжиниринговых услуг оценивают их качество, выбор соответствующих показателей и их ранжирование. В качестве базовой исследовательской модели была выбрана система показателей INDSERV. На основе экспертного опроса были отфильтрованы и добавлены показатели, релевантные для анализа качества инжиниринговых услуг применительно к нефтегазовой отрасли. Далее, на основе опроса клиентов инжиниринговых услуг проведено ранжирование исследуемых показателей. Эти показатели были заложены в методику, которая предназначена для совершенствования процессов работы инжиниринговых центров и повышения их конкурентоспособности в сегменте нефтегазопереработки и нефтегазохимии. В отличие от существующих методов, которые базируются на анализе соблюдения сроков и удержании проекта в рамках запрашиваемого бюджета, предложенная методика направлена на анализ тех направлений, которые необходимо развивать с целью роста технологических и сервисных компетенций российских инжиниринговых центров.

Ключевые слова: инжиниринг, оценка качества, инжиниринговые услуги.

Введение

От эффективности российских инжиниринговых центров зависит конкурентоспособность всей отечественной отрасли нефтегазопереработки и нефтегазохимии. Особо остро этот вопрос встал в новых реалиях, связанных с ограничением доступа новых зарубежных технологий. В этих условиях перед инжиниринговыми центрами ставится новая стратегическая задача, связанная с импортозамещением и созданием конкурентоспособных технологических решений.

Следует отметить, что до настоящего момента качество инжиниринговых услуг преимущественно оценивалось по двум показателям: соблюдение сроков и удержание проекта в рамках запрашиваемого бюджета. Однако данный подход не способствует развитию компетенций и стратегическим целям, связанным с прорывным качественным развитием данного сегмента. В связи с этим актуальным вопросом является развитие методологии анализа и оценки качества инжиниринговых услуг с целью повышения их конкурентоспособности.

Теоретическая база исследования

Вопросами развития инжиниринговых компаний, анализом и совершенствованием их сервисных компетенций занимались различные российские и зарубежные авторы. Следует выделить таких авторов, которые рассматривали сервисные процессы инжиниринговых компаний с точки зрения системного подхода. В частности, К. Фендрик [1] рассматривает сервисную инженерию как специальную дисциплину, «которая занимается систематической разработкой и проектированием сервисных продуктов с использованием подходящих процедур, методов и инструментов». От концептуального подхода к развитию управленческих инструментов переходит исследователь В. Бёрр [2], который предложил декомпозицию сервисных процессов в инжиниринге и определил направления оценки их эффективности. Также следует отметить работы М. Рибберта [3], который предлагает современный подход к концепции контроллинга, ориентированного на производительность управления операционными процессами. Им рассматриваются логистические процессы, а соответствующие параметры для ввода и вывода выводятся на основе анализа операционных процессов.

Особенности развития российского инжиниринга, в том числе в нефтегазовом секторе, анализировали такие авторы, как А.А. Лазник [4], С.А. Мишин [5], Е.А. Калиненко [6, 7],

В.Н. Виногорова [8], М.А. Гершман [9], Г.Н. Шинкарева [10], Э.Р. Мухаррамова [11], Е.А. Телегина [12, 13].

Предлагаемая в данной статье исследовательская модель и разрабатываемая методология базировалась на модели INDSERV, которая была разработана С. Гоунарисом [14] специально для оценки качества сервиса в корпоративном секторе (B2B). Название модели сформировано сокращениями двух английских слов: IND от industrial («промышленный») и SERV от service («сервис»).

Методология: этапы исследований и разработки методики оценки качества оказания инжиниринговых услуг

Разработка методики проводилась в четыре этапа.

Этап 1. Выбор исходных параметров, подлежащих анализу. Для этого была выбрана модель INDSERV, а ее параметры были адаптированы под специфику инжиниринговых центров, работающих в сегменте нефтегазохимии и нефтегазопереработки. На основе данных параметров был разработан и апробирован гайд (руководство) для проведения экспертных опросов (с держателями бизнес-процессов в инжиниринговых центрах).

Этап 2. Уточнение оценочных параметров на основе экспертных опросов держателей основных бизнес-процессов в инжиниринговых центрах. В рамках данного этапа было проведено 16 экспертных опросов с руководителями направлений оказания инжиниринговых услуг в группе «ЛУКойл». Это позволило отфильтровать нерелевантные (по мнению экспертов) параметры оценки качества инжиниринговых услуг. Далее был составлен гайд для проведения полуструктурированного интервью с получателями инжиниринговых услуг на предприятиях нефтегазопереработки и нефтегазохимии (далее по тексту – клиенты). Гайд для интервью формировался на основе модели INDSERV, а также методики CustDev [15], предполагающей в общих чертах тестирование идеи или прототипа будущего продукта.

Этап 3. Исследование мнений клиентов о важности анализируемых параметров качества инжиниринговых услуг. Всего было проведено 32 интервью с представителями клиентов: главные инженеры, руководители служб технического сопровождения, заместители генеральных директоров, начальники отделов капитального строительства, начальники отделов ИТ-систем и ИТ-архитектуры. Это позволило разработать метрики (конкретные показатели) для оценки качества предоставляемых инжиниринговых услуг с позиции клиентов.

Этап 4. Разработка методики и ее апробация. Данный этап включал в себя: определение подхода к оценке метрик и их значимости, включая расчет интегральных показателей; разработку анкеты/оценочной формы мониторинга качества проектов/услуг а также их шкалы; разработку наглядных средств визуализации данных мониторинга проектов (диаграмм идеал/факт по каждой категории показателей качества); разработку матрицы оценки потенциала инжинирингового центра с позиций ожиданий заказчиков.

Результаты исследования

Предварительная система показателей базировалась на модели INDSERV. Оценочные метрики, включённые в итоговую методику, отобраны преимущественно на основе высокой частотности упоминания респондентами, выявленной в рамках проведенного контент-анализа, а также, в отдельных случаях, личного мнения интервьюеров. Второй способ отбора применялся для характеристик, которые респонденты отдельно не упоминали, но подразумевали в качестве очевидных. Субъективность такого подхода нивелируется достаточным уровнем профессионализма интервьюеров. Отобранные характеристики были уточнены с учетом выявленных с помощью проведённого опроса мнений клиентов.

В итоговом наборе метрик сформированы две основные укрупненные категории: «Качество исполнения», включившая преимущественно показатели «мягкого качества», и «Качество сервиса», основанная на показателях «мягкого качества».

Кроме того, принято решение использовать для оценки разных направлений разные наборы весовых коэффициентов, полученные в ходе опроса руководителей соответствующих подразделений инжинирингового центра. В дальнейшем, в развитие предлагаемой методологии, рекомендуется уточнение коэффициентов.

Итоговый вариант системы метрик с указанием весовых коэффициентов для оценки каждого из четырех ключевых направлений представлен в табл. 1.

Разработанная методика решает, в соответствии с техническим заданием, следующие задачи:

– выявление наиболее важных параметров, влияющих на удовлетворенность заказчиков инжиниринговых услуг;

– выбор показателей (метрик) для оценки ожиданий заказчиков инжиниринговых услуг;

– оценка важности используемых метрик.

Таблица 1

Система метрик с учетом их применимости и значимости для оценки отдельных направлений (разработано автором)

Категория	Обозначения	Характеристика	Описание максимальной степени выраженности характеристики	k_i	Оценка значимости характеристики в баллах			
					Цифровые сервисы	Управление проектами и PMC-сопровождение	Менеджмент проектных работ	Инженерно-техническое сопровождение
Качество исполнения (Базовое качество)	$КИ_1$	Удержание в рамках бюджета*		k_1	5	10	1	12
	$КИ_2$	Соблюдение сроков		k_2	9	10	12	26
	$КИ_3$	Оптимальность запрашиваемого срока выполнения проекта	Соответствует средним срокам для аналогичных проектов (при наличии; иначе – ожиданиям заказчика)	k_3	8	8	6	8
	$КИ_4$	Точность оценки затрат, ресурсов, эффективности	Достоверная, точная и корректная оценка затрат и эффективности вложенных средств; предложено несколько вариантов	k_4	6	8	17	8
	$КИ_5$	Оптимальность запрашиваемой цены выполнения проекта	Соответствует средним бюджетам для аналогичных проектов/выделенному бюджету	k_5	4	6	6	1
	$КИ_6$	Достаточный уровень детальности проработки документации/процессов	Детальность проработки документации/процессов на всех этапах в объеме, необходимом и достаточном для дальнейшего использования, и в достаточно оперативные сроки	k_6	9	9	17	4
	$КИ_7$	Тиражируемость достигнутых результатов**	Проект предполагает высокий потенциал дальнейшей применимости достигнутых результатов с позиций сроков востребованности разработок/вариантов развития функционала	k_7	19	8	1	1
Качество сервиса (Качество, превосходящее ожидания)	$КС_1$	Эффективность коммуникаций	Соответствующие потребностям заказчика объем и способы коммуникаций с сотрудниками подрядчика, включая регулярные визиты на объект (при необходимости) для эффективного решения возникающих вопросов	k_8	5	8	6	8

Окончание таблицы 1

Качество сервиса (Качество, превосходящее ожидания)	$КС_2$	Корректность предоставляемой документации	Корректные, полные, не допускающие двоякого толкования сведения в предоставляемой документации, отсутствие ошибок	k_9	6	10	6	18
	$КС_3$	Предложение всеобъемлющего сервиса	Работа в режиме «единого окна», подрядчиком самостоятельно организована реализация всего комплекса необходимых работ	k_{10}	10	10	16	8
	$КС_4$	Постпроектное сопровождение	Предусмотрено соответствующее целям бизнеса сопровождение работ в рамках предварительно очерченных границ без доп. оплаты/гарантийный период	k_{11}	6	5	11	5
	$КС_5$	Соблюдение целостности со стратегией потребителя**	Работы реализованы в рамках единого для всех предприятий согласованного методического подхода	k_{12}	13	8	1	1
ИТОГО					100	100	100	100

*Показатель может быть применим для договоров с открытой ценой или проектов с оценкой по фактическим трудозатратам. В случае договоров с фиксированной стоимостью доп. соглашения на увеличение цены договора связаны только с возникновением доп. объемов работ по решению заказчика.

**Показатель оценивается БННГ (Блок нефтепереработки, нефтехимии и газопереработки ПАО «ЛУКойл»).

Помимо вышеперечисленного, в рамках методики разработаны и предлагаются к использованию подходы к мониторингу качества проектов инжиниринговых услуг и оценки потенциала инжинирингового центра.

Основа методики формализована в вышеприведенном алгоритме реализации методики оценки ожиданий заказчиков инжиниринговых услуг (рис. 1). Первым шагом в ходе реализации предложенной методики является принятие решения о необходимости проведения оценки инжиниринговых услуг.

После того как такое решение принято, на первоначальных этапах внедрения методики следует назначить в штате инжинирингового центра сотрудников, ответственных за внедрение и за осуществление консультирования по вопросам внедрения и использования методики.

Далее следует выбрать объект для оценки – один из реализованных проектов. На этапе внедрения методики в целях ее апробации предпочтительнее по возможности выбирать относительно «типичные» проекты, информация о ходе реализации которых доступна и понятна лицам, которые, предположительно, будут задействованы в его оценке.

Выбор таких лиц является следующим шагом реализации методики. Он осуществляется среди руководящих работников, отвечающих за реализацию проекта со стороны заказчика.

Оценка показателей качества сервиса осуществляется с использованием специализированных для каждого из четырех основных направлений деятельности оценочных форм. Формы отличаются друг от друга весовыми коэффициентами. На практике оценку на начальных этапах рекомендуется производить с использованием этих форм, в дальнейшем же предусмотреть возможность их уточнения или же, в наилучшем случае, предоставить клиентам возможность самостоятельно оценивать весовые коэффициенты.

В данных методических рекомендациях представлена неспециализированная оценочная форма без указания весовых коэффициентов.

В случае допуска респондентов к оценке значимости представленных метрик с помощью весовых коэффициентов на первом этапе они осуществляют такую оценку с использованием метода шкалирования с постоянной суммой. Суть метода состоит в том, что респонденты должны распределить сто баллов между всеми двенадцатью

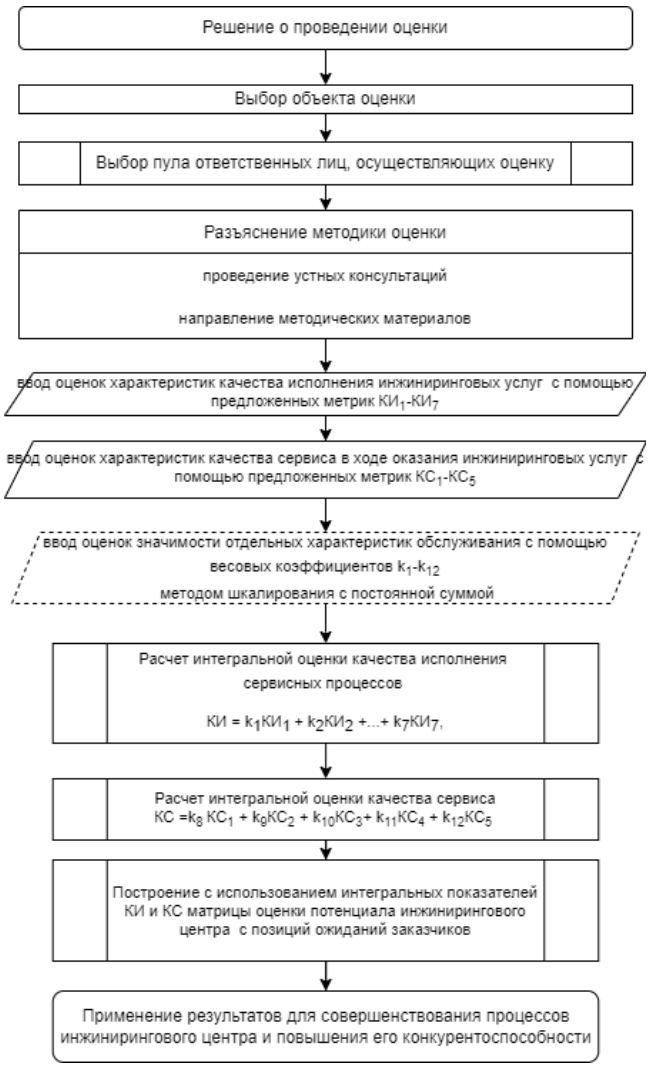

Рис. 1. Алгоритм реализации методики оценки ожиданий заказчиков инжиниринговых услуг (разработано автором)

используемыми характеристиками пропорционально их значимости (в представлении респондента).

В рамках непосредственной оценки характеристик качества исполнения инжиниринговых услуг респондентам необходимо заполнить столбец 5 соответствующей конкретному направлению деятельности инжинирингового центра оценочной формы, аналогичной представленной в таблице 2.

Оценка большинства показателей осуществляется по пятибалльной шкале Лайкерта. В оценочных формах для удобства респондентов приведены максимальные значения качества исполнения каждой характеристики. В случае если респондент абсолютно согласен с утверждением, что в ходе реализации оцениваемого проекта конкретная характеристика во всех аспектах формулировки была исполнена на максимальном уровне, она оценивается в 5 баллов; в целом согласен (наблюдаются незначительные отклонения в отдельных аспектах) – 4 балла; оценивает характеристику нейтрально или не уверен – 3 балла; не согласен – 2 балла; абсолютно не согласен – один балл.

Оценка показателей соблюдения сроков и бюджета производится по трехбалльной шкале, разработанной с учётом действующих в организации нормативов.

Оценка характеристик качества услуг осуществляется по двум категориям: качество исполнения и качество сервиса.

По результатам для каждой из оценочных категорий качества строятся лепестковые диаграммы, отражающие: во-первых, идеальные значения характеристик с учетом их значимости (отображены синей линией) – позволяют наглядно оценить значимость каждый характеристики данной категории, по мнению респондентов; во-вторых – фактические значения

Таблица 2

Общая оценочная форма (разработано автором)

Категория	Характеристика	Описание максимальной степени выраженности характеристики	Оценка значимости характеристики в баллах, k_i	Оценка качества реализации характеристики в оцениваемом проекте: от 5 – оптимальная степень выраженности характеристики, до 1 – минимальная степень выраженности характеристики				
1	2	3	4	5				
				Более 50% (1)	10–50% (3)			Менее 10% (5)
Качество исполнения (Базовое качество)	Удержание в рамках бюджета*	Превышение бюджета в размере …						
	Соблюдение сроков	Превышение сроков в размере …						
				Абсолютно не согласен (1)	Не согласен (2)	Отношусь нейтрально/ не уверен (3)	Согласен (4)	Абсолютно согласен (5)
	Оптимальность запрашиваемого срока выполнения проекта	Соответствует средним срокам для аналогичных проектов (при наличии; иначе – ожиданиям заказчика)						
	Точность оценки затрат, ресурсов, эффективности	Достоверная, точная и корректная оценка затрат и эффективности вложенных средств; предложено несколько вариантов						
	Оптимальность запрашиваемой цены выполнения проекта	Соответствует средним бюджетам для аналогичных проектов/выделенному бюджету						
	Достаточный уровень детальности проработки документации/ процессов	Детальность проработки документации/процессов на всех этапах в объеме, необходимом и достаточном для дальнейшего использования, и в достаточно оперативные сроки						
	Тиражируемость достигнутых результатов**	Проект предполагает высокий потенциал дальнейшей применимости достигнутых результатов с позиций сроков востребованности разработок/вариантов развития функционала						
Качество сервиса (Качество, превосходящее ожидания)	Эффективность коммуникаций	Соответствующие потребностям заказчика объем и способы коммуникаций с сотрудниками подрядчика, включая регулярные визиты на объект (при необходимости) для эффективного решения возникающих вопросов						

Окончание таблицы 2

Качество сервиса (Качество, превосходящее ожидания)	Корректность предоставляемой документации	Корректные, полные, не допускающие двоякого толкования сведения в предоставляемой документации, отсутствие ошибок		
	Предложение всеобъемлющего сервиса	Работа в режиме «единого окна», подрядчиком самостоятельно организована реализация всего комплекса необходимых работ		
	Постпроектное сопровождение	Предусмотрено соответствующее целям бизнеса сопровождение работ в рамках предварительно очерченных границ без доп.оплаты/гарантийный период		

Рис. 2. Диаграмма план/факт для категории «Качество исполнения»

Рис. 3. Диаграмма план/факт для категории «Качество сервиса»

характеристик (отображены оранжевой линией), которые позволяют наглядно оценить степень расхождения между идеальным и фактическим исполнением каждой характеристики (рис. 2, 3).

Кроме того, каждая из оценочных категорий качества предполагает расчёт соответствующих интегральных показателей КИ (Качество исполнения) и КС (Качество сервиса) путем суммирования взвешенных по значимости оценок этих метрик респондентом:

$$КИ = k_1КИ_1 + k_2КИ_2 + k_3КИ_3 + k_4КИ_4 + k_5КИ_5 + k_6КИ_6 + k_7КИ_7, \quad (1)$$

$$КС = k_8 КС_1 + k_9КС_2 + k_{10}КС_3 + k_{11}КС_4 + k_{12}КС_5, \quad (2)$$

где $КИ_1$ – удержание в рамках бюджета; $КИ_2$ – соблюдение сроков; $КИ_3$ – оптимальность запрашиваемого срока выполнения проекта; $КИ_4$ – точность оценки затрат, ресурсов, эффективности; $КИ_5$ – оптимальность запрашиваемой цены выполнения проекта; $КИ_6$ – достаточный уро-

		Качество исполнения	
		Низкое	Высокое
Качество сервиса	Высокое	Развитие базового функционала	Повышение уровня стратегических притязаний, поддержание достигнутых показателей, распространение опыта
	Низкое	Глубокий анализ и коррекция выявленных проблем; поиск нового подхода	Развитие сервисных компетенций

Рис. 4. Матрица оценки потенциала инжинирингового центра (разработано автором)

Рис. 5. Пример заполнения матрицы оценки потенциала инжинирингового центра

вень детальности проработки документации/процессов; $КИ_7$ – тиражируемость достигнутых результатов; $КС_1$ – эффективность коммуникаций; $КС_2$ – корректность предоставляемой документации; $КС_3$ – предложение всеобъемлющего сервиса; $КС_4$ – постпроектное сопровождение; $КС_5$ – соблюдение целостности со стратегией потребителя; k_1 – k_{12} – весовые коэффициенты значимости показателей.

Вышеуказанные формулы адаптированы для каждого из направлений с учетом того, что для их оценки используются разные наборы весовых коэффициентов.

Полученные показатели используются для построения матрицы оценки потенциала инжинирингового центра (рис. 4).

Матрица предполагает внесение показателей по всем проектам, реализованным инжиниринговым центром, с целью определения стратегических перспектив его развития. Она имеет четыре стратегических квадранта.

1. Высокое качество исполнения – высокий сервисный потенциал: инжиниринговому центру удалось добиться высоких показателей по обоим оцениваемым направлениям. В такой ситуации в качестве основных стратегических инициатив рассматривается повышение уровня стратегических притязаний, поддержание достигнутых показателей на основе регулярного мониторинга качества процессов, в том числе с использованием данной методики, распространение своего успешного опыта на другие направления, выход на внешних заказчиков.

2. Высокое качество исполнения – низкий сервисный потенциал: инжиниринговый центр хорошо справляется с основным функционалом, но сервисные компетенции, необходимые для дальнейшего развития, сформированы в недостаточной мере. В данном случае в качестве стратегической инициативы предлагается наращивание сервисного потенциала инжинирингового центра и развитие его обслуживающих компетенций.

3. Низкое качество исполнения – высокий сервисный потенциал: в данном случае инжиниринговый центр находится в достаточно непростой ситуации: он обладает хорошим потенциалом обслуживания клиентов, но не реализует его за счет плохого выполнения основного функционала. В данном случае требуется дополнительный анализ, направленный на выявление причин сложившейся ситуации, и, в зависимости от результатов такого анализа, – либо развитие базового функционала, если это воз-

можно, либо реорганизация соответствующего направления деятельности.

4. Низкое качество исполнения – низкий сервисный потенциал: в данном случае после тщательного анализа причин сложившейся ситуации необходима коррекция выявленных проблем и, возможно, смена подхода к решению данного типа задач.

Визуальное представление матрицы возможно с использованием точечной диаграммы (рис. 5, данные по координатам на основе опроса руководителей направлений) или пузырьковой, в которой в качестве размера пузырька можно отражать вложения в соответствующий проект.

Заключение

Представленная методика основана на анализе ожиданий заказчиков инжиниринговых услуг. Она позволяет выявлять отрицательные отклонения в качестве предоставляемых услуг от ожиданий заказчиков. Это является основой для повышения конкурентоспособности инжиниринговых сервисов, определяет стратегические направления развития инжиниринговых центров. Данные вопросы имеют чрезвычайную значимость в современных условиях, связанных с необходимостью импортозамещения. Важно отметить, что новые вызовы требуют от инжиниринговых центров не только выполнения своих функциональных задач, связанных с текущим проектированием, но и реализации таких стратегических амбиций, как:

– наращивание собственного технологического потенциала и компетенций, позволяющих реализовывать инжиниринговые проекты на уровне, превосходящем зарубежных конкурентов;

– освоение новых услуг, которые в кратчайшие сроки необходимо заместить в связи с уходом с российского рынка ряда зарубежных инжиниринговых центров;

– повышение качества сервисных процессов, связанных с коммуникациями с заказчиками, сопровождение инжиниринговых проектов.

Список литературы

1. Fähnrich K.-P., Opitz M. Service Engineering - Entwicklungspfad und Bildeinerjungen Disziplin. In H.-J. Bullinger& A.-W. Scheer (Hrsg.), Service Engineering: Entwicklung und Gestaltunginnovativer-Dienstleistungen (2. Aufl., S. 85–112). Berlin: Springer Verlag, 2006.

2. Burr W. Service Engineeringbeitechnischen Dienstleistungen: EineökonomischeAnalyse der Modularisierung, Leistungstiefengestaltung und Systembündelung. Wiesbaden: DeutscherUniversitäts-Verlag, 2002.

3. Ribbert M. Gestaltungeines IT-gestützen Kennzahlensystems für das Produktivitätscontrollingoperativer Handelsprozesse. Berlin: Logos Verlag, 2005.

4. Лазник А.А. Международный опыт применения «EPC(M)»-услуг в нефтегазовом комплексе и возможности его адаптации к российским условиям: Дис. … канд. экон. наук. М.: Государственный университет управления, 2017. 170 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://guu.ru/files/dissertations/2017/07/laznik_a_a/dissertation.pdf.

5. Мишин С.А. Код – EPC // Управление проектами – технология успеха: Материалы XII Международной конференции по управлению проектами. Москва, 2013.

6. Калиненко Е.А. Возможности отечественных инжиниринговых компаний по реализации проектов модернизации и строительства в нефтеперерабатывающей отрасли России // Управление качеством в нефтегазовом комплексе. 2017. № 1. С. 16–20.

7. Калиненко Е.А. Развитие рынка инжиниринговых услуг в России // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2018. № 5. С. 10–15.

8. Виногорова В.Н. Управление инновационной инфраструктурой предприятий нефтегазового комплекса: Дис. … канд. экон. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. 149 с.

9. Гершман М.А., Гохберг Л.М., Кузнецова И.А. и др. Статистический мониторинг рынка инжиниринговых услуг и промышленного дизайна. М.: НИУ ВШЭ, 2016.

10. Шинкарева Г.Н. Модель инжиниринговой схемы организации строительства для контрактов жизненного цикла: Дис. … докт. экон. наук. М.: Московский государственный строительный университет, 2018. 172 с.

11. Мухаррамова Э.Р. Стоимостной инжиниринг в строительстве // Российское предпринимательство. 2016. № 10. С. 1179–1196.

12. Телегина Е.А., Шафраник Ю.К., Бушуев В.В. Мировой нефтегазовый рынок: инновационные тенденции: Монография. М., 2008.

13. Телегина Е.А., Соломатина Н.А. Стратегия управления и преобразования организационной структуры российских нефтегазовых компаний // Нефть, газ и бизнес. 1998. № 4. С. 8–10.

14. Gounaris S. Measuring service quality in B2B services: an evaluation of the SERVQUAL scale vis-a-vis the INDSERV scale // Journal of Service Marketing, 2005. 19/6. P. 421–435.

15. Ries E. The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses. Crown Publishing, 2011.

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE QUALITY OF ENGINEERING SERVICES IN THE SEGMENT OF OIL AND GAS PROCESSING AND PETROCHEMICALS

M.R. Usmanov

«LINK» LLC, Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin

This article presents a methodology for assessing the expectations of customers of engineering services, including: a set of evaluation metrics, an algorithm for implementing the methodology and guidelines for its implementation. This methodology was developed on the basis of a study of the expectations of the quality of engineering services on the part of customers.The purpose of this study is to determine the directions in which clients of engineering services evaluate their quality, the choice of appropriate indicators and their ranking. Research methods. The INDSERV scorecard was chosen as the basic research model. Based on an expert survey, indicators relevant to the analysis of the quality of engineering services in relation to the oil and gas industry were filtered and added. Further, on the basis of a survey of clients of engineering services, the ranking of the studied indicators was carried out. These indicators were included in the methodology, which is designed to improve the work processes of engineering centers and increase their competitiveness in the segment of oil and gas processing and petrochemicals. Unlike existing methods, which are based on the analysis of meeting deadlines and keeping the project within the requested budget, the proposed methodology is aimed at analyzing those areas that need to be developed in order to increase the technological and service competencies of Russian engineering centers.

Keywords: engineering, quality assessment, engineering services.

УДК 339.371.5
DOI 10.52452/18115942_2022_2_38

ЭЛЕКТРОННЫЕ МАРКЕТПЛЕЙСЫ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ РЫНКА ПРОДУКТОВОГО РЕТЕЙЛА

© 2022 г.

О.В. Чкалова, Н.Г. Копасовская, И.В. Большакова

Чкалова Ольга Владимировна, д.э.н.; проф.; заведующий кафедрой торгового дела
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
ochkalova@iee.unn.ru
Копасовская Наталья Геннадьевна, к.э.н.; доц.; доцент кафедры торгового дела
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kopasovskay@iee.unn.ru
Большакова Инна Вячеславовна, к.э.н.; доцент кафедры торгового дела
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
bolshakova.iep@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 11.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Цифровые платформы сегодня имеют большой потенциал для развития бизнеса и повышения разнообразия и качества услуг для населения. В работе изучены условия развития электронных маркетплейсов в регионе и их влияние на повышение качества услуг на рынке продуктового онлайн-ретейла. Объектом исследования выступает региональный продуктовый онлайн-рынок (рынок Приволжского федерального округа). Основные инструменты исследования – анализ открытых данных в сети Интернет и результаты социологического исследования. Выявлены основные игроки на продуктовом рынке среди электронных маркетплейсов. Дана оценка их конкурентной позиции на рынке с точки зрения масштабов и темпов расширения спектра цифровых услуг и ассортимента в сфере продажи продуктов питания. Выделены основные модели работы маркетплейсов с продавцами и дана оценки привлекательности электронных площадок для продавцов продуктов питания. По результатам социологического опроса выявлена степень осведомленности покупателей об услугах продажи продуктов питания через электронные площадки, дана оценка поведению потребителей. Доказано, что покупатели сегодня с осторожностью относятся к услугам маркетплейсов как продавцов продуктов питания, однако не имеют отрицательных установок против их услуг. Дана оценка качеству услуг электронных площадок как сервисов доставки продуктов питания и даны рекомендации по повышению качества этих услуг.

Ключевые слова: маркетплейс, продуктовый онлайн-ретейл, сервис доставки продуктов, осведомленность потребителя, качество услуг маркетплейсов, лояльность потребителя, фулфилмент, дропшиппинг.

Введение

Электронные торговые площадки имеют большой потенциал для расширения применения цифровых технологий в торговле, повышения качества онлайн-торговли, ее доступности для самых удаленных районов страны, а значит, повышения качества жизни граждан нашей страны. Очевидным фактом является то, что доля онлайн-покупок в общем объеме розничной торговли неуклонно растет из года в год. По прогнозам Datainsight.ru, в 2025 г. на рынке России она достигнет 26% [1]. При этом значительную часть рынка электронной розничной торговли уверенно занимают маркетплейсы. Так, на долю американского маркетплейса Amazon в настоящее время приходится примерно 50% рынка электронной розничной торговли США [2].

Проблемы развития электронных торговых площадок (маркетплейсов) активно изучаются уже более 10 лет. Предпосылки и движущие силы развития электронной торговли в условиях цифровизации экономики и повышения качества жизни в России изучены в работах М.Е. Буяновой и А.Е. Калининой [3], А. Невской [4]. Исследование развития служб доставки в Пермском крае выполнено в работе Е.А. Антинескул и М.А. Ремневой [5]. В международной среде обсуждению подвергаются общие вопросы влияния маркетплейсов на конкуренцию между участниками рынка. Среди работ данной проблематики можно назвать статью B. Mantin, H. Krishnan, T. Dhar (2014), посвященную изучению двухформатной модели работы розничных продавцов онлайн [6]. При появлении различных моделей онлайн-реализации товаров исследователи обращаются к вопросам выбора производителем вида электронного канала сбыта (прямые продажи или посреднический канал) [7].

В целом маркетплейс определяется как платформа для электронной коммерции, на которой свои товары одновременно продают множество компаний [8]. Его также называют «биржей» или

«хабом» [9]. Как указывает автор английских учебников по электронной коммерции Д. Чефии, маркетплейс представляет собой форму независимого посредничества между продавцами и покупателями, торгующими на площадке [10, p. 67].

Как продавцы (селлеры, вендоры), так и покупатели получают возможность использовать хорошо развитую инфраструктуру маркетплейса. Продавцы предлагают свой товар максимально широкому кругу потребителей, а потребители получают столь же широкий ассортимент товаров на одной площадке.

Активизация маркетплейсов в последние несколько лет была обусловлена рядом причин. За прошедшие годы был накоплен богатый опыт организации таких сервисов, более доступными стали программное обеспечение и логистика, повысился уровень цифровой грамотности потребителей и продавцов. Дополнительным, но очень важным фактором развития явилась пандемия, буквально заставившая многих участников рынка переместиться в онлайн, и в частности на маркетплейсы.

Успехи российских маркетплейсов за 2020 г. ошеломляют. По данным [11], прирост продаж Wildberries, Ozon, AliExpress Russia, «Яндекс Маркет» составил от 96 до 171%. При этом только у лидера российского рынка Wildberries (15% интернет-торговли в 2020 г.) объем продаж составил более 413 млрд руб. (рассчитано на основе данных Datainsight.ru). Наибольшую долю в объеме продаж маркетплейсов традиционно составляют одежда, обувь, техника и электроника. Однако под влиянием пандемии продажи продуктов питания в 2020 г. на маркетплейсах также существенно выросли и заняли третье место по популярности продаж [12].

Повсеместное распространение онлайн-торговли, в том числе торговли через маркетплейсы, приводит к дискуссии о конкретных управленческих решениях, принимаемых в ходе организации такой торговли, об обеспечении более высокого качества услуг. Так, вопросы построения логистической цепочки поставок в электронной торговле продуктами питания с участием посредников изучались как в нашей стране (например, работах С.А. Кирюшина [13]), так и за рубежом (например, в работе [14]). Непосредственно особенности развития торговли продуктами питания категории «фреш» через электронные торговые площадки изучены в [15].

Процесс бурного развития онлайн-площадок происходит уже достаточно длительное время, что позволяет перейти к типизации и классификации моделей работы маркетплейсов [16, 17]. Анализ отдельных моделей работы маркетплейсов выполнен в [18]. Взаимосвязи между уровнем конкуренции в отрасли, развитием цепочки поставок и эффективностью работы маркетплейса изучены [19, 20].

Особый интерес к работе маркетплейсов был проявлен на фоне пандемии. Влияние пандемии на развитие электронной торговли вообще и маркетплейсов (e-marketplace) в частности проанализировано в статье X. Gao, X. Shi, H. Guo, Y. Liu [21], поведение онлайн-покупателей продуктов питания в период эпидемии – в [22]. Предварительный анализ работы маркетплейсов и поведения потребителей в 2020–2021 гг., в рамках предыдущих исследований авторов [23], позволил обратить внимание на то, что маркетплейсы в той или иной степени проявляют несомненный интерес к продуктовому ретейлу, а в сознании потребителей такие универсальные платформы вполне сочетаются с торговлей, в том числе и продуктами питания.

Поставленная цель – изучить опыт и перспективы развития маркетплейсов как еще одного типа игроков на рынке продуктового ретейла, их роль в повышении качества жизни населения.

Задачи исследования включают в себя:

– оценку возможностей маркетплейсов по продаже продуктов питания, повышению качества и разнообразия услуг на российском онлайн-рынке;

– изучение отношения к продаже продуктов питания через маркетплейсы со стороны покупателей;

– прогноз дальнейших перспектив развития торговли продуктами питания через маркетплейсы.

Предмет исследования – взаимодействие маркетплейсов и потребителей на рынке продуктового онлайн-ретейла.

Объект исследования – маркетплейсы, предлагающие продукты питания на российском рынке, и их потребители.

Метод исследования

Для эффективного исследования определение объекта следует уточнить. Понятие и классификация маркетплейсов в настоящее время не являются устоявшимися и стандартизированными. Тем не менее достаточно четко выделяются следующие группы:

– по виду торговли (маркетплейсы, ведущие розничную или/и оптовую торговлю);

– по широте ассортимента (универсальные и специализированные маркетплейсы);

– по охвату территории (маркетплейсы, работающие в пределах одной или более стран).

Иногда к маркетплейсам причисляют также площадки для торговли услугами (Booking,

Airbnb) или классифайды – доски объявлений («Авито»).

Продукты питания предлагаются как маркетплейсами, ориентированными на розницу (Ozon, AliExpress Russia, Wildberries, «Яндекс-Маркет», KazanExpress, «СберМегаМаркет»), так и теми, кто работает с оптовыми покупателями (специализированный маркетплейс «на_полке» napolke.ru, универсальный маркетплейс «Оптовый» optoviy.com и др.).

Оптовые маркетплейсы продуктов питания чаще всего невелики. Они предоставляют продавцам лишь витрину для демонстрации товара и каналы для передачи заказа. Логистику и расчеты продавцы и покупатели организуют самостоятельно. Модель принятия решения об оптовых закупках специфична, и потому эти маркетплейсы были исключены из исследования на данном этапе. По этой же причине не рассматривается работа маркетплейса AliExpress в части осуществления им оптовых операций.

Специализированные розничные маркетплейсы обычно не выбирают в качестве специализации торговлю продуктами питания. Так, «ВсеИнструменты.ру» работает в сфере DIY, а Lamoda – в фешен-сегменте. Поэтому основными объектами для изучения становятся только розничные универсальные маркетплейсы, обслуживающие российских потребителей.

Хотя на российском рынке универсальных розничных маркетплейсов давно работают крупные игроки, его состав не остается постоянным. Последние крупные обновления – «Яндекс.Маркет», начавший работать на базе платформы «Беру» осенью 2020 г., и «СберМегаМаркет», основанный весной 2021 г. на базе маркетплейса goods.ru.

Поскольку оба этих маркетплейса начали свою работу менее года назад и находятся в стадии активного продвижения, исследование статистики их деятельности и отношения к ним потребителей представляется затруднительным. Поэтому для данных маркетплейсов будет рассмотрена только модель их функционирования. Также региональный маркетплейс KazanExpress, работающий в Приволжском и Уральском федеральных округах, с оборотом всего лишь 1.3 млрд руб на 2020 г. (несопоставимо с объемами выручки основных игроков), на текущий момент был исключен из рассмотрения [24].

Таким образом, основными объектами исследования стали четыре крупных, универсальных розничных маркетплейса – Ozon, Wildberries, AliExpress, а также (в ограниченном объеме) «СберМегаМаркет», «Яндекс.Маркет».

Для изучения деятельности маркетплейсов были проанализированы статистические и иные данные, находящиеся в открытом доступе на специализированных аналитических и новостных ресурсах (Datainsight.ru, retail.ru и др.), а также сайты и мобильные приложения самих маркетплейсов.

Для изучения позиции потребителей в отношении различных способов покупки продуктов питания онлайн был проведен опрос среди жителей крупных городов Приволжского федерального округа. В феврале–марте 2021 г. были опрошены 284 жителя двух городов-миллионников (Нижнего Новгорода и Казани), а также двух городов с населением около 500 тыс. жителей (Пензы и Кирова). Города ПФО, расположенные недалеко от Москвы, регулярно становятся стартовой площадкой для различных предприятий, работающих в сфере E-commerce. Именно здесь в первую очередь был, например, запущен проект «Сбермаркет» (осень 2019 г.), появились первые отделения «Самоката» и «Яндекс.Лавки» (лето 2020 г.). Таким образом, опрошенные потребители в основном имели возможность ознакомиться со всеми новинками в продуктовом ретейле и составить о них свое представление.

Тем не менее по состоянию на весну 2021 г. примерно половина потребителей региона не имела личного опыта покупки продуктов питания онлайн. Поэтому опрос был изначально разделен на два больших блока, в зависимости от наличия/отсутствия опыта взаимодействия с продуктовыми онлайн-ретейлерами и службами доставки.

Результаты и обсуждение результатов

1. *Модели работы маркетплейсов при продаже продуктов питания*

По оценке агентства Infoline, годовой оборот всего российского рынка онлайн-торговли продуктами питания в 2020 г. составил 155 млрд руб. [25]. Из них 14% (или 21.9 млрд руб.) приходятся на продажи продуктовых онлайн-ретейлеров «Пятерочка» и «Перекресток». Еще 13% (или 20.72 млрд руб.) составляет доля специализированного сервиса доставки продуктов «Сбермаркет» [26]. Индивидуальные доли остальных специализированных ретейлеров («Утконос», «ВкусВилл», «Яндекс.Лавка», «Самокат», iGoods) были меньше, но в целом составляли 40.7% рынка (63.7 млрд руб.) [27]. Таким образом большая часть рассматриваемого рынка в 2020 г. принадлежала специализированным компаниям, а универсальные маркетплейсы занимали всего лишь 15.6%.

В абсолютном выражении показатели объема продаж продуктов питания универсальными

Таблица 1

Маркетплейсы как канал продаж для продуктов питания*

Наименование	AliExpress	Ozon	Wildberries	«Яндекс.Маркет»
Доля продавцов продуктов питания в общем количестве продавцов на площадке	7%	9%	8%	13%
Маркетплейс подходит для продажи продуктов питания (положительное мнение продавцов, торгующих на маркетплейсе)	7%**	30%	28%	20%
Популярность страницы «Продукты питания» (входит в Топ-5 категорий по трафику)	–	–	–	+

* Составлено авторами по данным опроса Data Insight «Sellers On Marketplaces 2020».
**Продажа продуктов питания была запущена на площадке в 2020 г.

маркетплейсами, несомненно, будут расти. Статистика за 2020 г. учитывает только два таких маркетплейса – Ozon и Wildberries. При этом продажи продуктов на Ozon за 2020 г. выросли на 128%, а на Wildberries – на 540%. В статистике 2021 г. к ним добавятся AliExpress Russia (запустивший продажу продовольственных товаров только в середине 2020 г.) и «Яндекс.Маркет» (начавший работу в осенью 2020 г.). Результаты 2022 г. учтут также продажи «СберМегаМаркета», развернувшего свою деятельность в середине 2021 г.

Однако доля продуктов питания в общих объемах продаж маркетплейсов невелика. Для Ozon она составила 6.4% от оборота 2020 г., для Wildberries – 2.9%.

Предложение продуктов питания на маркетплейсах в 2020 г. обеспечивалось 7–13% от всех продавцов на соответствующей площадке (см. табл. 1). При этом большинство продавцов вели торговлю сразу на нескольких площадках. Это исключает простое суммирование их численности.

В 2020 г. сами продавцы маркетплейсов не проявляли высокой уверенности в том, что эти площадки подходят для продуктов питания. Положительное мнение о такой торговле высказывали 20–30% респондентов. Для сравнения: от 40% до 70% продавцов считали, что маркетплейсы подходят для торговли в категориях «Электроника и техника», «Дом и дача», «Товары для спорта».

Лишь у «Яндекс.Маркета» посещаемость потребителями страниц из категории «Продукты питания» оказалась в пятерке лидеров (11%). Для сравнения: страницы, предлагающие электронику и технику, привлекли 53% трафика. Для остальных площадок трафик на страницы с продовольственными товарами составил менее 5%.

Таким образом, можно предположить, что продукты питания сегодня едва ли могут стать одной из ключевых товарных групп для универсальных маркетплейсов. Тем не менее эти товары занимают свое определенное место в ассортименте маркетплейса, а сами маркетплейсы проявляют немалую изобретательность для того, чтобы найти оптимальную форму сбыта продовольственных товаров и не упустить свое место на привлекательном и быстро растущем рынке.

Важным фактором повышения конкурентоспособности продаж продовольственных товаров, а также повышения качества услуг является включение в ассортимент товаров категории fresh. В табл. 2 указаны группы продовольственных товаров, представленных на маркетплейсах. Видно, что товары категории fresh представлены далеко не на всех площадках. Для всех маркетплейсов в целом недоступной является продажа и доставка алкоголя, что связано с законодательными ограничениями. Таким образом, с точки зрения ассортиментной структуры маркетплейсы в РФ пока уступают специализированным сервисам доставки продуктов. Однако с учетом многообразной и доступной сети пунктов доставки, даже в самых отдаленных от центра населенных пунктах, маркетплейсы имеют все возможности для расширения ассортимента продуктов для всех категорий граждан. Тем самым они способны обеспечить повышение качества жизни людей, проживающих в различных регионах страны.

Ниже рассмотрены наиболее распространенные модели, на основе которых сегодня работают маркетплейсы, предлагающие в том числе ассортимент продовольственных товаров для розничной торговли.

1. Модель фулфилмента со склада маркетплейса (FBO, FBY и пр. в зависимости от маркетплейса). Это классическая модель продаж на маркетплейсе, при которой все операции, включая логистику, выполняются самим маркетплейсом. Однако в отношении продуктов питания ее применение не всегда возможно, прежде всего когда речь идет о категории fresh. Прочие же продовольственные товары (чай, кофе, снеки, консервы и т.п.) хорошо вписываются в такую модель и в плане транспортировки-хранения ничем не отличаются от непродовольственных товаров.

2. Модель фулфилмента со склада продавца (FBS). В этом случае товар хранится на

Таблица 2

Основные категории продовольственных товаров, реализуемых через маркетплейсы в РФ в 2021 г.*

Маркетплейс	Категория										
	С длительными сроками годности						Fresh				Особая
	Бакалея	Консервы	Кондитерские изделия	Снеки	Дет. питание	Напитки	Молоко	Сыры	Мясо, рыба	Фрукты/овощи	Алкоголь
Wildberries	+	+	+	+	+	+	-**	-**	-**	-**	-
Ozon	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
OzonExpress***	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
AliExpress.ru	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-
AliExpressЕсть!	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-
«Яндекс.Маркет»	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-

* Составлено авторами на основе изучения интернет-каталогов официальных сайтов.
** Имеются с июня 2021 г. на территории Москвы в пределах МКАД.
*** Москва, СПб, Тверь, Ростов-на-Дону.

складе продавца и передается в систему логистики маркетплейса только при поступлении заказа. Подобная модель стала основной при продаже продуктов питания (включая fresh) для маркетплейса Wildberries. Вплоть до осени 2020 г. маркетплейс предлагал товары только с собственного склада, что делало затруднительной торговлю широким ассортиментом продовольственных товаров. С июня 2021 г. [28] маркетплейс начал реализацию всех категорий продуктов питания, но на крайне ограниченной территории (Москва в пределах МКАД).

3. Модель онлайн-магазина на базе маркетплейса. Маркетплейс Ozon с 2020 г. развивает параллельную площадку продуктов питания OzonExpress. Скорость доставки, несмотря на название, составляет около часа, что ниже, чем у «Самоката» и «Яндекс.Лавки». Первоначально сервис действовал только в Москве и Московской области. Сейчас к регионам обслуживания добавились Санкт-Петербург, Тверь, Ростов-на-Дону, и компания планирует расширять зону своего присутствия. В остальных регионах покупателям доступен более узкий ассортимент продовольственных товаров, не требующих особых условий хранения и имеющих длительный срок годности.

OzonExpress выступает не только как служба доставки, но и как продавец товаров (в том числе и непродовольственных). Таким образом, эта часть Ozon маркетплейсом фактически не является. Однако потребители попадают сюда через единый сайт Ozon, могут использовать Ozon.Card для оплаты и аккаунт Premium Ozon для получения скидок. Поэтому едва ли потребители отдают себе отчет в том, что в данном случае речь идет о несколько иной модели продаж, чем на Ozon в целом.

4. Модель дропшиппинга. С конца августа 2020 г. AliExpress предлагает своим пользователям инструмент для продуктового онлайн-ретейла «Есть!». Этот сервис доступен только тем пользователям, которые установили мобильное приложение AliExpress. AliExpressЕсть! не продает товары от своего имени. Компания сотрудничает с хорошо известными брендами «ВкусВилл», «Самокат», «Лента», METPO и другими. Для каждого региона набор брендов будет различен. Сам AliExpress в данном случае выступает как витрина, собирает и передает заказы, принимает оплату. При этом товары хранятся на складах продавцов и доставляются клиентам силами продавцов. Таким образом AliExpress фактически использует схему дропшиппинга. Такой вариант не является необычным для маркетплейсов и часто используется для других категорий товаров.

По той же схеме осуществляет торговлю большей частью продуктов питания «Яндекс.Маркет». Он сотрудничает с магазинами и сервисами в регионе («Ашан», Perekrestok.Vprok, METPO, Produktoff и другие). Точками самовывоза указываются не ПВЗ «Яндекс.Маркета», а офлайновые магазины, например «Ашан».

Аналогичная модель применяется новой компанией «СберМегаМаркет» в части продажи продовольственных товаров. Будучи частью экосистемы «Сбера», маркетплейс использует дополнительные возможности сервиса доставки продовольственных товаров «Сбермаркет» в партнерстве с такими компаниями, как METPO, «Лента», «Ашан», и некоторыми другими.

Таблица 3

Осведомленность потребителей о возможности приобретения продуктов питания через маркетплейсы, %*

Наименование	Доля потребителей, у которых опыт онлайн-покупок продовольственных товаров	
	имеется	отсутствует
1. Потребителями названы разнообразные сервисы для приобретения продуктов онлайн, в том числе	88.76	87.78
1.1 три маркетплейса (AliExpress, Ozon, Wildberries)	61.80	50.00
1.2 любые два из трех маркетплейсов	16.85	25.56
1.3 любой один из трех маркетплейсов	10.11	12.22
2. Потребителями названы только маркетплейсы (один или несколько) как каналы для приобретения продуктов онлайн	11.24	11.11
3. Итого	100.00	100.00

* Составлено авторами на основе проведенного социологического опроса.

2. *Взаимодействие потребителей с маркетплейсами на продовольственном рынке и повышение качества жизни населения*

2.1. Осведомленность о деятельности маркетплейсов на продовольственном рынке

Крупные маркетплейсы России, предлагающие продукты питания, хорошо известны потребителям. Ozon, Wildberries, AliExpress работают на российском рынке более 15 лет. «Яндекс.Маркет» и «СберМегаМаркет» появились недавно. Но сами бренды – «Яндекс» и «Сбер» – также прекрасно узнаваемы. С одной стороны, это преимущество данных компаний, с другой стороны, у потребителей уже сложились определенные стереотипы в отношении этих маркетплейсов и брендов. Возникает вопрос, готовы ли потребители принять их в новом качестве: в качестве продавцов широкого ассортимента продовольственных товаров.

В ходе опроса было установлено, что опыт покупок продуктов питания онлайн любым способом имеется у 44.7% опрошенных. О том, что маркетплейсы также могут быть продавцами продовольственных товаров, знают 65.33% всех опрошенных. Среди респондентов, имеющих опыт покупок продуктов онлайн, об участии маркетплейсов в торговле продовольственными товарами знают 72.36%, а среди тех, кто совершает подобные покупки лишь в офлайновых магазинах, – только 52.21%. Однако в любом случае больше половины опрошенных приняли тот факт, что маркетплейсы ведут в том или ином виде торговлю продуктами.

Как видно из табл. 3, большинство покупателей (61.80% и 50.00% для двух рассмотренных групп) уверенно называют все три маркетплейса в числе ряда других сервисов покупки продуктов онлайн. Таким образом, можно говорить о том, что потребители представляют реальную конкурентную ситуацию на рынке и будут принимать решение о покупке, исходя из наличия многих альтернатив.

Следует отметить, что около 11% в обеих группах в качестве каналов заказа продуктов питания онлайн назвали только маркетплейсы, не упомянув о наличии других альтернатив. Можно предположить, что особенно для неопытных покупателей из провинциальных областей (где и проводился опрос) это означает привычность маркетплейсов как продавцов самого широкого ассортимента товаров, тогда как новые специализированные сервисы пока еще воспринимаются малоизвестными и малопонятными.

2.2. Опыт покупок продовольственных товаров на маркетплейсах и его оценка

Согласно проведенному опросу, 35.5% покупателей, имеющих опыт покупки продуктов питания онлайн, хотя бы раз покупали какие-либо товары из этой категории на универсальных маркетплейсах. При этом чаще всего в ответах указывается Ozon (47% всех респондентов, заказывавших продукты питания на маркетплейсах) и Wildberries (40%). Несколько реже упоминается AliExpress (29%).

Следует отметить, что речь здесь не может идти о полноценной закупке продуктов питания для ежедневного потребления с включением категории fresh. В период проведения опроса маркетплейсы лишь начинали разворачивать масштабную торговлю продовольственными товарами, и потребителям был доступен достаточно узкий ассортимент.

Скорее, надо говорить о том, что потребители в целом не отвергают возможность покупки продуктов через нетрадиционные каналы, ранее специализировавшиеся на непродовольственных товарах. Свое мнение о целесообразности приобретения продовольственных товаров на маркетплейсах потребители будут основывать в том числе и на своем опыте покупки на этих площадках непродовольственных товаров.

Сравнительная потребительская оценка качества услуг сервисов доставки продуктов питания и маркетплейсов (начало 2021 г.) показала, что покупатели достаточно быстро оценили

Таблица 4

Сравнительная оценка качества доставки маркетплейсами и специализированными сервисами по пятибалльной шкале (1 – очень плохо, 5 – отлично)*

Наименование сервиса доставки	Оператив-ность	Пунктуаль-ность	Вежли-вость	Предупреди-тельность	Опрятность	Сумма баллов по сервису
	Среднее значение, % от всех ответов по предпочитаемому сервису					
«Сбермаркет»	3.7	3.7	4.1	3.9	4.0	19.4
«Самокат»	3.9	3.7	3.8	3.3	3.7	18.4
Ozon	3.9	3.6	3.7	3.5	3.9	18.6
AliExpress	2.5	2.6	2.9	2.9	3.1	14.0
Wildberries	2.7	2.8	2.8	2.6	2.6	13.5

* Составлено авторами на основе проведенного социологического опроса.

Таблица 5

Индекс NPS для маркетплейсов и специализированных сервисов доставки продуктов, %*

Наименование сервиса доставки или маркетплейса	Значение индекса NPS сервиса доставки
«Сбермаркет»	57.1
«Озон»	50
«Яндекс.Лавка»	44.5
Wildberries	35.8
AliExpress	–36.4

* Составлено авторами на основе проведенного социологического опроса.

особые преимущества специализированных сервисов (например, оперативность и пунктуальность, так важные при получении продовольственных заказов).

В табл. 4 показано, что все маркетплейсы существенно уступали по качеству доставки своим специализированным конкурентам. Прежде всего это относится к AliExpress и Wildberries, получившим самые низкие оценки (2.8 и 2.7 балла соответственно из 5 возможных).

Только Ozon получил среднюю оценку своих услуг по доставке на уровне специализированных сервисов. Особенно высокий балл Ozon получил по показателю «Оперативность». Следует заметить, что у респондентов при ответе на этот вопрос не было возможности сравнить оперативность разных компаний, они ставили оценки только той компании, где покупали продукты.

Аналогичны позиции Ozon и при оценке индекса NPS (лояльности). Из всех исследованных маркетплейсов (табл. 5) только Ozon может рассчитывать на достаточно высокую лояльность покупателей (NPS=50), сравнимую с лояльностью к специализированным продуктовым сервисам, таким как «Сбермаркет» или «Яндекс.Лавка», которые имеют индекс на уровне 57% и 44.5% соответственно.

Индекс Wildberries ниже, чем у специализированных сервисов, но все же является положительным. А вот AliExpress, как сервис доставки продуктов, заслужил у наших респондентов самую низкую, более того, отрицательную оценку (–36.4). Эта минимальный результат всех компаний, которые оценивались по данному индексу в настоящем исследовании.

2.3. Характеристика негативных представлений потребителей о работе маркетплейсов

С учетом собственного опыта или опираясь на опыт других покупателей потребители постепенно формируют не только положительные, но и отрицательные мнения об основных участниках рынка доставки продуктов питания. Как видно из таблицы 6, основная часть потребителей затрудняется назвать какого-либо одного совершенно неприемлемого для них продавца (54.0% и 38.8% по каждой из групп потребителей).

Особняком стоит маркетплейс AliExpress. Его негативная оценка очень высока. Репутации маркетплейса действительно сопутствуют некоторые стереотипы, активно тиражируемые в сети. Опытные покупатели гораздо лучше понимают, что эти стереотипы далеко не всегда соответствуют действительности, и дают негативную оценку маркетплейсу только в 8.8% случаев. Однако неопытные респонденты гораздо более категоричны и исключают возможность покупки продуктов питания на AliExpress в 27% случаев.

В настоящее время компания старается упрочить свои позиции на российском рынке, приблизить свою деятельность к российскому потребителю территориально, сократить время поставки. Об этом может свидетельствовать: создание в 2019 г. совместного предприятия AliExpressRussia; развитие с 2020 г. сети постаматов логистической компании CaiNiao, непосредственно связанной с AliExpress; приобретение в 2021 г. 30% доли в капитале нового российского маркетплейса KazanExpress, ориентированного на доставку товаров в течение суток.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «В каком сервисе доставки вы никогда не стали бы заказывать продукты питания?», %*

Наименование маркетплейса	Доля потребителей, у которых опыт онлайн-покупок продовольственных товаров	
	имеется	отсутствует
Затруднились ответить	54.0	38.8
AliExpress	8.8	27.0
Wildberries	2.9	2.6
Ozon	1.0	0.7
Прочие (специализированные сервисы доставки и службы доставки сетевых магазинов)	33.3**	30.9***
Итого	100.00	100.00

* Составлено авторами на основе проведенного социологического опроса.
** Максимальная доля одного сервиса 5.90%.
*** Максимальная доля одного сервиса 5.92%.

Действия AliExpress (вхождение на российский продовольственный рынок, тесное взаимодействие с российскими производителями продуктов питания, крупными сетями продуктовых ретейлеров, сервисами доставки продуктов и готовых блюд), очевидно, должны в перспективе изменить отношение потребителей к маркетплейсу, создать ощущение того, что это местный продавец, предлагающий в том числе и хорошо знакомые местные продукты.

Заключение

1. Электронные торговые площадки несут в себе большой потенциал для развития цифровых технологий в торговле. Инновации, обеспечиваемые мощными ресурсными возможностями маркетплейсов, рождающиеся в сфере непродовольственного ретейла, в сфере различных цифровых услуг населению, могут быть трансформированы на потребительский рынок продуктов питания. Это, в свою очередь, позволит более полно и многогранно удовлетворять запросы потребителей на качественные, свежие, разнообразные продукты питания, а значит, способствовать повышению качества жизни граждан.

2. Сегодня универсальные маркетплейсы не являются основными игроками на рынке онлайновых продаж продуктов питания и проигрывают специализированным сервисам. Тем не менее объем реализации продовольственных товаров через такие площадки весьма значителен и продолжает расти.

3. Крупнейшие универсальные маркетплейсы на территории России расширяют ассортимент предлагаемых продовольственных товаров, включая в него товары категории fresh, что повышает их конкурентоспособность по сравнению со специализированными сервисами.

4. Модели работы маркетплейсов на рынке продовольственных товаров находятся в стадии становления, но уже отличаются разнообразием. На данный момент можно выделить по меньшей мере четыре такие модели: модель фулфилмента со склада маркетплейса (для узкого ассортимента на большинстве маркетплейсов), модель FBS (Wildberries), модель интернет-магазина в рамках маркетплейса (Ozon), модель дропшиппинга (AliExpress и пр.).

5. Проведенное исследование показывает, что уже около 65% респондентов, проживающих в провинции (ПФО), осведомлены о возможности покупать продукты питания через универсальные маркетплейсы. Эту осведомленность проявляют (52%) даже те, кто сам никогда не заказывал продовольственные товары онлайн.

6. Потребители допускают для себя возможность заказа продовольственных товаров на маркетплейсах. Каждый третий из тех, кто в принципе приобретал продукты онлайн, утверждает, что пользовался для этой цели и услугами маркетплейсов. Однако в оценке качества услуг маркетплейсы пока (первая половина 2021 г.) проигрывают специализированным сервисам. На результаты этой оценки, несомненно, влияет прежний опыт покупки на маркетплейсах как продовольственных, так и непродовольственных товаров. Можно сказать, что потребители проявляют осторожность и некоторое сомнение в том, что маркетплейсы смогут освоить новый для себя рынок продуктового онлайн-ретейла так же эффективно, как специализированные сервисы.

7. Важно, что большинство потребителей не имеет четко сформировавшихся негативных установок или предубеждений против каких-либо маркетплейсов как продавцов продовольственных товаров. Своевременная работа над позитивным восприятием продаж продуктов питания через маркетплейсы, активное продвижение новых услуг и повышение качества доставки смогут обеспечить маркетплейсам определенную долю в новой для них сфере бизнеса.

8. Рынок продуктового онлайн-ретейла постоянно растет и последовательно проходит различные этапы своего становления: появление первых служб доставки с ограниченной территорией обслуживания; массовый выход специализированных сервисов и служб доставки сетевых ретейлеров сначала в города-миллионники, а затем и в небольшие населенные пункты; появление сервисов экспресс-доставки. Текущим этапом развития рынка является увеличение на нем доли и разнообразия универсальных маркетплейсов.

9. Преимуществом маркетплейсов в конкурентной борьбе станет возможность одновременно предлагать потребителю широчайший ассортимент как продовольственных, так и непродовольственных товаров через один аккаунт; мощная логистическая база (собственная и/или партнерская), сформированная на предыдущих этапах развития маркетплейсов, высокая узнаваемость брендов. Для реализации этих преимуществ маркетплейсам следует в ближайшее время провести работу по корректировке своего имиджа как поставщика продовольственных товаров, а также внести изменения в свою логистику, ориентируя ее на максимально оперативную доставку продуктов, в том числе тех, которые требуют особых условий хранения.

В целом, маркетплейсы становятся еще одним этапом развития продовольственного онлайн-рынка. С их приходом повышается разнообразие каналов сбыта продуктов питания и доступность услуг розничной онлайн-торговли для широкого круга потребителей, а значит, и качества жизни граждан нашей страны.

Список литературы

1. Вирин Ф., Овчинников Б. E-commerce 2021 // Презентация для бизнес-форума «Региональный рост – поиск эффективных решений». Казань, Российская Федерация, 25 июня. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Ecommerce_2021_Presentation.pdf (дата обращения: 25.10.2021).

2. Мамонтов А. Младшие братья Amazon. Инвестиции в онлайн-ритейл // БКС Экспресс (03.02.21). URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/mladshie-brat-ia-amazon-investitsii-v-onlain-riteil/ (дата обращения: 25.10.2021).

3. Buyanova M.E., Kalinina A.E., Averina I.S. Preconditions and driving forces for the development of electronic commerce in the context of digitalization of the economy // In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) «Smart Technologies» for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 155. Springer, Cham. 2021. Retrieved from www.scopus.com

4. Nevskaya A. The digitalization of Russia–EU trade [Digitalization in trade between Russia and the European Union] // Sovremennaya Evropa. 2020. № 97 (4). P. 91–101.

5. Антинескул Е.А., Ремнева М.А. Анализ, тенденции и перспективы развития служб доставки продуктов питания // Экономическая среда. 2021. № 3 (37). С. 26–32.

6. Mantin B., Krishnan H., Dhar T. The strategic role of third-party marketplaces in retailing // Production and Operations Management. 2014. № 23 (11). P. 1937–1949.

7. Wang C., Leng M., Liang L. Choosing an online retail channel for a manufacturer: Direct sales or consignment? // International Journal of Production Economics. 2018. № 195. P. 338–358.

8. Фазил-Заде А. Будущее маркетплейсов: куда движется e-commerce? // retail.ru (23.06.2021). URL: https://www.retail.ru/tovar_na_polku/budushchee-marketpleysov-kuda-dvizhetsya-e-commerce/ (дата обращения: 25.10.2021).

9. Akhmadi H., Pratolo S. Online marketing of food products through marketplace platform: A study of community based online marketplace of BEDUKMUTU. Paper presented at the E3S Web of Conferences, 2021. 232. Retrieved from www.scopus.com

10. Chaffey D. E-business and e-commerce management: strategy, implementation and practice. Harlow, England: FT Prentice Hall, 2009.

11. Рейтинг топ-100 крупнейших интернет-магазинов России // datainsight.ru. URL: https://www.top100.datainsight.ru/ (дата обращения: 25.10.2021).

12. Новая волна маркетплейсов в B2C: есть ли место новым игрокам? // Retail.ru (27.11.20). URL: https://www.retail.ru/articles/novaya-volna-marketpleysov-v-b2c-est-li-mesto-novym-igrokam// (дата обращения: 25.10.2021).

13. Кирюшин С.А. Развитие технологий цепей поставок продуктов питания в условиях цифровой экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 1. № 12. С. 42–48.

14. Niu B., Li Q., Mu Z., Chen L., Ji P. Platform logistics or self-logistics? Restaurants' cooperation with online food-delivery platform considering profitability and sustainability // International Journal of Production Economics, 2021. 234. Retrieved from www.scopus.com

15. Sturiale L., Timpanaro G., La Via G. The online sales models of fresh fruit and vegetables: Opportunities and limits for typical italian products // Quality – Access to Success. 2017. № 18. P. 444–451.

16. Täuscher K., Laudien S.M. Understanding platform business models: A mixed methods study of marketplaces // European Management Journal. 2018. № 36 (3). P. 319–329.

17. Xu X., Chen Y., He P., Yu Y., Bi G. The selection of marketplace mode and reselling mode with demand disruptions under cap-and-trade regulation // International Journal of Production Research, 2021. Retrieved from www.scopus.com

18. Ryan J.K., Sun D., Zhao X. Competition and coordination in online marketplaces // Production and Operations Management. 2012. № 21 (6). P. 997–1014.

19. Tian L., Vakharia A.J., Tan Y.R., Xu Y. Marketplace, reseller, or hybrid: Strategic analysis of an emerging E-commerce model // Production and Operations Management. 2018. № 27 (8). P. 1595–1610.

20. Wei J., Lu J., Zhao J. Interactions of competing manufacturers' leader-follower relationship and sales

format on online platforms // European Journal of Operational Research. 2020. № 280 (2). P. 508–522.

21. Gao X., Shi X., Guo H., Liu Y. To buy or not buy food online: The impact of the COVID-19 epidemic on the adoption of e-commerce in China // PLoS ONE. 2020. № 15 (8 August).

22. Khoa B.T., Oanh N.T.T., Uyen V.T.T., Dung D.C.H. Customer loyalty in the COVID-19 pandemic: The application of machine learning in survey data, 2022. Retrieved from www.scopus.com

23. Чкалова О.В., Копасовская Н.Г., Большакова И.В., Некрасова Т., Салкуцан С. Взаимодействие компаний и потребителей на основе инфокоммуникаций на рынке продуктового ритейла // Интернет вещей, умные пространства, сети и системы нового поколения. 21-я Международная конференция, NEW2AN 2021 и 14-я конференция ruSMART 2021, Санкт-Петербург, Россия, 26–27 августа 2021 г. Т. 13158. Springer, Cham, 2021. С. 122–146.

24. Шестоперов Д. AliExpress доставила деньги в Казань // Kommersant.ru. Дата публикации 10.03.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4721691/ (дата обращения: 25.10.2021).

25. Ганжур Е. Продажи еды принесли «Яндексу» 24 млрд рублей в 2020 году // Forbes.ru. Дата публикации 16.02.2021. URL: https://www.forbes.ru/newsroom/biznes/421345-prodazhi-edy-prinesli-yandeksu-24-mlrd-rubley-v-2020-godu/ (дата обращения: 25.10.2021).

26. СберМаркет вырос в 14 раз за 2020 год // Сайт Сбербанка РФ. Дата публикации 01.02.2021. URL: https://press.sber.ru/publications/sbermarket-vyros-v-14-raz-za-2020-god/ (дата обращения: 25.10.2021).

27. Костырев А. Продукты пошли по сети. Растущий рынок онлайн-торговли едой делят крупнейшие игроки // Kommersant.ru. Дата публикации 16.02.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4692662/ (дата обращения: 25.10.2021).

28. Wildberries запустил экспресс-доставку продуктов питания, готовых блюд и цветов // tass.ru. Дата публикации 17.06.2021. URL: https://tass.ru/economika/11673119 / (дата обращения: 25.10.2021).

ELECTRONIC MARKETPLACES AS A DRIVER FOR THE DEVELOPMENT OF THE FOOD RETAIL MARKET

O.V. Chkalova, N.G. Kopasovskaya, I.V. Bolshakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Digital platforms today hold great potential for business development and increasing the diversity and quality of services for the population, and therefore increasing the welfare of society as a whole and improving the quality of life. This paper examines the conditions for the development of electronic marketplaces in the region and their impact on improving the quality of services in the online grocery retail market. The object of the study is the regional online food market (the market of Privolzhsky Federal District). The main instruments of the research - analysis of open data on the Internet and the results of sociological research. The main players in the product market among online marketplaces are identified. Their competitive position in the market is assessed in terms of the scale and rate of expansion of digital services and assortment in the field of food sales. The main models of how marketplaces work with sellers have been identified, and the attractiveness of electronic marketplaces for food retailers has been assessed. The results of a sociological survey revealed the degree of customer awareness of the services of selling food products through electronic platforms, and evaluated consumer behaviour. It was proved that customers today are cautious about the services of marketplaces as sellers of food, but do not have negative attitudes against their services. This paper assesses the quality of e-marketplace services as a food delivery service and provides recommendations for improving the quality of these services.

Keywords: marketplace, online food retail, food delivery service, consumer awareness, quality of service of marketplaces, consumer loyalty, fulfilment, drop shipping.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_2_48

РАСШИРЯЯ ГРАНИЦЫ ИССЛЕДОВАНИЙ: ИЗУЧЕНИЕ ИНВАЛИДНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

© 2022 г.

Е.Э. Носенко-Штейн

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна, д.и.н.; ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва
Nosenko1@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2021
Статья принята к публикации 18.04.2022

Изучение инвалидности в конце XX–XXI в. превратилось в междисциплинарную область знания, в которой применяются методы, апробированные в различных науках, прежде всего, социальных. Преобладающей в этих исследованиях стала социальная модель инвалидности, хотя существуют и другие модели и подходы к такому сложному и многомерному явлению как инвалидность. В этом выпуске опубликовано несколько статей участников Международного научного семинара по проблемам людей с ограниченными возможностями здоровья, который прошел в Москве летом 2021 г. и был поддержан Программой Фулбрайта. Спектр проблем, затронутых в опубликованных работах, весьма разнообразен: использование цифровых технологий в реабилитации людей с ОВЗ и в учебном процессе, вопросы социального предпринимательства, факторы формирования представлений об инвалидности (включая религиозный), обращение к нетрадиционным методам лечения детей-инвалидов, образ человека с инвалидностью в современной массовой литературе. На первый взгляд, такая подборка выглядит несколько «пестрой», но это разнообразие, как думается, дает возможность расширить границы и рамки изучения инвалидности как сложного социокультурного феномена.

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, медицинская модель, социальная модель, репрезентация, реабилитация.

Введение

Изучение инвалидности (Disability Studies) в последние несколько десятилетий стало междисциплинарной областью академического знания, объединяющей в себе подходы, методы и терминологию, почерпнутые из различных гуманитарных и социальных дисциплин (и не только). Среди них социокультурная антропология, социальная и клиническая психология, социология, педагогика, история, фольклористика, литературоведение, медицина, экономика, демография и другие науки. В нашей стране такие комплексные исследования начались относительно недавно, их пионером стала Е.Р. Ярская-Смирнова, чьи исследования разных аспектов инвалидности стали подлинно новаторскими (например: [2–5]. Список работ исследовательницы см.:[6]).

С тех пор в России появилось немало исследований, посвященных социальной политике, формированию доступной среды, развитию различных форм образования для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), их трудоустройству, особенностям развития у людей с различными нарушениями и др. Проводятся многочисленные конференции и симпозиумы, посвященные этим проблемам. Среди них можно выделить проводившуюся в сентябре 2018 г. кафедрой социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского конференцию «Инвалиды, инвалидность, инвалидизация» [1].

В последние несколько лет в рамках созданной в Институте этнологии и антропологии Группы по антропологии инвалидности также проводятся исследования, касающиеся разных аспектов восприятия инвалидности в различных социальных и культурных средах (этнической, религиозной, профессиональной), среди разных групп населения России и пост-советских стран). Сотрудники группы из разных российских городов и научных центров опубликовали немало статей в научных журналах, а также индивидуальные и коллективные монографии [7, 8].

Исследователи из этой группы (и не только они) – и это вполне естественно – придерживаются разных подходов и методов, хотя в по-

следние полтора-два десятилетия социальная модель инвалидности получила в нашей стране заметное распространение. Более того, иногда можно встретить утверждения о том, что в изучении инвалидности существуют две модели: медицинская и социальная. В этой связи, видимо, нелишне коротко упомянуть об основных теориях и моделях инвалидности.

Серьезно изучать инвалидность стали во второй половине XX в. после Второй мировой войны. Тогда сложилась медицинская модель инвалидности, сторонники которой рассматривали ее как медицинскую проблему, результат заболевания или травмы. Люди с инвалидностью в рамках этой модели воспринимались как больные, которых следует лечить и которые нуждаются в разного рода помощи. Следствием такой модели было создание в ряде стран системы лечения и реабилитации людей с разными категориями инвалидности. Она преобладала в СССР, где были сделаны определенные успехи в создании так называемой дефектологии и специальной педагогики. Вместе с тем в рамках этой модели люди с инвалидностью рассматривались как пассивный объект социальной заботы, отстраненные от принятия решений.

В 1960-е гг. в ряде стран глобального Севера развернулись общественные и политические движения различных меньшинств за свои права. Люди с ОВЗ были в их числе Тогда сложилась и в дальнейшем наибольшее распространение в академических исследованиях получила социальная модель инвалидности, обратившая особое внимание не на проблемы личности, а на проблемы группы – в данном случае людей с ОВЗ как одной из наиболее дискриминируемых. Сторонники этой модели Понимают инвалидность как социальный конструкт, создаваемый с целью контроля за ресурсами и властными полномочиями (об этих двух моделях см: [9–12]). Социальную модель тоже подвергали критике за пренебрежение физиологическими и психологическими факторами, включая боль и различные проявления телесности [10, 13].

Существуют и иные модели инвалидности, хотя иногда их считают «разновидностями» уже упомянутых. Такова, например, аффирмативная (позитивная, или гуманистическая) модель, сторонники которой рассматривают инвалидность не как трагедию личности, а ее уникальный опыт, подчеркивая достижения людей с ОВЗ в разных областях искусства, сорта и пр. Юридическая, или правовая модель (политизированная в еще большей степени, чем социальная) фокусируется на защите прав людей с ОВЗ и разработке соответствующего законодательства. Об этих и других моделях написаны обзоры, в том числе на русском языке [9, 13–15].

Наиболее полно отражает различные аспекты инвалидности, как представляется, социокультурный подход, который еще можно назвать историко-культурным. Согласно ему, инвалидность – социокультурный феномен, существующий в конкретном историческом и культурном контексте. В основе этого феномена находятся биомедицинские реалии (например, медицинский диагноз, с вынесения которого обычно начинается процесс определения и регистрирования инвалидности). Но инвалидность одновременно конструируется в конкретном обществе в зависимости от существующих в нем социальных норм, статусных различий и других факторов.

16–17 июня 2021 г. в Москве состоялся Международный семинар по проблемам людей с ограниченными возможностями здоровья, поддержанный Программой Фулбрайта (The Fulbright Seminar for Disability Studies). В нем приняли участие около 20 специалистов из разных городов РФ и США. Во время этого семинара выступили специалисты по самым различным проблемам инвалидности (медики, экономисты, социологи, антропологи, педагоги) которые выступали с сообщениями, касающимися различных проблем людей с ОВЗ: образование, трудоустройство, использование цифровых технологий в реабилитации таких людей, репрезентация людей с инвалидностью в литературе и искусстве. С любезного разрешения редколлегии журнала «Вестник Нижегородского университета. Социальные науки» здесь публикуются статьи нескольких участников этого семинара, посвященные различным проблемам инвалидности на пост-советском пространстве.

Статья О.А. Масловой (Самара) «**Самоуправление здоровьем: цифровые траектории самореабилитации пациентов с рассеянным склерозом в условиях covid-19 пандемии**» рассказывается об исследованиях использования различных цифровых технологий, применяющихся для реабилитации и абилитации людей с рассеянным склерозом. Такие технологии приобретают особую важность в условиях пандемии, усугубляющей изоляцию людей с рядом категорий ОВЗ.

Продолжает тему цифровых технологий статья Л.П. Конновой, В.А. Липатова, К.К. Сирбиладзе, И.К. Степанян (все – Москва) «**Цифровые ресурсы как средство поддержки студентов с ограниченными возможностями здоровья»,** в которой говорится о возможностях применения таких технологий в учебном про-

цессе, особенно для студентов с некоторыми категориями ОВЗ.

В статье Л.А. Торлоповой (Новосибирск) «**Социальное благополучие через социальное предпринимательство: кейсы проектов для людей с «ментальными нарушениями» в Тбилиси и Санкт-Петербурге»** сделана попытка изучения опыта социального предпринимательства в Грузии и России, предпринятая на основе изучения собственных полевых материалов и Интернет-ресурсов.

Опираясь на полевые исследования, И.С. Савин (Москва) в статье **«Инвалидность как социокультурный феномен в Казахстане: поселенческий и религиозный аспекты»** обратился к практически не известным российскому читателю факторам формирования образа и поведения человека с ОВЗ в Казахстане. При этом исследователь особенно подчеркивает роль традиционных семейных связей и религиозного фактора в репрезентации и саморепрезентации людей с инвалидностью.

Полевые исследования также дали богатый материал А.Н. Алтуховой и А.А. Клепиковой (обе – Санкт-Петербурга), которые в статье **«Родители детей с инвалидностью в терапевтическом ландшафте Улан-Удэ: расставляя точки на карте»** обратились к опыту родителей детей-инвалидов в Бурятии, которые обращаются к нетрадиционным методам лечения, в том числе буддистским и особенно шаманским практикам.

Завершает раздел статья Е.Э. Носенко-Штейн (Москва) **«Другая телесность в контексте инвалидности как социокультурного феномена (сравнительный анализ репрезентации «инвалидной» телесности в современной российской и зарубежной массовой литературе)».** В ней автор проводит социально-антропологический анализ репрезентации людей с ОВЗ как Других в массовой литературе России и Великобритании.

Разумеется, здесь не могли быть опубликованы работы всех участников семинара, проходившего при поддержке Программы Фулбрайта. Но и представленные статьи частично отображают спектр проблем, затронутых исследователями, принявшими в нем участие. Думается, что эта подборка также демонстрирует возможности расширения рамок и границ изучения такого сложного и многогранного явления, как инвалидность.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 20-09-00063 А.

Список литературы

1. «Инвалиды – инвалидность – инвалидизация». Материалы международной научной конференции. Н. Новгород: НИСОЦ, 2018. 834 с.

2. Ярская-Смирнова Е. Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: Изд-во СГТУ, 1997. 272 с.

3. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–45.

4. Ярская-Смирнова. Социальные изменения и мобилизация ресурсов: жизненные истории российских инвалидов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. Т. 1. № 1. С. 39–50. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2382&jn=inter&j=7&y=2002&n=1&base=_inter (дата обращения: 02.12.2021).

5. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.

6. https://www.hse.ru/org/persons/4013457 (дата обращения: 03.12.2021).

7. Клепикова А.А. Наверное, я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.

8. Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики. Сб. статей / Отв. ред. Курленкова А.С., Носенко-Штейн Е.Э. М.: МБА, 2018. 420 с.

9. Johnstone D. An Introduction to Disability Studied. Oxford: David Fulton Publishers, 2005. 192 p.

10. Siebers T. Disability Theory, Boldly Rethinking of the Last Thirty Years from the Vantage Point of Disability Studies. Ann Arbour: University of Michigan Press, 2008. 463 p.

11. Shakespeare, T. Watson, N. «The Social Model of Disability: An Outdated Ideology?», in Barnartt S., Altman, B. (eds). Exploring Theories and Expanding Methodologies: Where we are and where we need to go (Research in Social Science and Disability. Vol. 2). Bingley: Emerald Group 2011. P. 9–28. DOI: 10.1016/S1479-3547(01)80018-X.

12. Rasell M., Iarskaia-Smirnova E. Conceptualizing disability // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, policy and everyday life / Ed. by Michael Rasell and Elena Iarskaia-Smirnova. Oxford; New York: Routledge, 2014. 274 p.

13. Approaching Disability: Critical Issues and Perspectives / Ed. by R. Mallett, K. Runswick-Cole. Routledge, 2014. 184 p.

14. Носенко-Штейн Е.Э. Антропология инвалидности: проблемы и задачи // Этнографическое обозрение. 2018. № 1. С. 5–11. DOI: 10.7868/S0869541518010013.

15. Ендальцева А.С. Изучение и поиски чистой модели: Что осталось за пределами внимания на пути между Глобальным Югом и Глобальным Севером? // Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018. С. 43–74.

EXPANDING BOUNDARIES OF RESEARCH:
DISABILITY IN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

E.E. Nosenko-Stein

In late XX–XXI c. Disability studies have become a multidimensional and interdisciplinary field of research which include methods of different social sciences and humanities. The social model of disability is now the most widespread in Disability Studies although some other models and approaches are also used. Disability is a complex social and cultural phenomenon constructed in a concrete society and depending on historical and cultural context. This issue is dedicated to various problems of disabled people, it is published after the International Fulbright Seminar on Disability Problems which took place in Moscow in summer 2021 (it has been supported by the Fulbright Program). Some articles have been selected for this issue, they cover various problems – digital technologies in the rehabilitation process and education in higher school in Russia; social entrepreneurship in Georgia and Russia; attitudes to disabled persons and influence of religious factors in Kazakhstan; non-traditional methods of healing (including shamans and Buddhist priests in Siberia); representations of impaired persons in contemporary mass fiction. This issue looks a bit diversified but these articles – just part of presented during the International Seminar – allow to expand boundaries of notions and research of disabilities as a complex phenomenon.

Keywords: disability, disabled people, social model, medical model, rehabilitation, representation.

УДК 316.45+578.8
DOI 10.52452/18115942_2022_2_52

САМОУПРАВЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЕМ: ЦИФРОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ САМОРЕАБИЛИТАЦИИ ПАЦИЕНТОВ С РАССЕЯННЫМ СКЛЕРОЗОМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2022 г.

О.А. Маслова, В.Ф. Пятин

Маслова Ольга Александровна, к.соц.н.; зав. лабораторией нейросоциологии
НИИ нейронаук Самарского государственного медицинского университета
maslova_olga@list.ru
Пятин Василий Федорович, д.м.н., проф.; директор НИИ нейронаук
Самарского государственного медицинского университета
pyatin.vf@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2021
Статья принята к публикации 21.04.2022

Цель статьи – развитие концепции самоуправления здоровьем людей с рассеянным склерозом (РС) для исключения риска заражения коронавирусной инфекцией в пандемию COVID-19 и сохранения жизни. Выполнен анализ литературы в области самоуправления здоровьем во время пандемии COVID-19 и эффективности цифровых технологий самореабилитации, повышающих в этих условиях качество жизни людей с РС. Результаты доказывают, что современные цифровые технологии самореабилитации должны быть высокоперсонализованными для людей с разными проявлениями РС, осуществляться в условиях социального дистанцирования и быть доступными для дистанционного контроля и управления со стороны врачей. Пандемия COVID-19 актуализирует минимизацию и даже исключение риска заражения коронавирусной инфекцией больных РС, что определяет высокую востребованность для них персонализованных цифровых технологий самореабилитации.

Ключевые слова: рассеянный склероз, концепция самоуправления здоровьем, COVID-19, самореабилитация.

Введение

Рассеянный склероз (РС) – одно из наиболее общих неврологических заболеваний в мире и одна из основных причин инвалидности в молодом возрасте. Болезнью страдают почти 2.8 млн людей во всем мире [1].

Рассеянный склероз может быть представлен различной комбинацией дефицитов, таких как физические (моторная слабость, спастичность мышц, сенсорная дисфункция, потеря зрения, атаксия), утомление и боль (неврологические, скелетно-мышечные и смешанные паттерны), недержание мочи (частые позывы), когнитивные (память, внимание), психологические, поведенческие и бытовые проблемы, которые ограничивают персональную активность (функцию), участие и роль людей с РС в социуме [2]. Например, когнитивная дисфункция, которая имеет место у 70% людей с РС, может прогрессировать и ассоциироваться со значительными трудностями в повседневной деятельности, включая нарушение навыков, связанных с получением медицинской помощи, оплатой различных платежей, снижением социального участия и значительным ухудшением качества жизни [3].

Во время пандемии COVID-19 пациенты с РС ограничены в посещении медицинских учреждений и не могут выполнять визиты по типу face-to-face. Более того, до пандемии COVID-19 люди с РС, в связи со спецификой заболевания, тоже сталкивались с большим числом барьеров в медицинском обслуживании, включая, например, транспортные проблемы и доступность персонализованной реабилитации [4]. В ситуации пандемии COVID-19 пациенты с неврологическими нарушениями оказались депривированными относительно традиционной для них медицинской помощи [5].

COVID-19: актуализация проблем людей с РС

Пандемия COVID-19 актуализировала социальные и медицинские проблемы у пациентов, страдающих РС. Это касается доступности медицинской помощи в условиях соблюдения социальной дистанции, особенностей клинического ведения больных с COVID-19 и предоставления им персонализированных реабилитационных услуг [6]. Анализ случаев показывает, что у больных РС коронавирусная инфекция вызывает более тяжелое течение болезни и появляются новые ее проявления в виде нарушения сенсорных и моторных функций. Это подчеркивает важность защиты людей с рассеян-

ным склерозом от инфекции, которая становится возможной в связи с разработанными вакцинами против COVID-19 [7].

Риски для категорий пациентов с РС в пандемию COVID-19

Публикуемые данные показывают, что просто наличие у человека диагноза РС не повышает вероятность развития COVID-19 или серьезного заболевания, смерти от инфекции, чем у населения в целом. Однако следующие группы людей с РС более восприимчивы к тяжелому течению COVID-19: с прогрессирующей формой РС; возраст старше 60 лет; мужчины; популяция людей с темной кожей и, возможно, популяция людей из Южно-Азиатского региона; люди с высоким уровнем инвалидности (оценка по шкале Expanded Disability Status Scale (EDSS) 6 или выше); люди с ожирением, диабетом, заболеваниями сердца или легких и, наконец, принимающие модифицирующую терапию для лечения рассеянного склероза [6].

Для улучшения доступа к медицинской помощи здравоохранению потребовалось внедрение новых технологий с беспрецедентной скоростью, поскольку с наступлением пандемии COVID-19 требование социального дистанцирования стало важным условием существенного снижения вероятности заболевания. В результате оказания помощи пациентам РС как группе пациентов с повышенным риском тяжелого течения COVID-19 в здравоохранении формируются новые решения реабилитации. Существенное значение для больных РС имеет приобретение навыков самореабилитации под врачебным контролем и консультированием на дистанции. Траектории самореабилитации людей с РС в домашних условиях становятся в ситуации пандемии COVID-19 все более распространенной практикой реализации реабилитационных программ. Для самореабилитации характерны: независимость, принятие болезни, расширение информации, изменение образа жизни, формирование психоэмоционального баланса, модификация среды, окружающей больного, и предоставление новых возможностей. В результате людям с РС, сталкивающимся с физическими и психологическими проблемами во время пандемии COVID-19, целесообразно использовать стратегию самореабилитации и самоуправления своим здоровьем (self-management) для уменьшения отрицательного влияния РС на качество жизни. Программа self-management была развита в 1990-х гг. в США в ответ на увеличение стоимости медицинской помощи и необходимость улучшить качество лечения [8].

До пандемии COVID-19 специалисты рассматривали self-management как потенциальный подход к смягчению симптомов РС [9]. Акцент в self-management делался на способность пациента управлять симптомами, лечением, психологическим и психосоциальным последствием состояния, а также когнитивными, поведенческими и эмоциональными реакциями, исходя из их клинического проявления, чтобы достичь удовлетворительного качества жизни. Этой стратегии для людей с РС стало соответствовать понятие «электронный пациент» (e-patients), то есть дистанционное принятие решений и управление собственным здоровьем [10]. Иными словами, традиционная стратегия самоуправления здоровьем развивалась до пандемии COVID-19 как цель удержать контроль над болезнью [11].

Модель управления своим здоровьем людей с РС формулируется как «способность делать все, что мне нравится делать, учитывая то, что я умею делать» [12]. В центре модели – больной РС, который использует спектр стратегий: самореабилитация, управление стрессом, устранение симптомов, здоровый образ жизни, эффективное общение, расстановка приоритетов и планирование. Модель опирается на три контекстных фактора: физическая среда, личное социальное окружение и сообщество, услуги и ресурсы. Реализация модели self-management в области реабилитации становится возможной по мере развития цифровых технологий, когда self-management осуществляется на дому у пациента не в присутствии специалиста, как было более 10 лет назад [13], а с использованием самим больным цифрового виртуального контента.

Мы считаем, что в пандемию COVID-19 концепция self-management для людей с РС становится особенно актуальной, так как выполняет еще одну очень важную функцию, а именно позволяет исключить риск заболевания коронавирусной инфекцией, сводя до минимума необходимость визитов face-to-face.

Роль мобильных приложений в self-management для людей с РС

Self-management является динамическим, интерактивным и рутинным процессом при ведении любого хронического заболевания. Этот процесс отражается на индивидуальной способности контролировать симптомы, лечение, изменение стиля жизни и состояние здоровья, в том числе способности справляться с социальными, психологическими и ментальными трудностями [14]. Относительно недавно применение сервисов телездоровья (telehealth) показало

свою эффективность, например, при таких заболеваниях, как диабет (контроль уровня глюкозы, соблюдение режима терапии и финансовые аспекты), рак (пациенты решают проблемы с помощью телефонного звонка), гипертензия (домашний телемониторинг артериального давления). Примерно 85% людей с РС, по данным исследований, имеют мобильные смартфоны, и большинство из них таким образом могут управлять своим заболеванием [15].

Следует подчеркнуть, что многие приложения, такие как Basic MS Explorer (комплексная информация о медикаментах, принимаемых пациентом, в одном месте: частота использования и персонализированные уведомления) и MS Care Connect, Ms101 (мобильная медицинская программа помощи людям с РС: отслеживает симптомы, прием лекарств, факторы стресса и контролирует самообслуживание), являются доступными для людей с РС, но некоторые из них не востребованы ни пациентами, ни профессиональным медицинским сообществом [16–18]. Это связано с тем, что у каждого приложения имеются как достоинства, так и недостатки [19]. В частности, некоторые приложения имеют ограниченный образовательный контент или их не одобрили медицинские работники, а некоторые сосредоточены на измерении ограниченного числа симптомов, например усталость, беспокойство или когнитивные нарушения [20].

Хотя развитие дистанционной медицины началось до пандемии COVID-19, в области умных девайсов, которые могут использовать люди с РС, создано то, что может улучшать качество их жизни. Большинство людей с РС используют умные девайсы с разными индивидуальными предназначениями в виде мобильного здоровья (mobile Health – mHealth). При этом, несмотря на увеличение числа приложений mHealth, некоторые физические, когнитивные и технологические барьеры могут снизить эффективность их применения. Авторы ряда исследований подчеркивают, что разработка и адаптация приложений mHealth для людей с РС должна происходить при их непосредственном участии (например, этап тестирования), чтобы конечные продукты отвечали персонализованным запросам [21]. В заключение можно сказать, что self-management для людей с РС должен осуществляться с помощью персонализованных приложений для самореабилитации [22; 23]. Тем не менее требуется проведение исследований эффективности этих приложений, чтобы снизить число визитов face-to-face в медицинские центры, улучшить таким образом навыки self-management людей с РС и, в конечном счете, улучшить качество их жизни [24].

Телереабилитация людей с РС

В контексте цифрового здравоохранения средства телереабилитации в условиях пандемии COVID-19 позволяют перенести многие возможности реабилитации за пределы медицинского/реабилитационного учреждения в домашнюю обстановку. В этой парадигме self-management реабилитационные услуги обеспечиваются через электронные системы цифровых коммуникационных технологий [25].

Ранее во время пандемий тоже происходил сдвиг реабилитации в сторону домашних тренировочных программ, в которых преимущество отводилось физическим упражнениям. С развитием телереабилитации широко распространяется реабилитационная помощь за пределы клиники и обеспечиваются мультиперсональные и, как правило, психотерапевтические подходы современного обслуживания людей с РС на дому или в сообществе [26].

Телереабилитация может предоставлять идентичную услугу одновременно многим людям, которые не только географически, но и физически и экономически различны, что может в целом улучшить качество оказываемых реабилитационных программ [27–31].

При этом лечащие врачи могут контролировать прогресс реабилитации пациентов, оптимизируя время, интенсивность и продолжительность терапии, которая в традиционной форме не может быть предоставлена по протоколу face-to-face [27, 31].

Мы полагаем, что развитие и совершенствование программ телереабилитации в условиях пандемии COVID-19 относится к особенно актуальным проблемам. Например, телереабилитация эффективно используется для улучшения параметров равновесия у субъектов с РС [32]. Так, в относительно недавнем исследовании показано, что телетренер в качестве средства self-management является для людей с РС как технически, так и контентно перспективным для применения, начиная от средней степени проявления заболевания и симптома усталости от незначительного до тяжелого [33]. Адаптивный когнитивный тренинг в условиях дома на основе компьютерных программ у людей с РС улучшает скорость, внимание, рабочую память и исполнительные функции через визуальные и слуховые системы [34]. Однако, по мнению некоторых авторов, в настоящее время имеются доказательства того, что в традиционном аспекте телереабилитация имеет ограниченные возможности в улучшении функциональной активности, снижении утомления и повышении качеств жизни людей с РС [25]. В настоящее вре-

мя недостаточно доказательной базы относительно того, какой тип телерабилитационных интервенций является эффективным в постановке проблемы настоящей статьи, то есть в условиях пандемии COVID-19.

Виртуальные технологии реабилитации пациентов с РС

Содержание современной системы здравоохранения, обусловленное пандемией COVID-19, требует ускорения применения телемедицины, чтобы повысить нейрореабилитационный результат по сравнению с тем, что обеспечивают клиники, врачи и медицинское сообщество. Телетерапия, как было показано выше, дает возможность переместить на субъекта реабилитации заботу о реабилитационной самопомощи. Несомненно, особую перспективу имеют цифровые технологические инновации, основанные на персональных компьютерах и виртуальной реальности (ВР), которые показывают эффективность в улучшении моторных и когнитивных дефицитов у неврологических пациентов, включая таковые у людей с РС [35–37].

Относительно недавно было показано, что ВР частично устраняет нейропсихологические дефициты, стимулируя пластичность мозга, с положительным эффектом на моторные компоненты у субъектов с РС [38]. Пациенты с РС, получавшие ВР и полуиммерсивную моторную реабилитацию, улучшили равновесие и нейрофизиологические показатели, а также у пациентов уменьшился риск падения при традиционной физической активности [39, 40]. В литературе имеются данные о положительных результатах в группах испытуемых (тренировка на беговой дорожке в качестве контроля и тренировка на беговой дорожке с VR в качестве группы вмешательства) с точки зрения скорости походки, частоты вращения педалей и длины шага [41]. Эффективность интуитивно понятной для людей с РС и мотивирующей системы RemoviEM основана на нескольких упражнениях по двигательной реабилитации на основе VR и пользовательских интерфейсов (NilI) [42]. Улучшение двигательных показателей у пациентов с РС было в пользу системы реабилитации RemoviEM по сравнению со стандартной реабилитацией. В ряде исследований сравнивались два метода exergaming (с коммерческими играми для упражнений на Nintendo Wii Fit – группа 1 и устройство Balance Trainer с играми, специально разработанными для тренировки баланса, – группа 2) с контрольной группой (состоящей из участников списка ожидания). Удалось установить, что exergaming с помощью Nintendo Wii Fit и тренером равновесия улучшают баланс тела, увеличивают функциональность движений, снижают ощущение усталости и повышают качество жизни у людей с РС [43; 44].

Следовательно, демонстрация компьютерных упражнений и их воспроизведение, направленное на улучшение внимания, концентрации, обучения и управляющих функций в стандартной терапии рук, терапевтически полезно для пациентов с РС [45]. Однако имеются данные, что эффективность игрового VR-обучения в дополнение к трудотерапии оказывается примерно идентичной в отношении повышения точности и эффективности конкретных функциональных моторных задач, например скорость выбора мелких предметов [46].

Эффективность использования VR-тренинга у пациентов с РС, по-видимому, зависит от программы самореабилитации. Так, в исследовании Kalron et al. выявлено значительное улучшение моторных (особенно походки и равновесия) и когнитивных функций (в отношении исполнительных и зрительно-пространственных способностей, внимания и памяти) с повышением мотивации к реабилитации, качества жизни и снижением усталости [47].

Заключение

Самореабилитация в домашних условиях является всеобщим элементом реабилитационных программ, особенно в случае с таким долговременно развивающимся заболеванием, как РС. Исследования в других областях медицины показывают, что результат самоуправления здоровьем зависит от взаимодействия между клиникой и домашней самореабилитацией [48, 49]. Это в полной степени относится к эффективности самореабилитационных программ людей с РС.

Исследования показывают, что соблюдение домашнего самоуправления здоровьем зависит от таких факторов, как стремление выполнить самостоятельно физические упражнения, самомотивации, самоэффективности, приоритета востребованных действий, а также социальной поддержки [50]. Социальная поддержка формирует стремление достигнуть успешного результата в программе self-management, вселяет оптимизм, самоуважение, снижает стресс, обусловленный болезнью, уменьшает проявления депрессии и оказывает практическую помощь.

Понимание роли факторов, влияющих на самоуправление здоровьем людей с РС в домашних условиях, позволяет ученым и врачам улучшать возможности самореабилитации, создавать и внедрять, например, мобильные приложения, которые поддерживают положитель-

ные факторы самоуправления здоровьем людей с РС, минимизируют барьеры для взаимодействия и взаимопонимания между врачом и пациентом. В настоящее время несомненный положительный потенциал в практической реализации концепции self-management, как показывает анализ литературы, имеется в цифровых траекториях телереабилитационных технологий на основе ВР [51, p. 549]. Таким образом, цифровые технологии самореабилитации людей с РС должны отвечать критерию персонализованности, обеспечивать высокую эффективность self-management в условиях социального дистанцирования и иметь обратную связь с клиникой. Самореабилитация в пандемию COVID-19 (равно как и при других пандемиях) актуализирует минимизацию и даже исключение риска заражения коронавирусной инфекцией больных РС.

Список литературы

1. Atlas of MS [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.atlasofms.org/map/global/epidemiology/number-of-people-with-ms (дата обращения: 29.11.2021).

2. Donzé C., Massot C. Rehabilitation in multiple sclerosis in 2021 // La Presse Médicale. 2021. Vol. 52. № 2. P. 104066.

3. Chiaravalloti N., DeLuca J. Cognitive impairment in multiple sclerosis // Lancet Neurol. 2008. Vol. 7. № 12. P. 1139–1151.

4. Chiu C., Bishop M., Pionke J. et al. Barriers to the accessibility and continuity of health-care services in people with multiple sclerosis: a literature review // Int. J. MS Care. 2017. Vol. 19. № 6. P. 313–321.

5. Bloem B.R., Dorsey E.R., Okun M.S. The coronavirus disease 2019 crisis as catalyst for telemedicine for chronic neurological disorders // JAMA Neurol. 2020. Vol. 77. P. 927–928.

6. Portaccio E., Fonderico M., Hemmer B. et al. Impact of COVID-19 on multiple sclerosis care and management: Results from the European Committee for Treatment and Research in Multiple Sclerosis survey // Multiple Sclerosis Journal. 2021. Vol. 1. P. 7.

7. Garjani A. Middleton R., Hunter R. et al. COVID-19 is associated with new symptoms of multiple sclerosis that are prevented by disease modifying therapies // Multiple Sclerosis and Related Disorders. 2021. Vol. 52. P. 102939.

8. Stockl K.M., Shin J.S., Gong S. et al. Improving patient selfmanagement of multiple sclerosis through a disease therapy management program // Am. J. Manag. Care. 2010. Vol. 16. № 2. P. 139-44.

9. Kidd T., Carey N., Mold F. et al. A systematic review of the effectiveness of self-management interventions in people with multiple sclerosis at improving depression, anxiety and quality of life // PloS ONE. 2017. Vol. 12. № 10. P. e0185931.

10. Tahajjodi R., Parvaneh Sh., Ghahari S. et al. Exploring the self-management strategies in people with multiple sclerosis // Nurs. Pract. Today. 2015. Vol. 2. № 3. P. 103–111.

11. Meskó B., Drobni Z., Bényei É. et al. Digital health is a cultural transformation of traditional healthcare // mHealth. 2017. Vol. 3. P. 38.

12. Ghahari S., Forwell S. J., Suto M. J. et al. Multiple sclerosis self-management model: Personal and contextual requirements for successful self-management // Patient Education and Counseling. 2019. Vol. 102. P. 1013–1020.

13. Маслова О.А. Современные социальные технологии оккупациональной терапии детей с ограниченными возможностями здоровья: сравнительный анализ социальных практик в России и Великобритании // Вестник СамГУ: Гуманитарная серия. 2006. Т. 1. № 41. P. 22–29.

14. Schulman-Green D., Jaser S., Martin F. et al. Processes of self-management in chronic illness // Journal of Nursing Scholarship. 2012. Vol. 44. № 2. P. 136–144.

15. Cohen M. Connected health and multiple sclerosis // Revue Neurologique. 2018. Vol. 174. № 6. P. 480–485.

16. Basic MS Explorer [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.msexplorer&hl=en&gl=US (дата обращения: 29.11.2021).

17. MS Care Connect [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://play.google.com/store/apps/details?id=com.interpro.mscareconnect&hl=en&gl=US (дата обращения: 29.11.2021).

18. Leap Medicine Foundation: Ms101.Me [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://apps.apple.com/us/app/ms101-me/id1063346021 (дата обращения: 29.11.2021).

19. Giunti G., Fernandez E., Zubiete E., Romero O. Supply and demand in mHealth apps for persons with multiple sclerosis: systematic search in app stores and scoping literature review // JMIR Mhealth and Uhealth. 2018. Vol. 6. № 5. Article ID e10512.

20. Ghahari S., Khoshbin L.S., Forwell S.J. The multiple sclerosis self-management scale // International Journal of MS Care. 2014. Vol. 16. № 2. P. 61–67.

21. Gromisch E.S., Turner A.P., Haselkorn J.K. et al. Mobile health (mHealth) usage, barriers, and technological considerations in persons with multiple sclerosis: a literature review // JAMIA Open. 2021. Vol. 4. № 3. P. 1–10.

22. Salimzadeh Z., Damanabi Sh., Kalankesh L., Ferdousi R. Mobile applications for multiple sclerosis: a focus on self-management // Acta Inform. Med. 2019. Vol. 27. № 1. P. 12–18.

23. Lam K-H., Twose J., McConchie H. et al. Smartphone-derived keystroke dynamics are sensitive to relevant changes in multiple sclerosis // Eur. J. Neurol. 2022. Vol. 29. Iss. 2. P. 522–534.

24. Mokhberdezfuli M., Ayatollahi H., Moghadasi A. A smartphone-based application for self-management in multiple sclerosis // Hindawi Journal of Healthcare Engineering. 2021. Vol. 2021. Article ID 6749951.

25. Khan F., Amatya B., Kesselring J., Galea M. Telerehabilitation for persons with multiple sclerosis // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2015. Vol. 4. Art. № CD010508.

26. Huijgen B.C., Vollenbroek-Hutten M.M., Zampolini M. et al. Feasibility of a homebased telerehabilita-

tion system compared to usual care: arm/hand function in patients with stroke, traumatic brain injury and multiple sclerosis // Journal of Telemedicine and Telecare. 2008. Vol. 14. № 5. P. 249–256.

27. Hailey D., Roine R., Ohinmaa A., Dennett L. Evidence of benefit from telerehabilitation in routine care: a systematic review // Journal of Telemedicine and Telecare. 2011. Vol. 17. № 6. P. 281–287.

28. Rogante M., Grigioni M., Cordella D., Giacomozzi C. Ten years of telerehabilitation: a literature overview of technologies and clinical applications // NeuroRehabilitation. 2010. Vol. 27. № 4. P. 287–304.

29. Kairy D., Lehoux P., Vincent C., Visintin M. A systematic review of clinical outcomes, clinical process, healthcare utilization and costs associated with telerehabilitation // Disability and Rehabilitation. 2009. Vol. 31. № 6. P. 427–447.

30. McCue M., Fairman A., Pramuka M. Enhancing quality of life through telerehabilitation // Physical Medicine and Rehabilitation Clinics of North America. 2010. Vol. 21. № 1. P. 195–205.

31. Steel K., Cox D., Garry H. Therapeutic videoconferencing interventions for the treatment of long-term conditions // Journal of Telemedicine and Telecare. 2011. Vol. 17. № 3. P. 109–117.

32. Ortiz-Gutiérrez R., Del Galán Río F., La Cano de Cuerda R. et al. A telerehabilitation program by virtual reality-video games improves balance and postural control in multiple sclerosis patients // NeuroRehabilitation. 2013. Vol. 33. P. 545–554.

33. Lai B., Chiu C.-Y., et al. COVID-19 modifications for remote teleassessment and teletraining of a complementary alternative medicine intervention for people with multiple sclerosis: protocol for a randomized controlled trial // JMIR Res. Protoc. 2020. Vol. 9. № 7. P. 18415.

34. Charvet L.E., Yang J., Shaw M.T. et al. Cognitive function in multiple sclerosis improves with telerehabilitation: Results from a randomized controlled trial // PLoS ONE. 2017. Vol. 12. P. e0177177.

35. Maggio M.G., Russo M., Cuzzola M.F. et al. Virtual reality in multiple sclerosis rehabilitation: A review on cognitive and motor outcomes // J. Clin. Neurosci. 2019. Vol. 65. P. 106–111.

36. Kirasirova L., Bulanov V., Ossadtchi A. et al. A P300 brain-computer interface with a reduced visual field // Front. Neurosci. 2020. Vol. 14. P. 604629.

37. Пятин В.Ф., Виденин А.А., Маслова О.А. Влияние на гемодинамику и регуляцию сердечной деятельности мультисенсорной стимуляции АПК «ReviVR» // Российский кардиологический журнал. 2021. Т. 26. № 55. С. 26.

38. Russo M., Dattola V., de Cola M.C. et al. The role of robotic gait training coupled with virtual reality in boosting the rehabilitative outcomes in patients with multiple sclerosis // Int. J. Rehabil. Res. 2018. Vol. 41. P. 166–172.

39. Maggio M.G., de Luca R., Manuli A. et al. Do patients with multiple sclerosis benefit from semi-immersive virtual reality? A randomized clinical trial on cognitive and motor outcomes // Appl. Neuropsychol.: Adult. 2020. P. 1–7.

40. Molhemi F., Monjezi S., Mehravar M. et al. Effects of virtual reality vs conventional balance training on balance and falls in people with multiple sclerosis: a randomized controlled trial // Arch. Phys. Med. Rehabil. 2021. Vol. 102. P. 290–299.

41. Peruzzi A., Zarbo I. R., Cereatti A. et al. An innovative training program based on virtual reality and treadmill: Effects on gait of persons with multiple sclerosis // Disabil. Rehabil. 2017. Vol. 39. P. 1557–1563.

42. Lozano-Quilis J.-A., Gil-Gómez H., Gil-Gómez J.-A. et al. Virtual rehabilitation for multiple sclerosis using a kinect-based system: Randomized controlled trial // JMIR Serious Games. 2014. Vol. 2. P. 12.

43. Yazgan Y.Z., Tarakci E., Tarakci D. et al. Comparison of the effects of two different exergaming systems on balance, functionality, fatigue, and quality of life in people with multiple sclerosis: A randomized controlled trial // Mult. Scler. Relat. Disord. 2019. Vol. 39. P. 101902.

44. Ozdogar A.T., Ertekin O., Kahraman T. et al. Effect of video-based exergaming on arm and cognitive function in persons with multiple sclerosis: a randomized controlled trial // Mult. Scler. Relat. Disord. 2020. Vol. 40. P. 101966.

45. Pawlukowska W., Dobrowolska N., Szylinska A. et al. Influence of RehaCom therapy on the improvement of manual skills in multiple sclerosis subjects // Ann. Rehabil. Med. 2020. Vol. 44. P. 142–150.

46. Waliño-Paniagua C.N., Gómez-Calero C., Jiménez-Trujillo M.I. et al. Effects of a game-based virtual reality video capture training program plus occupational therapy on manual dexterity in patients with multiple sclerosis: a randomized controlled trial // J. Healthc. Eng. 2019. Vol. 2019. P. 9780587.

47. Kalron A., Achiron A., Pau M., Cocco E. The effect of a telerehabilitation virtual reality intervention on functional upper limb activities in people with multiple sclerosis: a study protocol for the TEAMS pilot randomized controlled trial // Trials. 2020. Vol. 21. P. 713.

48. Spink M.J., Fotoohabadi M.R., Wee E. et al. Predictors of adherence to a multifaceted podiatry intervention for the prevention of falls in older people // BMC Geriatr. 2011. Vol. 11. P. 51.

49. Jurkiewicz M.T., Marzolini S., Oh P. Adherence to a home-based exercise program for individuals after stroke // Top. Stroke Rehabil. 2011. Vol. 18. P. 277–284.

50. Essery R., Geraghty A.W.A., Kirby S., Yardley L. Predictors of adherence to home-based physical therapies: a systematic review // Disabil. Rehabil. 2017. Vol. 39. P. 519–534.

51. Zasadzka E., Trzmiel T., Pieczy´nska A., Hojan K. Modern technologies in the rehabilitation of patients with multiple sclerosis and their potential application in times of COVID-19// Medicina. 2021. Vol. 57. P. 549.

HEALTH SELF-MANAGEMENT: DIGITAL TRAJECTORIES OF SELF-REHABILITATION OF PATIENTS WITH MULTIPLE SCLEROSIS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

O.A. Maslova, V.F. Pyatin

Neurosciences Research Institute of Samara State Medical University

The aim of the paper is developing the concept of health self-management of the people with multiple sclerosis (MS) to eliminate the risk of contracting coronavirus infection during the COVID-19 pandemic and save life. The analysis of the literature in the field of health self-management during the COVID-19 pandemic and the effectiveness of digital self-rehabilitation technologies, which improve the quality of life of people with MS in these conditions, was carried out. The results have proven that the current digital self-rehabilitation technologies should be highly personalized for people with different manifestations of MS, carried out in conditions of social distancing, and be available for remote control and management by doctors. The COVID-19 pandemic actualizes the minimization and even elimination of the risk of coronavirus infection in MS patients, which determines the high demand for personalized digital self-rehabilitation technologies for them.

Keywords: multiple sclerosis, health self-management concept, COVID-19, self-rehabilitation.

УДК 316; 378.147
DOI 10.52452/18115942_2022_2_59

ЦИФРОВЫЕ РЕСУРСЫ КАК СРЕДСТВО ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

© 2022 г. ***Л.П. Коннова, В.А. Липатов, К.К. Сирбиладзе, И.К. Степанян***

Коннова Лариса Петровна, к.пед.н.; доцент департамента математики
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва
LPKonnova@fa.ru
Липатов Вячеслав Анатольевич, к.полит.н.; доц.; доцент департамента бизнес-информатики
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва
viacheslav.lipatov@fulbrightmail.org
Сирбиладзе Кетеван Китаевна, ассистент департамента бизнес-информатики
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва
kksirbiladze@fa.ru
Степанян Ирина Кимовна, к.пед.н.; доцент департамента математики
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва
ikstepanyan@fa.ru

Статья поступила в редакцию 06.12.2021
Статья принята к публикации 21.04.2022

Рассматриваются применение и направления развития различных цифровых ресурсов в образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Особое внимание уделяется методическому сопровождению образовательного процесса для студентов с ОВЗ в экономических университетах. Представлены инновационные подходы и интерактивное учебное пособие.

Ключевые слова: инвалидность, цифровые технологии в образовании, образование для людей с ограниченными возможностями здоровья, дистанционное обучение.

Введение

Важнейшей составляющей профессиональной компетенции современного специалиста является устойчивое владение цифровыми технологиями и инструментами. Люди с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) не составляют в этом плане исключения, а в ряде случаев нуждаются в освоении подобных технологий больше, чем условно здоровые люди. Между тем, по информации Всемирной организации здравоохранения, группа населения с ОВЗ составляет примерно 10% мирового населения [1]. По информации Росстата, численность инвалидов в возрасте более 18 лет в Российской Федерации на начало 2021 г. составила 10.9 млн человек [2]. Если же помимо людей с инвалидностью учесть родителей, членов их семей и других «вовлеченных» в проблемы образования лиц с ОВЗ, в данной группе окажется значительная часть российского общества: от 25 до 40 млн человек [3].

Проблемам таких людей, в частности, по вопросам высшего образования, разработкам специальных методик обучения и организации инклюзивной среды уделяется недостаточно внимания. По-прежнему большой сложностью для данной категории является получение образования и трудоустройство. Профессиональная реабилитация людей с инвалидностью состоит из профессиональной ориентации и профессионального образования, которые включают переобучение инвалидов, предоставление им в процессе переподготовки новой профессии или специальности, обучение навыкам работы по прежней специальности в условиях утраты ряда функций.

Целью статьи является анализ возможности использования современных технологий дистанционного образования для поддержки студентов с ОВЗ, выявление основных направлений их развития и использования, чтобы сделать образовательный процесс эффективным и доступным, приносящим радость познания и самореализации для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА), слуха и зрения, с когнитивными ограничениями.

Цифровые технологии и инструменты для студентов с ОВЗ: российский и зарубежный опыт

Около века назад промышленник, конструктор и основоположник классической теории менеджмента Генри Форд, анализируя возможности использования людей с ограниченными возможностями, подчеркивал: «Это шло бы вразрез со всеми нашими начинаниями, если бы

мы приглашали людей ради их недостатков, давали им меньшую плату и довольствовались меньшей производительностью… Лучший способ всегда состоит в том, чтобы ставить данных лиц на совершенно равную ступень со здоровыми, продуктивными работниками… экономически очень расточительно принимать калек в качестве подопечных, а затем обучать их тривиальным задачам, таким как плетение корзин или какой-либо другой неоплачиваемый ручной труд в надежде не на то, чтобы помочь им заработать на жизнь, а на то, чтобы предотвратить уныние» [4].

С тех пор прошло около 100 лет. Сегодня цифровые технологии вносят огромный вклад в повышение производительности труда людей с ОВЗ и облегчение их физических страданий. Вместе с этим они могут оказывать существенную помощь таким людям, предоставляя им шанс осваивать новые специальности и лучше адаптироваться в жизни.

Цифровые ресурсы открывают широкий доступ к знаниям для пользователей с нарушением зрительной, слуховой, когнитивных функций и ограниченной способностью к движению. Зарубежный опыт свидетельствует, что инновационные вспомогательные технологии делают это посредством создания виртуальной реальности, использования робототехники, применения поддерживающей коммуникации, оказания социальной поддержки.

По мнению доктора Скотта Купфермана из Университета Колорадо, цифровые технологии могут тоже существенно улучшить академические и социальные результаты студентов с ограниченными возможностями в инклюзивных классах. Они способствуют преодолению разрыва между здоровыми людьми и лицами с ОВЗ, включая разницу в финансировании, факторов, связанных с проживанием в сельской местности, и расширению технологического потенциала некоммерческих организаций, занимающихся проблемами лиц с ОВЗ [5].

Чтобы преодолеть эти препятствия, важно сотрудничать с более широкой сетью людей, включая, в первую очередь, самих людей с ОВЗ, членов их семей, преподавателей, инженеров и специалистов по информационным технологиям. Такое сотрудничество может быть реализовано в инновационных программных и аппаратных приложениях, которыми могут пользоваться тысячи людей с ОВЗ. Организация Объединенных Наций и другие международные организации имеют большую заинтересованность в современных разработках в этом направлении.

Университеты могут активно вовлекать студентов бакалавриата в исследовательский опыт. Рвение, свежие идеи и активное отношение студентов с ОВЗ могут быть очень полезными. Это помогает в разработке новых технологий: создание видеоклипов для развития социальных навыков у людей с расстройствами аутистического спектра (РАС) и субтитров к видео, эффективных при взаимодействии с глухими или слабослышащими людьми. Совместное преподавание здоровых преподавателей и преподавателей с ОВЗ будет результативным для студентов с ОВЗ и в инклюзивных классах [6]. Индивидуальные занятия преподавателей с ОВЗ также возможны. Примером последних служат лекции всемирно известного профессора Стивена Хокинга из английского Кембриджского университета. В обоих случаях преподаватели с ОВЗ активно применяли вспомогательные и цифровые технологии для донесения информации до аудитории. Данные зарубежные технологии могут быть широко использованы в российских учебных заведениях.

Дистанционные технологии обучения тоже имеют крайнюю важность для студентов с ОВЗ. Синхронные курсы дают возможность студентам с нарушениями ОДА получать качественное образование. Асинхронные курсы следует ориентировать для глухих и слабослышащих студентов и студентов с разными когнитивными нарушениями. Чтобы сделать образовательный процесс для них более эффективным и доступным, педагоги, психологи и программисты разрабатывают специальные подходы, методики, программные продукты и учебные цифровые ресурсы [7; 8].

Цифровые технологии могут широко применяться в России и уже применяются в дистанционном образовании. Ряд авторов разрабатывают педагогические технологии дистанционного обучения студентов с ОВЗ, учитывающие психолого-педагогические особенности таких студентов. В качестве средств обучения предлагается использовать электронные образовательные ресурсы и учебные курсы, разработанные на системе управления обучением (англ. learning management system, LMS) Adobe Connect и Moodle [9].

Большую помощь в создании благоприятной атмосферы для обучения студентов с ОВЗ может оказать адаптация таких первокурсников в университете. Важную роль здесь играет система тьюторства, в том числе и в форме онлайн-сопровождения. Эффективными будут и следующие виды цифрового сопровождения: онлайн-гиды, различные чат-боты, геймифицированные опросы, выясняющие причины затруднений и степень вовлеченности в учебный процесс, сообщества в различных социальных сетях [10].

Опыт Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Названный экономический университет накапливает опыт по организации образовательного процесса и подготовке бухгалтеров, финансовых аналитиков, налоговиков, менеджеров по логистике, маркетологов и других специалистов в области экономики и финансов для лиц с ОВЗ. Несомненно, положительную роль в этом играет использование современных цифровых ресурсов. Активно используются LMS Moodle [11], программа видео-конференцсвязи MS Teams [12], видеолекции (онлайн и офлайн) и облачные сервисы, а также цифровое учебное программное обеспечение для студентов экономических специальностей: Project Expert, «1С: Предприятие», Deductor, Bizagi Modeler, MS Share Point Designer, MS Power BI – и справочно-правовые системы «Гарант» [13], «Консультант Плюс», «Кодекс». Большую пользу приносит применение веб-сервисов по созданию диаграмм и структурированию логического мышления обучающихся Mind42, Coggle, Mindmeister и XMind, а также игровые платформы, например Kahoot!.

Студенты с ОВЗ крайне заинтересованы в получении таких знаний, так как видят в них особую перспективу для себя. В Финансовом университете начиная с первого курса ведется целенаправленная работа по формированию цифровых профессиональных навыков. Эти направления реализуются, в частности, в преподавании дисциплин «Компьютерный практикум» и «Цифровая математика на языке Excel и R» [14].

Доступные и достаточно простые в использовании цифровые ресурсы: платформы, конструкторы онлайн-курсов, онлайн-системы реагирования студентов – позволяют преподавателям самостоятельно создавать электронные обучающие материалы. Для студентов с ОВЗ при этом должны быть учтены особенности представления информации для разных особенностей здоровья. Так, наличие субтитров в видеоматериалах является обязательным в преподавании глухим и слабослышащим. Видеохостинг YouTube и социальная сеть Instagram сопровождаются субтитрами, что позволяет учесть особенности восприятия информации данной категорией. Создание YouTube-канала предоставляет упрощенный доступ к видеолекциям и является хорошим способом совершенствования дистанционного образования для лиц с ОВЗ, а также повышения имиджа университета и его продвижения.

Студенты с ОВЗ (с нарушениями слуха, ОДА и когнитивными расстройствами), как правило, имеют повышенную утомляемость в процессе обучения. Преподавателям важно лаконично представлять учебную информацию, желательно минимизировать текст и максимизировать фото- и видеоматериалы. Следует ориентироваться на грамотную визуализацию данных с использованием правила Гая Кавасаки 10/20/30: 10 слайдов, 20 минут на выступление и 30 пунктов – размер шрифта [15]. Помимо широко известной программы MS Power Point, эффективные презентации можно создавать с помощью сервисов Prezi.com, Canva.com и Infogram.com. Последний очень хорошо подходит для инфографики.

Перечисленные ресурсы открывают широкие возможности для создания учебников и учебных пособий, позволяющих студентам с ОВЗ более комфортно изучать дисциплины высшей школы. Практика показывает, что подобные учебники существуют для общеобразовательной школы, но их явно недостаточно в вузовской образовательной среде. Использование цифровых технологий позволяет оказать существенную поддержку студентам, которые часто вынуждены получать образование дистанционно или пропускать занятия по болезни.

К числу преимуществ подобных инновационных образовательных инструментов можно отнести возможности по созданию индивидуального темпа обучения для студентов с нарушениями зрения и когнитивных функций, когда обучающиеся легко могут настроить формат цифрового изображения под себя посредством увеличения шрифта, изменения цвета и фона.

Форматы учебного пособия для студентов с определенными видами ограничений могут различаться в соответствии с их потребностями. Преимущества цифрового исполнения заключаются в сравнительно быстрых и несложных способах технической адаптации учебного материала: можно менять размеры текста и картинок, варьировать цвета, добавлять звуковую дорожку и субтитры. Безусловно, помощь в такой работе должны оказывать специалисты, изучающие особенности восприятия студентов с ОВЗ.

Что касается педагогов высшей школы, их задачей должна стать подготовка учебного контента дисциплины и способа его подачи. По мнению авторов, оцифровка традиционных учебников и пособий не будет эффективна. В этом случае нужна целенаправленная работа по отбору учебного материала, его дозированию, представлению и структурированию [16].

Интерактивное пособие по линейной алгебре как пример цифровой поддержки

Примером подобного ресурса может служить разработанное Л.П. Конновой и И.К. Степанян интерактивное учебное пособие «Линей-

ная алгебра просто!» для студентов первого курса бакалавриата Финансового университета [17]. Математика традиционно является сложной для многих студентов дисциплиной, и авторы поставили задачу представить материал в интерактивной форме, стараясь не терять при этом терминологию высшей математики и не отступать от требований учебной программы. Для студентов, которым с трудом дается математика, и, в частности, ребятам с ОВЗ такое представление учебного материала будет полезно в течение всего курса обучения.

В каждой теме курса есть наглядная схема с основными определениями и правилами, которая позволяет целиком охватить дидактические единицы в их взаимосвязи. Схему можно скачать и пользоваться как справкой. Студентам с ОВЗ (лица с нарушениями ОДА, нарушениями зрения и когнитивными нарушениями) бывает сложно выделять основной теоретический материал из лекций преподавателя и учебников по высшей математике. Схема-конспект по каждой теме, предлагаемая в пособии, расположена на одном листе отдельными фрагментами, что позволяет целиком охватить материал и способствует его запоминанию.

Следует выделить две сложности, с которыми могут сталкиваться студенты с ОВЗ: работая с традиционным учебником (даже в электронном формате), студент видит решение полностью, но большой объем сложных математических вычислений и переходов, иногда без подробных обоснований, становится проблемным для понимания; при решении задачи преподавателем в аудитории текст появляется на доске последовательно, но темп объяснений и четкость изображения могут быть некомфортны для студента с ОВЗ.

Предлагаемое в пособии изложение учебного материла по шагам позволит решить обе указанные проблемы. Этапы решения появляются в пособии последовательно, минимальными порциями, они снабжены текстовыми комментариями и различной цветовой подсветкой. Все темы пособия оформлены единообразно, снабжены значками-кнопками для удобной навигации: ссылки на примеры решения задач, доказательство теорем, тесты. Такие опорные сигналы делают образовательный процесс студентов с ОВЗ более комфортным. Интерактивный формат добавляет интереса в учебный процесс, позволяет студентам чувствовать себя активными участниками, что, безусловно, повышает эффективность обучения.

Важным положительным моментом является наличие теста, содержащего как теоретические, так и практические вопросы. В каждой итоговой схеме по теме заложена ссылка на Google-формы с небольшим тестом [18]. Возможность самоконтроля способствует формированию у студентов ответственного отношения к учебе и развитию объективной самокритики.

Описанное пособие по линейной алгебре прошло апробацию в 2020/21 учебном году у студентов-бакалавров первого курса Финансового университета. Наиболее востребовано пособие было у студентов, имеющих слабое здоровье и часто пропускающих занятия. В период пандемии число таких студентов резко возросло.

Разработка учебно-методических материалов для студентов с ОВЗ требует не только использования конкретных особенностей форматирования, зачастую достаточно узких для отдельных категорий учащихся, но и более широкого подхода к формированию и представлению контента сложных дисциплин высшей школы. Положительный опыт использования интерактивного пособия по линейной алгебре показал, что заложенные в нем приемы построения учебного материала способствуют образовательной поддержке студентов, имеющих те или иные сложности со здоровьем.

Перечислим основные моменты: теория по теме представлена кратко на одной странице, поэтапное решение задач, текстовые комментарии, цветовые акценты, указательные стрелки, единая структура каждой темы, понятная навигация по пособию и возможности самоконтроля. Выделенные приемы, на наш взгляд, могут быть использованы для создания цифровых учебных пособий по самым различным дисциплинам.

Еще одним важным аспектом совершенствования образовательного процесса формирования профессиональных компетенций у лиц с ОВЗ является проведение тестов на выявление актуальных проблем в обучении. Во-первых, это создает возможность для своевременного определения дисциплин и материалов, сложных для восприятия. Во-вторых, позволяет своевременно выявлять проблемы психологического характера. В-третьих, делает возможным проведение дополнительных консультаций и лекций с целью решения вышеуказанных проблем и их дальнейшей проработки. Существующие сегодня электронные средства коммуникации, различные электронные опросы и тесты позволяют быстро получать обратную связь, статистически обрабатывать результаты и давать определенные рекомендации.

Результаты сравнительного анализа

Сопоставляя практики применения дистанционных ресурсов и технологий в образова-

Таблица

Использование цифровых ресурсов и технологий для поддержки разных категорий студентов с ОВЗ в экономическом университете

Категория лиц с ОВЗ	Наименование цифрового ресурса и технологии
Все группы лиц с ОВЗ	Совместное преподавание обычных преподавателей и преподавателей с ОВЗ; цифровое тьюторство; MS Power Point; веб-сервисы
Глухие или слабослышащие	LMS Adobe Connect и Moodle; асинхронные курсы; субтитры к видео; интерактивные учебники и учебные пособия; цифровое учебное программное обеспечение; видеохостинг YouTube и социальная сеть Instagram; Google-формы
Лица с нарушениями ОДА	LMS Adobe Connect и Moodle; MS Teams; синхронные курсы; интерактивные учебники и учебные пособия; цифровое учебное программное обеспечение; Google-формы
Лица с когнитивными нарушениями	LMS Adobe Connect и Moodle; MS Teams; асинхронные курсы; видеоклипы; интерактивные учебники и учебные пособия; цифровое учебное программное обеспечение; Google-формы
Незрячие и слабовидящие	Интерактивные учебники и учебные пособия

тельном процессе различных российских и зарубежных университетов, которые осуществляют подготовку студентов экономических специальностей, можно прийти к следующим выводам. Некоторые технологии и ресурсы подходят для всех категорий лиц с ОВЗ. Другие могут быть эффективными только для глухих и слабослышащих, незрячих и слабовидящих и других определенных категорий (табл.).

Заключение

Цифровые технологии могут широко применяться и уже применяются для обучения лиц с ОВЗ в экономических университетах. Они делают процесс обучения более доступным, интересным и продуктивным для многих категорий. Несмотря на частую критику, нужно их эффективно применять и совершенствовать, так как они являются иногда единственным способом для ряда категорий людей с ОВЗ получить высшее экономическое образование, найти работу, повысить самооценку, в целом позитивно повлиять на образ их жизни и создать благоприятные условия для самореализации. Совершенствуя существующие цифровые технологии и ресурсы, можно существенно увеличить их эффективность и значительно улучшить качество жизни лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. URL: http://www.who.int/topics/disabilities/ru/ (дата обращения: 13.09.2021).

2. Уровень инвалидизации в Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13964 (дата обращения: 27.10.2021).

3. Носенко-Штейн Е.Э. Введение: Что нам известно об обратной стороне Луны // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики: Сб. статей / Отв. ред: А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Издательство МБА, 2018. С. 9–16.

4. Форд Г. Моя жизнь. Мои достижения / Пер. с англ. Е.А. Качелина. М.: Изд-во «АСТ», 2020. 349 с.

5. Семинар Американского центра в Москве «Оборудование или программное обеспечение, используемое для повышения доступности имеющихся операционных систем и приложений для людей с ограниченными возможностями здоровья» [Электронный ресурс]. URL: https://amc.ru/timepad-events/workshop-assistive-technology/ (дата обращения: 13.04.2021).

6. ALL FOUR: People – Scott Kupferman. URL: https://www.cu.edu/article/all-four-people-scott-kupferman/ (дата обращения: 13.09.2021).

7. Липатов В.А. Предоставление образовательной услуги с использованием дистанционных технологий для лиц с ограниченными возможностями здоровья (на примере штата Аляска и северных регионов РФ) // Открытое образование. 2016. № 4. С. 23–28.

8. Липатов В.А. Дистанционное образование в Соединённых Штатах Америки и Российской Федерации (на примере штата Аляска и северных и сибирских регионов России). М.: Изд-во МЭСИ, 2014. 129 с.

9. Наумова Т.А., Вытовтова Н.И. Особенности дистанционного обучения студентов с особыми образовательными потребностями // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Материалы XIII научно-методической конференции с международным участием. Ярославль, 22–23 марта 2018 года. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2018. С. 594–597.

10. Козловская Г.Ю., Эм Е.А. Организация онлайн-тьюторинга процесса адаптации первокурсников с ОВЗ и инвалидностью // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 5 (80). С. 172–177.

11. Открываем вселенную Moodle [Электронный ресурс]. URL: http://www.fa.ru/org/dpo/ipkippr/News/2020-12-16-moodle_n.aspx (дата обращения: 30.10.2021).

12. Пошаговая видеоинструкция по работе в Microsoft Teams [Электронный ресурс]. URL: http://www.fa.ru/org/dpo/ipkippr/Pages/expk/shag_ins_ad.aspx (дата обращения: 30.10.2021).

13. Студенческая общедоступная версия «ГАРАНТ-Образование» [Электронный ресурс]. URL: https://study.garant.ru/ (дата обращения: 30.10.2021).

14. Коннова Л.П., Степанян И.К. Формирование цифровых навыков на первом курсе экономического бакалавриата // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 5. С. 84–89.

15. Лоуренс Хейвуд. Правило 10 20 30: что это такое и 3 причины использовать его в 2021 году [Электронный ресурс]. URL: https://ahaslides.com/ru/blog/10-20-30-rule-presentations/ (дата обращения: 30.10.2021).

16. Коннова Л.П., Липагина Л.В., Постовалова Г.А. и др. Проектирование цифровых образовательных ресурсов / Финансовый университет при Правительстве РФ, Департамент математики. М.: Изд-во «Прометей», 2022. 268 с.

17. Промо «Линейная алгебра ПРОСТО!». URL: https://drive.google.com/file/d/1nqrbQoM0IF4HZuW_vLnm3_dKk1X0Shv6/view?usp=sharing (дата обращения: 04.11.2021).

18. Тест по теме «Векторы» [Электронный ресурс]. URL: https://forms.gle/io96UF4CpodQozUi7 (дата обращения: 04.11.2021).

DIGITAL RESOURCES AS A MEANS OF SUPPORT FOR STUDENTS WITH DISABILITIES

L.P. Konnova, V.A. Lipatov, K.K. Sirbiladze, I.K. Stepanyan

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The application and development directions of various digital resources in the education of persons with disabilities are considered. Particular attention is paid to the methodological support of the educational process for students with disabilities in economic universities. Innovative approaches and an interactive tutorial are presented.

Keywords: disability, digital technologies in education, education for people with disabilities, distance learning.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_2_65

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: КЕЙСЫ ПРОЕКТОВ ДЛЯ ЛЮДЕЙ С «МЕНТАЛЬНЫМИ НАРУШЕНИЯМИ» В ТБИЛИСИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

© 2022 г.

Л.А. Торлопова

Торлопова Любовь Андреевна – независимый исследователь, Новосибирск
lyubovtorlopova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2021
Статья принята к публикации 18.04.2022

Сегодня социокультурная реабилитация людей с инвалидностью представлена не только государственными, но и творческими объединениями в виде «низовых инициатив». Эти проекты посвящены не только досугу, но и трудовой занятости людей с инвалидностью и их близких родственников. В данной статье проиллюстрированы возможности социального предпринимательства через три кейса: 2 – в Грузии (Тбилиси) и 1 – в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: антропология инвалидности, инвалидность, люди с ОВЗ, социальное предпринимательство, инклюзия, трудоустройство, case study, семьи с инвалидностью.

Введение

Во Всемирном докладе об инвалидности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) 2011 года указывается, что в странах мира более миллиарда человек живут с какой-либо формой инвалидности (порядка 15% населения планеты, в сравнении с 10% из предыдущей оценки проведенной ВОЗ) [1]. Как отмечают различные специалисты [2, 3] в междисциплинарной области исследований инвалидности, хроническое заболевание, как и большинство видов инвалидностей, обычно сопровождает человека в течение всей его жизни. Кроме того, в Докладе о глобальном бремени болезней ВОЗ отмечается, что в мире насчитывается около 95 млн. (5.1%) *детей* с инвалидностью, а 13 млн (0.7%) детей имеют тяжелые формы инвалидности. В настоящее время в России, согласно законодательным нормативам, насчитывается 11.8 млн людей с инвалидностью, или около 9.5% от общей численности населения страны. Согласно данным ФГИС ФРИ, около трети (3.5 млн чел.) – это люди трудоспособного возраста. «Доля работающих от общей численности лиц с инвалидностью трудоспособного возраста составляет всего 26.71%, в то время как в развитых странах Западной Европы этот показатель варьирует в диапазоне от 40% (Норвегия) до 48% (Франция)» [4].

В последнее десятилетие особенно отмечается постоянный рост числа детей с инвалидностью вследствие психических расстройств. «В том числе расстройств аутистического спектра, по которым наблюдается самый интенсивный рост первичной детской инвалидности среди всех нозологических форм и умственной отсталости. Кроме того, стойкие нарушения психических функций отмечаются и при неврологических заболеваниях (в первую очередь, ДЦП, эпилепсии), врожденных аномалиях и хромосомных нарушениях (синдром Дауна и другие генетические нарушения, аномалии развития центральной нервной системы), нарушениях обмена веществ и др.» [4].

Трудоустройство и профессиональная самореализация является значимой частью повседневной жизни большинства людей. В то же время проблемы трудоустройства для людей с инвалидностью, даже тех, кто имеет возможность и желание работать, достаточно серьезны. Особенно это связано с тем, что для разных социальных групп необходимы свои инклюзивные условия. Далеко не каждое предприятие готово и может себе позволить предоставить условия для комфортного труда человеку с инвалидностью. Помимо этого, не всегда человек с инвалидностью, в особенности, человек с ментальными нарушениями, может сам(а) найти себе работу или иную форму профессиональной реализации. Что, безусловно, осложняется не только личными ограничениями возможностей здоровья (ОВЗ), но также и внешней стигматизацией людей с инвалидностью. Последняя содержит в себе элементы безвыходности: с одной стороны, возможность трудоустройства является непростой задачей для человека с ментальными нарушениями. С другой стороны, как упоминает Е.Э. Носенко-Штейн в рецензии [5] на книгу А. Клепиковой [6]: «в социальных

пространствах как в советской, так и современной российской действительности, «не работающим и больным как бы нет места». В данной статье речь пойдет именно о возможностях социально-бытовой и профессионально-трудовой реабилитации людей с ментальными нарушениями, а также их семей, через потенциал социального предпринимательства.

В рамках данного текста будет использовано словосочетание «семья с инвалидностью» («disabled family» [7]), через этот концепт делается попытка обратить внимание «на распределение ответственности и опыта проживания повседневности бок о бок с инвалидностью. Действительно, инвалидность приобретает свойство текучести и распределяется из границ личности – в пространство семьи и семейных отношений, влияя также на всех непосредственных окружающих. Это меняет реальность семьи, добавляя в ее жизнь альтернативный опыт». Подробнее об этом см. в обзоре зарубежной литературы [8]. Значимость понятия «семья с инвалидностью» обусловлена спецификой исследования и практической необходимостью для людей с ментальными нарушениями в поддержке близких как в социально-бытовой повседневности, так и особенно – в профессионально-трудовой.

Источники и методы

В мае и августе 2018 года в Грузии проводились международные лаборатории по социальному предпринимательству – мероприятия, организованные местным образовательным НКО «Центр творческого развития». Эта группа активистов работает с 2009 года, а с 2014 года была сформирована их НКО, которая занимается негосударственным образованием для создания активного гражданского общества. Целью их лаборатории являлось создание, поддержка и развитие новых социальных проектов на базе межкультурного взаимодействия. Автор статьи работала в рамках лабораторий с собственным социально-ориентированным проектом, параллельно проводя исследование методами включенного наблюдения и полуструктурированных интервью.

В рамках двух поездок в Грузию было проведено в Тбилиси и регионах (Кахетия: село Нукриани, город Цнори; Сванетия): 31 полуструктурированное интервью про начинающие проекты социального предпринимательства; 13 экспертных интервью про социальное предпринимательство в Грузии, в том числе про проекты, связанные с инвалидностью; 8 интервью про проекты для людей с ментальными нарушениями (основатели проектов, сотрудники проектов и их консультанты, в Тбилиси). В ноябре 2020 проводился анализ ведения социальных сетей проектов социального предпринимательства на предмет изменений ведения деятельности с течением времени.

В связи с тем, что в современной Грузии, особенно в столице, местных жителей, знающих русский язык, значительно меньше, нежели во времена СССР, все исследования проходили с двойным переводом: с грузинского на английский, а затем автор переводила записи интервью – с английского на русский язык.

В случае кейса в Санкт-Петербурге в качестве предварительного сбора данных были использованы несколько видео-источников: публичные выступления, лекции автора проекта (Марии Грековой) и репортажи о проекте (2021).

В экспедиции в Грузию источниками стали написанные за время исследований дневники автора: полевые заметки на английском (перевод с грузинского) и русском языке, а также фотографии, снятые в ходе поездок.

О социальном предпринимательстве

Наряду с созданием новых форм проектов для разносторонней поддержки людей с инвалидностью со стороны государств или организаций в последние десятилетия на постсоветском пространстве наблюдается развитие инклюзивных проектов, предлагаемых непосредственно самими интересантами. В случае людей с ментальными нарушениями активность проявляют члены семей с инвалидностью. Эти «низовые инициативы» [9] способствуют социальным изменениям, расширяют и обогащают как компетенции участников этих проектов, так и социальное пространство, где они появляются, и главное, – формируют новые рабочие места с гибкими условиями труда для людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Низовые инициативы проявляются в том числе в такой форме деятельности как социальное предпринимательство, которое во многих странах мира уже существует и законодательно.

В англоязычной литературе под социальным предпринимательством обычно понимается деятельность отдельных лиц и организаций, которые используют бизнес-логику в новом ключе для улучшения положения исключенных, маргинализированных или узявимых групп населения: «социальное предпринимательство определяется как мощный механизм борьбы с бедностью; расширения прав и возможностей женщин; катализатор социальных преобразований, способствующий инклюзивному росту на рын-

ках натурального хозяйства и вызывающий институциональные изменения» [10]. Под социальным предпринимательством в рамках данного текста рассматривается то значение, которое Ю.Н. Арай характеризует как значение в широком смысле – «социально ориентированная инновационная деятельность как в коммерческом, так и в некоммерческом секторе, либо на их стыке». Область исследований феномена социального предпринимательства в последние десятилетия набирает обороты. Подробнее о российском опыте его осмысления и описания кейсов написано в работах авторов: Ю.Н. Арай, Богуславская и др., О.П. Недоспасова и др., С.В. Негруль и др., В.А. Смирнов, В.Н. Якимец и др. [11–16].

В России социальное предпринимательство с 2019 года существует на законодательном уровне. Определяется оно как «использование стартапов и других средств предпринимательства для разработки, финансирования и реализации решений социокультурных или экологических проблем. Деятельность [этих проектов] направлена на достижение общественно полезных целей, что предоставляет [им] возможность дополнительных мер господдержки, а также обеспечивает занятость отдельных категорий граждан; участвует в реализации товаров, производимых гражданами из числа указанных категорий (работ, услуг)» [17].

Это что касается России, в Грузии законопроект был представлен в Парламент в 2015 г., но пока так и не был принят (к 2020 г). Таким образом, в законодательном поле отсутствует определение социального предпринимательства. Тем не менее, социальные проекты работают там, делая это в гибридном формате (как НКО и коммерческая организация). Подробный анализ ситуации о социальном предпринимательстве в Грузии, о трудностях в связи с отсутствием соответствующего закона; о возможностях, вариациях закона в различных странах сделан в работе независимого грузинского исследователя Иракли Мхеидзе, переведенной автором (мною. – *Л.Т.*) как «Социальное предпринимательство в Грузии: существующие практики и проблемы» [18].

3 кейса проектов

О нескольких проектах, созданных «на местах» для аудитории, обладающей определенной спецификой и финансовой и социальной устойчивости проектов и пойдет речь. Качественные исследования в виде case study позволили обратить внимание не только на инициативные стратегии выбора трудовой деятельности для родителей детей с синдромом Дауна и другими «ментальными нарушениями», но и на жизненные траектории самих детей с учетом предоставленных им возможностей. На примере трех кейсов комплексных проектов: два из них – в Грузии, и один – в России, показано разнообразие форм и возможностей инклюзии молодых людей с «ментальными заболеваниями» и их родственников. Оба грузинских проекта сочетают в себе образовательные и реабилитационные возможности для детей и подростков с ОВЗ вместе с предпринимательскими площадками, обеспечивающими работой как некоторых родителей (в одном случае), так и молодых людей с ОВЗ (в обоих кейсах). Для сравнения с ними описан крупный и успешный кейс творческих мастерских для взрослых с ментальным особенностями в Санкт-Петербурге. На примере этого проекта показаны способы повышения уровня социального благополучия данной группы населения в России.

Объединение «АмфоРея» в Тбилиси

Объединение «АмфоРея» включает в себя кафе, магазин керамической продукции в историческом центре Тбилиси и керамический цех. Миссией проекта является повышение качества жизни детей и молодых людей с отклонениями в развитии. Наличие нескольких направлений деятельности позволяют проекту быть устойчивым. Благодаря этому в регионе работают «реабилитационные центры» – выездные лагеря, где обучают молодых людей с ментальными нарушениями профессиональным навыкам. Некоторых из учеников позднее трудоустраивают в кафе или цех в Тбилиси. В уютном кафе – современный дизайн, комфортная атмосфера и качественная, керамика своего производства. Продукция «АмфоРеи» имеет в основном сувенирно-туристическую тематику.

Проект, будучи созданным в 2017 г., прошел ряд трансформаций, что было связано с постепенным расширением бизнеса и наращиванием активностей, а также с обучением основательницы и поддержкой ее различными фондами. В частности, проект прошел ребрендинг. Организаторы активно сотрудничали с зарубежными подобными проектами и фондами для получения дополнительного финансирования и создания выездного лагеря в регионе Самцхе-Джавахети для обучающихся.

Изначально у основательницы и ее помощников не было образовательной базы, связанной с психологией или бизнесом. Тем ни менее, из-за болезни близкой родственницы, основательница была активно вовлечена в благотвори-

Рис. 1. Основательница Объединения «АмфоРэя» Элисо Р. знакомит участников социальной лаборатории с коммерческим опытом своего проекта, Тбилиси, 2018
Фотография: Л.А. Торлоповой

тельную деятельность по созданию выездного лагеря для молодых людей с ментальными нарушениями, чтобы дать им возможность обучаться профессиональным и социально-бытовым навыкам. В результате, когда подростки стали старше, родители столкнулись с тем, что трудоустроить их детей оказалось невозможно. «Наша НКО помогала детям и молодым людям с нарушениями развития в обучении различным профессиональным навыкам. Когда они выросли, мы пытались помочь им найти работу, но это оказалось для нас непреодолимым препятствием. Поэтому мы решили создать социальное предприятие. Мы хотели создать пространство, где молодые люди могли бы реализовать свой потенциал». Тогда и была создана организация «АмфоРэя» именно как социальное предприятие, ориентированное на коммерческую деятельность с социально значимыми задачами, а занятия для подростков, уже обучившихся социальным и базовым трудовым навыкам, стали регулярными, дополнив собой временные обучающие площадки.

У проекта есть опыт сотрудничества с бизнес-инвесторами – программа «Древо жизни» Банка Грузии. Зарубежными партнерами «АмфоРэя» являются: «Хлеб для мира», «Австрийское агентство развития» и «Диаконри», а местным спонсором является «Центр стратегических исследований и развития Грузии». Именно тренинги этой образовательной НКО в области социального предпринимательства «…дали нам соответствующие знания, которые помогли нам не сдаваться и бороться до конца за реализацию своих идей». В весомой поддержке различных НКО и фондов основательница объединения, Р. Элисо, видит факторы устойчивого развития проекта: «Хочу вам сказать, что социальное предпринимательство оказалось довольно сложным и полным препятствий занятием, но нам очень повезло, потому что международные и грузинские партнеры помогали нам развиваться».

На момент интервью постоянно в кафе работало до 6 человек с ОВЗ. Отдельно – небольшая группа (около 10) – в керамических мастерских.

Арт-мастерская «Бабале» в Тбилиси

«Бабале» в Тбилиси – это творческая студия-мастерская, созданная родителями в 2014 году, для детей с синдромом Дауна и другими нарушениями развития, как расстройства аутистического спектра. У детей основательниц проекта - синдром Дауна. Производимая продукция мастерской включает канцелярские товары, тканевые сумки, декоративные и практичные пред-

Рис. 2. Пространство творческой студии «Бабале» в Тбилиси.
Знакомство с одной из основательниц –Лией Т. Тбилиси, 2018
Фотография: Л.А. Торлоповой

меты интерьера, предметы для праздников и аксессуары.

Концептуально основательницам важно позитивное прочтение проекта и самой инклюзии, как чего-то «нормального», помещенного в рамки общества, а не на его «обочину». Такое очень теплое название – «Бабале» – относится к культурной истории страны. Бабале – сказочный персонаж, наподобие Бабы Яги в русскоязычной культуре, но с позитивным прочтением, – как пожилой покровительницы, сказительницы, знающей мудрость и т.п. Основательницы с поддержкой обучающих социальному предпринимательству организаций, очень вдумчиво подошли к формированию своего бренда. А также очень творчески подошли к поиску идей для продуктов в своей мастерской. Они сотрудничают со студентами-художниками, дизайнерами, а также со знаменитыми в Грузии деятелями искусства и артистами. Поддержка таких публичных партнеров положительно сказывается на распространение информации о проекте, и, собственно, включает разработку дизайна конкретного продукта. Миссия этого социального предприятия – содействовать независимой жизни людей с ограниченными интеллектуальными возможностями и психосоциальными потребностями посредством профессионального обучения, трудоустройства и укрепления их семей.

Матери детей с синдромом Дауна начали с «нуля», не имея бизнес-навыков и специализированных знаний. Как говорит одна из основательниц, Лия Т., «целью наших первых шагов было понять, что делать. У нас не было идеи, не было плана. Нужно было делать что-то. Образовательное НКО «Центр стратегических исследований и развития Грузии», их представители, работали с нами все лето для создания бизнес-плана, плана действий. И мы потратили очень много времени на то, чтобы выучить важные базовые вещи о бизнесе, сталкивались с обратной связью в личном окружении: «вы женщины! Зачем вам знать все это о бизнесе? Идите на рынок в центре и просто продавайте там свои поделки!» Первые деньги на создание мастерской были получены проектом в виде гранта от благотворительного фонда в размере 3000 евро. Позднее также получали ещё один европейский грант на маркетинговую стратегию и интернет-магазин, поскольку «в регионах есть высокий спрос на такие товары. Помимо необходимости организовать арт-студию, в начале требовались навыки работы с людьми с инвалидностью (как их обучать. – *Л.Т.*)». Этим занималась напарница Лии Т. К серьезному вложению в проект личностного и социального капитала основательниц в начале пути добавля-

Рис. 3. Одно из сезонных декоративных изделий «Бабале» – новогодние игрушки «Ангелочки». Тбилиси, 2018
Фотография: Л.А. Торлоповой

ется регулярная устойчивая стратегия действий по разработанному плану. «Многие говорят, что мы и наше социальное предприятие – везунчики: что это воля случая и удачи, – что наш проект успешен, и не провалился. Но мы так не думаем. Успех – это не вопрос удачи, а вопрос работы двадцать четыре часа на семь. Не стоит себя оставлять за порогом. Основатели – значимый элемент». Не смотря на энтузиазм и высокую работоспособность основательниц проекта, всё-таки действительно остается открытым вопрос о всех факторах, способствующих сохранению их предприятия работающим и устойчивым. Эти факторы представляют особый интерес для последующих исследований.

Трудности, с которыми сталкиваются основательницы в первую очередь, размышляя о длительном планировании, – это нехватка человеческих ресурсов и недостаточная вовлеченность других родителей в проект: «это очень трудно сделать бизнес больше, когда «правильные» люди работают. А мы пытаемся их «затащить» сюда, чтобы они рисовали с нами и своими детьми. Но мы думаем о масштабировании». Актуальность проекта не подвергается сомнению, и его ценность высока для всех, кто в него вовлечен. «Для них (детей с синдромом Дауна и иными ментальными нарушениями – *Л.Т.*) очень трудно вообще добраться до сюда, просто прийти сюда. Собраться, выйти из дома, сесть в автобус, и т.д. … Когда мы начали проект, то всегда нужен был кто-то, кто мог бы привести и увезти ребят от и до дома. А теперь они могут прийти сюда самостоятельно! Это научение. Важное достижение для нас. … Они приходят сюда и рисуют, и это помогает им развивать и другие навыки (самостоятельности, например)».

В инклюзивной детской художественной студии, действующей при «Бабале», 7 из 21 подростка с ОВЗ имеют возможность пройти бесплатный курс рисования. Но уже бывали случаи, когда рисования и художественных навыков оказалось недостаточно для детей с ОВЗ. «У нас было 3 человека, кто ходил, учился, а потом сказали: «С нас хватит. Мы здесь достаточно долго, мы достаточно рисуем, пора двигаться дальше». И ушли. И мы счастливы, потому что они поняли, что то, что у них есть, им этого мало, недостаточно, они хотят больше. И они *могут* больше. Это хорошо для нас, что они не остаются с нами навечно, а могут двигаться дальше, пробовать разные вещи» (Лия Т.).

В 2021 году в «Бабале» работает 16 сотрудников, в том числе 6 человек с ОВЗ, 5 родителей детей с инвалидностью и 5 сотрудников администрации. Пятеро из двадцати подростков-бенефициаров «Бабале» работают в других местах. Остальные учатся в профессиональном училище. Периодически предприятие создает для учеников временные вакансии [20].

Оба проекта направлены на расширение и трансформацию психологических, материальных, социальных рамок и рамок социокультурных ограничений для детей с ментальными нарушениями и их близких родственников. Эти кейсы из Грузии – удачный опыт встраивания таких семей (своих детей или их родственников) в социальный бизнес и в трудовую деятельность. Это также пример вовлечения в этот процесс других семей с похожими историями. На сегодня, в базе данных одного из НКО, поддерживающих социальные предприятия в Грузии, насчитывается 46 проектов различных направлений деятельности [20].

«Простые вещи» в Санкт-Петербурге

Для сравнения рассмотрен опыт российского успешного проекта, который активно существует с 2018 г. Называются эти инклюзивные мастерские в Санкт-Петербурге – «Простые вещи», позднее их организаторы открыли и кафе «Огурцы». Все данные по проекту «Простые вещи» были получены в результате изучения видеоматериалов, взятых из публичного доступа на Youtube. Это – выступления и лекции автора проекта и репортажи о мастерских [21–23].

«Инклюзивные мастерские «Простые вещи» – это открытое пространство в Санкт-Петербурге, где взрослые люди с особенностями развития психики и интеллекта работают на равных с

художниками, ремесленниками и волонтерами в пяти мастерских и создают простые и полезные в быту вещи» [24].

Весной 2018 г. были открыты мастерские, работавшие сразу по четырем направлениям: кулинарное, где участники учатся готовить для обеспечения себя обедом и для развития навыков самостоятельного обслуживания, а также – швейная, керамическая и мастерская графического дизайна. Командой организаторы проекта получали гранты (Президентский и др.) на оборудование и зарплату сотрудникам (первого гранта хватило на 10 месяцев выплаты зарплаты), и собирали краудфандинг как «народное финансирование» на платформе planeta.ru для оплаты аренды площадей. Частичная самоокупаемость проекта стала возможна с помощью активных корпоративных заказов.

К 2019 г. в «Простых вещах» к четырем направлениям мастерских – добавилось пятое – столярное дело. Появление этого вида занятий было крайне важно, поскольку число мужчин с особенностями развития психики и интеллекта, участвующих в проекте, велико. Всего работают и обучаются в мастерских 50 человек с ментальными нарушениями. Помимо этого, существует очередь уже из 40 человек с ОВЗ, претендующих на обучение в студии. В проект принимаются люди с разными ментальными нарушениями, но без агрессивных форм поведения.

Поскольку проект нацелен не только на решение проблемы занятости и труда людей с ментальными нарушениями, но и на снижение стигматизации людей с ОВЗ, то мастерские открыты волонтерам для участия в их работе. Любой человек может прийти в студию и, по договоренности с ответственными сотрудниками, участвовать в производстве, обучении и непосредственном общении со всеми присутствующими мастерами, в том числе – мастерами с ОВЗ. В 2020 г. в мастерских трудилось около 100 волонтеров, в 2021 г. – 300 человек.

Юридически «Простые вещи» – автономная некоммерческая организация, с отдельно работающей бухгалтерией по коммерческой деятельности (то есть это социальное предприятие смешанного типа). В апреле 2020 г. на базе опыта с мастерскими командой было открыто инклюзивное кафе «Огурцы», в котором также работают люди с ОВЗ, и куда регулярно приходит около 2500 человек в месяц. Инклюзивное кафе помогает расширять возможности по реализации цели всего проекта – создавать позитивный образ людей с ментальными нарушениями, производя качественную продукцию и услуги (эта мотивация схожа с опытом грузинских кейсов). Все доходы коммерческой части проекта идут на уставную деятельность. Пока предприятие не находится в самоокупаемости, тем ни менее, уже 50% затрат, которые несут мастерские для своего существования, перекрывается за счет коммерческой активности.

Вместо заключения. Предварительные наблюдения по сравнению опыта проектов.

Проекты «Бабале» и «Простые вещи» обращаются к корпоративным заказам как источнику частичной самоокупаемости; ставят своей целью – создавать позитивный образ людей с ментальными нарушениями и при этом – делать качественную продукцию. Проект «АмфоРэя» схож по ценностям (значимость качества продукции и конструирования нового образа инвалидности), но более ориентирован на туризм и индивидуальные клиентские покупки производимых товаров.

В Грузии прежде не существовало подобных социальных проектов. У основательниц этих проектов не было также опыта предпринимательства. Мария Грекова (кейс СПб) имеет образование клинического психолога, а также работала в проекте фандрайзинга до создания специальных мастерских, отсюда, видимо, ее навыки и активный бизнес-подход, понимание того, как ставить процесс «на поток», и как работать с обучаемыми мастерами с ОВЗ. Стоит подчеркнуть, что во всех случаях основывали проекты женщины: наибольший активизм проявляют именно матери либо иные родственницы женского пола и, чаще, это матери детей с нарушениями ментального и психического развития.

В Санкт-Петербурге организация старается официально трудоустраивать мастеров. В первом грузинском кейсе «АмфоРэя» есть рабочие места на несколько человек. Во втором случае большая часть детей и подростков с ОВЗ регулярно занимаются творчеством, лишь несколько из них – трудоустроены, как и матери, основавшие проект. Родители большинства учеников не вовлекаются активно, только с удовольствием отправляют детей посещать занятия и сами приходят в случае крайней необходимости в качестве волонтеров, когда необходимо в срок успеть выполнить крупный корпоративный заказ.

В обоих последних кейсах («Бабале» и «Простые вещи») есть волонтеры. В команде «Бабале» идея о масштабировании созрела, но пока не было сформировано плана и стратегии. Пока они расширяют свою деятельность через создание интернет-магазина (www.babale.ge /@babalestore).

В нарративе грузинских кейсов «АмфоРэя» и «Бабале», больше связанности с личными и се-

мейными ситуациями, что вполне может быть объяснено сохранением элементов традиционного общества в Грузии. У основательниц изначально нет опыта, связанного с бизнесом, ведением обучающей деятельности, как нет и психологического образования. Соответственно они создают малые предприятия с небольшим числом рабочих мест. Что, безусловно, не отменяет их значимости.

В кейсе российском в предприятие вовлечено значительно больше людей с ОВЗ, также больше волонтеров, мастеров-преподавателей и клиентов, соответственно. Что позволяет проекту расширять разнообразие своих задач и решаемых проблем, связанных как со спецификой бизнеса, так и со спецификой коммуникации внутри сообщества мастерской: между мастерами и обучающимися, а также волонтерами, поскольку значимым является выстраивание горизонтальных отношений на равных, и участие взрослых людей с ментальными нарушениями именно в качестве мастеров.

Все предприятия понимают значимость стадии трудоустройства участников с ОВЗ, а в грузинских кейсах – и их родителей.

В Грузии проекты социального предпринимательства для людей с ОВЗ ориентируются на средства различных благотворительных фондов и собственные семейные источники финансирования. В России зарубежных фондов становится все меньше. Российские проекты финансируются в основном благодаря краудфандингу с помощью таких платформ как Планета.ру, Boomstarter, Kroogi, Поток, Город денег. Среди популярных зарубежных платформ: Kickstarter, Indiegogo, Patreon, Crowdfunder и др.

Описанные кейсы показывают, как социальное предпринимательство может давать гибкие возможности трудоустройства для членов семей с инвалидностью. А в иных случаях – свободу для самих людей с ОВЗ – работать в комфортных для них условиях. То есть, происходит формирование и развитие гибкости окружающей среды, необходимой для работы конкретной группы людей с инвалидностью.

Автор выражает благодарность грузинской НКО «Центр творческого развития» (Creative Development Center) за предоставленную возможность участвовать в программе «Social Entrepreneurship Lab» в 2018 г., в ходе которой был начат сбор данных и материалов, вошедших в эту статью; и за предоставленный перевод с грузинского на английский язык в ходе общения с информантами.

Исследование осуществлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Грант № 20-09-00063 А «Инвалидность как социокультурный феномен на пост-советском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ».

Список литературы

1. Всемирный доклад об инвалидности Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.who.int/disabilities/world_report/2011/summary_ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 17.10.2020).

2. Mol A. The Logic of Care. Health and the problem of patient choice. Oxon: Routledge, 2008. 160 p. DOI: https://doi.org/10.4324/9780203927076.

3. Обратная сторона Луны, или что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентации, практики. Сб. статей / Отв. ред. Курленкова А.С., Носенко-Штейн Е.Э. М.: МБА, 2018. 420 с.

4. Концепция развития в Российской Федерации системы комплексной реабилитации и абилитации лиц с инвалидностью, в том числе детей с инвалидностью, на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/25/kontcepsia (дата обращения: 14.09.2021).

5. Носенко-Штейн Е.Э. Дураки из параллельных миров // Медицинская антропология и биоэтика. 2019. **1 (17)**. DOI: http://doi.org/10.33876/2224-9680/2019-1-17/04.

6. Клепикова А.А. Наверное, я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.

7. McLaughlin J. Understanding disabled families: Replacing tales of burden with ties of interdependency // Routledge Handbook of Disability Studies / Editor(s): N. Watson, A. Roulstone, C. Thomas. Abingdon, Oxon, UK, 2012. P. 402–413.

8. Торлопова Л.А. Особенности родительства в ситуации детской инвалидности: модели и концепты в зарубежных исследованиях // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. Кишинев, 2021. С. 213–216.

9. Seyfang G., Smith A. Grassroots Innovations for Sustainable Development: Towards a New Research and Policy Agenda // Environmental Politics. 2007. V. 16 (4). P. 584–603. DOI:10.1080/09644010701419121

10. Peredo McLean. Social Entrepreneurship: A Critical Review of the Concept // Journal of World Business, 2006. V. 41(1). P. 56–65. DOI: 10.1016/j.jwb.2005.10.007.

11. Арай Ю.Н. Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: подход к построению типологии // Российский журнал менеджмента. 2018. Т. 16. № 2. С. 253–272. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu18.2018.205

12. Богуславская С.Б., Кузьмина К.А., Рождественская Н.В. Социальное предпринимательство как драйвер развития социокультурной среды малых территорий // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19 № 1. С. 85–100. DOI: https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-85-100

13. Недоспасова О.П., Павлова И.А., Барышева Г.А., Рождественская Е.М. Формирование запроса на социальное предпринимательство в интересах стар-

шего поколения (на примере Томской области) // Вестник Томского государственного университета. 2021. Т. 463. С. 87–97.

14. Негруль С.В., Кашпур В.В., Барышев А.А. Проблема конструирования социального предпринимательства как перформативного феномена: конкуренция смыслов и ценностей в дискурсе ключевых стейкхолдеров // Вестник Томского государственного университета. 2018. С. 91–99. DOI: https://doi.org/10.17223/15617793/429/11.

15. Смирнов В.А. Региональные системы социального предпринимательства в России: типология, факторы развития, ключевые противоречия // Журнал исследований социальной политики. 2021. № 1. С. 23–40. DOI: https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-23-40.

16. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Поддержка социального предпринимательства: оценка механизмов и рейтинг регионов России // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 99–109. DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250004962-1

17. Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201907260077 (дата обращения: 27.04.2020).

18. Мхеидзе И. Социальное предпринимательство в Грузии: существующие практики и проблемы // Центр стратегических технологий и развития Грузии, 2017. (საქართველოში სოციალური მეწარმეობის არსებული პრაქტიკები და გამოწვევები). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asb.ge/sites/default/files/sakartveloshi_socialuri_mecarmeobis_arsebuli_praktikebi_da_gamocvevebi.pdf (дата обращения: 16.11.2021).

19. Список социальных предприятий // Центр стратегических технологий и развития Грузии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.segeorgia.org/tinfo.php?ID=14 (дата обращения: 16.11.2021).

20. «Маша Грекова о проекте инклюзивных мастерских «Простые вещи» // Школа сопровождения, лекция 9» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=Q3D4t6bLPF4 (дата обращения: 11.10.2020).

21. «Как устроен легендарный проект «Простые вещи»? Рассказывает Маша Грекова» 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=tAQXsy_-3Vo (дата обращения: 11.10.2020).

22. «Инклюзивные мастерские «Простые вещи», Санкт-Петербург». 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=m0VHgHWgk7E (дата обращения: 11.10.2020).

23. Сайт инклюзивных мастерских «Простые вещи» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://prostieveschi.ru/masterskie/ (дата обращения: 11.10.2020).

SOCIAL WELL-BEING THROUGH SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: CASES OF PROJECTS FOR PERSONS WITH «MENTAL ILLNESSES» IN TBILISI AND ST. PETERSBURG

L.A. Torlopova

Novosibirsk, the independent researcher

Today the socio-cultural rehabilitation of persons with disabilities is represented not only by state, but also by creative associations in the form of «grassroots initiatives». These projects are dedicated not only to leisure, but also to the employment of people with disabilities and their close relatives. This article illustrates the variety of forms of organizations in the cases of social entrepreneurship in Georgia (Tbilisi) and in St. Petersburg.

Keywords: anthropology of disability, disability, persons with disabilities, social entrepreneurship, inclusion, employment, case studies, families with disabilities.

УДК 316
DOI 10.52452/18115942_2022_2_74

ИНВАЛИДНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН В КАЗАХСТАНЕ: ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ

© 2022 г.

И.С. Савин

Савин Игорь Сергеевич, к.и.н.; с.н.с. Института востоковедения РАН, Москва
savigsa@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 02.12.2021
Статья принята к публикации 18.04.2022

На основе анализа полевого материала собранного в Казахстане в 2021 г., рассматриваются факторы, определяющие специфическую конфигурацию инвалидности в конкретных социальных контекстах. Среди этих факторов выделены тип поселения и влияние религиозных представлений и практик. Показано, как формируется представления об инвалидности в условиях компактного поселения моноэтничного сообщества, гетерогенного по своему составу поселка и крупного города. Каждый из этих типов поселения дает возможность индивиду воспользоваться сформированными в его рамках ресурсами, что накладывает свой отпечаток на модель инвалидности (публичная, скрытая). В то же время, распространение в последние десятилетия религиозности в Казахстане расширяет сферу воздействия религиозной этики, в которую и в христианском и в мусульманском варианте включены императивы милосердия к неимущим и сострадания. Сформированные на этой основе модели социально одобряемого поведения способствуют расширению благотворительности и формируют конфигурации инвалидности, соответствующие представлениям о нормальном, правильном обществе с точки зрения религии.

Ключевые слова: Южный Казахстан, компактное поселение, представления об инвалидности.

Введение

Понимание социокультурной, а не только медико-биологической природы инвалидности давно уже не вызывает вопросов у большинства специалистов по всему миру [1]. Но вот вопросы о том, как именно складывающаяся в каждом регионе специфическая среда определяет социальный облик человека, в том числе его инвалидность, сохраняют свою актуальность. Собранные автором в ходе исследований в 2020 году в рамках проекта «Инвалидность как социокультурный феномен на постсоветском пространстве: социально-антропологический и кросс-культурный анализ», интервью людей с инвалидностью позволили сделать вывод о том, что специфика самовосприятия людей инвалидностью в Казахстане отражает доминирование норм и ценностей, отличных от тех, которые распространены в России.

Полевые исследования 2021 года были призваны углубить понимание закономерностей влияния различных типов социальной среды на особенности складывания специфической модели инвалидности и выделить наиболее значимые параметры этого влияния. После проведения 25 интервью разной длительности и степени фиксации как с самими людьми с инвалидностью, так и с их близкими, соседями, активистами и организаторами сообществ людей с ОВЗ, возникло предположение, что наиболее значимыми факторами являются тип расселения (городской, сельский, смешанный) и характер влияния на сообщество религиозных представлений. В ходе выездов в места компактного проживания сообществ этнических меньшинств и наблюдения за людьми с инвалидностью и их семьями в естественной обстановке это предположение стало более определенным.

Тип расселения

Для Южного Казахстана характерно компактное расселение нетитульного населения в сельской местности в рамках значительных по размеру сел. Например, узбеки (всего в регионе около 500 тыс.) компактно живут в селах до 30-ти и более тысяч населения, составляя иногда до 95% от всего населения этих сел. Нечто подобное, но в гораздо меньших масштабах характерно для турков-месхетинцев, курдов, чеченцев, таджиков. Под компактным поселением понимается соседское проживание, когда внешняя стена – дувал одного дома вплотную примыкает к такой же стене другого, а внутри двора образуется обширное пространство, в котором расположены дома, где живут родственные семьи (дети и внуки хозяев дома, иногда племянники и т.д.) – см. рис. 1.

Ранее, до середины XX в., внешние стены домов были совершенно глухими, теперь в них делают окна. На внутренний двор, закрытый от

Рис. 1

Рис. 2

постороннего взгляда выходят окна и двери как жилых помещений так и хозяйственных построек, там же находится место для огорода, гаража и т.д. Там же образована обширная территория, где взрослые и дети проводят большую часть жизни, для детей это еще и зона безопасных игр, а для детей с инвалидностью этот двор становится местом основного пребывания и во взрослом возрасте (рис. 2).

Такие примыкающие друг к другу дома формируют особый тип соседства и самоуправления – махалля. О именуются именно так, поскольку живущие там узбеки говорят почти на том же языке, что и в столице Узбекистана Ташкенте, расположенном в 120 км к югу. Внутри сообщества все про всех знают, охотно друг другу помогают, и, при этом «приглядывают» за соседями: что там у них. Поэтому для всех семей важно поддерживать равный со всеми статус и образ семей, где «все не хуже, чем у других». Это относительно легко в этнически однородной среде, где все говорят на одном языке и следуют в целом одним и тем же нормам социального поведения.

Показателен пример одного из наших собеседников Султана, который, будучи сегодня почти 60-тилетним, 30 лет провел прикованным к больничной койке. Первые три года – в разного рода больницах, а последние лет 20 – дома, в окружении семьи. Причина такого состояния – бруцеллез, которым он заразился, когда уже был женат и отцом нескольких сыновей и до-

черей. Поскольку диагноз не был сразу установлен, то было невозможно предотвратить расширяющееся ограничения движения конечностей и, постепенно, Султан, в первые годы лишь приволакивавший ногу, превратился в человека, едва могущего повернуть или слегка приподнять голову. Он нуждается в постоянном уходе для поддержания жизнедеятельности, при этом оставаясь в сознании и сохраняя способность каждодневной коммуникации с близкими.

На семейном совете, куда входили его старшие братья и их жены, было решено не отдавать его в специальное учреждение для людей с тяжелой инвалидностью, а поддерживать и выхаживать дома, сохраняя за ним все атрибуты члена большой семьи и ее главы. Поскольку на момент болезни он не успел построить собственный дом, то в большом дворе отцовского дома силами всех братьев был построен дом для семьи Султана. И в этом случае была соблюдена традиция: младший сын остается с родителями, ухаживая и поддерживая их. Здесь все было наоборот: в уходе нуждался сам Султан, но внешне все выглядело «как у всех». Он еще принимал посильно участие в строительстве своего дома, поскольку тогда мог передвигаться. Но и позже, когда уже он стал малоподвижен, подросшие сыновья и дочери за родительски благословением приходили именно к нему. На свадьбах, проходивших в этом же дворе, говорили, что Султан их организует, хотя он не мог присутствовать за столом и все знали, что все сделано усилиями родственников. Точно так же все происходило с обрядами, связанными с появлением в семье внуков, представлением интересов семьи на махаллинском совете и т.д. Всегда все представлялось как сделанное самим Султаном и от имени Султана, хотя он принимал в этих событиях минимальное участие.

Таким образом, он, будучи малоподвижным инвалидом первой группы, имея лишь небольшую пенсию по инвалидности, оставался формальным главой семьи, и семья воспринималась соседями как «нормальная», поскольку никак не выделялась на фоне остальных. Не было никаких признаков того, что в этой семье внешне присутствуют какие либо специфические нормы или практики, связанные с инвалидностью, хотя на внутрисемейном уровне это, конечно, не так. Каждодневная забота о его питании, предупреждения пролежней, организация регулярных массажей, консультации с врачами создавали особую атмосферу внутри семьи и являлись важной частью ее повседневного существования. Но во внешний мир, даже мир ближайших соседей эта инвалидность не транслировалась.

Несколько схожа ситуация у детей инвалидов, живущих в таких махаллях: наличие больших внутренних дворов и постоянное присутствие во дворе ближайших родственников и их детей позволяет детям находиться в относительно комфортной среде всю свою жизнь, не превращаясь в «заложников четырех стен», боящихся соприкоснуться с порой неудобным и не дружелюбным миром вокруг. Все заботы, связанные с поддержанием физического состояния ребенка остаются «во дворе», при этом нет недостатка в многочисленных сочувствующих и готовых помочь людях из числа родственников живущих в этом же дворе.

Тогда как на улицу такой ребенок выходит только в случае, если он ходит в школу (чаще он находится на домашнем обучении) и в случае больших праздников (Наурыз, Новый год). При этом, он отнюдь не изгой, не одинок и постоянно окружен микросообществом в несколько десятков человек. Из бесед, проведенных в таких семьях, выясняется, что иногда такие подросшие дети просят почаще оставлять их одних, так как в обычном ритме жизни каждый взрослый, да и ребенок считает своим долгом за ними «приглядывать». Возможно, они чувствуют чрезмерность заботы и устают от нее.

Я бы назвал такую ситуацию «предписанной и регулируемой извне (по отношению к самому человеку с ОВЗ) инклюзией». То есть, важнее, как видит, как вписывает в свою повседневность такого человека сообщество, нежели он сам. Само сообщество «создает» для него «инвалидность» как инфраструктуру заботы о нем, но для сообщества он такой же член семьи как и другие, подчиняющиеся общим правилам. Никакой «внешней» инвалидности – системы взаимоотношений со специальными медицинскими учреждениями, с людьми, имеющими те же ОВЗ, с незнакомыми людьми на улице, которые бы видели в нем инвалида, – нет.

Но, разумеется, есть в Казахстане и совершенно другие типы поселений, и там формируются и реализуются совершенно другие модели социальных взаимодействия в целом и восприятия инвалидности в частности. Так, одна из наших собеседниц Алия, 30 лет, колясочница из-за ДЦП выросла в селе Хлебодаровка (ныне переименованном в Сары-жар) недалеко от Актобе (Актюбинска). Село с 3.5 тыс. жителей формировалось, начиная с целинной эпопеи в качестве центра большого совхоза, куда на работу приезжали люди со всей страны. Основу нынешнего архитектурного облика составляют несколько двух трехэтажных строений в центре и широко отстоящие друг от друга – коттеджи на одного-двух хозяев, построенные еще в со-

ветское время. Постсоветское частное строительство следовало этим же традициям: дома стоят далеко друг от друга, просторные дворы иногда огорожены сеткой-рабицей: все на виду. По-соседству живут люди самого разного этнического происхождения, говорившие между собой 30 лет назад преимущественно на русском языке, хотя теперь все более доминирует казахский.

Алия вспоминает свое детство на коляске как время бесконечных игр со сверстниками – жителями соседних домов, которые постоянно перетаскивали ее с улицы на улицу, через канавы и грязь, для того чтобы она могла принимать посильное участие в играх. Соседские дети считали ее «своей» настолько, что даже вступали порой в конфликты с группами детей с соседних улиц, когда те предлагали исключить из игры «эту, на коляске», чтобы не снижать из-за нее темп игры. Во многом это объясняется открытым и приветливым характером девушки, с которой очень легко и приятно общаться (это чувствовалось и во время интервью). Но отчасти на это повлияла и структура соседскости в условиях дисперсного расселения: коллективные связи в таких условиях формируются на основе индивидуальных качеств людей, их поступков, а не предписанного поведения: общения в кругу родственников, соплеменников и т.д.

Свою инвалидность Алия осознала и приняла лет в 10–12 довольно легко: «просто поняла, что это навсегда, что всегда буду такой и приняла себя такой». Как мне кажется, во многом такому принятию помогло то, что она помнила, как коляска не мешала ей участвовала в детских играх наравне с друзьями. В данном случае также можно говорить об инклюзивной модели взаимодействия Алии с обществом: она взаимодействует с окружающим миром без посредников (хотя сама не может выти из дома и ждет или маму или друзей), но медицинские процедуры не составляют главную часть ее мира, о них она говорит вскользь и нехотя. Но инклюзивность здесь совершенно иная, пути и правила которой конструировались самой Алией и ее друзьями в ходе повседневных коммуникаций. Сейчас она живет в Актобе, собирается выйти замуж за своего друга, закончила дистанционно несколько учебных курсов в сфере интернет-рекламы, периодически зарабатывает этим и имеет тысячи друзей по переписке не только в Казахстане, которые и помогли мне найти ее.

Также нужно сказать, что в Чимкенте (Шымкенте), городе, население которого составляет один миллион человек, существуют несколько сообществ, объединяющих людей с ОВЗ. Это не виртуальные сети по переписке, а действующие организации с регулярными встречами, на которые постоянно приходят несколько десятков человек. Интересно, что две из них образованы не самими людьми с инвалидностью или их родственниками, как это часто бывает, а возникли на базе других социальных инициатив.

Благотворительная организация «Бауырмал» («Бауыр» по-казахски «печень», место средоточия в человеке всего самого доброго и трогательного) образована учредителями одной из небольших городских газет, которые стали помогать инвалидам, распространителям своей газеты, сочувствуя их незавидному положению. Постепенно вокруг созданного ими Дома общения объединились десятки преимущественно молодых людей с инвалидностью для встреч и взаимопомощи. Просуществовав 12 лет, организация оказала поддержку сотням людей с ОВЗ, которые до сих пор с восторгом рассказывают о временах, когда они были объединены общими праздниками и добрыми делами для оказания помощи тем, кому труднее, чем им самим. Сегодня организация не существует, так как у организаторов нет экономической возможности поддерживать кого-либо. Но еще несколько лет назад люди с инвалидностью были заметны среди участников других социальных инициатив, и это обстоятельство давало им уверенность в своих силах.

Клуб «Салем» первоначально возник в 1996 г. для реализации благотворительного проекта «Equip Trust» (Великобритания). Целью проекта «Equip Trust» являлось развитие образования, благотворительности и малого бизнеса в Казахстане. К 2013 г. помещение, оборудование и руководство перешло к местным активистам. До периода ограничений, вызванных пандемией, люди с ОВЗ в возрасте от 16 до 40 лет собирались там два раза в неделю.

Собрания посещали 40–50 человек, во время встреч организовывались дискотеки, благотворительные акции в домах инвалидов, праздничные встречи по памятным и знаменательным датам. Встречи продолжаются и сейчас, что свидетельствует о потребности людей с ОВЗ города общаться, не прятать своих проблем, помогать другим, чувствовать себя нужными обществу.

Кроме того, согласно обязательствам Казахстана как страны, подписавшей в 2015 г. Конвенцию о правах инвалидов, в городах, в том числе и в Чимкенте(Шымкенте) приняты строительными нормы, согласно которым все входы в общественные здания должны быть оборудованы пандусами, и теперь эти пандусы стали характерной деталью внешнего облика города (рис. 3).

Рис. 3

Выводы

Итак, инвалидность как комплекс взаимодействия социальных и культурных факторов, определяющих модели взаимодействия человека с окружающим миром и самосознание его в качестве члена общества с ограниченными возможностями здоровья во многом зависит от непосредственного окружения инвалида, что в свою очередь зависит от типа пространственного распределения сообщества, к которому он принадлежит. На примере Казахстана видно, что там, где для относительно замкнутых моноэтнических сообществ характерно компактное расселение, группа родственных семей, живущих рядом, становится единственной референтной группой для человека с инвалидностью. Именно эта группа формирует способы взаимодействия такого человека с внешним миром и конфигурации его персональной инвалидности как системы обеспечения его витальных потребностей и моделей самосознания себя в рамках ценностей, принятых в этом микросообществе. Его инвалидность становится внутренним делом этого микросообщества. И публичные проявления ее минимизируются.

Там же, где каждый человек с инвалидностью или его семья сами регулируют свои взаимоотношения с общественными и государственными институтами, что неизбежно в условиях индивидуальных стратегий приобретения жилья и поселения, инвалидность имеет публичный характер и выглядит как часть «нормальных» социальных взаимодействий, которой не стесняются и не скрывают. Все выше сказанное не означает, конечно, что люди с инвалидностью, проживающие в условиях компактного расселения, исключены из общегосударственной системы поддержки инвалидов. Нет, они находятся в зоне внимания специальных органов опеки, получают пенсии и другие формы обеспечения, но для ближайшего окружения их инвалидность становится «невидимой».

Религиозный аспект

Еще на первом этапе исследования 2020 г., итоги которого представлены в статье, вышедшей в журнале «Вестник Антропологии» [1], в ходе бесед с информантами стало заметно: некоторые из них считали, что уровень религиозности человека до некоторой степени влияет на его восприятие инвалидности у другого. В частности отмечалось, что религиозные люди более доброжелательны и милосердны. Поскольку более 80% жителей Казахстана заявляют о своей религиозной принадлежности, решено было более внимательно изучить вопрос о трактовании инвалидности в различных религиозных традициях и влиянии религиозных представлений на восприятие инвалидов в казахстанском обществе в настоящее время.

Некоторые исследователи полагают, что «в иудео-христианской традиции серьезные болезни или нарушения различных функций челове-

ческого организма считались наказанием за грех самого человека или его предков; иногда они воспринимались как испытания в вере, подобно тому как в кн. Иова страшная болезнь (видимо, проказа) была последним и окончательным испытанием крепости веры праведника Иова» (Носенко-Штейн, 2021: 51). Действительно в Ветхом завете говорится, что священником и левитом не может быть человек с телесным недостатком. Господь говорит, что инвалид «к жертвеннику не должен приступать, потому что недостаток на нем: не должен он бесчестить святилища Моего» (Лев 21:23)[1]. Есть свидетельства подобного отношения к людям с физическими нарушениями и в Новом завете: «Когда к Нему принесли расслабленного человека, Он прямо сказал ему: «прощаются тебе грехи твои» (Мф 9:2).

В то же время в Евангелии от Иоанна повествуется, что когда Иисус проходил мимо человека, слепого от рождения, Ученики Его спросили у Него: «Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Иисус отвечал: «не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин 9:2–3). Значит, инвалидность не всегда есть наказание за грехи, и отношение к людям с инвалидностью в христианстве не является отношением к грешникам, справедливо наказанным Богом.

Напротив, отец Олег, священник Церкви Иконы Казанской Божьей Матери в Чимкенте полагает, что *« …считать инвалидность наказанием за грех никак нельзя, они же к нашей совести апеллируют, общечеловеческой совести. Благодаря им наша совесть жива. В писании как говорится:* «Тебе оставлен есть нищий, сиру Ты буди помощник» (Пс. 9:39) *Это божье повеление заботиться о таких людях»*. Таким отношением руководствуется он, организуя регулярную отправку помощи, собранной среди прихожан в дома инвалидов города, направляя людей с инвалидностью, обратившихся в церковь в специальные учреждения с сопроводительными письмами, подтверждающими их социальный статус, даже если у них нет никаких документов, организуя благотворительные обеды и концерты для инвалидов и т.д.

По мнению исследователей, «Коран не видит в физических особенностях ни проклятия ни благословения – это просто особенность человека:« Бог не дает ни одному человеку ношу больше той, чем та, что он сможет нести» (2-28). Коран более сконцентрирован не на неспособности (disability), а на нехватке (disadvantidge), который означает недостаток чего то важного, значимого в данном обществе. Коль скоро этот недостаток порожден обществом то Коран возлагает на общество и ответственность за исправление этого неравенства. В Коране нет подчеркивания именно физической природы этого недостатка» [4].

Другие авторы согласны с этим мнением: «термин «люди с инвалидностью» (disadvantaged people) имеет собирательную (зонтичную) природу, поскольку включает разные типы «неспособных» (disabled) людей. Этот термин отражает холистическое понимание «недостаточных» (disadvataged) людей, исходя из базовых для ислама ценностей равенства и справедливости» [5].

Так же считают и отечественные специалисты. Исследователь психологии ислама Ольга Павлова сказала в интервью: «*Считать увечья и инвалидность наказанием ни в коем случае нельзя. В принципе в исламе не приветствуется трактовка каких-то действий Аллаха как наказания или поощрения, так как замысел Всевышнего нам не известен и что является для нас лучшим, мы не знаем. Кроме того, в исламе нет первородного греха, поэтому врожденные аномалии развития не могут в принципе быть наказанием. Скорее это воспринимается как испытание*». Таким образом, в исламе нет традиции рассматривать инвалидность в качестве признака греховности человека или искупления им каких то поступков: своих или своих предков. Скорее ислам видит природу инвалидности в несовершенстве общества: если оно не создает нормальных условий для комфортной повседневной жизни человека с ОВЗ, то это проблемы общества, если же такие условия созданы, то проблемы как бы и нет.

Возможно, именно такой логикой продиктованы действия микросообществ в местах компактного проживания узбеков на юге Казахстана: не доверяя полностью проблемы «своего» инвалида общегосударственным специализированным институтам, что происходит вследствие некоторой их маргинальности по отношению к титульному или более урбанизированному населению, они заменили собой «большое общество», создав внутри себя необходимую инфраструктуру по удовлетворению его витальных и эмоциональных потребностей. Тем самым, люди входящие в микросообщество чувствуют себя причастными не только благим делам в отношении одного человека, но созданию себе репутации «нормального», «правильного» общества с точки зрения исламской этики.

Сходными мотивами руководствуются люди, активно участвующие в благотворительности, освященной авторитетом ислама: на религиозные праздники из сумм, пожертвованных членами джамоата (сообщества прихожан конкретной мечети) формируются подарки (чаще

продуктовые наборы) развозимые по адресам нуждающихся, которые находят в органах социального обеспечения. Кроме того, информанты отмечали, что наиболее часто на улице они встречаются с попытками подать им какую-либо сумму и или предложить свою помощь именно со стороны молодых мусульман, которые сопровождают свои действия определенными ритуальными фразами (к примеру Альхамдулиллях» – «Вся хвала *Аллаху*»). Во многих магазинах и кафе стоят специальные коробки с надписью «садакка», т.е. пожертвования в пользу бедных. Происходящий сегодня в Казахстане процесс исламизации, особенно молодежи, способствует распространению привлекательных образов исламского поведения, неотъемлемой чертой которого является благотворительность в пользу нуждающихся и «видимой» частью которых как раз и являются люди с инвалидностью.

Религиозные представления влияют и на мотивы индивидуального поведения людей с инвалидностью. Ойбек, 17 летний школьник, обладающий из-за системного варианта ювенильного артрита ростом и весом сравнимым с показателями его 9-летнего брата, считает, что его недуг есть свидетельство того, что его отметил Всевышний: « «*Это все от Всевышнего, если он захочет – я выздоровею. А специально лечиться не нужно. Он так меня отметил. Я хочу поступать в медресе и посвятить себя Ему*». Скорее всего, такую формулу отношения к собственной инвалидности ему подсказал, кто-то из взрослых, но важно, что они искренне ей следует, несколько часов в день проводит за молитвами чтением\слушанием религиозных книг, готовится поступать в медресе и на этом пути найти свое место в жизни.

В условиях, когда ислам и связанные с ним практики занимает все большее место в обществе и является социально одобряемыми, изучение исламских текстов и ритуалов, а потом распространение этих знаний на семейном или общинно-соседском уровне становится одним из путей инклюзии людей с инвалидностью в окружающий мир. В силу отсутствия строгой регламентации священничества в исламе и сохранения традиций исламского просвещения на низовом уровне в эту деятельность включаются и женщины с инвалидностью, которые благодаря своему статусу «даватчи» (проповедников) достигают более высокого положения в обществе, преодолевая физические нарушения организма. Среди наших собеседников есть и примеры такого поведения.

Нужно отметить, что и христианство, и ислам дают примеры социетального понимания инвалидности, ее обусловленности состоянием общественных связей непосредственно вокруг инвалида и вооружают окружающих идеологией милосердия и взаимопомощи, понимаемых не только в качестве проявлений гуманистической природы человека, но и шагов на пути, предписанном Богом.

Выводы

Как представляется, даже самый предварительный обзор полевого материала, собранного в 2021 в южном Казахстане, позволяет утвердительно ответить на вопрос о влиянии типа расселения и религиозных представлений на характер формирования восприятия инвалидности в конкретных социальных контекстах и кратко обрисовать пути этого влияния.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ. № 20-09-00063 А.

Примечание

1. Здесь далее цитаты из текста Священного писания даны по [2].

Список литературы

1. Савин И.С. Самопрезентация людей с инвалидностью в Казахстане: общее и особенное // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 80–90. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-53-1/80-90

2. Десницкий А.С. Что говорит Библия об инвалидности? Сорок вопросов о Библии (azbyka.ru) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbuka.ru/otechnik(Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/36 (дата обращения: 20.10.2021).

3. Носенко-Штейн Е.Э. Тяжесть стигматов: репрезентация человека с ОВЗ в современной российской массовой литературе // Koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 51. DOI: 10.15826/koinon.

4. Bazna M.S., Hatab T.A. Disability in the Qur'an: The Islamic alternative to defining, viewing, and relating to disability // Journal of Religion, Disability & Health. 2005. № 9 (1). P. 24.

5. Al-Aoufi H., Al-Zyoud N., Shahminan N. Islam and the cultural conceptualisation of disability // International Journal of Adolescence and Youth. 2012. Vol. 17. Is. 4. P. 17.

DISABILITY AS SOCIOCULTURAL PHENOMENA IN KAZAKHSTAN: SETTLEMENT AND RELIGIOUS DIMENSIONS

I.S. Savin

Institute of oriental studies, Moscow

Based on the analysis of the field material collected in Kazakhstan in 2021, the article examines the factors determining the configuration of disability in specific social contexts. Among these factors, the type of settlement and the influence of religious beliefs and practices are highlighted. Article show how disability is formed in the conditions of a compact settlement of a mono-ethnic rural community, a heterogeneous urban village and a large city. Each of these types of settlement allows an individual to use the resources formed within its framework, and formed the disability model (public, hidden). At the same time, the spread of religiosity in Kazakhstan in recent decades has expanded the sphere of influence of religious ethics, which includes the imperatives of mercy to the poor and compassion in both the Christian and Muslim versions. The models of socially approved behavior formed on this religious basis contribute to the expansion of charity and form configurations of disability that correspond to the ideas of a normal, correct society from the point of view of religion.

Keywords: South Kazakhstan, compact settlements, types of disability, religious view of disability, religious ethics and charity.

УДК 316; 392
DOI 10.52452/18115942_2022_2_82

РОДИТЕЛИ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ УЛАН-УДЭ: РАССТАВЛЯЯ ТОЧКИ НА КАРТЕ

© 2022 г.

А.Н. Алтухова, А.А. Клепикова

Алтухова Анна Николаевна, магистр антропологии, научный сотрудник
Института междисциплинарных медицинских исследований
Европейского университета в Санкт-Петербурге
aaltukhova@eu.spb.ru
Клепикова Анна Александровна, к.соц.н.; доцент факультета антропологии
Европейского университета в Санкт-Петербурге
aklepikova@eu.spb.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2021
Статья принята к публикации 19.04.2022

В фокусе внимания статьи – «терапевтический ландшафт» современного Улан-Удэ, каким он представляется родителям детей с различными формами инвалидности. На материале интервью с тридцатью родителями мы реконструируем их способы совладания с неопределенностью, вызванной диагнозом ребенка, а также анализируем маршруты поиска помощи и предпочтения родителей в выборе тех или иных специалистов. Специфика бурятского контекста состоит в том, что доступ к официальной медицине весьма ограничен, однако крайне популярны и развиты разнообразные альтернативные терапевтические системы, как медицинские, так и религиозные. Как мы показываем, родители по большей части комбинируют разные методики в попытке создать для себя и ребенка систему поддержки, но при этом могут резервировать за специалистами разные функции и использовать их в качестве типологически различных опор.

Ключевые слова: инвалидность, родительство, медицинские системы, альтернативная медицина, религиозное целительство, шаманизм, буддизм, терапевтический ландшафт, Бурятия.

Вводные замечания

Начиная с 1970-х гг. в западной социологии стала формироваться так называемая «социальная модель инвалидности», основывающаяся на идеях социального конструктивизма [1; 2]. Согласно этой концепции, инвалидность должна определяться не как физический недуг или патология, но как результат социального взаимодействия, в рамках которого одни акторы производят социальную «неполноценность» других[1]. Из этой предпосылки за последние пятьдесят лет на Западе, а потом и в России выросло целое социально-политическое движение, участники которого отстаивают социальную полноценность людей с инвалидностью, критикуют идею медицинской «нормы» и предлагают новые границы «нормальности» в отношении как физического тела, так и интеллектуальной деятельности человека.

Однако новые идеи, возникающие и распространяющиеся силами активистов, не вытесняют целиком и не заменяют уже существующие концепции. Их наложение на локальный культурный ландшафт в итоге приводит к тому, что в обществе могут одновременно существовать весьма отличные представления об инвалидности. Так, как показало наше исследование 2016–2017 гг., которое мы проводили в российских городах-миллионниках, для городских жителей Центральной России будет характерно скорее «светское» понимание инвалидности, ее интерпретация в терминах, с одной стороны, биомедицинского, а с другой – гуманистического дискурсов [5]. Однако в отдельных регионах, ввиду их религиозной и социоэкономической специфики, картина может быть совсем другая. Одному из таких регионов – Бурятии – и посвящена эта статья.

Бурятия весьма сильно отличается по этническому составу от регионов предыдущего исследования[2], кроме того, это регион, в котором начиная с 1990-х гг. происходит ревитализация шаманизма и буддизма [6–8], и люди активно обращаются к альтернативным специалистам, чтобы как-то повлиять с их помощью на свою судьбу и поправить здоровье[3]. Одновременно с этим в Бурятии, как и в остальной России, появляются и развиваются родительские организации, которые являются проводниками западных педагогических методик реабилитации инвалидности.

Все это позволяет говорить о том, что за последние двадцать лет в Бурятии сформировался особый терапевтический ландшафт, который

объединяет специалистов, работающих внутри разных символических систем[4] и предлагающих множество разных моделей инвалидности. В этой статье мы хотели бы взглянуть на то, как родители в современном Улан-Удэ ориентируются в этом ландшафте, как воспринимают «особенности» своих детей и как выстраивают свой путь реабилитации.

Для ответа на этот вопрос в сентябре 2020 г. и сентябре 2021 г. мы собирали глубинные биографические интервью, с фокусом на истории конкретной семьи и на «медицинской биографии» ребенка с инвалидностью. Нашими собеседниками стали 30 человек в возрасте от 35 до 60 лет, из них 16 бурят и 14 русских[5]. Среди них был лишь один отец, который общался с нами в ходе парного интервью, одна бабушка, остальные – матери. Дети наших информантов имеют наиболее распространенные диагнозы, приводящие к детской инвалидности: аутизм, эпилепсия, ДЦП, умственная отсталость, синдром Дауна, хотя менее популярные диагнозы (редкие генетические синдромы или физические патологии) также встречаются в нашей выборке. Почти все наши информанты связаны с существующими в Улан-Удэ родительскими организациями: одни просто посещают занятия или консультации, другие – руководители этих проектов. Однако мы встретили и родителей, не включенных в эти круги.

Как показывают наши материалы, на разных этапах жизни ребенка родители, даже не отказывающиеся от методов биомедицины, склонны обращаться к шаманам, ламам (эмчи, астрологам и костоправам), «бабкам», ясновидящим и нумерологам. Но интерес родителей в этом регионе к альтернативным специалистам лишь отчасти специфичен: как показало наше предыдущее исследование [5] в российских городах-миллионниках, родители детей с инвалидностью повсеместно обращаются к методикам, лежащим вне сферы биомедицины, которая, как мы полагаем, зачастую не удовлетворяет потребностей родителей и вынуждает их искать другие способы помощи своему ребенку. В случае таких диагнозов, как аутизм, ДЦП, синдром Дауна, многие родители возлагают надежды на педагогические системы (например, ABA), зачастую не желая «пичкать ребенка таблетками», но в то же время многие из них прибегают и к таким методам терапии, как натуропатия, хелирование, дельфинотерапия, биоакустическая коррекция головного мозга и др., полагаясь на советы других родителей, которым нередко доверяют больше, чем врачам.

Родители в Бурятии также пробуют разные системы терапии, доступные в их регионе: молитвы лам, обряды шамана, установки от ясновидящего, тибетские травы и иглоукалывание, заговоры, снятие «затвора речи», лечение «руками»[6]. При этом они не отказываются от, например, приема ноотропов или нейролептиков и посещения педагогических центров. Пробуя разные варианты, родители оценивают качество предлагаемых им методик и их авторитетность, доверяют одним практикам и отвергают другие в зависимости от того, производят они некоторый результат или нет. Результатом может быть как некоторое наблюдаемое изменение в состоянии ребенка, так и перемена в отношении родителя к ребенку и его заболеванию.

Неопределенность болезни

Исследования опыта людей, столкнувшихся с тяжелой болезнью, приводящей к временной или необратимой инвалидности, показали, что этот опыт похож для человека на попадание в абсолютно неизвестную местность, в которой непонятно как ориентироваться (см., например, [14; 15]). Наши информанты испытывают то же: инвалидность ребенка – это такой поворот судьбы, которого никто не ожидает и не знает, как с этим быть. Тем не менее родители вырабатывают стратегии, чтобы справляться с этой неопределенностью, и, как мы полагаем, их формирование во многом связано с посещением альтернативных специалистов. Эти стратегии мы постарались разделить на несколько условных типов, которые в этой статье мы вынуждены обрисовать широкими мазками. Иллюстрируя их, мы в целях экономии будем опираться на конкретные истории наших собеседников[7], но за ними всегда стоит целый ряд типологически схожих рассказов.

Как правило, как русские, так и буряты рассказывали, что начали посещать шаманов и лам еще до появления в их семье «особого» ребенка, поскольку в последние годы в этом регионе в принципе вырос интерес к таким специалистам и это становится почти обыденной практикой. Ситуации, создающие неопределенность, вроде беременности или сложных родов, провоцировали более частые обращения к ним. Нередко родители рассказывали нам, что альтернативные специалисты предупреждали их о рождении «больного» ребенка или же предсказывали, что с ним будет «тяжело». Некоторые шаманы даже проводили «чистку астрального поля» для того, чтобы поправить ситуацию, тем не менее «особые» дети появлялись на свет.

Получив медицинское подтверждение, что ребенок «особенный», родители начинают искать логопедов, психологов, дефектологов, которых в Улан-Удэ еще семь–десять лет назад было крайне мало, ездить в Иркутск или другие

крупные города за медицинскими консультациями у более статусных врачей, подбирать медикаментозную терапию, но также искать помощь у альтернативных специалистов. Первыми в их ряду чаще всего были «бабки»: «каждый родитель, наверное, через это прошел», – говорили нам практически все информанты в этом регионе. «Бабки» и знахари лечили руками, правили головы, делали массаж. Одновременно с этим родители искали тех, кого здесь называют «видящими» – тех, кто прозревает будущее и может через события прошлого объяснить настоящее. В качестве «видящих» могли быть и шаманы, и ламы – тип специалиста, как правило, не столь важен для родителя. Важнее то, что все они предлагали помочь с неопределенностью, возникшей в результате рождения «особого» ребенка, и давали родителям некоторые советы и наставления: когда ребенок заговорит, к какому врачу лучше съездить, где пройти курс медицинской реабилитации, как воспитывать, чего ждать в будущем и т. д.

Для некоторых родителей взаимодействие с альтернативными специалистами на этом заканчивалось: по их словам, они сталкивались с такими ответами, которые их не удовлетворяли или выглядели как «вздор», ответы вроде действия кармы или вселившегося демона, и после этого они обращались только к официальной медицине и/или разным педагогическим методикам реабилитации. Для других это, наоборот, было началом длинного пути: даже разочарование в конкретных специалистах для них вовсе не означало разочарования в предсказателях и целителях в целом. Общаясь между собой в родительских чатах или в коридорах реабилитационных центров, наши информанты обмениваются «проверенными» контактами, поэтому неудивительно, что мы часто слышали повторяющиеся имена альтернативных специалистов. Например, лама Игорь, который стал известен среди родителей тем, что он снимает «затвор речи»; костоправша Серафима, про которую говорят, что она выправляет ДЦП; или шаманка-ясновидящая Дугарма, ради встречи с которой наши информанты готовы тратить несколько часов на дорогу, а потом еще пару часов ждать в очереди среди других страждущих. Так в сообществе родителей формируется представление о специализации целителя, вследствие чего к нему начинает тянуться постоянный поток родителей детей с определенными диагнозами, ищущих исцеления или полезного совета.

«Все работает в комплексе»

В этом разделе на примере двух историй мы расскажем о той категории родителей, которые безусловно испытывают доверие к альтернативным специалистам и воспринимают их слова как руководство к действию, но в равной степени доверяют и официальным системам – биомедицине и авторитетным педагогическим методикам.

Итак, одна из наших информанток – Людмила, бурятка 57 лет, двадцать лет воспитывающая сына с аутизмом, – ездит к шаманке Дугарме уже больше десяти лет, примерно раз в два года. Все это время шаманка откладывает тот момент, когда, по ее сведениям, сын Людмилы заговорит. Но доверие Людмилы не иссякает, потому что в других вопросах Дугарма доказала не только дар «много видеть», но и способность высказывать «всю правду-матку» в глаза. Людмила ценит это качество и этим объясняет, почему, например, ламы потеряли ее расположение к ним – они только сулили хорошее. В нашем поле это не единственный случай, когда родители решали больше не обращаться в дацаны, поскольку там им давали только положительные прогнозы. Так, Татьяне, матери девочки с ДЦП, в дацане сказали, что с ребенком все хорошо и беспокоиться не нужно. «Какое ж хорошо, если все нехорошо?» – возмущалась она во время интервью[8].

Отметим, что под шаманской «правдой-маткой» чаще всего имеются в виду истории про родовые проклятья и грехи, которые при этом вовсе не звучат как «ужасные истории» [17], как можно было бы ожидать. Напротив, апелляция к родовым причинам болезни в каком-то смысле нормализует ситуацию, поскольку, ввиду особенности местного религиозного контекста, есть ощущение, что это может случиться с каждым. С другой стороны, слишком пугающие прогнозы и тяжелые причины также отталкивают родителей. Более ценной для них оказывается золотая середина: раскрытие «жестких» причин случившегося и «реалистичные» прогнозы на будущее.

Чтобы «правда» шамана работала, родитель должен активно включиться в поддержание определенной логики ее работы. Так, откладываемое развитие своего сына Людмила связывает с тем, что сама долгое время не искала других специалистов, довольствуясь «некомпетентными» врачами, и потакала ребенку в его «капризах». В этом смысле предсказание шаманов – не обещание, но цель, за приближение к которой родитель ответственен сам. Поэтому не удивительно, что Людмила теперь полагается на АВА-терапию, которую открыла для себя недавно, но одновременно готова тратить деньги и на родовые шаманские обряды, которые должны помочь ее семье искупить вину перед предками за то, что никто из ближайших род-

ственников не принял шаманский дар, «засевший в родове» и в результате проявившийся как аутизм сына. Не отвергает Людмила и версию другой шаманки с «подселившимся» духом: она водит к ней сына на сеансы экзорцизма, хотя и несколько сомневается в реалистичности этой интерпретации аутизма.

Другая наша информантка, Лыгжима, бурятка 35 лет, воспитывает двоих детей с особенностями развития (сын с аутизмом и дочь с ЗПР). Когда Лыгжима стала замечать, что с сыном что-то не так, она стала обращаться к психиатрам и неврологам и экспериментировать с их назначениями, если они не давали быстрого видимого результата – так родители детей с инвалидностью нередко социализируются в роли эксперта по болезни своего ребенка[9], разбираясь в ней «лучше врачей», как они говорят. Разнообразен был путь Лыгжимы и по альтернативным специалистам: собрав множество разных версий, которые объясняли бы инвалидность сына, она разработала на их основании свои собственные. Не отрицая ни одну из них, она тем не менее подчеркивает более и менее желательные для нее варианты.

Так, ей нравится ее собственная версия: в ее роду «все очень умные», а это значит, что у ее сына могут открыться сверхъестественные способности, как бывает у людей с высокофункциональным аутизмом. В то же время Лыгжима замечает, что в каждой семейной ветке есть небольшие социальные отклонения – так, отец Лыгжимы уходил из дома на несколько лет, и в ее логике, подобное «отклонение», приняв иную форму, передалось по наследству. Еще одну версию, которая нравится Лыгжиме, предлагает ее семейная шаманка-психолог. Шаманка не видит у сына Лыгжимы признаков аутизма и уверяет свою клиентку, что до двенадцати лет у нее есть время «сделать» ребенка в «нормальное» состояние. Причина же странностей ее сына – в зависти друзей: ребенок ее чувствует и нервничает.

Другие шаманы предлагают еще один вариант: ее сын – будущий шаман, но поскольку эта участь считается тяжелой, то такой сценарий нравится Лыгжиме меньше. От лам она почерпнула версию, что в прошлой жизни то ли сама Лыгжима и ее муж, то ли ее сын совершили какие-то плохие поступки и теперь отрабатывают карму. Есть также версия, что ее сын – «перерожденец» и его кармическим предшественником был лама – дядя Лыгжимы, в которого при жизни вселились «сущности» (духи). Он перенес их в свое следующее рождение, что и повлекло за собой аутизм ребенка. Сама Лыгжима предпочла бы, чтобы ее сын был ламой-перерожденцем, а раз в роду необходимо кому-то принять шаманский дар, то более подходящей кандидатурой была бы ее бездетная сестра[10].

В наших материалах встречались и другие случаи, когда религиозные специалисты говорили о ребенке с нарушениями в развитии как о будущем шамане или «перерожденце», заключая тем самым инвалидность в поле «дара» и «избранности». Наша же информантка Тунгалаг, как и Лыгжима, замечает «ламские движения» у своего сына с ДЦП.

Несмотря на обилие версий, в которых Лыгжима пытается ориентироваться, ее история схожа с рассказом Людмилы, поскольку в обоих случаях предлагаемые альтернативными специалистами объяснения подразумевают самостоятельную работу родителя по исправлению ситуации. Поэтому Лыгжима активно водит ребенка к логопедам и психологам, занимается с сыном в двух развивающих центрах и посещает удаленные курсы АВА. Недавно она провела дорогой родовой обряд с принесением в жертву барана, после которого она заметила у сына улучшение состояния. Она водила сына к бабушке-костоправше и возила к ламе Игорю. Как говорит Лыгжима, «работает все в комплексе». Комплексным будет и представление об инвалидности: родители могут практически бесшовно соединять идеи, принадлежащие самым разным медицинским и немедицинским системам, так, как будто они удачно дополняют друг друга. Диагноз ребенка становится объемным, а его причины – множественными и разноуровневыми[11].

«Верила – не верила»

Столкнувшись со «страшным» заболеванием, многие родители готовы сделать все что угодно, только бы помочь своему ребенку – например, пройти через обряды, которые могут выглядеть абсурдно или даже опасно. В то же время родители далеко не всегда полностью доверяют этим терапевтическим системам, хотя и обращаются к ним от случая к случаю, и отдают приоритет официальным методам. Категорию родителей, о которых речь пойдет ниже, можно назвать «сомневающимися».

Так, Аяна, бурятка 37 лет, воспитывающая сына с редким заболеванием печени, через «сарафанное радио» узнала о некой шаманке и поехала к ней на прием. Та сказала, что предстоящую операцию можно отменить, а вместо этого нужно скормить годовалому ребенку со сложной патологией маленькую рыбку, и все пройдет. Аяне до сих пор стыдно, что она пошла на это и тем самым подвергла сына опасности. Однако этот неприятный эпизод вовсе не подорвал ее доверия к шаманам в принципе.

Несмотря на то что Аяна доверяет врачам и фактически надеется только на их помощь, перед каждой операцией или после каждого ухудшения в состоянии сына она отправляется к шаманам: узнать, когда и у какого врача лучше делать операцию, убедиться, что операция пройдет успешно, принять еще какие-то меры, чтобы без операционного вмешательства стабилизировать состояние сына. Например, Аяна по совету шамана сменила сыну имя, тем самым последовав «традиционному» бурятскому способу трансформации судьбы [19]. И хотя в интервью она снова обозначала свое отношение к этому обряду как к абсурдному, он сработал.

Сталкиваясь с шаманами, Аяна всякий раз задавалась вопросом, верить ей или нет, а если верить, то кому, или все это просто «соломинки», за которые она хватается, но которые почему-то помогают и провоцируют улучшения. Сама она предположила, что это происходит из-за недостатка образования и невозможности иначе справиться с «прижимающей» ее тревогой. В отличие от Людмилы или Лубсаны, Аяна не создает бесшовного нарратива, соединяющего разные версии диагноза ее сына. Она старается утвердить биомедицинскую его версию, оправдывая перед исследователем обращение к шаманам и их концепциям собственными психологическими потребностями.

Некоторые другие наши информанты также очерчивают зоны, где альтернативные специалисты могут помочь: например, бурятка Елена, мать сына с аутизмом, долго убеждала нас, что доверяет только научным доказанным методикам и выбирает АВА, пока не заметила, что сглаз нужно снимать у бабки. Как и Аяна, Елена, правда, тут же сделала оговорку, что это «психологическая» помощь. В этом ее поддержали две другие матери, которые участвовали в беседе: при том, что обе сейчас апологеты АВА, они рассказали, как сами уповали на подобные «соломинки», потому что это моральная поддержка. Однако одна из них, мать ребенка с редким генетическим заболеванием, заметила, что смогла забеременеть сыном только после того, как съездила к месту почитания богини плодородия Янжимы. «Психология» ли это или нет, она не знает сама.

В отличие от первой стратегии, когда родитель сплетает элементы из разных медицинских и религиозных систем, вторая стратегия выражается в том, что диагноз, во всяком случае на уровне нарратива, не множится: все альтернативные (не биомедицинские) объяснения и рецепты отсоединены от него, а их «эффективность» перенесена в «психическую» реальность самого родителя, который нуждается в поддержке и ищет для самого себя некую положительную программу действий.

«После шаманов и китайцев – третья степень, даже ближе ко второй»

Некоторые родители, столкнувшиеся с инвалидностью ребенка, приходят к тому, что полностью отказываются от методов определенных медицинских систем. Например, Намжила, бурятка 47 лет, воспитывающая сына с множественными нарушениями развития и двух «нормиков», как она говорит, радикально разочаровалась в официальной медицине. Более того, она считает, что именно халатность, необразованность и неопытность врачей стали причиной того, что ее сын находится сейчас в крайне тяжелом состоянии. Поведение врачей, с которыми она сталкивалась, она интерпретирует как равнодушное, а их цели сводит лишь к финансовой выгоде. Неудивительно, что Намжила стала искать альтернативу.

Намжила использует для реабилитации ребенка целый спектр методик, зарезервированных как за специалистами альтернативной медицины, так и за религиозными специалистами. Так, Намжила водила сына к известной бабушке-костоправше Серафиме и увидела результат – ребенок начал самостоятельно переворачиваться. Ходили они и к родовому шаману, который подул на ее сына и снял приступы. Кроме того, они посещали ламу, который ругал родителей за «гиперопеку» и советовал не обращать внимания на плач ребенка, положить его на пол и предоставить самому себе, чтоб он не рассчитывал на помощь. И хотя ребенок начал самостоятельно ползать, Намжила впоследствии перестала обращаться к этому ламе, не желая терпеть грубого «вправления мозгов». Она искала помощь и у специалистов китайской медицины – ради них Намжила ездила в Новосибирск и Читу. После ванн из кипяченых шишек ребенок хорошо спал, а после одного из курсов иглоукалывания и китайского массажа сперва научился садиться, а потом и вовсе сделал первые шаги. Но наиболее эффективной ей видится терапия су джок – вариант акупунктуры: после каждого из сеансов Намжила отмечает заметный прогресс. Информантка особо подчеркивает, что специалисты педагогического развивающего центра, куда она тоже водит ребенка, подтверждают эффективность шаманов и китайских врачей и отмечают, что у ее сына теперь более легкая степень ДЦП.

В то же время никто из альтернативных специалистов не обещал Намжиле полного и быстрого излечения сына, но в целом ее это не сильно беспокоит. Отказываясь только от биомеди-

цины, она более масштабно, чем прочие наши собеседники, задействует арсенал разнообразных альтернативных систем – медицинских, религиозных и педагогических. Однако в отличие от многих она относится к ним не как к предметам веры, а скорее придает им статус удачно или неудачно предоставленных услуг по привлекательным ценам.

Эта стратегия адаптации к неопределенности предполагает отказ от поиска конечных объяснений и причин в пользу, условно говоря, опытного подхода – маленьких шагов, производящих (или нет) изменения и в состоянии ребенка, и в определении того, что с ним происходит в целом.

Выводы

Каждый родитель ребенка с инвалидностью проходит непростой путь. Он подразумевает поиск нужных врачей, подбор методов реабилитации, перестройку семьи и домашнего быта, порой – трансформацию всей жизни. Нас интересовало, какое место в рассказах бурятских родителей об этом пути занимают альтернативные специалисты и как они влияют на этот путь. Мы выделили три стратегии адаптации к неопределенности, каждая из которых предполагает особый способ конструирования диагноза ребенка в нарративе.

Итак, если родитель соглашается видеть в заболевании ребенка следствие «непринятого дара», кармы или «порчи», то диагноз начинает множиться и расширяться. Терапевтический мир оказывается многоплановым: он включает разные уровни причинности тех или иных происшествий и разные пласты реальности, в которых необходимо действовать. Многие родители в Бурятии придерживаются мнения, что, полагаясь только на официальную медицину, они рискуют не заметить влияние со стороны предков или кармические причины и тем самым усугубить ситуацию. Таким образом, сферы влияния разных специалистов при этом не смешиваются: медики ответственны за нормализацию состояния, педагоги – за поведенческий прогресс, а альтернативные специалисты – за то, чтобы всем этим успехам не мешали причины совсем другого рода.

Зачастую для родителей, столкнувшихся с инвалидностью ребенка, наибольшее значение имеет возможность шаманов и других «видящих» прозревать будущее: альтернативные специалисты как бы прорисовывают контуры и расставляют значимые точки, создавая для родителя ребенка-инвалида новый ландшафт, в котором он уже может ориентироваться. Это позволяет семье ощутить некоторый контроль над ситуацией[12]. Но даже в этом случае родители, во всяком случае в ситуации интервью с исследователем, не хотят представать людьми, которые слепо верят «кому попало» и просто ждут, пока сбудутся прогнозы. Они, с одной стороны, выбирают «проверенных» специалистов, а с другой – хотят показать себя теми, кто берет ответственность в свои руки, используя ту или иную конфигурацию методов.

Другие родители не готовы отводить шаманам и другим альтернативным специалистам роль таких картографов – инвалидность ребенка, в представлении таких родителей, не имеет никаких «духовных» причин и не требует исправления «на тонком плане». Однако они выделяют целителям роль своеобразно понятых психологов, которые помогают настраиваться на хорошее и работать для достижения успеха, но не более: в этих случаях все точки на карте определяют либо сами родители, либо врачи, либо эксперты по современным педагогическим методикам.

Третья группа родителей решается на эксперименты самого разного рода и внимательно следит за эффектом, и в этом отношении что назначение тибетского врача, что шаманские обряды – все это подлежит одинаковой проверке опытом и может быть отвергнуто. Как таковой иерархии между разными системами и отдельных предпочтений может не быть, и родитель, как в лаборатории, пробует изменить состояние ребенка опытным путем и не заглядывает далеко в будущее.

Авторы выражают благодарность М.М. Пироговской за комментарии к черновику статьи.

Исследование выполняется при поддержке гранта РФФИ № 20-09-00063А «Инвалидность как социокультурный феномен» и гранта Фонда социальных исследований «Хамовники» «Поддержание здоровья и благополучия в Бурятии и Иркутской области: поле альтернативных терапевтических услуг и юрисдикция специалистов».

Примечания

1. На русском языке дискуссию на эту тему см.: [3; 4].

2. Согласно данным различных переписей за последние годы, опубликованным на сайте Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятии (https://burstat.gks.ru/), бурятское население составляет не менее трети от общего числа жителей региона.

3. В этом регионе религиозные организации могут практиковать народную медицину легально [9]. См.: Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 года № 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия», статья 7: «Право членов религи-

озных объединений на занятие народной медициной».

4. Мы опираемся на концепцию «терапевтического ландшафта», разработанную Сиенной Крейг и Стейси Лангвик и примененную на бурятском материале Татьяной Чудаковой [10–12].

5. В рамках этого исследования мы также встречались со специалистами, оказывающими ту или иную помощь, однако их перспектива лежит за пределами фокуса данной статьи.

6. Мы отказываемся от взгляда на эти практики как на «шарлатанство» и рассматриваем их, с одной стороны, как методики народной или традиционной медицины, или целительства [13], но в то же время хотим подчеркнуть, что исследование их «реальной» эффективности лежит за пределами наших интересов. Все эти практики важны для нас как точки формирования и сгущения представлений, прежде всего, специалистов об инвалидности.

7. Все имена наших информантов изменены.

8. Для кого-то нереалистичные прогнозы или неспособность лам еще во время беременности предсказать будущие проблемы с ребенком могут становиться поводом отказаться от буддизма вообще.

9. О том, как, например, беременные женщины схожим образом специализируются в качестве экспертов по родам, см. в статье [18].

10. Бездетность в логике шаманизма рассматривается, соответственно, тоже как признак избранности, ввиду социальной «неполноценности» женщины, не создавшей «настоящей» семьи.

11. Уместным будет вспомнить работу Аннмари Мол о множественном атеросклерозе [20], хотя в данном исследовании мы не используем ее методологию.

12. Похожая мысль о значении альтернативных практик встречается в работе [21], написанной на материалах интервью с родителями детей с синдромом Дауна, живущих в Сан-Диего, США.

Список литературы

1. Oliver M. The social model of disability: Thirty years on // Disability & Society. 2013. Vol. 28. № 7. P. 1024–1026.

2. Shakespeare T. et al. The social model of disability // The Disability Studies Reader. 2006. Vol. 2. P. 197–204.

3. Курленкова А.С. Инвалидность как эффект практик: попытка новой концептуализации // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентация, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018. С. 25–42.

4. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 38–45.

5. Клепикова А.А. «Нам теперь ничего нельзя, кроме дельфинов»: причины болезни и эффективность лечения в представлениях родителей детей с особенностями развития // Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности: теория, репрезентация, практики / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018. С. 351–376.

6. Харитонова В.И. «Возрождённый шаманизм» в России: контексты функционирования // Этническое наследие и духовные практики в прошлом и настоящем: Сб. статей / Отв. ред. В.И. Харитонова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 199–209.

7. Humphrey C. Shamans in the City // The unmaking of Soviet life. Cornell University Press, 2018. P. 202–222.

8. Quijada J.B. Buddhists, shamans, and Soviets: rituals of history in post-Soviet Buryatia. Oxford University Press, 2019.

9. Харитонова В.И. Народная и традиционная медицина: возможности интеграции медицинских систем, практик и методов в условиях современной Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 4–29.

10. Chudakova T. Contingent efficacies in Buryat Tibetan medicine // Asian Medicine. 2015. Vol. 10. № 1–2. P. 249–272.

11. Craig S.R. Healing elements: efficacy and the social ecologies of Tibetan medicine. University of California Press, 2012.

12. Langwick S.A. Articulate(d) bodies: Traditional medicine in a Tanzanian hospital // American Ethnologist. 2008. Vol. 35. № 3. P. 428–439.

13. Ярская-Смирнова Е.Р. (ред.) Традиционная медицина: политика и практика профессионализации. М.: ООО «Вариант», 2011.

14. Charmaz K. The body, identity, and self: Adapting to impairment // Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36. № 4. P. 657–680.

15. Frank A.W. The wounded storyteller: Body, illness, and ethics. University of Chicago Press, 2013.

16. Rapp R. Extra chromosomes and blue tulips: Medico-familial conversations // Living and working with the new medical technologies. Cambridge University Press, 2000. P. 184–208.

17. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.

18. Темкина А.А. Будущая мать как исследователь: стратегии организации платных родов в российском крупном городе // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 198–227.

19. Дугарова Т. Особенности этнического самосознания бурят // Развитие личности. 2010. № 1. С. 225–238.

20. Mol A. The body multiple. Duke University Press, 2003.

21. Prussing E. et al. Between ‘desperation’ and disability rights: a narrative analysis of complementary/alternative medicine use by parents for children with Down syndrome // Social Science & Medicine. 2005. Vol. 60. № 3. P. 587–598.

PARENTS OF CHILDREN WITH DISABILITIES IN THE THERAPEUTIC LANDSCAPE OF ULAN-UDE, BURYATIA: MAPPING THE TERRITORY

A.N. Altukhova [1]***, A.A. Klepikova*** [2]

[1]Institute for Interdisciplinary Medical Research, European University at St. Petersburg
[2]Department of Anthropology, European University at St. Petersburg

The paper focuses on the therapeutic landscape of contemporary Ulan-Ude (capital of Buryatia, Russian region in Eastern Siberia) relevant for the parents of children with various disabilities. Based upon 30 interviews with parents, the paper reconstructs their support-seeking strategies and ways of coping with uncertainties evoked by the disabling diagnosis, as well as analyzes their decision-making habits when turning to different specialists for help. Buryatian context is unique in terms of limited access to high-quality biomedical professionals, while various alternative therapeutic systems, like CAM or religious healing methods enjoy popularity. As our analysis demonstrates, parents of children with disabilities tend to combine a bunch of methods and services in order to create an appropriate support system for themselves and their children. Simultaneously, they grant different specialists with different roles, using them as “supporters” of distinctive types.

Keywords: disability, parenthood, medical systems, CAM, religious healing, shamanism, Buddhism, therapeutic landscape, Buryatia.

УДК 316.66-056.266
DOI 10.52452/18115942_2022_2_90

ДРУГАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИНВАЛИДНОСТИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «ИНВАЛИДНОЙ» ТЕЛЕСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ)

© 2022 г.

Е.Э. Носенко-Штейн

Носенко-Штейн Елена Эдуардовна, д.и.н.; ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН, Москва
Nosenko1@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.12.2021
Статья принята к публикации 18.04.2022

Другая телесность и другие техники тела воспринимаются по-разному в зависимости от историко-культурного контекста. Особенности телесности людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в древности обычно рассматривались как негативные качества личности. Отношение к таким людям постепенно меняется с эпохи Возрождения, в литературе и искусстве появляется целая «галерея» людей с инвалидностью, обычно вызывающих сострадание. В российском обществе до сих пор сохраняется немало стереотипов относительно людей с ОВЗ и их телесности. Это нередко находит своеобразное отражение в массовой литературе. За рубежом в результате борьбы людей с ОВЗ за свои права отношение в обществе к ним и их телесности значительно изменилось. В статье предпринята попытка антропологического анализа репрезентации телесности людей с ОВЗ в российской и зарубежной массовой литературе. Автор приходит к выводу, что патерналистское отношение к людям с ОВЗ, являющееся следствием до сих пор распространённой в российском обществе медицинской модели инвалидности, приводит к стигматизации таких людей как *худших*. В то же время изменившееся отношение к людям с инвалидностью как к *Другим*, но не худшим, находит репрезентацию и в зарубежных массовых литературных текстах.

Ключевые слова: инвалидность, люди с ограниченными возможностями здоровья, Россия, стигматизация, телесность, массовая литература.

Введение

Восприятие *Другой* телесности и других проявлений органов чувств варьирует в зависимости от историко-культурного контекста (включая религиозные предписания, этнические традиции, социальные нормы). В древности *Другая* телесность часто воспринималась как чуждая и иногда опасная в контексте оппозиции «мы – они». В разных обществах люди также обладают различными техниками тела (по-разному ходят, плавают, обнимаются и др.) [1]. Это справедливо по отношению к телесности и техникам тела у некоторых категорий людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), поскольку в древности и многих более поздних традиционных обществах физические или ментальные нарушения часто связывали с негативными личными качествами человека или совершенным им дурным поступком (исключения составляют относительно немногочисленные примеры почитания безумцев и юродивых как божественного избранничества).

В иудео-христианской традиции физические нарушения различных функций человеческого организма рассматривались как результат божественной кары за грех, совершенный человеком или его предками, либо как испытание в вере [2, 3].

Начиная с эпохи Возрождения люди с различными заболеваниями и дефектами становятся объектом сострадания, а также благотворительности. В художественной литературе появляется целая галерея вызывающих жалость «калек» (глухой горбун Квазимодо в романе В. Гюго «Собор Парижской богоматери», Эдит – полупарализованная девушка в романе С. Цвейга «Нетерпение сердца», слепой мальчик-музыкант в повести В. Короленко и многие другие). Нередко другая телесность и инвалидность отождествляются: например, в романе В. Гюго «Человек, который смеется» главный герой, Гуинплен, лицо которого обезображено разбойниками для того, чтобы показывать его за деньги, физически здоров. Его возлюбленная «слепая красавица» Дея зависит от других людей. Этот глубоко неверный литературный штамп «слепой красавицы» чрезвычайно популярен, однако «взгляд» незрячего от рождения кажется неестественным и застывшим, он портит даже

лица с правильными чертами. С особым «взглядом слепого» до сих пор связаны различные страхи и предубеждения [4].

Существовала и традиция репрезентации другой телесности: брезгливое отвращение, подобное тому, которые испытывает главный герой повести М.Ю. Лермонтова «Тамань» по отношению к слепому подростку.

В художественной литературе обычно встречается репрезентация именно людей с *Другой* телесностью или техниками тела: незрячие, с нарушениями опорно-двигательного аппарата (ОДА), реже – с ментальными или психическими заболеваниями, еще реже – глухие. Люди с тяжелыми заболеваниями внутренних органов (сердечно-сосудистыми, рядом неврологических или аутоимунных), ведущими к инвалидизации, но не проявляющимися визуально, редко становятся персонажами литературных произведений.

В советской литературе репрезентация людей с инвалидностью и *Другой* телесностью – довольно редкое явление, так как в идеологии того времени труд считался почетной обязанностью каждого члена общества, в котором царил культ здорового тела [5]. Поэтому люди с инвалидностью обычно изображались как герои, мужественно преодолевшие недуг или увечье и ставшие «общественно полезными» (как Алексей Мересьев или Павка Корчагин).

В современном российском обществе продолжают сохраняться ряд негативных стереотипов относительно людей с ОВЗ («бесполезности», «обузы для общества», «бремени для семьи»), которые нередко находят отражение в массовой литературе. За рубежом с 1960-х гг. развернулась борьба многих меньшинств, в том числе людей с инвалидностью, за свои права, и это привело к изменению восприятия таких людей, в том числе воплощенного в массовой литературе.

Источники и методы

Для анализа я выбрала российские и зарубежные (британские) женские детективные романы, написанные в последние два десятилетия и получившие большую популярность. Массовая литература отражает распространенные в обществе предубеждения, стереотипы и в силу этого представляет интерес для антропологического анализа. Репрезентация людей с ОВЗ и их телесности, по моим наблюдениям, имеет место чаще именно в «женских» детективах, чем в аналогичных текстах, написанных мужчинами. Не будучи литературоведом, я не анализирую эти тексты с точки зрения их литературных достоинств, но делаю попытку сравнительно-антропологического анализа главных тенденций в изображении «инвалидной» телесности и органов чувств.

Во вводной статье, написанной для раздела, посвященного различным проблемам инвалидности[1], коротко говорилось об основных моделях инвалидности и терминах. В своих исследованиях я исхожу из социокультурной (историко-культурной) модели, согласно которой инвалидность есть биосоциальный феномен, варьирующий в зависимости от историко-культурного контекста и конструируемый в конкретном обществе. В этой статье я стремилась проанализировать репрезентацию телесности людей с некоторыми категориями инвалидности.

Такие разные незрячие

Хотя от художественных произведений вряд ли можно ожидать медицинских подробностей и точности в описаниях телесности и техник тела людей с ОВЗ, однако в российских детективах встречается множество ошибок, которые являются следствием распространенных негативных стереотипов или невежества авторов относительно проблем и внешности таких людей, которые живут как будто на обратной стороне Луны [6], о которой еще несколько десятилетий назад было почти ничего не известно.

В повести Е. Михайловой «Счастье Марии Ивановны» ошибочно описываются движения женщины, теряющей зрение (в результате прогрессирующего сахарного диабета и последующего заболевания сетчатки, ведущего к слепоте). Героиня быстро теряет зрение, но, как подчеркивается в повести, самостоятельно (без использования белой трости или собаки-поводыря) передвигается по улицам Москвы:

«И никто не догадывался, что путь, люди, дома и вывески тают в ее прогрессирующей слепоте. Зрение – одна из самых страшных предательских потерь для одинокого человека, который мог подработать себе на жизнь только с его помощью» [7].

Даже незрячие от рождения, учившиеся в хороших коррекционных школах и/или получившие социально-бытовую реабилитацию, редко ходят самостоятельно, особенно в мегаполисах, которые в силу несовершенного состояния доступной среды и напряженного трафика представляются недружественными для людей с ограниченной мобильностью. Эти проблемы усугубляются для позднооослепших, они в большинстве случаев не адаптированы физически и психологически и обычно опасаются самостоятельно ходить по улицам без сопровож-

дения. Они двигаются медленно и неуверенно, часто выставляя перед собой руки, боясь натолкнуться на препятствие или защищаясь от столкновения. М. Мосс подчеркивал: техникам тела в каждом обществе учат [1], т.е. это происходит в процессе социализации, что верно относительно людей с инвалидностью. Но это справедливо для инвалидов детства, которых учат «правильно» двигаться (с учетом особенностей их телесности), включая правила гигиены, поведение за столом и пр. Это относится в первую очередь к детям, которые растут в благополучных семьях и не испытывают гиперопеки со стороны близких. Людям с поздней инвалидностью приходится овладевать (нередко самостоятельно) новыми техниками движения (включая уход за телом, поддержание порядка в доме, пользование столовыми приборами), что особенно тяжело для пожилых людей (именно о пожилой женщине идет речь в повести), которые нередко в подобных ситуациях оказываются беспомощными.

Как уже говорилось, образы незрячих встречаются в беллетристике довольно часто, в том числе в контексте избегания (включая физическое дистанцирование, вызванное чувством отвращения к проявлениям *Другой* телесности). Например, в романе Н. Солнцевой «Натюрморт с серебряной вазой» сделана попытка построить сюжет по образцу лермонтовской «Тамани», включая изображение незрячего мальчика, которого почти не называют по имени, но, что довольно характерно, по обозначению его дефекта («слепой», «слепой мальчик»). Автор неоднократно подчеркивает, что ребенок вызывает брезгливое отвращение не только у окружающих, но и у самого себя.

Его бабка говорит о нем: *Мать бросила его из-за увечья, не отдавать же мальчика в интернат. Он слепой с рождения. <…> У слепых очень развитый слух, осязание, обоняние, они ориентируются по-другому, не так, как мы. Он не любит солнечный свет. Гарик не видит света, он предпочитает одиночество, общается неохотно, он почти постоянно сидит дома. <…> Скорее всего, ребенок сам стесняется своего физического уродства и отсиживается дома* [8].

Здесь мы видим грубые ошибки и противоречия (ребёнок не видит от рождения, но не любит солнечный свет), продиктованные глубокой стигматизацией людей с ОВЗ и их телесности.

Для сравнения, в одном из романов, написанных Р. Гэлбрейтом (псевдоним Джоан Роулинг), выведена тоже незрячая женщина-политик, которая не просто успешна и реализовала свои способности, но привлекательна физически (в книге неоднократно подчеркивается ее элегантность):

Достопочтенная Делия Уинн, валлийка шестидесяти с небольшим лет, была, по сведениям Страйка, незрячей от рождения. …Ее фотографии, непременно с собакой-поводырем палевой масти лабрадором, в последнее время не сходили с газетных полос. Теперь ее любимым детищем стали паралимпийские игры. … Эта женщина, умная и не чуждая сострадания, произвела на него вполне благоприятное впечатление [9].

Различия в описаниях связаны не только с разницей в уровне жизни и возможностях для незрячего человека в России и Великобритании, но в первую очередь в разнице подходов к инвалидности как таковой и ее проявлениям [10].

Немота или отказ от мира звуков?

В отечественных детективах репрезентация глухоты и связанных с ней проблем встречается редко. Это лишь отчасти обусловлено трудностями коммуникаций с глухими людьми, пользующимися жестовым языком. Они испытывают трудности в общении с условно здоровыми людьми и прибегают к помощи сурдопереводчика. Обученные читать «с губ» усваивают не всю информацию (от 30 до 50% [11]). Трудности коммуникации ведут к тому, что о мире глухих условно здоровые люди, включая авторов отечественных детективных романов, знают мало, а их особенности описываются не просто с рядом грубых ошибок, но с полным отсутствием понимания проблем таких людей. В детективе Т. Луганцевой «Шах белым конем от белой королевы» несколько раз встречаются изображения глухой девушки, которую опять же не называют по имени, обозначая ее вышедшим из употребления в публичном дискурсе термином «глухонемая» (глухие люди к такому обозначению относятся крайне негативно, считая его оскорбительным). Одна из героинь «легко» общается с глухой девушкой, якобы без затруднений овладев жестовым языком:

Ты знаешь язык глухонемых? – запоздало удивился Юра. – «Студенткой выучила. Причем запомнила язык жестов очень легко потому что это – заданная математическая программа». – «Ты говорить так можешь?» – «Конечно. У нас в институте был один слабослышащий и очень плохо говорящий мальчик, все с ним общались только так. Кто мог, конечно» [12].

Между тем в русском языке существует два жестовых языка со своей структурой. Профессия сурдопереводчика требует овладения спе-

циальными навыками, а прочие люди обычно могут усвоить несколько десятков наиболее простых и употребительных жестов.

Более того, в сообществе глухих существуют две субкультуры: людей, владеющих жестовым языком (языками) и ориентированных на так называемую «культуру глухих и высоко ценящих ее» [13]; и тех, кто читает «с губ» и предпочитает интеграцию в мир условно здоровых людей. Эта коллизия – столкновение сторонников двух субкультур – получила яркую репрезентацию в детективном романе британской писательницы Э. Джордж «Ради Елены». Весь сюжет сосредоточен вокруг глухой девушки Елены (ставшей жертвой преступления), а также ее взаимоотношений с миром Глухих и миром условно здоровых людей, с которыми она не сумела полностью себя идентифицировать. Вот как описывается, например, диалог между ведущим расследование инспектором Линли и преподавателем Кембриджского университета Кафом:

Елена Уивер была глухой. Глухие студенты… неформальное общество глухих студентов Кембриджского университета …Союз был создан для поддержки довольно значительной части глухих студентов, учащихся в университете. Его члены исповедуют идею глухоты как особой культуры, не считая ее физическим отклонением. Эти ребята гордятся тем, что они такие, продолжал Каф. Они много сделали для внушения глухим студентам чувства самоуважения. Нет ничего постыдного в том, чтобы объясняться жестами, а не словами. Никакого греха в том, что не умеешь читать по губам. – Но Вы говорите, что Энтони Уивер хотел, чтобы его дочь держалась от них подальше? Если она сама была глухой. То это полная бессмыслица. … Елена могла читать по губам, наконец объяснил он. – Она также довольно хорошо говорила. Ее родители, особенно мать, посвятили жизнь тому, чтобы она стала ***нормальной*** *женщиной* (выделено мной. – Е. Н.-Ш.) *в нормальном мире. Они хотели, чтобы все считали ее слышащим человеком, поэтому для них общество глухих студентов было шагом назад* <Далее рассказ о том, что девушка знала язык жестов, так как родители под давлением социальных служб направили ее на курсы по изучению жестового языка>. *…Но родители хотели, чтобы у нее появился шанс попасть в мир нормально слышащих людей… Допустим, это она освоила, – согласился Линли. – Но интересно, к какому миру она себя относила. …Она жила как бы между двух миров и, как Вы сами сказали, не могла уверенно чувствовать себя ни в одном из них* [14].

Таким образом, британская писательница в отличие от российской обнаруживает не просто довольно детальное знакомство с описываемой проблематикой, но и делает попытку художественными средствами отобразить коллизию человека «между двух миров», каковыми оказываются глухие и слабослышащие в ряде современных обществ.

Бесполезное тело

Люди с нарушениями опорно-двигательного аппарата (последствия разного рода травм, ампутаций, заболеваний позвоночника, конечностей или нервной системы, например, детский церебральный паралич, рассеянный склероз и др.) нередко становятся главными или эпизодическими персонажами детективных женских историй последних двух десятилетий. Низкий уровень доходов семей с такими людьми, отсутствие доступной среды, качественных лечения и медицинской, психологической и социальной реабилитации, а также традиция советской эпохи, согласно которой человек, не имеющий возможности «нормально» трудиться, считался человеком «второго сорта», – все это приводит к тому, что в российской массовой литературе широко распространился стереотип «несчастного инвалида», живущего в изоляции, не способного к труду или какой-либо полезной деятельности, в силу чего он превращается в «бремя» для семьи. Телесность и техники тела таких людей описываются крайне упрощенно и часто неточно, по всей видимости, из желания вызвать снисходительную жалость к ним и их близким. При описании телесности этих людей нередко встречаются пейоративные определения. Например, в романе Е. Михайловой «Закат цвета индиго» изображен мужчина, ставший инвалидом в раннем детстве в результате полученных тяжелых травм и с тех пор испытывавший трудности с передвижением (хотя ничего конкретного читатель об этом так и не узнает). Он добился определенного успеха в бизнесе, однако в романе часто обозначается как «калека» [15].

В традиционных обществах люди с физическими и ментальными нарушениями обычно воспринимались как «лишний рот». Позднее, в эпоху развития массового производства, такие люди, как правило, не могли в нем участвовать и тоже рассматривались как обуза. Уже упоминавшийся мотив «обузы» или «бремени», утвердившийся в советскую эпоху по отношению к неработающим (или работающим в «неполную силу»), кочует по страницам массовой российской литературы. В романе Е. Михайловой «Солнце в крови» есть несколько эпизодов, в которых говорится о совсем молодом человеке с ДЦП с полностью сохранным интеллектом,

который, однако, прикован к инвалидной коляске и которого сложно понимать из-за не слишком разборчивой речи. Там же мы видим характерное изображение его матери:

Уставшее, изможденное лицо, ранняя седина в негустых волосах, заколотых на затылке, простое темное платье. И затравленное выражение загнанной львицы, которая готова в любой момент броситься на любого, защищая своего ребенка. И ему 20 лет. Столько лет беспомощности, изоляции от внешнего мира, зависимости от матери, единственного человека, которому он дорог [16].

Здесь не только мотив обузы, даже «креста» для близкого человека с инвалидностью, но также характерное представление о том, что такие люди живут в полной изоляции, крайне одиноки и не представляют собой никакой ценности (тут я имею в виду дословное значение латинского invalidus – не имеющий ценности).

Такие люди обретают «ценность», только если работают «на благо общества». Например, в романе Т. Поляковой «Голос, зовущий в ночи» речь идет о молодом человеке, якобы ставшем инвалидом, но на самом деле успешно обманывавшем врачей (неудачный вымысел автора), а также окружающих и свою сестру. Подруга сестры (впоследствии ставшей жертвой преступления) так говорит о нем: «*Что бы он без нее делал? Теперь один-одинешенек. Неизвестно, что бы с ним было, если бы не сестра. Она за ним не только ухаживала. Работой загрузила. В общем, парень жил полноценной жизнью. <…> Конечно, стать инвалидом, да еще в таком возрасте, испытание не для слабонервных. Так вот: Олег – мужик крепкий, нюни не распускал. Пытался жить, как нормальные люди*» [17].

Труд для человека с ОВЗ рассматривается не как ценность сам по себе (способ самореализации), даже не как способ стать экономически независимым, но как условие «жить, как нормальные люди». Однако и в этом случае люди с ОВЗ никому, кроме самых близких людей, не нужны.

В серии романов Р. Гэлбрейта выведен сыщик Корморан Страйк, оказавшийся инвалидом во время военных действий в Афганистане и после депрессии, реабилитации и разнонаправленных поисков себя ставший успешным частным детективом:

В Афганистане, потеряв полноги, он тоже временно утратил контроль над сознанием. Стремительно и внезапно выхваченный из реальности, перенесся к тем считанным секундам, обостренного предчувствия, предчувствия и ужаса, которые предшествовали взрыву его «Викинга», инвалидности и окончанию военной карьеры …В ту пору он приспосабливался к жизни без половины ноги. Взрыв самодельной бомбы на пыльной афганской дороге отшвырнул Страйка от выбранной им судьбы, затем погрузил в незнакомое тело и незнакомую реальность. … Ему предстояло заново учиться ходить и, что совсем не легче, как-то жить в отрыве от армии [9].

Здесь перед нами иной опыт – репрезентация так называемой внезапной инвалидности (sudden disability), сопровождающейся изменением телесности и техник тела. Но этот опыт при всей его трагичности не помешал герою не просто быть «загруженным работой» (как в романе Т. Поляковой), но найти в этой работе себя.

Другая сексуальность для *Других* тел?

В тех случаях, когда в российских детективных историях речь заходит о людях с ОВЗ, для них почти никогда «не предусматривается» сексуальная жизнь и создание семьи. Это проблема не только массовой литературы, но и общества в целом, в котором такого рода сексуальность давно и прочно табуирована [18]. Как видно из приведенных выше примеров, люди с разными категориями инвалидности рассматриваются как живущие в одиночестве и даже в социальной изоляции, а их телесность, как правило, выглядит не просто непривлекательно, но иногда отталкивающе. Они не могут претендовать на «нормальную» сексуальную жизнь и «нормальную» семью.

Например, в романе А. Даниловой «Смерть отключает телефон» (сочетающем элементы детектива и любовного романа) изображена внезапно и необъяснимо теряющая зрение молодая женщина. Она находится в состоянии глубокой депрессии, одинока и беспомощна. В конце книги некий благотворитель оплачивает героине операцию, которую делают, разумеется, за границей и которая столь же необъяснимо полностью возвращает зрение, после чего героиня обретает любовь и так называемое «женское счастье» [19]. И, как нередко бывает в подобных историях, довольно мало достоверных сведений (не объясняется, чем вызвана внезапная слепота молодой женщины, что и почему могло помочь вернуть зрение и как вообще возможно такое «чудесное исцеление»). Похоже, что вся история была задумана именно для того, чтобы героиня не превратилась в одного из тех инвалидов, которых автор называет «ущербными» и для которых семейное счастье и сексуальные отношения представляются невозможными. Как описывалось в уже упомянутом романе Е. Михайловой «Закат цвета индиго», бизнесмен с *Другой* телесностью живет одиноко, а о какой-либо сексуальной жизни не упоминает-

ся вовсе. Сексуальные и семейные отношения являются фигурой умолчания и в других рассмотренных в этой статье текстах. Это не просто табуирование «инвалидной сексуальности», но репрезентация человека с ОВЗ как асексуального, реже гиперсексуального (последний стереотип чаще относится к людям с ментальными нарушениями, их сексуальность следует контролировать и даже подавлять) (подробнее об этом см.: [18–22]).

В зарубежных детективных романах подход к «инвалидной сексуальности» совершенно иной. Так, в романе «Ради Елены» сексуальность и телесная привлекательность героини неоднократно подчеркиваются. Например, вот один из таких эпизодов – фрагмент беседы инспектора Линли с подругой Елены Мирандой:

Мама сошла бы с ума от счастья, если бы у меня была хотя бы десятая часть Елениных кавалеров. Она нравилась мужчинам, инспектор. – Тебе было это нелегко понять? – Нет, я знала, почему она им нравилась. Она была жизнерадостной, веселой, любила говорить и слушать, что ужасно странно, принимая во внимание, что на самом деле она ничего этого не умела, правда? Но каким-то образом создавалось впечатление, что когда она с вами, она полностью растворяется в вас. Поэтому я понимаю, почему мужчинам, ну, вы знаете [14].

В книге много довольно откровенных эпизодов, в которых Елена репрезентируется не просто телесно привлекательной, общительной, но и весьма сексуально активной. Отчасти автор изображает сексуальную активность Елены как ее попытку быть «как все», т.е. полностью войти в мир «нормальных» людей.

В серии детективных романов той же писательницы постоянно встречается персонаж Сент-Джордж, попавший в автомобильную катастрофу и оставшийся инвалидом (у него серьезно повреждена нога, он носит специальный аппарат и ему довольно сложно передвигаться), который, пережив длительное лечение, депрессию и реабилитацию, не просто реализует себя в работе (становится известным криминалистом), но и обретает семью (его сексуальная партнерша, потом его жена – привлекательная внешне молодая женщина).

Нечто подобное мы видим в историях Р. Гэлбрейта о детективе Корморане Страйке, который хотя и не имеет семьи, но не обделен женским вниманием:

Все его подруги – красавицы. …Страйк привлекал на редкость эффектных женщин. При его-то медвежьей внешности, при его волосах, которые, она сама слышала (речь идет об одной из героинь той же серии детективов. – *Е. Н.-Ш.*), *он называл лобковыми* [9].

В зарубежных детективах «инвалидная сексуальность» не только не табуирована, но и не стигматизирована, она становится объектом художественного повествования точно так же, как и сексуальность условно здоровых людей.

Заключение

Разумеется, в этой небольшой статье мне удалось проанализировать лишь малую часть детективных историй российских и зарубежных авторов, в которых встречается репрезентация телесности и техник тела людей с ОВЗ, и выводы, которые мне удалось сделать, имеют предварительный характер. Давняя традиция стигматизации инвалидности в целом и людей с ОВЗ в российском обществе в частности не могла не найти своего отражения в массовой литературе, где они обычно описываются как худшие люди, обладающие худшей телесностью. Этому в немалой степени способствует распространенная не только в отечественной науке, но и в медицине и социальной работе, а также социальной политике медицинская модель инвалидности. В ее рамках люди с инвалидностью – тяжелобольные, от которых ничего не зависит, они отстранены от принятия решений, о них заботится государство. Такой патерналистский подход также весьма способствует пассивности самих людей с ОВЗ, и все это не могло не найти отражения в массовой литературе.

За рубежом, где, как уже говорилось, в последние несколько десятилетий многие группы, в том числе люди с ОВЗ, добились существенного расширения своих прав, стигматизация не проявляется столь очевидно. А возникшая традиция политкорректности не дает авторам художественных произведений изображать людей с ОВЗ как непривлекательных телесно и не имеющих будущего, тем более употреблять при их репрезентации пейоративные определения («ущербные», «калеки», «глухонемые»).

Массовая литература в обоих случаях является отражением многих процессов, протекающих в обществе, она репрезентирует стереотипы, клише и даже страхи и предубеждения. Более того, в силу своей массовости такая литература способствует формированию и распространению многих представлений и стереотипов.

Примечание

1. Носенко-Штейн Е.Э. Расширяя границы исследований: изучение инвалидности в гуманитарных и социальных дисциплинах // Вестник Нижегородского университета. Социальные науки. 2022 (в печати).

Список литературы

1. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. С. 242–264.

2. Носенко-Штейн Е.Э. Тяжесть стигматов: репрезентация человека с ОВЗ в современной российской массовой литературе // koinon. 2021. Т. 2. № 2. С. 48–69.

3. История уродства / Под ред. У. Эко. М.: Слово, 2007. 456 с.

4. Bolt D. The Metanarrative of Blindness: A Rereading of Twentieth-Century Anglophone Writing. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2014. 176 p.

5. Bernstein F. Prosthetic Promise and Potemkin Limbs in Late-Stalinist Russia // Disability in Eastern Europe and the Former Soviet Union: History, Policy and Everyday Life / Ed. by M. Rasell, E. Yarskaya-Smirnova. Oxford: Routledge, 2014. P. 42–66.

6. Обратная сторона Луны, или Что мы не знаем об инвалидности / Отв. ред. А.С. Курленкова, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: МБА, 2018.

7. Михайлова Е. Счастье Марии Ивановны [Электронный ресурс]. Встреча в час волка: Сборник рассказов. М.: Эксмо, 2017. URL: https://topliba.com/books/629729 (дата обращения: 16.06.2021).

8. Солнцева Н. Натюрморт с серебряной вазой. М.: АСТ, 2013. 384 с.

9. Гэлбрейт Р. Смертельная белизна М.: Азбука, 2019 (книга доступна на: https://www.litres.ru/robert-gelbreyt/smertelnaya-belizna/chitat-onlayn/).

10. Garland-Thomson R. Extraordinary Bodies: Figuring Physical Disability in American Culture and Literature. New York: Columbia University Press, 1997.

11. Астахова Н.В., Большаков Н.В. Паттерны культурного потребления глухих и слабослышащих: инклюзия или изоляция? // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 1. С. 51–66. 200 p.

12. Луганцева Т. Шах белым конем от белой королевы. М.: Астрель: Полиграфиздат, 2012. 322 с.

13. Большаков Н.В. Возможности применения стратегии смешивания методов при изучении сообщества глухих и слабослышащих // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 38. С. 154–165.

14. Джордж Э. Ради Елены / Пер. с англ. Е. Моисеевой, Е. Скрылевой. М.: Иностранка, 2004.

15. Михайлова Е. Закат цвета индиго. М.: Эксмо, 2010. 355 с.

16. Михайлова Е. Солнце в крови. М.: Эксмо, 2013. 352 с.

17. Полякова Т. Голос, зовущий в ночи. М.: Эксмо, 2019. 320 с.

18. Ярская-Смирнова Е.Р. Стигма «инвалидной» сексуальности // В поисках сексуальности: Сб. статей / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 223–244.

19. Данилова А. Смерть отключает телефон. М.: Эксмо, 2012. 320 с.

20. Shakespeare T., Gillespie-Sells K., Davies D. The Sexual Politics of Disability: Untold Desires. New York: Cassell, 1996. 256 p.

21. Прокопенко Ю. Секс и инвалидность: Предрассудки в отношении сексуальной жизни инвалидов и неинвалидов // Сексолог. 2001. URL: http://www.doktor.ru/sexolog/STA/st45.htm (дата обращения: 16.06.2021).

22. Клепикова А. Наверное, я дурак: антропологический роман. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 432 с.

OTHER BODIES IN THE CONTEXT OF DISABILITY AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON: A COMPARATIVE ANALYSIS OF REPRESENTATION OF DISABLED BODIES IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND BRITISH MASS FICTION

E.E. Nosenko-Stein

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Other bodies and other bodily techniques have been considered depending on a concrete historical and cultural context. In ancient cultures other bodies of disabled persons had been usually perceived as dealing with negative characteristics of a person, and attitudes to such bodies were mostly negative. Notions of disabled people and their bodies started to change since the Renaissance period. A «gallery of portraits» of various disabled persons appeared in art and fiction. However, a stigmatization of disability in general and disabled bodies is still widespread in the Russian society. Different stereotypes and labels are also typical for Russian contemporary mass literature.

Mass movements of various minorities including disabled people in the Global North resulted in the transformations in perception of disabled persons and their bodies. On these pages the author attempts to analyze representations of other bodies of disabled persons in Russian and English fiction. The author concludes that the paternalist view of disabled persons as ‘worse’, with ‘worse bodies’ is still widespread in the Russian society, deriving from the medical model of disability which is still popular in Russian academic studies and social policy. At the same time, the transformation of perceptions of disabled persons and their bodies as ‘extraordinary’ but not ‘worse’ hase also their representations in the British mass fiction.

Keywords: disability, disabled persons, other bodies, Russia, stigmatization, fiction.

УДК 316.444.2
DOI 10.52452/18115942_2022_2_97

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ ИЗ РАЗНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ГРУПП

© 2022 г.

А.А. Варызгина, А.В. Куликова, В.В. Михайлова

Варызгина Алла Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
varyzgina@mail.ru
Куликова Александра Владимировна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
kulikova-alex@yandex.ru
Михайлова Вероника Валерьевна, к.соц.н.; доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
mihaylovav.v@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 06.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Анализируются основные образовательные стратегии домохозяйств г. Павлово Нижегородской области, особое внимание уделено отличительным особенностям в структуре расходов на образование, доступа к образованию семей из разных имущественных групп. Из-за своего географического положения, социально-демографической структуры Павлово был выбран как пример типичного малого города европейской части России. Представлены результаты социологических исследований, проведенных в 2011 и 2021 г. В результате кластерного анализа были выделены четыре социальные группы, отличающиеся друг от друга социально-экономическими характеристиками, дан их социально-демографический портрет, особенности и поведенческие установки в сфере образовательных услуг, доступность образования. В проекте 2011 г. принимали участие сотрудники кафедры экономической социологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород), ИСЭПН РАН (Москва), университеты Глазго (Шотландия) и Упсала (Швеция). В проекте 2021 г. – Центр исследования социальных систем, кафедра социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, университеты городов Глазго (Шотландия), Упсала (Швеция) и Хельсинки при поддержке Нижегородского научно-образовательного центра.

Ключевые слова: образование, образовательные стратегии, социальное неравенство, качество жизни, уровень жизни, доступность образования, неравенство, имущественные группы.

Введение

Образование является одним из важных факторов формирования человеческого капитала [1]. Традиционно образование рассматривалось как канал социальной мобильности. Вслед за П. Сорокиным [2] представители структурного функционализма описывали социальный институт образования как некий механизм уменьшения социального неравенства и выравнивания социальных возможностей. Однако уже начиная со второй половины XX века все чаще в социологии поднимаются вопросы доступности образования, воспроизводства социального неравенства через образование. Этот дискурс начался с работ П. Бурдье [3], где он доказывал, что система образования сама включает множество скрытых неравенств, таких как неодинаковые стартовые возможности поступления в университет у представителей разных социальных слоев, культурное воспроизводство сценариев родительской семьи и культурная дифференциация студентов. Все это ограничивает возможности образования как канала социальной мобильности и приводит к воспроизводству определенных поведенческих установок в отдельных социальных группах.

Сегодня проблема анализа различий социологических подходов к образованию, роли образования в обществе, неравенства возможностей в системе образования широко обсуждается в научных кругах [4–6], при этом рассматриваются разные уровни образования [7; 8], влияние образования на качество жизни, образовательные стратегии как один из индикаторов качества жизни [9–11].

Актуальность данной работы определяется тем, что в центре ее внимания – особенности образовательных стратегий жителей малого города из разных имущественных групп. Авторы

Таблица 1

Обучение членов семьи, включая различные курсы (в том числе профессиональные и переподготовки), %

	2011 г.	2021 г.
Да, учатся	24	16
Нет, не учатся	76	84

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Учатся ли члены Вашей семьи в настоящее время, включая различные курсы (в том числе профессиональные и переподготовки)»

Таблица 2

Причины отказа членов семьи от обучения, %

	2011 г.	2021 г.
Считают имеющийся уровень образования достаточным	32	32
Считают, что в силу возраста учиться уже поздно	28	30
Просто нет желания	5	10
Вынуждены работать	20	9
Считают, что нет смысла, знания негде применить		9
Высокая стоимость обучения	13	6
Не могут по состоянию здоровья	1	2
Хотели бы, но не знают, как это сделать	0	1
Учебное заведение находится далеко от дома	0	0
Для обучения нужен доступ в Интернет, а его нет		0
Другое	1	1

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Почему в настоящее время члены семьи не учатся?»

определили для себя важной задачей выявление ключевых изменений, произошедших за последние десять лет, в структуре расходов на образование, в поведенческих установках жителей малых городов. На основании многомерного кластерного анализа были выделены четыре имущественные группы. Группирующими признаками были как прямые вопросы о доходе за последний месяц на одного члена семьи и домохозяйства в целом, так и косвенные, позволяющие респонденту самому определить свой статус, а также вопросы о потребительских возможностях. Это позволило описать социально-демографический портрет домохозяйств, принадлежащих к разным имущественным слоям, особенности и поведенческие установки в сфере образовательных услуг, доступность образования для них.

Методология

Статья написана по результатам лонгитюдного исследования, целью которого была оценка уровня и условий жизни семей в малых городах Нижегородской области. Эти исследования проведены в 2011 и 2021 г. в Павлово, который был выбран как наиболее типичный образ малого города европейской части России. В каждом опросе приняли участие по 500 домохозяйств. Выборка случайная маршрутная, репрезентативная по полу, возрасту и составу домохозяйств. Инструментарий исследования позволял сопоставить результаты данной серии опросов (подробнее об инструментарии см. [12]). В проекте 2011 г. принимали участие сотрудники кафедры экономической социологии ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород), ИСЭПН РАН (Москва), университеты Глазго (Шотландия) и Упсала (Швеция). Результаты данного исследования были опубликованы в коллективных монографиях [13; 14]. В проекте 2021 г. участвовали Центр исследования социальных систем и кафедра социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования ННГУ им. Н.И. Лобачевского, университеты городов Глазго (Шотландия), Упсала (Швеция) и Хельсинки при поддержке Нижегородского НОЦ.

Доступ к образованию, образовательные стратегии мы рассматриваем как один из индикаторов уровня и качества жизни. За последние десять лет в семьях г. Павлово несколько снизилось число тех, кто учится, в том числе получает дополнительное образование или проходит переподготовку (с 24% до 16%, см. табл. 1.). Однако причина этого скорее не в том, что стоимость обучения слишком высока или человек вынужден работать, напротив, эти показатели снизились почти в два раза. Главное в том, что, по мнению павловчан, имеющийся уровень образования и квалификации они считают достаточным. К тому же относительно высока доля тех, кто говорит, что учиться поздно в силу возраста (табл. 2.)

Структура расходов на образование как составная часть образовательных стратегий тоже

Таблица 3

Оплата обучения членов семьи, %

	2011 г.	2021 г.
Образование бесплатное	69	83
Оплачивают сами, семья	26	15
Оплачивают предприятия, организации по месту работы	4	2
Оплачивают частные лица (спонсоры, родственники, не являющиеся членами домохозяйства)	0	0
Другое	1	0

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Если члены семьи учатся, то кто платит за обучение?»

Таблица 4

В этом учебном году сколько в среднем за месяц семья платит за обучение, руб.

	2021 г.
Непосредственно за обучение	6200
Дополнительные занятия вне учебного заведения	1956
Дополнительные занятия в учебном заведении	972
За покупку учебных материалов (учебников, книг)	953
Другие расходы (праздники, охрана и пр.)	600
Денежные сборы на нужды учебного заведения	476

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «В этом учебном году сколько в среднем за месяц семья платит за обучение (в руб.)?»

определяет качество жизни семей. В 2011 – 2021 гг. в Павлово сократилось число домохозяйств, которые вынуждены платить за обучение (с 26% до 15%, см. табл. 3) и, соответственно, возросла доля тех, кто получает бесплатное образование (с 69% до 83%). Те, кто оплачивает обучение самостоятельно, в среднем тратят ежемесячно около 6200 руб.

Школьное образование, например, остается по-прежнему бесплатным для подавляющего большинства семей, однако при отсутствии официальной платы за обучение семьи несут ежемесячные расходы. Основная нагрузка на бюджет для большинства связана с покупкой учебных материалов и обязательными платежами на хозяйственные нужды, охрану, праздники (табл. 4.) Помимо того существует необходимость дополнительного образования как в самом учебном заведении, так и вне его. Траты в среднем за месяц за дополнительное обучение вне стен учебного заведения – около двух тысяч рублей в месяц, в самом учебном заведении – около тысячи. Стипендия, если мы говорим о студентах колледжей или вузов, не может покрывать эти расходы, так как в среднем она составляет 1050 руб.

Обратимся к различиям в образовательных стратегиях жителей малых городов из разных имущественных групп.

1. *Относительно обеспеченные домохозяйства*

Это самая малочисленная и достаточно разнородная по имущественным характеристикам группа (13% от всех опрошенных домохозяйств). По их собственным оценкам, представители данной группы относят себя к семьям со средним относительно стабильным достатком (здесь реже всего отмечалось ухудшение материального положения за время пандемии). Эти люди хорошо питаются, но тратят на еду от 1/3 до 1/2 своего дохода. Если оценивать количественные характеристики имущественного положения, в данной группе около половины таких семей, где на одного человека приходится как 2–2.5 прожиточных минимума (табл. 5), так и значительно больше – 3–4 прожиточных минимума и выше (около 25%). Только в данной группе встречается высокий совокупный доход (табл. 6). Если в семье есть дети, то в таких домохозяйствах есть возможность покупать качественную одежду и обувь (табл. 7).

В социально-демографическом плане эта группа представлена молодыми и людьми среднего возраста (25% – в возрасте до 25 до 34 лет, 17% – от 35 до 44, 30% – от 45 до 54), в основном это супружеские пары без детей. Женщин, принявших участие в опросе из данной группы, больше, чем мужчин, очень мало людей старшего пенсионного возраста, поэтому основной род занятий – это или предпринимательство, или работа по найму (85%).

Здесь отчетливо просматривается зависимость материального благополучия от образования: именно в данной группе большее число тех, кто с высшим (39%) или среднеспециальным образованием (50%). Высокий уровень образования определяет, что лишь единицы из данной группы учатся в настоящее время. Основная причина отказа от образования – осознание того, что имеющийся уровень образования достаточен (53%), или же сформировано мнение, что в силу возраста учиться уже поздно (26%).

Таблица 5

Общий денежный доход на одного члена семьи в прошлом месяце, %

	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
До 5000 руб.	0	0	1	0
5001 – 7000	0		6	0
7001 – 10000	0	7	**14**	1
10001 – 12000	0	**13**	**35**	7
12001 – 17000	0	**32**	**29**	**37**
17001 – 22000	14	**29**	8	**22**
22001 – 28000	**26**	5	2	**22**
28001 – 33000	**27**	0	0	2
33001 – 40000	**17**	0	1	2
40001 – 50000	9	0	0	0
Свыше 50000	3	0	0	0
Отказ	0	3	2	2
Затруднились ответить	5	9	3	3

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Назовите, пожалуйста, сколько примерно составлял денежный доход на одного члена семьи в прошлом месяце?»

Таблица 6

Общий денежный доход всех членов семьи в прошлом месяце, %

	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
До 5000 руб.	0	0	0	0
5001 – 6000	0	0	1	0
6001 – 8000	0	0	0	0
8001 – 10000	0	0	7	0
10001 – 12000	0	0	**12**	0
12001 – 15000	0	0	**15**	0
15001 – 20000	0	0	**18**	0
20001 – 25000	0	0	**14**	6
25001 – 30000	0		**16**	**16**
30001 – 35000	0	**12**	0	**13**
35001 – 40000	0	**14**	0	**13**
40001 – 50000	2	**28**	0	**15**
50001–60000	**20**	**25**	0	1
60001–70000	**18**	4	0	0
70001–80000	**21**	1	0	0
80001–90000	**14**	0	0	0
90001–100000	5	0	0	0
Свыше 100000	**15**	0	0	0
Затруднились ответить	0	6	7	0
Отказ от ответа	6	8	4	9

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Назовите, пожалуйста, сколько примерно составлял общий денежный доход всех членов Вашей семьи в прошлом месяце?»

Поскольку лишь небольшое число опрошенных учатся, мы можем говорить только о тенденциях в образовательных стратегиях обеспеченных имущественных групп малых городов. Однако именно среди этих домохозяйств большее число тех, кто готов платить и платит за образование. В среднем сумма в месяц получается 4000 рублей, что даже немногим меньше, чем в четвертой группе. Поскольку в основном это семьи без детей, расходов, связанных с покупкой учебных материалов или оплатой охраны, здесь практически нет.

2. *Домохозяйства, обеспеченные средне и ниже среднего, с детьми*

Данная имущественная группа самая многочисленная (41% от всех опрошенных домохозяйств). Это супружеские пары с детьми (52%) или мать (отец) с детьми, проживающие отдельно от своих родителей или вместе (31%), молодого или среднего возраста (25–44 лет – 61%). По своим собственным субъективным характеристикам, они определяют себя как семьи со средним достатком и ниже среднего (табл. 8). При этом по количественным показателям это скорее домохозяйства, обеспеченные ниже среднего, т.к. в основном на одного члена семьи приходится только 1–1.5 прожиточного минимума (12–17 тыс. рублей), но есть и с доходом ниже (табл. 5). Совокупный доход домохозяйства существенно ниже, чем в предыдущей группе обеспеченных (табл. 6). Однако по их собственным оценкам, они хорошо питаются, хотя тратят половину своего дохода на еду, и в данной группе уже чаще встречается оценка

Таблица 7

Возможность покупки детям новой одежды и обуви, %

	1-я группа	2-я группа	3-я группа	4-я группа
Имеют возможность покупать качественную одежду и обувь	**27**	**36**	8	0
В основном покупают новую, но дешевую одежду и обувь	**20**	**60**	**50**	1
Дети пользуются поношенной из-за нехватки средств	0	2	6	0
Дети, в основном, пользуются поношенной по другой причине	0		0	1
Нет детей в семье	**41**	0	21	**90**

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «Покупаете ли Вы своим детям новую одежду и обувь по мере их роста?»

питания как удовлетворительная. Они могут покупать новую одежду и обувь для детей, иногда даже не дешевую. Но пандемия все же внесла свои коррективы, и здесь уже 46% отмечают ухудшение материального положения.

В целом, это группа представлена людьми трудоспособного возраста, поэтому 75% из них работают или занимаются бизнесом, по сравнению с другими группами здесь высока доля женщин в декретном отпуске (9%). Здесь уже несколько меньше тех, кто получил высшее образование (30%), и несколько выше доля со средним общим (в сравнении с первой группой – 16% против 9%), около 47% – со средним специальным образованием (самый низкий показатель из всех групп). Из тех, кто учится, только 17% могут платить сами за свое обучение, 33% – оплачивает работодатель, и так же как в предыдущей группе – половина получает образование бесплатно. Непосредственно за обучение в среднем в месяц выходит около 3 тыс. рублей, в данной группе прибавляются еще и платежи за покупку учебных материалов (в среднем 500 рублей в месяц, речь, скорее, о школьных нуждах). Размер стипендии у тех, кто ее получает, относительно высок – 1133 рубля. И хотя основная причина того, почему большинство взрослых из этой группы не учатся, это достаточный уровень имеющегося образования (38%), что вполне объяснимо, так как здесь тоже не низкий его уровень, особенно в сравнении с третьей и четвертой группами, все-таки высок показатель не только нежелания учиться (17%), но необходимости работать (14% – самый высокий из всех имущественных групп). Получается, что, даже осознавая необходимость дополнительного образования, люди с более низким достатком не могут себе этого позволить, в том числе и из-за его высокой стоимости (9%).

3. *Малообеспеченные домохозяйства*

Малообеспеченные домохозяйства составляют 21% от опрошенных. В этих семьях доход на одного члена семьи около 1–1.5 прожиточных минимума (около 65%, см. табл. 5), при этом именно в данной группе 20% можно отнести к бедным, так как они живут за чертой прожиточного минимума. Здесь самые низкие совокупные доходы у домохозяйства (см. табл. 6). Представители данной имущественной группы не могут позволить себе качественного питания, и траты на него часто составляют большую часть дохода семьи. Дети пользуются поношенной одеждой из-за нехватки средств (табл. 7). Более 60% говорят об ухудшении своего материального положения из-за пандемии коронавируса. Однако по своим собственным ощущениям эти люди относят себя не к бедным слоям, но с достатком ниже среднего (53%), 17% даже позиционирует свой доход как средний, однако около 30% считают себя бедными или крайне бедными.

В этой группе больше всего одиноко проживающих родителей с детьми (16%) или просто одиноких. В основном малообеспеченные – это женщины (72%), потому и одиноко проживающих женщин здесь тоже больше (16%). В данной группе несколько больше, чем в предыдущих, людей старше 55 лет (около 40%) и меньше людей молодого и среднего возраста, поэтому лишь половина из них имеют статус работающего, а 37% являются пенсионерами. Здесь самый большой показатель тех, кто получил только общее школьное образование (23%), в основном это люди со средним специальным образованием или профессиональным, лишь некоторые получили высшее (15%). Здесь самое маленькое число тех, кто получает образование, и это образование у всех бесплатное. Помимо того, что в силу возраста многим уже кажется, что нет необходимости проходить дальнейшее обучение или переобучение (33%), именно здесь невысокий уровень мотивации и осознанности: 12% считают, что учиться просто нет смысла, знания негде применить. Конечно, есть и объективные причины – необходимость работать (12%). А если ребенок не посещает дополнительных кружков и секции, то в основном причин две: не хватает средств (26%) или это считают лишней нагрузкой и не видят необходимости в дополнительном образовании (35%).

Таблица 8

Самоопределение семей по имущественным группам, %

	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Семьи с достатком выше среднего	**8**	3	0	1
Семьи со средним достатком	**67**	**44**	17	**29**
Семьи не бедные, но с достатком ниже среднего	**24**	**46**	**53**	**49**
Бедные семьи	0	6	**22**	**20**
Крайне бедные семьи	0	0	**7**	2
Затруднились ответить	0	1	1	0

В таблице дается распределение ответов на вопрос: «К какой из нижеперечисленных групп Вы бы отнесли свою семью?»

4. *Домохозяйства, обеспеченные средне и ниже среднего, без детей*

Данный тип домохозяйств (относительно небедные, но с доходом ниже среднего) составляет 25%. Здесь встречаются и те, кто определяет свое положение в средней имущественной группе (29%, см. табл. 8). Несмотря на то что здесь значительно меньше тех, чей доход менее одного прожиточного минимума, если сравнивать с двумя предыдущими группами, 20% семей идентифицируют себя с бедными. При этом все же больше семей, которые не ощущают ухудшения своего материального положения за время пандемии коронавируса. Если рассматривать количественные показатели, доход на одного члена домохозяйства составлял 1–2 прожиточных минимума (около 60%), есть семьи, где доход был выше (около 20%). По их собственным оценкам, питаются удовлетворительно и тратят на еду около половины своего дохода. Однако есть и те, кто тратит менее трети и оценивает питание как хорошее. Данная группа представлена в основном людьми старшего и пенсионного возраста (тех, кто старше 55 лет – более 60%), в основном это супружеские пары без детей, пенсионеры, лишь около 40% из них работают. Сравнивая данную группу с похожей по имущественному статусу, но с детьми (группа 2), следует отметить, что количественные показатели благосостояния несколько выше, но субъективное восприятие своего статуса скорее более пессимистичное, так как значительно больше относят себя к бедным (20% против 6%).

Среди представителей данной группы больше тех, кто имеет среднее специальное или профессиональное образование. Несмотря на демографические характеристики и признание того факта, что дальнейшее обучение не имеет смысла в силу возраста, именно в этой группе больше число таких домохозяйств, в которых кто-то из членов семьи учится. В основном это бесплатное образование, но 43% могут позволить себе платное обучение, которое в среднем обходится в 4325 рублей в месяц. Это косвенно подтверждает, что определяющим фактором, влияющим на доступность образования, будет материальное положение, а не демографические характеристики.

Заключение

В целом, можно утверждать, что доступ к образованию у жителей малого города за последние десять лет остался на прежнем уровне, при этом, например, в Павлово с 2011 по 2021 г. сократилось число домохозяйств, которые вынуждены платить за обучение. Дополнительные расходы на образование по-прежнему лежат нагрузкой на семьях с детьми.

Образование по-прежнему остается значимым фактором повышения имущественного статуса. Но осознавая необходимость повышения уровня образования, люди с низким достатком не могут его позволить, так как вынуждены зарабатывать себе на жизнь, а не тратить время на обучение, или же стоимость обучения слишком высока. Тем самым происходит воспроизводство существующей социальной системы неравенства.

Отчетливо просматривается тенденция зависимости материального благополучия от образования: в социальных группах с доходом выше среднего у членов семьи выше уровень образования. Однако стратегию на рынке образовательных услуг у таких домохозяйств скорее можно назвать выжидающей: имеющийся уровень образования достаточен на сегодня, но при необходимости есть готовность платить за обучение или переобучение самостоятельно.

В малообеспеченных семьях, соответственно, ниже уровень образования. Но при этом низкий материальный статус является не только препятствием на пути повышения образовательного потенциала, но и препятствием к осознанию необходимости дополнительного обучения или переобучения.

Как показали результаты исследования, наличие несовершеннолетних детей в семье является фактором понижения материального благосостояния семьи, риск бедности в таких домохозяйствах растет.

Семьям с детьми со средним доходом и ниже среднего свойственен социальный оптимизм: они оценивают свой имущественный статус выше, чем он есть на самом деле. Именно в

этих домохозяйствах высокая нагрузка, связанная с оплатой обучения детей вне школы за дополнительные занятия, а также есть расходы, связанные с покупкой учебных материалов и обязательными платежами на хозяйственные нужды школы или детского садика, охрану, праздники. Получается, что, даже осознавая необходимость дополнительного образования для себя, люди с более низким достатком не могут себе этого позволить, в том числе и из-за его высокой стоимости.

Список литературы

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность 2001. № 3. С. 122–139.

2. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia, 2005. 588 с.

3. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н. А. Шматко. СПб., 2005. 288 с.

4. Старыгина А.М. Система образования в контексте дифференциации общества: влияние социального неравенства на доступность высшего образования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 7 (62). С. 7–10.

5. Хлабыстова Н.В., Нетребко Е.Н. Институт высшего образования как фактор сохранения социального неравенства // Вестник Адыгейского государственного университета. 2019. № 4 (249). С. 223–230.

6. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 43–62.

7. Носкова А.В., Голоухова Д.В., Кузьмина Е.И. Неравенства в образовании и перспективы цифрового обучения в оценках студентов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 29–39.

8. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в российском школьном образовании: анализ на данных PISA // Вестник Алтайской академии экономики и права. Экономические науки. 2020. №12. С. 99–104.

9. Куликова А.В., Михайлова В.В. Образование и качество жизни // Народонаселение. 2016. № 3 (73). С. 124–134.

10. Куликова А.В., Михайлова В.В. Образование как стратегия преодоления социального неравенства // Инновационная экономика: регулирование и конкуренция: Материалы Десятой Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2017. С. 700–706.

11. Варызгина А.А. Семьи с детьми: факторы, определяющие выбор стратегии выживания в малых городах // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления: Материалы VI Международной научной конференции. 2018. С. 440–445.

12. Таганрогские исследования: полвека спустя / Под научн. ред. чл.-корр. РАН проф. Н.М. Римашевской и проф. В.В. Локосова. М.: Экономическое образование, 2017. 288 с.

13. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / Под ред. Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко. Нижний Новгород–М., 2013. 268 с.

14. Agency in Russia and Ukraine / Sätre A-M., Morell I.A. (eds). Routledge, 2016. 160 pp. [Электронный ресурс]. URL: http://www.taylorandfrancis.com/books/details/9781138957640/ (дата обращения: 20.02.2022).

EDUCATIONAL STRATEGIES OF RESIDENTS OF SMALL TOWNS FROM DIFFERENT PROPERTY GROUPS

A.A. Varyzgina, A.V. Kulikova, V.V. Mikhailova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The article analyzes the main educational strategies of households in Pavlovo, Nizhny Novgorod region. Special attention focuses on the distinctive features in the structure of education costs, access to education of families from different property groups. Due to its geographical location and socio-demographic structure, Pavlovo is an example of a typical small town in the European part of Russia. The article presents the results of sociological research conducted in Pavlovo in 2011 and 2021. Within the cluster analysis methodology, four social groups were identified. The paper presents socio-demographic portrait, features and behavioral attitudes in the field of educational services, and accessibility of education of these social groups. The Department of Economic Sociology of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod), ISEPN RAS (Moscow), the University of Glasgow (Scotland) and University of Uppsala (Sweden) made the 2011 research project. The 2021 research project was made by the Research Center for the Study of Social Systems, the Department of Sociology of Project Activity and Pro-Competitive Regulation of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, the University of Glasgow (Scotland), University of Uppsala (Sweden) and Helsinki University under the support of the Scientific Information Center, Nizhny Novgorod.

Keywords: education, educational strategies, social inequality, quality of life, standard of living, accessibility of education, inequality, property groups.

УДК 316.334
DOI 10.52452/18115942_2022_2_104

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: НОВЫЕ СМЫСЛЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2022 г.

Н.А. Вялых

Вялых Никита Андреевич, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону
sociology4.1@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.02.2022
Статья принята к публикации 22.04.2022

Анализируются теоретико-методологические предпосылки социологического исследования системы здравоохранения как пространства конструирования и воспроизводства социального доверия/недоверия в российском обществе. Гносеологические ограничения современных теорий связаны с редукцией социального доверия к однозначно положительному образу здравоохранения и доступности его отдельных функций в сознании потребителей медицинской помощи, хотя речь должна идти, скорее, о доверии как результате влияния социальной ситуации, культурных факторов наряду с индивидуальными особенностями, социальными ценностями, установками и моделями самосохранительного поведения. В структуру критериев оценки социального доверия к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19 целесообразно отнести: отношение потребителей медицинской помощи к врачам и медицинским организациям; степень удовлетворения медицинских потребностей и самооценку статуса здоровья; типичные практики самосохранительного поведения; согласованность интересов различных агентов; эмоциональный настрой, страхи и ожидания от медицинского вмешательства (включая вакцинацию); макроуровневый социально-психологический контекст, вектор государственной политики здравоохранения и культуру общественного здоровья. Автор приходит к выводу об особом значении инструментария социологического познания для построения сценариев и перспектив гармонизации отношения российского общества к системе здравоохранения в посткоронавирусный этап.

Ключевые слова: социальное доверие, недоверие, пандемия COVID-19, российское общество, система здравоохранения, агенты, доступность медицинской помощи, социологические исследования.

Постановка научной проблемы

Пандемия новой коронавирусной инфекции значительно повлияла на вектор трансформации института здравоохранения в России и в мире. Организационно-финансовая перестройка всей отрасли под условия сложной эпидемиологической ситуации неизбежно приводит к изменению социальных настроений в обществе. Ситуация в российском здравоохранении и до марта 2020 г. была достаточно напряженной, прежде всего из-за избыточной дифференциации в доступности и качестве медицинской помощи по региональным, социальным, экономическим, социально-психологическим и иным параметрам.

Непредвиденная мобилизация российского здравоохранения, непрерывно меняющиеся протоколы лечения новой коронавирусной инфекции и начавшаяся в 2021 г. массовая вакцинация вынуждают население по-иному взглянуть на ценность здоровья и в соответствии с этим корректировать практики здоровьесбережения. Конечно, изобретение лекарств и вакцин находится вне компетенции социологов. Однако сегодня из-за пандемии происходит системная перестройка социально-стратификационной структуры общества, активизируются процессы интеграции и дифференциации в институциональном поле здравоохранения. Учитывая сложившиеся обстоятельства, социологическая диагностика социального самочувствия общества должна включать вопросы о скрытых рисках утраты доверия населения, возникающих в условиях вынужденной переориентации института здравоохранения на выявление, лечение и профилактику инфекционных заболеваний.

Перед нами стоит задача социологического переосмысления идейно-теоретического бэкграунда в изучении доверия людей к частным функциям здравоохранения. Ожидаемым результатом научной ревизии видится создание качественно иного теоретико-методологического инструментария и формулирование принципов социологического познания, позволяющих, во-первых, выйти за рамки укоренившихся когнитивных искажений и научных анахронизмов, во-вторых, выявить и обобщить реально работающие научно-исследовательские практики, которые можно адаптировать к изучению феномена социального доверия в условиях непредвиденного ковид-

кризиса и без того хронически кризисной системы здравоохранения в современной России.

Теоретико-методологические подходы

Здравоохранение, в социологическом понимании, – это не только система управления деятельностью медицинских организаций, но и усилия человека, социальных групп и общества в целом по созданию условий (экономических, организационных, социокультурных) для сохранения, упрочения индивидуального и общественного здоровья как ценности, а не как бездушных статистических индикаторов и индексов. В связи с этим актуализируется социальная значимость разработки многомерного методологического подхода, интегрирующего поведенческие и системные (надындивидуальные) механизмы формирования и воспроизводства доверия/недоверия населения к системе здравоохранения в России. В полипарадигмальности и мультидисциплинарности заключается главное преимущество социологической параметризации данного феномена перед другими общественными науками.

Для социологического познания одинаково важны процессы как на микроуровне, так и на макроуровне, но личное доверие отдельного человека не может быть предметом социологического познания. Если макросоциологические обобщения обращены к анализу доверия в качестве индикатора поддержки здравоохранения как социальной системы, то микросоциологические описания больше нацелены на поиск взаимосвязей между доверием и поведенческими практиками потребителей медицинской помощи. В этом выражается, как отмечают Н.Н. Камынина, К.О. Короткова и Ю.Н. Скулкина, двойственный характер исследований доверия в сфере здравоохранения [1, с. 91].

Социальное доверие к институту здравоохранения не является средним арифметическим доверия множества потребителей медицинской помощи, хотя обычно так оно и «измеряется» на практике. К тому же в пандемию COVID-19 возросла значимость обратного доверия различных агентов по отношению к населению, например степень доверия власти и медицинских специалистов пациентам [2, с. 530]. Отсюда такие признаки социального доверия в здравоохранении, как асимметричность, транзитивность и возвратность [3]. Иными словами, доверие между двумя сторонами не зеркально. Например, пациент доверяет врачу, а врач – нет, или наоборот. Может наблюдаться эффект транзитивности, когда происходит перенос доверия. Допустим, если пациент доверяет условному врачу X, который доверяет своему коллеге врачу Y, то, вероятно, пациент будет доверять врачу Y, даже не имея опыта взаимодействия с ним. Возвратность доверия заключается в том, что оно является в какой-то степени феноменом психологической проекции отношения к себе на отношение к другим акторам здравоохранения. Но если действует механизм проекции, то не исключен и механизм интроекции, при котором доверие других бессознательно активизирует доверие потребителя медицинской помощи к себе. Этот пример иллюстрирует шаблонность подавляющего числа исследований институционального доверия/недоверия. Социологи спрашивают респондентов о доверии к каким угодно агентам и институтам, кроме доверия себе, своему опыту, знаниям, интуиции и уже совершенным выборам.

Подходом, сужающим практический потенциал социологических исследований доверия/недоверия, является концентрация только на здравоохранении в целом либо на его интегральной подсистеме медицинского обеспечения (поликлиниках, больницах, лечебно-реабилитационных центрах и пр.). Решение проблем повышения социального доверия общества к системе здравоохранения принято связывать с позитивными изменениями в сфере оказания медицинской помощи, а именно материально-техническим, кадровым, технологическим оснащением отрасли [4, с. 127]. Однако здравоохранение – это система многосторонних взаимосвязей между целым рядом таких агентов, как медицинские научно-исследовательские институты, фармацевтические корпорации, аптечные сети, производители медицинского оборудования, создатели медицинской рекламы, медицинские лаборатории, медицинские вузы, страховые медицинские организации, федеральный и территориальные фонды обязательного медицинского страхования, органы власти (федеральное и региональные правительства, министерства здравоохранения, законодательные комитеты). Именно в пандемию обнажились интересы этих игроков – интересы, подчас конфликтующие и даже взаимоисключающие друг друга [5].

Таким образом, социальное доверие общества к здравоохранению едва ли существует автономно. Значимую роль играет перекрестный уровень доверия к другим базовым институтам: государству, праву, образованию, экономике, СМИ. При этом воспринимаемое доверие к социальным институтам еще не гарантирует надежности этих институтов [6, с. 18]. Поскольку институт здравоохранения не имеет прямой коммуникации с обществом на макроуровне, социальное доверие к нему – нечто большее

или, скажем, принципиально иное, чем интегральное доверие социально-территориальных общностей к медицинским работникам, с которыми им приходится взаимодействовать в своей повседневности. П.С. Быстрянцев, описывая механизм формирования институционального доверия, рассуждает об обезличивании множества индивидуальных практик. Персональное доверие пациентов медицинских организаций не исчезает в течение времени, но многократно и постоянно накладываясь друг на друга, конституирует обобщенную реакцию на динамику процессов в социальной среде здравоохранения [7, с. 122].

Т.В. Мышляева, анализируя структуру феномена доверия, выделяет четыре интегральных уровня: базовый, личностный, социальный и культурный. По мнению исследователя, доверие целесообразно рассматривать как циклический процесс, развивающийся преимущественно по спирали, начиная от доверия к себе и окружающему миру (базовое доверие), заканчивая генерализованной культурой доверия, оказывающей влияние на социальный и личностный уровни, где доверие выступает ресурсом межгрупповых и межличностных взаимодействий [8]. Данная теоретическая модель вполне подходит для социологических исследований в сфере здравоохранения, потому что, во-первых, интегрирует объективистскую и субъективистскую методологические проекции, во-вторых, учитывает системообразующую роль культурного контекста (в нашем случае – культуры здоровья/болезни в обществе), в-третьих, позволяет рассматривать доверие в качестве динамического сетевого (социального) капитала, которым пользуются акторы на микроуровне (на уровне взаимодействий «врач – пациент», «семья пациента – медицинская организация»).

Влияние группового социального капитала на индивидуальное здоровье С.Ю. Елисеева изображает посредством следующего механизма: создание психосоциальной среды; использование ресурсов группы для решения вопросов здоровья; деятельность группы, направленная на создание пространства и практик, оказывающих влияние на индивидуальное здоровье; контроль и регулирование поведения членов группы в отношении своего здоровья; предоставление социально-экономического статуса для получения ресурсов для индивидуального здоровья [9, с. 138].

Социальный потенциал группового доверия может быть как конструктивным, так и деструктивным вопреки расхожему мнению (как в научном, так и в публичном дискурсе) о безоговорочно положительной роли доверия и отрицательных для института здравоохранения последствиях его дихотомической пары – недоверия. Да и дихотомия доверия/недоверия очень условна, скорее эти термины комплементарны, образуя некую надындивидуальную целостность. Доверие и недоверие – ключевые аксиологические компоненты моделей социальной адаптации различных агентов института здравоохранения. Задача социологии состоит не в навешивании оценочных лейблов, вроде «доверие – благо, недоверие – зло», а во взвешивании социальных эффектов и функциональных последствий настроений, ожиданий, установок, представлений, поведенческих паттернов в сфере общественного здравоохранения.

Синтезируя научные идеи наиболее цитируемых классиков современной социологической теории доверия (Э. Гидденса, Н. Лумана, А. Селигмена, Ф. Фукуямы, П. Штомпки) [10–15], можно выделить следующие атрибутивные признаки и структурные компоненты социального доверия к системе здравоохранения: 1) обязательное присутствие риска и ролевой неопределенности, какой бы ни была стратегия и тактика медицинской активности человека; 2) детерминированность социализирующим влиянием различных социальных институтов и коллективным историческим (культурным) прошлым системы здравоохранения; 3) гибкость корреляции между институциональной уверенностью в системе здравоохранения и личным доверием к конкретному медицинскому специалисту [16, с. 7]; 4) выраженная эмоциональная окраска отношения общества к медицине и здравоохранению; 5) наличие деятельности (активности) потребителя медицинской помощи как условия конструирования межличностного и институционального доверия, выполняющего функцию социальной адаптации к изменениям и рискам (неопределенности) в сфере здравоохранения.

Результаты и их обсуждение

Еще несколько лет назад, до пандемии (COVID-19), российские социологи медицины и здравоохранения предупреждали о риске бесконтрольной имплементации рыночных принципов в здравоохранение, предполагающей абсолютизацию личной ответственности населения за здоровье и благополучие [17, с. 115]. На наш взгляд, пусть и достаточно пессимистичный, с завершением пандемии новой коронавирусной инфекции системные проблемы в организации и финансировании здравоохранения в различных регионах России никуда не денутся, а только усилятся. Проблема состоит не только в социальной дифференциации доступа населе-

ния (прежде всего социально уязвимых групп) к эффективной медицинской помощи [18, 19], а в увеличивающейся социальной напряженности между врачами и пациентами, неудовлетворенности медицинских работников системой оплаты труда, глобальным трансформационным кризисом культуры общественного здоровья [20, с. 177].

К тому же в пандемию существенно обострилась проблема лекарственной безопасности страны, но, как полагает Е.В. Фадеева, уже «не столько ввиду санкционной политики, сколько из-за приостановки ряда иностранных производств и ограничения экспорта отдельных фармсубстанций и препаратов на их основе на время коронавирусных ограничений» [21, с. 140]. Так, всероссийский телефонный опрос Фонда «Общественное мнение» (*N*=1000 чел. в возрасте от 18 лет, проведен 13–15 ноября 2020 г.) показал, что 34% опрошенных лично сталкивались с отсутствием лекарств, которые они раньше (до пандемии) покупали без проблем. С существенным ростом цен на привычные препараты столкнулись за последние полгода до исследования 59% респондентов [22].

Социальное недоверие российских потребителей медицинской помощи формируется под воздействием факторов институционального уровня (организационные барьеры, информационная псевдопрозрачность здравоохранения, иллюзия потребительского выбора и конкуренции медицинских организаций) и индивидуальных характеристик потребителей (образованность и информационная культура, социальный статус, доходы, стиль жизни). Институциональное недоверие может стать причиной ухода людей от взаимодействия с провайдерами медицинской помощи даже в случае существенного недомогания или дискомфорта, а также – обращения к альтернативным практикам самосохранительной активности, прежде всего к самолечению [23, с. 25–26].

Согласно результатам регионального социологического обследования на Юге России, проведенного автором незадолго до пандемии по гранту Президента РФ «Социальная сущность и механизмы дифференциации потребления медицинской помощи в российском обществе» в 2019 г. (*N*=853 чел., анкетный опрос жителей Ростовской области, Краснодарского края, Республики Крым, Адыгеи, Астраханской и Волгоградской областей, Ставропольского края; способ отбора респондентов – квотная целевая выборка), две трети опрошенных (66.9%) не имели в то время постоянного (семейного) врача в поликлинике по месту жительства. Каждый второй респондент (53.6%) прибегал к самостоятельному лечению без профессионального медицинского сопровождения. Ведущими мотивами подобной практики были: длительное время ожидания приема врача (32.7%), недостаток личного времени для посещения медицинской организации (17.7%), страх (10.4%), недоверие (10.4%), отсутствие индивидуального подхода, внимания, заинтересованности (9.6%). Нельзя не сказать о 43.6% респондентов, которым в течение года до опроса приходилось отказываться от услуг здравоохранения (исключая покупку лекарств) из-за финансовой невозможности их оплаты [24].

Хотя уровень обобщенного доверия к медицинским организациям, в которые потребителям приходилось обращаться постоянно или время от времени, был, скорее, выше среднего: 15.1% – вполне доверяли, 52.1% – по большей части доверяли, 29.2% – очень мало доверяли, 3.6% – не доверяли совсем [25]. Только здесь нужно учитывать социальную дифференцированность этого доверия. Оно было сравнительно выше, во-первых, среди людей 18–45 лет с отличной и хорошей самооценкой здоровья, без подтвержденных хронических заболеваний, во-вторых, в подгруппе имевших постоянного врача, в-третьих, в социальных группах с доходами от 45 тыс. руб. в месяц.

В период пандемии Фонд «Общественное мнение» оценил доверие населения к врачам больниц и поликлиник в 56% (всероссийский телефонный опрос, *N*=1000 чел. в возрасте от 18 лет, проведен 4–6 сентября 2020 г.). Вместе с тем 33% участников опроса уровень квалификации российских врачей определили как высокий, а 42% – как низкий [26]. Результаты инициативного всероссийского телефонного опроса «ВЦИОМ-Спутник» (*N*=1600 чел. в возрасте от 18 лет, проведен 8 ноября 2021 г.) фиксируют следующее распределение мнений об эффективности системы здравоохранения в период пандемии: 46% опрошенных считают, что система здравоохранения справляется с высокой нагрузкой в условиях пандемии коронавируса, а 49% отметили, что не справляется. При этом у половины респондентов (51%) за время пандемии не изменилось отношение к представителям медицинских профессий (независимо от того, работают они с коронавирусными пациентами или нет), у четверти опрошенных (25%) отношение улучшилось, у 18% – ухудшилось [27].

Если исходить из положений субъективистской социологической проекции, для обеспечения доверия первый шаг должны сделать провайдеры медицинских услуг, а институциональные, системные преобразования здравоохранения тоже важны, но они все-таки вторичны [28, с. 189].

Л.Н. Каращук считает, что доверие зависит прежде всего от коммуникативной компетентности медицинских специалистов и напрямую влияет на такой индикатор, как комплаентность – приверженность пациента лечению, следование рекомендациям и назначениям врача [29, с. 22]. На взгляд зарубежных авторов, на комплаентность влияют личные характеристики врачей (страна, место обучения, стаж, пол, внешний вид), их практические знания и клинические навыки, особенности эмоционального и коммуникативного взаимодействия с пациентом, а также финансовый, информационный и социальный факторы (рекомендации членов семьи, друзей и знакомых, репутация врача среди коллег и пациентов, отзывы в средствах массовой коммуникации) [30; 31].

По данным глубинных интервью с работниками медицинских организаций Ростовской области (*N*=40 чел., врачи и средний медперсонал), реализованных с участием автора в 2020–2021 гг. в рамках проекта РФФИ «Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества в сложной эпидемиологической ситуации», было выяснено, что многие специалисты обеспокоены не столько низким уровнем оплаты труда и неудовлетворительными условиями деятельности (судя по ряду интервью сложилось впечатление, что с этим медицинские работники уже как бы смирились), сколько неоднозначным отношением регионального социума, пациентов и чиновников от здравоохранения. Как минимум каждый третий респондент говорил о большом эмоциональном давлении, неуважении и необоснованной социальной критике со стороны общества и подрыве престижа медицинской профессии в целом. Добавим к этому тотальную нехватку сотрудников (особенно среднего медперсонала и санитаров), ужесточение проверок и надзорных мероприятий, увеличение нагрузки и длительности трудового дня без дополнительной оплаты в пандемию.

Впрочем, несмотря на имеющиеся проблемы, связанные отнюдь не с COVID-19, а лишь обострившиеся с ее экспансией, врачи, фельдшеры, медсестры/медбратья, в особенности занятые в «красной зоне» (специализированных ковид-госпиталях, отделениях и бригадах скорой медпомощи), продемонстрировали не только свою функциональность и адаптивность к изменениям, но и умеренно позитивный настрой без выраженных признаков тревоги, беспокойства, неустроенности и подавленности [32, с. 135]. Противоковидное движение стало отчасти фактором консолидации профессионального медицинского сообщества [33], для многих медицинских работников – способом профессионального становления и развития [34; 35], каналом восходящей социальной мобильности, возможностью улучшить финансовое положение [36]. Однако идейный раскол между различными агентами института здравоохранения, и что самое значимое – расслоение внутри этих групп по различным критериям, в последние два года только интенсифицируется.

Социологический телефонный опрос Фонда «Общественное мнение» (*N*=1500 чел. в возрасте от 18 лет, проведен 17–19 декабря 2021 г.) демонстрирует достаточно сдержанные ожидания жителей страны по поводу изменений в системе здравоохранения после пандемии: «26% респондентов полагают, что после пандемии российское здравоохранение будет работать лучше, чем до ее начала, 16% – что хуже, 49% изменений не ждут. 14% опрошенных уверены: вырастет доверие врачам; 21% респондентов думают, что оно снизится, 52% – что ничего не изменится» [37].

Социальное недоверие к отдельным лечебным, профилактическим, диагностическим функциям здравоохранения, в частности к массовой вакцинации, тесно переплетается с социальным и политическим протестом [38, с. 43]. Данные сравнительно недавнего инициативного всероссийского телефонного опроса ВЦИОМ (*N*=1600 чел. в возрасте от 18 лет, проведен 14 ноября 2021 г.) свидетельствуют о разной степени готовности людей к привитию российской вакциной от коронавируса: треть опрошенных россиян (35%) уже сделали прививку, 16% – точно стали бы делать такую прививку себе, 15% – скорее стали бы делать такую прививку себе, 12% – скорее не стали бы делать такую прививку себе, 18% – точно не стали бы делать такую прививку себе, 4% – затруднились ответить [39].

В то же время различные социологические исследования национального и регионального охвата свидетельствуют, что на фоне снижения доверия к отдельным институтам (науке, образованию, здравоохранению, СМИ) наблюдается стабильно положительное отношение и даже умеренный рост лояльности населения к политической системе и властным структурам [40; 41]. Н.В. Горошко, Е.К. Емельянова и С.В. Пацала даже выявили положительную корреляцию социального доверия правительству с приверженностью вакцинации, в том числе по рекомендации работодателя [42]. Позитивный ли для общественного здоровья это момент или негативный – пусть разбираются вирусологи, инфекционисты, эпидемиологи и другие эксперты, но факт остается фактом – никогда доверие/недоверие к институту здравоохранения

еще не было настолько политизировано, как в период пандемии COVID-19. В российской научной периодике пока малоизученной, но достаточно актуальной за рубежом становится проблема вакцинного туризма [43]. Правда, здесь надо смотреть на сами причины вакцинации населения как внутри своей страны, так и за ее пределами: связано ли это со стремлением обеспечить лучшую защиту здоровья, с отсутствием нужной вакцины либо с желанием обрести возможность беспрепятственной межтерриториальной мобильности и получить доступ к социокультурным благам.

Заключение

Поскольку резерв институционального доверия населения зависит от глубины и качества социального диалога между различными агентами (полномочными представителями государства, пациентами и потенциальными потребителями, медицинскими работниками, страховыми медицинскими организациями, СМИ, системой образования, фармацевтическим бизнес-сообществом, рекламодателями и пр.), социологическое познание должно быть направлено на решение проблемы коммуникативного взаимодействия системы здравоохранения и общества в современной России. В этом заключается управленческая и идеологическая функции социологической науки, но это отдаленная перспектива. Сначала нужно понимать – с точки зрения ключевых вопросов методологии мышления – что, как и зачем мы исследуем, каковы возможные заблуждения и когнитивные иллюзии сложившихся социологических традиций в изучении социального доверия/недоверия.

Доверие – индивидуальная и в то же время социально детерминированная система представлений, ценностей, установок, ожиданий по поводу доступности и качества медицинских услуг профессионального сектора здравоохранения. Никто из нас не самостоятелен в своих суждениях, выводах и поступках, так как мы действуем (либо бездействуем) с «задержкой», когда решение уже сгенерировано, но мы еще сами не осознали своего выбора. При этом поведение, даже нерефлексивное, само по себе создает новые смыслы и колеи для дальнейшего принятия решений относительно своего здоровья и стратегии медицинской активности, потому что мы зависим от реакций других людей, институциональной среды и внешних условий.

Пандемия – скорее повод, стимулирующий приток свежего интереса к перманентному кризису российского здравоохранения. Новая коронавирусная инфекция рано или поздно перестанет считаться новой, но когда в следующий раз вспомнят о несовершенствах системы оказания медицинской помощи, доверии ее потребителей, социальном самочувствии медицинских работников, возможном решении закостенелых проблем на таком уровне осознанности, как сейчас? В социологическом исследовании нуждается не столько сама пандемия COVID-19 и ее последствия для общества, сколько сценарии и перспективы функционирования общественного здравоохранения в посткоронавирусный период, вне контекста повышенной эпидемиологической угрозы, ибо вынужденная концентрация ресурсов системы только на одной «опции» больше всего деморализует российское общество, подрывая доверие и желание с этой системой взаимодействовать без крайней необходимости.

Список литературы

1. Камынина Н.Н., Короткова К.О., Скулкина Ю.Н. Обзор исследований доверия к системе здравоохранения // Здоровье мегаполиса. 2020. Т. 1. № 1. С. 87–95.

2. Богдан И.В., Чистякова Д.П., Праведников А.В. Проблематика доверия в социологии медицины // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 526–533.

3. Jabeen F., Hamid Z., Akhunzada A., Abdul W., Ghouzali S. Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues // IEEE Access. 2018. № 6. P. 17246–17263.

4. Саблуков А.В., Никулина И.И. Доверие российской системе здравоохранения: методология и опыт прикладных исследований // Социальная политика и социология. 2018. Т. 17. № 4 (129). С. 118–129.

5. Вялых Н.А. Социальное неравенство и конфликты в российском здравоохранении. Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2020. 148 с.

6. Lee S. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust // Research on Aging. 2022. № 44 (1). P. 10–21.

7. Быстрянцев П.С. Методология исследования и оценки институционального доверия в социальных институтах и управлении // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 2 (110). С. 119–122.

8. Мышляева Т.В. Доверие в современном обществе: подходы к анализу // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1 (5). С. 301–307.

9. Елисеева С.Ю. Групповой социальный капитал и индивидуальное здоровье: обзор зарубежных исследований // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2021. № 3 (63). С. 133–141.

10. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. 352 с.

11. Luhman N. Trust and power. Chichester: Wiley, 2017. 224 p.

12. Luhmann N. Familiarity, confidence, trust: problems and alternatives // Trust: Making and Breaking Cooperative Relations / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 94–107.

13. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. 200 с.

14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.

15. Sztompka P. Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge University press, 1999. 214 p.

16. Алексеева А.Ю. Уверенность, социальное и межличностное доверие: критерии различения // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 4–20.

17. Трушина В.А. Социальные ожидания в сфере здравоохранения и доверие к государственным институтам: факторы сопряженности // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 3 (34). С. 114–116.

18. Кислицына О.А. Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность россиян системой здравоохранения [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2020. Т. 66. № 2. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1152/30/lang,ru/ (дата обращения: 16.01.2022).

19. Hooper M.W., Mitchell C., Marshall V.J. et al. Understanding multilevel factors related to urban community trust in healthcare and research [Электронный ресурс] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (18). URL: https://www.mdpi.com/1660-4601/16/18/3280/htm (дата обращения: 29.01.2022).

20. Чирикова А.Е., Шишкин С.В. Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменений // Мир России: Социология, этнология. 2014. Т. 23. № 2. С. 154–182.

21. Фадеева Е.В. Лекарственная безопасность страны: уроки пандемии // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 140–146.

22. Доступность лекарств. Аналитический обзор Фонда «Общественное мнение» от 16 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14518 (дата обращения: 30.01.2022).

23. Вялых Н.А. Институциональное недоверие в системе факторов самолечения в современном российском обществе: социологический взгляд // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (186). С. 24–28.

24. Вялых Н.А. Социальные представления о модели здравоохранения в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 157–173.

25. Вялых Н.А. Социальные факторы дифференциации моделей потребления медицинской помощи (на материалах социологического обследования на Юге России) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 16–24.

26. Престиж профессии врача. Аналитический обзор Фонда «Общественное мнение» от 26 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14462 (дата обращения: 30.01.2022).

27. Российское здравоохранение: мнения и тренды. Аналитический обзор ВЦИОМ от 23 ноября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskoe-zdravookhranenie-mnenija-i-trendy (дата обращения: 29.01.2022).

28. Hossain F. Moral distress among healthcare providers and mistrust among patients during COVID-19 in Bangladesh // Developing World Bioethics. 2021. № 21 (4). P. 187–192.

29. Каращук Л.Н. Проблематика доверия во взаимоотношениях врач–пациент // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2020. Т. 8. № 1 (28). С. 17–24.

30. Shaya B., Al Homsi N., Eid K. et al. Factors associated with the public's trust in physicians in the context of the Lebanese healthcare system: a qualitative study [Электронный ресурс] // BMC Health Services Research. 2019. № 19 (1). URL: https://bmchealthservres.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12913-019-4354-0 (дата обращения: 17.01.2022).

31. Hong H.C., Lee H., Collins E.G. et al. Factors affecting trust in healthcare among middle-aged to older Korean American women [Электронный ресурс] // BMC Women's Health. 2018. № 18 (1). URL: https://bmcwomenshealth.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12905-018-0609-x (дата обращения: 18.01.2022).

32. Вялых Н.А. Социальное самочувствие профессионального медицинского сообщества Ростовской области в период пандемии COVID-19 (на материалах глубинных интервью) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 127–140.

33. Нор-Аревян О.А. Консолидация профессионального медицинского сообщества в условиях пандемии коронавируса (на материалах глубинных интервью в Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2021. № 3 (49). С. 77–89.

34. Посухова О.Ю. Институциональные условия профессионального развития медицинских работников (по материалам социологического исследования в период борьбы с COVID-19) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 6. С. 41–50.

35. Черевкова А.И. Профессиональное становление медиков в условиях пандемии коронавируса (по материалам глубинных интервью) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 3. С. 95–101.

36. Мосиенко О.С. Удовлетворенность медицинского сообщества мерами государственной поддержки в сложной эпидемиологической ситуации (на материалах глубинных интервью медиков Ростовской области) // Гуманитарий Юга России. 2021. № 3 (49). С. 64–76.

37. Жизнь после пандемии: ожидания и прогнозы. Аналитический обзор Фонда «Общественное мнение» от 13 января 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14676 (дата обращения: 30.01.2022).

38. Мухарямова Л.М., Заляев А.Р., Шаммазова Е.Ю. COVID-19: Политические вызовы для общественного здравоохранения // Казанский медицинский журнал. 2021. Т. 102. № 1. С. 39–46.

39. Отношение россиян к вакцинации: мониторинг. Аналитический обзор ВЦИОМ от 18 ноября

2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otnoshenie-rossijan-k-vakcinacii-monitoring (дата обращения: 29.01.2022).

40. Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Кремер П. Доверие в системе базовых ценностей России и Германии: последствия пандемии // Проблемы национальной стратегии. 2021. Т. 64. № 1. С. 97–118.

41. Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2 (26). С. 58–71.

42. Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Проблема ковид-антивакцинаторства: Россия на мировом фоне [Электронный ресурс] // Социальные аспекты здоровья населения. 2021. Т. 67. № 4. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1282/30/lang,ru/ (дата обращения: 29.01.2022).

43. Kaewkitipong L., Chen C., Ractham P. Examining factors influencing COVID-19 vaccine tourism for international tourists [Электронный ресурс] // Sustainability (Switzerland). 2021. № 13 (22). URL: https://www.mdpi.com/2071-1050/13/22/12867 (дата обращения: 31.01.2022).

RUSSIAN SOCIETY'S SOCIAL TRUST TOWARD THE HEALTHCARE SYSTEM DURING THE COVID-19 PANDEMIC: NEW MEANINGS AND THEORETICAL FOUNDATIONS

N.A. Vyalykh

Institute of Sociology and Regional Studies at Southern Federal University, Rostov-on-Don

The article reveals theoretical and methodological backgrounds of the sociological study of healthcare system as a space for the construction and reproduction of social trust/distrust in Russian society. The cognitive limitation of the modern concepts is connected with the reduction of social trust to unambiguously positive healthcare image and accessibility of its individual functions in the minds of medical care consumers, although it should rather be about the result of influence of the social situation, culture as well as individual traits, social values, attitudes and self-preservation behavioral patterns. It is expedient to include the following in the structure of criteria for assessing social trust in healthcare system during the COVID-19 pandemic: the attitude of medical care consumers to physicians and medical organizations; level of satisfaction with their health status and needs; typical self-preservation practices; coherence of different agents' interests; emotional mood, fears, and expectations from medical interventions (including vaccination); macro-level sociopsychological context, health policy vector and public health culture. The author comes to conclusion that sociological toolkit will allow identifying scenarios and perspectives for harmonization of Russian society relation to the healthcare system in the post-coronavirus period.

Keywords: social trust, distrust, COVID-19 pandemic, Russian society, healthcare system, agents, medical care accessibility, sociological studies.

УДК 316.4, 314.44
DOI 10.52452/18115942_2022_2_112

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В РОССИИ

© 2022 г.

О.Н. Калачикова, Л.Н. Нацун

Калачикова Ольга Николаевна, к.э.н.; заместитель директора, заведующий отделом
Вологодского научного центра Российской академии наук
onk82@yandex.ru
Нацун Лейла Натиговна, научный сотрудник
Вологодского научного центра Российской академии наук
leyla.natsun@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 22.03.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Демографическое старение – необратимый процесс, затрагивающий все сферы экономического и социокультурного развития. Его масштабы и последствия определяют необходимость разработки таких концептуальных основ социальной и демографической политики, которые позволят минимизировать сопутствующие социальные и экономические риски и активизировать потенциал старшего поколения. Цель настоящего исследования – обозначить принципы реализации концепции активного долголетия в российских условиях.

В работе обоснована необходимость учета не только биологических, но и социальных факторов долголетия. На данных социологического опроса показано, что в представлениях населения граница «старости» наступает в 60 лет, а «молодость» завершается в 40 лет. При этом медианная желаемая продолжительность жизни составляет 85 лет. Мотивы долголетия связаны преимущественно с семейной сферой (общение с близкими, желание помочь детям, увидеть внуков и пр.), однако для молодежи характерна более высокая значимость жизни вообще, самореализации в труде, «своем деле». Готовность молодых людей к реализации принципов активного долголетия заметно выше, чем у населения старших возрастных групп, что говорит о важности расширения идей концепции на более ранние возрастные периоды. Предложены ключевые принципы реализации концепции активного долголетия.

Основные результаты и выводы исследования могут представлять интерес для научных сотрудников, специалистов, занятых в сфере государственного социального управления, и могут быть использованы при разработке социальной политики в области активного долголетия.

Ключевые слова: концепция активного долголетия, демографическое старение, социологическое исследование, общественное здоровье, демографическая политика, региональные особенности демографического развития.

Введение

Демографическое старение – необратимый демографический процесс, который оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности стран. Рост доли населения старших возрастов в его структуре влечет целый ряд социально-экономических, демографических последствий, определяя необходимость разработки такой политики, которая позволит, с одной стороны, учесть интересы старших поколений, а с другой – адаптировать в первую очередь экономику и социальную сферу к демографической структуре. Как правило, речь идет о перенастройке социально-экономических отношений с учетом потребностей населения старших возрастов, поиске возможностей расширения использования человеческого потенциала данной группы.

Активное долголетие[1] – концепция, которая была предложена в качестве альтернативы традиционному пониманию старения как процесса угасания биологических функций организма и обусловленной этим утраты индивидами социальных связей, привычных функций и ролей. ВОЗ определила активное долголетие как процесс оптимизации возможностей в плане здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей [1]. Под её влиянием переосмыслению подверглось не только теоретическое понимание процесса старения, но и в целом весь уклад жизни общества. Концепция активного долголетия стала ключевой идеей, вокруг которой была полностью перестроена политика в отношении пожилых, были вновь переосмыслены социальные обязательства государства перед гражданами [2].

Критика предложенной концепции апеллирует к её исходным предпосылкам, которые фактически стирают понятие «старости» как особого состояния человека, нивелируют все преимущества этого жизненного этапа, которые в традиционном представлении обладали не-

оспоримой ценностью. Примерами могут служить критические замечания отечественных исследователей о том, что концепция активного долголетия, «отнимая у людей мечты о спокойной старости», взамен предлагает «активность как самостоятельную ценность», ничего не сообщая о конечной цели этой подмены [3].

Исследователи обращают внимание и на то, что при переносе концепции активного долголетия на почву российской действительности необходима её адаптация к менталитету населения, его шкале ценностей, а также характеристикам образа жизни [3]. В России отмечается низкая приверженность населения практикам здорового образа жизни [4]. Согласно расчётам ожидаемого числа лет активной жизни, проведённым отечественными исследователями, мужчин в возрасте 60 лет ожидает около 1.24 лет, а женщин – 2.61 лет, прожитых с ограничениями активности, предполагающими потребность в постороннем уходе [5].

Встречаются работы, где указывается на финансовую обусловленность интереса государств к концепции активного долголетия. В таком контексте обсуждаются, в частности, проблемы реформирования пенсионных систем развитых стран, в том числе болезненные и непопулярные у населения шаги по повышению возраста выхода на пенсию по старости [6].

На международном уровне содержание понятия «активное долголетие» закреплено в определении ЕС: «*старение человека в состоянии хорошего здоровья, как полноправного члена общества, чувствующего удовлетворенность работой, более независимого в повседневной жизни и вовлеченного в гражданскую жизнь*» [7]. Современная концепция активного долголетия сочетает идеи продуктивного старения с сильным акцентом на качестве жизни, психическом и физическом благополучии [8].

Вопрос о том, насколько соответствуют идеи активного долголетия представлениям российского населения, остаётся актуальным. Его неразрешённость определяет разнообразие прогнозов относительно «приживаемости» инициатив в области активного долголетия в российских реалиях, а следовательно, напрямую связывает общественные настроения с результативностью государственной политики в данной сфере.

Вокруг концепции активного долголетия сейчас сплетается клубок противоречивых интересов государства, бизнеса и общества, поскольку любое изменение в области пенсионного законодательства, социальной поддержки населения, регулирования трудовых отношений приводит к каскаду последствий во всех сферах жизни страны.

Цель настоящей работы – обозначить принципы реализации концепции активного долголетия в российских условиях.

Материалы и методы исследования

Обозначенные проблемы определяют востребованность углублённого изучения особенностей демографического развития страны, представлений российского населения о жизни в старших возрастах, о приемлемости идеи активного долголетия, готовности следовать его принципам в своём образе жизни, а также исследований барьеров и драйверов внедрения концепции активного долголетия и перспектив её реализации в рамках проводимой государственной демографической политики. Перечисленные аспекты стали ключевыми направлениями анализа при реализации научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения», поддержанного РФФИ и БРФФИ.

Информационную базу настоящего исследования составили данные официальной государственной статистики, доклады и публикации международных организаций (ВОЗ, ООН), работы российских и зарубежных авторов, посвящённые проблематике демографического старения и активного долголетия. Эмпирической основой исследования послужили данные социологического опроса населения Вологодской области, проведённого в 2021 г. Данный регион выбран ввиду того, что показатели его демографического развития близки к средним значениям показателей по России. Сбор эмпирических данных осуществлялся методом раздаточного анкетирования. Объём выборочной совокупности составил 1500 респондентов. Территория проведения опроса охватывала города Вологду, Череповец и восемь муниципальных районов области.

Для определения основ активного долголетия проанализированы концептуальные и программные документы, на которые опирается политика стран в сфере народосбережения.

Анализ демографического старения в контексте цели работы сконцентрирован на вопросах продолжительности здоровой жизни. Изучены динамика, гендерные и межстрановые различия показателей ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) и ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ), а также доли населения в возрасте 65 лет и старше, бремени болезней (DALY).

Для выявления представлений населения о старении проанализированы социологические

данные о желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, о возрастных границах «молодости» и «старости», мотивах долголетия и отношении к пожилым людям, их роли в обществе.

Результаты и обсуждение

Демографическое старение в России и странах мира: сходства и различия

Ранее в рамках работы над проектом было показано, что Россия находится в нижней половине рейтинга стран мира по величине показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни (63.4 года), соседствуя с такими странами, как Никарагуа, Ливия, Казахстан, Тринидад и Тобаго. Кроме того, указано на существенную региональную дифференциацию величины данного показателя, а также показателя ожидаемой продолжительности жизни при рождении. На основе соотношения величин этих показателей составлена типология российских регионов, которая демонстрирует, что лишь в двух регионах (Республике Татарстан и Чеченской Республике) наблюдается очень высокая продолжительность жизни (63.6 – 67.2 лет) при минимальном числе лет нездоровья (менее 10 лет), тогда как на остальном пространстве страны это соотношение существенно хуже [9, с. 168–169].

Рассмотрим особенности половозрастной структуры населения Российской Федерации в сравнении с отдельными странами европейского региона. Ранее в рамках реализации научного проекта было проведено детальное сравнение половозрастной структуры населения России и Республики Беларусь. Установлено, что для обеих стран прослеживаются общие закономерности демографического развития: наблюдается старение населения «снизу», «феминизация» старения, сходные половозрастные пирамиды населения с одинаковыми демографическими волнами, нарастание «глубины» старения, при этом заметно растут величины ОПЖ и ОПЗЖ, особенно среди мужского населения. Но присутствуют и существенные различия. За период с 2017 по 2021 г. в Беларуси отмечено сокращение доли детей в составе населения на 3 п.п., тогда как в России – рост на 2 п.п. В России сильнее выражена региональная дифференциация показателей демографического развития, но слабее – гендерный разрыв в ОПЖ, гендерный дисбаланс численности населения начинается в более молодой возрастной группе (35–39 лет), чем в Беларуси (40 – 44 лет) [10]. Выявленные особенности позволяют говорить о том, что в числе приоритетных задач обоих государств при реализации демографической политики находится снижение предотвратимой смертности населения, сокращение потерь лет здоровой жизни в пожилом возрасте (профилактика инвалидности), увеличение коэффициентов рождаемости и укрепление здоровья населения всех возрастов.

Российская Федерация, согласно данным межстрановых сравнений, по величине индекса активного долголетия и его компонентов ближе всего к странам Южной и Восточной Европы. При этом в мире наблюдается неоднозначное воздействие поведенческих, институциональных и инфраструктурных факторов на показатели продолжительности жизни. Так, не всегда распространённость долгожительства связана с широким использованием населением практик активного долголетия. А негативное воздействие глубины старости на социально-демографическое развитие стран может сглаживаться развитием комфортной инфраструктуры, сбалансированной пенсионной системы и стимулирования занятости в старших возрастах [11, с. 7–8].

По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия по величине показателей продолжительности жизни и доли пожилых в составе населения не сильно выделяется на фоне стран Прибалтики, Восточной и Центральной Европы. В 2019 г. в России ожидаемая продолжительность жизни в 60 лет составляла 16.8 года для мужчин и 22.2 года для женщин, что соответствовало величине гендерного разрыва показателей 5.4 года. Наибольший гендерный разрыв величины показателей ОПЖ отмечен в таких странах, как Беларусь (6.5 лет), Литва (5.9 лет) и Латвия (5.8 лет). Доля пожилых в составе российского населения достигала 15.2%, что сопоставимо с уровнем, зарегистрированным в Республике Беларусь в 2018 г., – 15.1%. В европейских странах наблюдались и заметно более высокие значения данного показателя: в Болгарии – 21.2%, в Словении – 20.7%, в Литве – 19.8%. Ожидаемая продолжительность жизни с поправкой на инвалидность (DALY) в России была самой низкой среди рассмотренных стран – 70.5 лет, что указывает на преобладание среди населения смертности в старших возрастных группах и относительно небольшой разрыв между показателями общей и здоровой продолжительности жизни. В 2019 г. разница между продолжительностью здоровой жизни и общей продолжительностью жизни в возрасте 60 лет составила 4.9 года (табл. 1).

Несмотря на то что наблюдается заметный гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни в 60 лет, различия в ожидаемой продолжительности здоровой жизни у женщин и мужчин заметно ниже. В России значения этих показателей в 2019 г. составляли 5.4 года и

Таблица 1

Основные показатели демографического развития некоторых стран европейского региона

Некоторые страны европейского региона	Разрыв ОПЖ и ОПЗЖ в возрасте 60 лет, лет (в 2019 году)[1]			Доля населения старше 65 лет, % / (год)[2]	Бремя болезней (DALY), лет, 2015 год[3]	ОПЖ в 60 лет[1]		
	Оба пола	Мужчины	Женщины			Оба пола	Мужчины	Женщины
Беларусь	4.6	3.7	5.3	15.1 / (2018)	72.3	19.7	16.0	22.5
Болгария	4.6	4.0	5.1	21.2 / (2018)	74.5	19.8	17.4	22
Венгрия	4.9	4.3	5.5	19.6 / (2019)	75.8	20.2	17.7	22.3
Латвия	4.9	4.0	5.6	20.2 / (2018)	74.6	20.5	17.2	23
Литва	5.0	4.2	5.7	19.8 / (2019)	73.6	20.9	17.6	23.5
Молдавия	4.4	3.8	4.9	11.8 / (2018)	77.5	19.0	16.6	20.9
Польша	5.3	4.6	5.8	18.0 / (2018)	72.1	22.1	19.5	24.3
Россия	*4.9*	*4.0*	*5.5*	*15.2 / (2019)*	*70.5*	*19.9*	*16.8*	*22.2*
Румыния	4.6	4.0	5.1	18.4 / (2018)	75.0	20.3	17.8	22.4
Сербия	4.7	4.2	5.1	19.6 / (2017)	75.6	19.6	17.9	21.1
Словакия	5.2	4.7	5.7	14.1 / (2015)	76.7	21.8	19.3	23.9
Словения	6.0	5.4	6.4	20.7 / (2019)	80.8	23.8	21.8	25.6
Украина	4.5	3.7	5.0	16.9 / (2019)	71.3	19.5	16.4	21.7
Хорватия	5.6	4.8	6	19.8 (2017)	78.0	21.8	19.4	23.7
Черногория	4.5	3.9	5.0	13.9 / (2015)	76.1	19.4	17.4	21.3
Чехия	5.8	5.2	6.2	19.8 / (2019)	78.8	22.1	19.9	24
Эстония	5.2	4.5	5.9	19.2 / (2016)	77.6	22.5	19.3	25

[1] Разность значений показателей ОПЖ и ОПЗЖ в определённом возрасте. Рассчитано на основе данных: Life expectancy and healthy life expectancy. Data by country // Global Health Observatory data repository. World Health Organization. URL: https://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en

[2] Источник: Доля населения старше 65 лет // Европейский портал информации здравоохранения. Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_13-0030-of-population-aged-65plus-years/

[3] Показатель DALY для конкретного заболевания или патологического состояния рассчитывается как сумма потерянных лет жизни (ПЛЖ) в результате преждевременной смертности в популяции и потерянных лет жизни в связи с инвалидностью (ПЛЖИ) для людей с патологическим состоянием или его последствиями. Источник: Ожидаемая продолжительность жизни с поправкой на инвалидность // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/hfa_67-1080-disability-adjusted-life-expectancy-world-health-report/

3.9 года соответственно (рис.). Женщины живут в среднем дольше мужчин, но значительная доля этих лет приходится на годы, проведённые в состоянии нездоровья. Учитывая это, можно отметить, что процесс старения, с одной стороны, действительно феминизирован, а с другой стороны, сопровождается накоплением бремени болезней и инвалидности женщин 60 лет и старше.

В целом, анализ показателей продолжительности жизни не выявил существенных препятствий для внедрения идей активного долголетия. Резервы повышения ожидаемой продолжительности жизни в России связаны с сокращением гендерного разрыва и увеличением ожидаемой продолжительности здоровой жизни, которые могут быть достигнуты путем обеспечения здоровьесбережения на протяжении всей жизни людей.

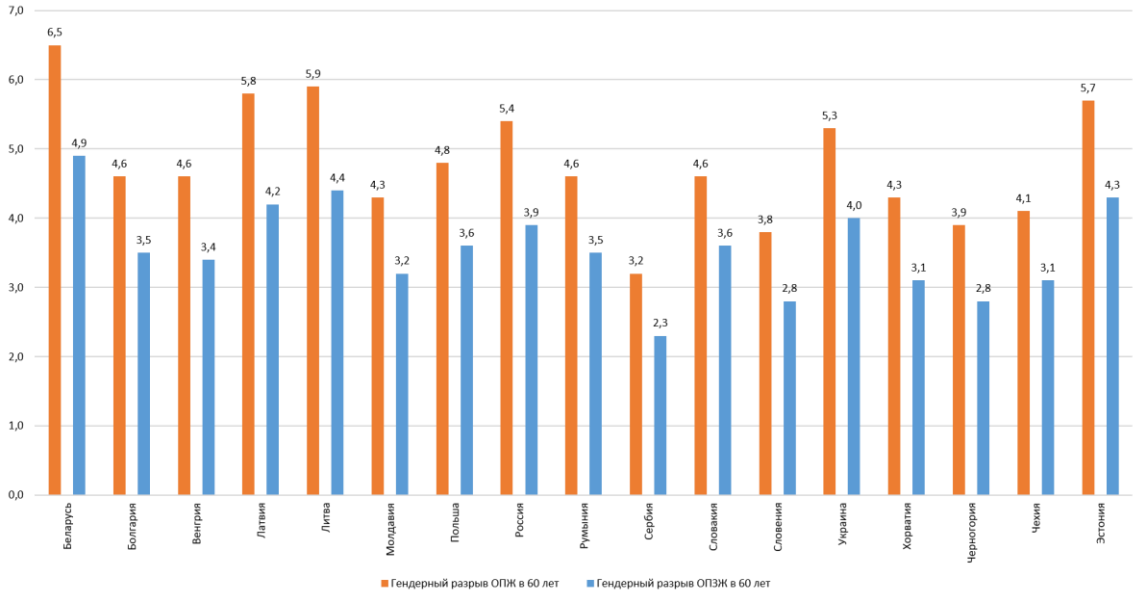

Рис. Гендерный разрыв ОПЖ и ОПЗЖ в возрасте 60 лет в 2019 году.
Рассчитано как разница между значениями показателей для женщин и мужчин в возрасте 60 лет.
Источник: Рассчитано на основе данных Life expectancy and healthy life expectancy.
Data by country // Global Health Observatory data repository. World Health Organization.
URL: https://apps.who.int/gho/data/node.main.688?lang=en

Оценка последствий демографического старения в контексте теорий изменения здоровья населения

Демографическое старение населения приводит к целому ряду эффектов, которые должны учитываться в рамках проводимой государством социально-экономической политики. Исследователи группируют последствия демографического старения в рамках трёх ключевых аспектов: социальный, экономический и демографический. Социальный охватывает трансформации, обусловленные ростом потребности населения в мерах социальной поддержки, увеличением нагрузки на учреждения здравоохранения и социальной защиты. Экономический охватывает изменения, связанные с сокращением численности трудоспособного населения и увеличением его среднего возраста, возрастанием экономической нагрузки на работающее население со стороны незанятых лиц старших возрастов. Демографический аспект включает трансформацию воспроизводства населения – более суженное замещение поколений, сужение базы развития процесса рождаемости, расширение базы процесса смертности [12].

Наибольшие опасения исследователей вызывает влияние демографического старения на экономическое развитие в аспектах обеспеченности трудовыми ресурсами и роста расходов на оплату услуг здравоохранения и долговременного ухода за пожилыми. Отмечается, что увеличение расходов на медицинское обслуживание зависит от того, в каком состоянии здоровья люди будут жить дольше – в хорошем или плохом [13]. Последствия демографического старения по-разному воспринимаются в зависимости от того, на какую теорию изменения здоровья населения опираются исследователи. Существует три основные теории, которые описывают соотношение процессов увеличения ожидаемой продолжительности жизни, изменения структуры ведущих причин заболеваемости, инвалидности и смертности (табл. 2).

Позиция о возможности нивелирования негативных последствий демографического старения эволюционировала от теории сжатия и расширения заболеваемости к теории динамического равновесия. Первые две теории, представленные в таблице 2, исходят из того, что болезни и инвалидность, наступившие в старшем возрасте, уже имеют необратимый характер, а их наступление означает окончание периода здоровой жизни. В действительности, современная медицина располагает методами лечения и реабилитации пациентов, которые могут в значительной мере облегчить симптомы тяжёлых инвалидизирующих патологий и полностью или частично вернуть человеку утраченные вследствие болезни функции [15]. Поэтому третий теоретический подход представляется более реалистичным и позволяет определить в качестве приоритета демографической политики увеличение продолжительности здоровой и активной жизни населения (табл. 2).

Таблица 2

Основные теории изменения здоровья населения [14]

Теория	Основной тезис	Классические работы
Сжатия заболеваемости	Возраст начала первой болезни, инвалидности или другой заболеваемости может быть отсрочен, и если эта задержка превышает увеличение ожидаемой продолжительности жизни, то годы плохого состояния здоровья будут сокращены, сжаты между (более поздним) началом и временем смерти	1) Fries J.F. Aging, natural death, and the compression of morbidity // The New England Journal of Medicine. 1980. Vol. 303. № 3. P. 130–135 2) Fries J.F. The compression of morbidity // Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1983. Vol. 61. № 3. P. 397–419 3) Fries J.F. Measuring and monitoring success in compressing morbidity // Annals of Internal Medicine. 2003. Vol. 139. № 5. Pt 2. P. 455–459
Расширения заболеваемости	Хотя снижение смертности происходит в основном за счет снижения летальности заболеваний, распространенность дегенеративных заболеваний, включая психические заболевания и инвалидность, среди населения резко возрастает	1) Gruenberg E.M. The failures of success // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1977. Vol. 55. P. 3–24 2) Kramer M. The rising pandemic of mental disorders and associated chronic Diseases and Disabilities // Acta Psychiatrica Scandinavia. 1980. Vol. 62. № S285. P. 382–397
Динамического равновесия	Основана на предположении, что смертность и заболеваемость взаимосвязаны. Идея состоит в том, что, замедляя процессы заболевания с самых ранних стадий, достижения в области медицинской помощи и ведения пациентов могут как увеличить ожидаемую продолжительность жизни за счет отсрочки летальных исходов, так и уменьшить тяжесть распространенных болезненных состояний, таких как тяжесть сопутствующей инвалидности при инвалидизирующих заболеваниях	Manton K.G. Changing concepts of morbidity and mortality in the elderly population // The Milbank Memorial Fund Quarterly. Health and Society. 1982. Vol. 60. № 2. P. 183–244

Активное долголетие и здоровое старение в представлениях населения

Сохранение удовлетворительного состояния здоровья в старшем возрасте выступает краеугольным камнем в достижении активного долголетия и решении задачи минимизации бремени болезней и инвалидности на популяционном уровне. В связи с высокой значимостью данного аспекта обратимся к детальному рассмотрению соотношения между отношением населения к вопросам активного долголетия и распространёнными установками относительно желаемой и ожидаемой продолжительности жизни, по данным социологического опроса. Респондентам предлагалось, в числе прочего, отметить, сколько лет они хотели бы прожить при наличии для этого всех благоприятных условий (самооценка желаемой продолжительности жизни; ЖПЖ), а также оценить, сколько лет они реально могут прожить, учитывая все имеющиеся ограничения и факторы риска (самооценка ожидаемой продолжительности жизни; ОПЖ). Респондентам предлагалось ответить, в каком возрасте, по их мнению, у россиян наступает старость. На основании полученных данных нами для всех ответивших были вычислены значения показателей желаемой и ожидаемой продолжительности старости (разница между ЖПЖ или ОПЖ и возрастом начала старости), а также желаемой и ожидаемой продолжительности дожития (разница между ЖПЖ или ОПЖ и возрастом респондента в момент опроса). Распределение медианных значений перечисленных показателей представлено в таблице 3 в разрезе половозрастных групп респондентов.

С учётом некоторых допущений, обусловленных использованием медианных значений, проведённый анализ позволяет сделать ряд обобщений. Во-первых, *среди мужчин в возрасте 60 лет и старше зафиксировано наиболее высокое среди всех групп респондентов значение желаемой продолжительности жизни – 90 лет*. Это заметно выше медианного значения по опросу, которое составило 85 лет. При этом среди молодых мужчин наблюдается самое низкое медианное значение желаемой продолжительности жизни – 83 года. Медианные значения ожидаемой продолжительности жизни среди всех возрастных групп женщин и старшей возрастной группы мужчин составили 80 лет. Среди мужчин среднего и молодого возраста этот показатель составил 75 лет. Приведённое распределение медианных значений рассматриваемых величин указывает, что мужчинам, в

Таблица 3.

Распределение медианных значений показателей желаемой и ожидаемой продолжительности жизни и их производных (по данным соцопроса)

Половозрастные группы	ЖПЖ, лет	ОПЖ, лет	Желаемая продолжительность старости, лет	Ожидаемая продолжительность старости, лет	Желаемая продолжительность дожития, лет	Ожидаемая продолжительность дожития, лет	Возраст окончания молодости, лет	Возраст начала старости, лет
Мужчины до 29 лет	83	75	20	15	61	52	40	60
Мужчины 30–59 лет	85	75	22	12	41	33	40	60
Мужчины 60 лет и старше	90	80	21	15	21	14	40	65
Женщины до 29 лет	85	80	25	20	61	54	38	60
Женщины 30–54 лет	86	80	20	12	43	36	40	60
Женщины 55 лет и старше	85	80	20	16	23	17	40	60
Все респонденты	85	80	21	15	37	30	40	60

отличие от женщин, свойственна переоценка перспектив дожития по достижении пенсионного возраста. Во-вторых, психологическая значимость для мужчин достижения пенсионного возраста подтверждается и ответами респондентов о возрасте наступления старости у среднестатистического россиянина. Так, если во всех остальных группах респондентов медианное значение данного показателя составило 60 лет, то мужчины, которые уже перешагнули рубеж 60 лет, сместили возраст начала старости на отметку 65 лет. Это, в целом, указывает на то, что *нормативно установленный пенсионный возраст выступает фактором психологического воздействия на глубинные установки мужского населения в отношении долголетия*. В-третьих, интересная закономерность прослеживается относительно готовности респондентов прожить длительный период жизни в состоянии старости. Рассчитанные нами показатели желаемой и ожидаемой продолжительности старости демонстрируют, что *наибольшей психологической лояльностью к этому периоду жизни обладают молодые женщины*. Они определяют 60-летний рубеж как начало старости и при наличии всех благоприятных условий готовы прожить в этом состоянии 25 лет, а с учётом реальных обстоятельств ожидают, что его продолжительность может составить 20 лет. В остальных половозрастных группах респондентов эти показатели заметно ниже. Интересно и то, что именно в этой группе сложилось наименьшее медианное значение возраста окончания молодости – 38 лет, тогда как в остальных группах респондентов эта планка установилась на отметке 40 лет. Это указывает, что молодые женщины считают зрелостью более длительный период жизни. Можно ожидать, что психологическое восприятие возрастных границ основных периодов жизни и её общей продолжительности, свойственное отдельным половозрастным группам населения, отразится и на разделяемые ими образы старости, мотивы активного долголетия. Соответствующие особенности могут представлять несомненный интерес при определении направлений и содержательного наполнения концепции активного долголетия. Рассмотрим эти аспекты более детально.

Респонденты в целом присваивали наиболее высокую субъективную значимость следующим мотивам долголетия: желание общаться с внуками, правнуками, нежелание расставаться со своими родными и близкими, стремление увидеть успехи детей. Наименее значимым мотивом долголетия оказалось стремление продолжить трудовую деятельность. Самые низкие

Таблица 4

Распределение средних балльных оценок значимости мотивов долголетия (по данным соцопроса)

Мотивы долголетия*	Мужчины			Женщины			Все респон-денты
	до 29 лет	30–59 лет	60 лет и старше	до 29 лет	30–54 лет	55 лет и старше	
1	2	3	4	5	6	7	8
Общаться с внуками, правнуками	4.26	**4.26**	4.37	4.26	**4.48**	**4.54**	**4.39**
Не хочется расставаться со своими родными и близкими	4.15	4.22	**4.38**	4.32	4.46	4.53	4.37
Увидеть, каких успехов добьются мои дети	4.25	4.22	4.19	4.37	4.47	4.46	4.35
Хочу как можно дольше наслаждаться жизнью	**4.38**	**4.26**	4.16	**4.42**	4.40	4.25	4.30
Помогать своим детям, внукам	4.21	4.17	4.21	4.20	4.37	4.43	4.29
Интересно увидеть, как изменится мир в будущем	4.23	4.23	3.93	4.20	4.26	4.12	4.18
Боюсь умирать	3.56	3.45	3.4	3.69	3.68	3.47	3.53
Хочу успеть реализовать дело всей моей жизни	3.83	3.57	2.94	3.88	3.45	3.26	3.44
Хочу воспользоваться положенными с возрастом льготами	3.37	3.32	3.28	3.33	3.17	3.27	3.27
Не хочу терять свои накопления	3.49	3.27	3.06	3.47	3.21	3.16	3.24
Продолжать трудиться на любимой работе	3.39	3.19	2.89	3.3	3.23	2.94	3.13

* Составлено на основе распределения ответов респондентов на вопрос: «Для чего бы Вы хотели прожить именно столько лет (оцените значимость каждого из перечисленных обстоятельств по 5-балльной шкале: 1 – фактор совсем не значим, а 5 – имеет очень большое значение)?».

** Балльные оценки ранжированы по столбцу № 8.

балльные оценки значимости данного мотива присваивали респонденты старших возрастных групп – мужчины 60 лет и старше и женщины 55 лет и старше. Для молодых мужчин и женщин, по сравнению с более старшими группами респондентов, более высокую значимость имел такой мотив долголетия, как стремление как можно дольше наслаждаться жизнью (табл. 4).

Полученные результаты свидетельствуют, что в представлении населения *долголетие не связано с сохранением трудовых функций, обязательной занятостью, а, скорее, наполняется смыслами заботы о подрастающих поколениях, общения и помощи родным и близким.* То есть ценность долгой жизни воспринимается прежде всего через призму семейных ценностей, а у молодёжи – дополнительно к семейным важную роль играет сама жизнь. Кроме того, молодежь выше оценивает значимость долгой жизни с позиции профессиональной самореализации, причем как в смыслах «дела всей жизни», так и труда «на любимой работе».

Посмотрим, каковы представления населения об участии старшего поколения в общественной и экономической жизни, о содержании понятия «активное долголетие». В целом по опросу наибольшую поддержку получили суждения о старении и пожилых, связанные с их ролью носителей традиций, опыта и знаний, а также с высокой значимостью их поддержки в воспитании подрастающих поколений (табл. 5).

Таблица 5

Распределение средних балльных оценок степени одобрения респондентами суждений о пожилых и долголетии

Суждения о пожилых и о старости*	Мужчины			Женщины			Все респонденты
	до 29 лет	30–59 лет	60 лет и старше	до 29 лет	30–54 лет	55 лет и старше	
1	2	3	4	5	6	7	8
Позитивные / оптимистичные							
1. Старшее поколение – носители ценного опыта, знаний, традиций	3.9	3.84	4.08	3.89	4.04	4.09	3.98
2. Пожилые люди – незаменимые помощники в воспитании младшего поколения	3.95	3.87	3.97	3.93	3.9	4.15	3.97
3. Жизненный опыт пожилых людей помогает им избежать многих ошибок	3.69	3.7	3.71	3.83	3.74	3.92	3.77
4. Активное долголетие – достижение самого человека	3.74	3.68	3.62	3.87	3.79	3.77	3.74
5. Пожилой возраст – много свободного времени, мудрость, стабильность	3.59	3.61	3.69	3.81	3.77	3.85	3.73
6. Долголетие граждан – залог развития государства и общества	3.73	3.56	3.7	3.52	3.81	3.81	3.70
7. Пожилые сотрудники в организации – опора в самых сложных рабочих ситуациях	3.51	3.6	3.7	3.58	3.67	3.77	3.66
8. В пожилом возрасте открывается много новых возможностей для досуга (хобби, общение, поездки и т.д.)	3.71	3.57	3.34	3.65	3.6	3.73	3.61
9. Активное долголетие – заслуга государства и общества	3.21	3.02	3.06	3.05	3.21	3.14	3.11
Нейтральные							
10. Пожилые люди сами требуют заботы и ухода	3.88	3.69	3.65	3.75	3.72	3.83	3.75
11. Чтобы сохранить здоровье и активность в пожилом возрасте, требуется много денег	3.81	3.67	3.62	3.61	3.58	3.61	3.63
12. Активное долголетие не зависит от финансового благосостояния	2.86	3.02	3.02	3.28	3.15	3.28	3.12
Негативные / пессимистичные							
13. Пожилые часто становятся жертвами мошенников	4.07	3.92	3.84	4.04	4.01	4.01	3.98
14. Компании, нанимающие молодых сотрудников, работают эффективнее	3.76	3.54	3.42	3.58	3.46	3.48	3.52
15. Пожилой возраст – бедность, болезни, одиночество	3.27	3.34	3.33	3.28	3.19	3.33	3.29
16. Пожилой возраст ограничивает возможности досуга	3.19	3.33	3.23	3.45	3.25	3.27	3.28
17. Знания старшего поколения не актуальны для будущих поколений	3.26	3.04	3.05	3.16	3.05	2.98	3.05
18. Высокая продолжительность жизни создает нагрузку на государство и общество	3.21	3.01	2.9	3.24	2.93	2.83	2.96

* Составлено на основе распределения ответов респондентов на вопрос: «Насколько Вы согласны с перечисленными утверждениями (отметьте один вариант ответа в каждой строке по шкале от 1 – категорически не согласны до 5 – полностью согласны) ?».

** Балльные оценки ранжированы по столбцу № 8.

В наибольшей мере ассоциируют старший возраст с выполнением роли прародителей пожилые женщины (4.15 балла из 5), что, по всей видимости, может быть обусловлено их собственными жизненными обстоятельствами (табл. 5). Как показывают данные социологических исследований, бабушки, действительно, в значительной мере вовлечены в процесс воспитания внуков [16]. При этом бабушки помогают заметно чаще, чем дедушки. Причём в воспитании внуков чаще принимают участие прародители по линии матери, чем по линии отца [17].

Уровень одобрения пессимистичных суждений о старшем поколении и долголетии варьирует: от низких значений, полученных в отношении суждения о высоких издержках увеличения средней продолжительности жизни для государства и общества, до среднего уровня в отношении тезиса об уязвимости пожилых перед действиями мошенников. Причём с последним

утверждением чаще соглашались женщины всех возрастных групп опрошенных. Молодые респонденты обоих полов легче соглашались и с утверждениями о том, что пожилой возраст ограничивает возможности проведения досуга, что компаниям выгоднее нанимать молодых сотрудников, а знания пожилых теряют актуальность для новых поколений. Негативный взгляд на пожилой возраст как период бедности, болезней и одиночества респонденты разделяли лишь отчасти. Наиболее высокую поддержку данный тезис получил у женщин и мужчин в возрасте 30–59 лет, что, вероятно, связано с приближением к пенсионному возрасту и некоторой напряженностью в ожидании связанных с ним перемен (табл. 5).

Интересно, что тезисы, описывающие противоположные взгляды на взаимосвязь финансового положения человека и его возможностей в достижении активного долголетия, не получили однозначной оценки. Среднее значение балльной оценки согласия с мнением о необходимости существенных затрат на поддержание здоровья и активности в пожилом возрасте лишь на 0.51 балла превысило среднее значение балльной оценки поддержки мнения о независимости активного долголетия от финансовых возможностей индивида (табл. 5). Такое распределение ответов указывает, что у респондентов есть представление о комплексности понятия «активное долголетие», включающего не только характеристики внешних атрибутов жизни (дохода, возможностей использования ряда услуг, включённости в трудовые и социальные отношения), но и внутренние установки, мотивы, побуждающие к ведению соответствующего образа жизни. Это демонстрирует готовность населения искать баланс ответственности между индивидом, обществом и государством в вопросах создания условий для достижения активного долголетия.

Обсуждение

В контексте представленных результатов наибольшие сложности вызывает реализация эффективных мер, направленных на сокращение потерь здоровья, связанных с ростом распространённости инвалидности в популяциях. Увеличение средней продолжительности жизни тесно сопряжено с распространением психических расстройств, которые в европейском регионе занимают лидирующую позицию среди факторов инвалидности и третье место среди причин накопления бремени болезней [18]. В России в 2005–2016 гг., согласно данным исследований, регистрировался рост на 74.5% уровня повторной инвалидности граждан пожилого возраста на фоне снижения данных показателей среди населения молодых и средних возрастных групп [19]. В составе контингента пожилых, впервые признанных инвалидами, по данным на 2016 г., преобладали лица со злокачественными новообразованиями (37%), болезнями системы кровообращения (36.6%), болезнями костно-мышечной системы (5%), болезнями глаз (3.8%), психическими расстройствами (3.4%). В структуре контингента пожилых, повторно признанных инвалидами, наибольший удельный вес приходился на лиц с болезнями системы кровообращения (38.9%), злокачественными новообразованиями (30.7%), болезнями костно-мышечной системы (8.3%), глаз (4.2%), нервной системы (3.0%), психическими расстройствами (2.7%) [20]. Инвалидизация пожилого населения приводит к росту нагрузки на системы здравоохранения, социальной защиты, увеличению бремени болезней, снижению качества жизни лиц, которые осуществляют долговременный уход за пожилыми родственниками [21]. Ещё одной сложной проблемой является подбор и реализация комплекса индивидуальных лечебных и реабилитационных мероприятий для лиц, имеющих несколько сопутствующих хронических заболеваний [15]. В условиях нехватки терапевтов и врачей-специалистов в регионах выполнить поставленную задачу затруднительно.

В нацпроект «Демография» включен проект «Старшее поколение», ориентированный на улучшение качества жизни пожилых, создание комфортных условий для их социального участия и экономической активности, а также, в целом, на популяризацию и распространение идей и практик активного долголетия. В настоящее время – это единственный проект, который ставит задачи в сфере продвижения идей активного долголетия, но он нацелен только на пожилых граждан. Это существенно ослабляет потенциал достижения активного долголетия, поскольку нарушаются принципы систематичности и преемственности действий в области профилактики нарушений здоровья и поддержания социально-экономической активности населения. Необходимо проводить работу со всеми категориями взрослого населения, чтобы минимизировать риски для здоровья и социального участия, специфичные для каждого возрастного периода. Для этого требуется активизировать усилия самих граждан, системы здравоохранения и работодателей по внедрению в повседневную практику принципов активного долголетия и практик его достижения.

Исследователи неоднократно отмечали, что для достижения целей в области активного долголетия предстоит решить ряд системных про-

блем: кардинально увеличить объёмы государственного финансирования системы здравоохранения [22], пересмотреть подходы к организации реабилитационных мероприятий [23], расширить участие некоммерческих организаций в этой работе [24], увеличить обеспеченность населения врачами гериатрического профиля [25], обеспечить должный уровень компетенций терапевтов в лечении пожилых пациентов [26]. Учитывая неизбежный рост доли пожилого населения, предстоит решить и вопросы обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы [27], систем социального и медицинского страхования.

Повышение пенсионного возраста стало одной из наиболее дискуссионных мер социальной политики последних лет. В то же время её реализация позволила номинально увеличить численность населения трудоспособного возраста. По данным опроса ВЦИОМ, в 2021 г. 14% опрошенных высказывались за отмену проведённой пенсионной реформы [28].

Несмотря на общий негативный фон восприятия пенсионной реформы в российском обществе [6], новая граница пенсионного возраста, как было отмечено выше, может оказывать воздействие на глубинные установки мужского населения в отношении долголетия. С другой стороны, при сохранении низкой активности пожилых в сфере заботы о собственном здоровье, а также в связи с недостаточной конкурентоспособностью большинства из них на рынке труда смещение планки пенсионного возраста, скорее, будет способствовать ухудшению качества жизни старшего поколения, чем развитию условий для реализации концепции активного долголетия. Здесь необходимо указать и на гендерную дифференциацию последствий повышения пенсионного возраста. Как было отмечено выше, стремление к долголетию у женщин, особенно нынешних старшего и среднего поколений, вовсе не связано с идеями активной социальной и профессиональной деятельности. Они предполагают прежде всего сосредоточиться на выполнении своей роли внутри семьи. Это порождает потенциальный конфликт между представлениями населения об активном долголетии и ожиданиями государства в сфере реализации политики в данной сфере. Учитывая, что профессиональная самореализация и трудовая деятельность в рейтинге жизненных ценностей женщин традиционно находятся ниже, чем семья и дети, можно ожидать, что их занятость в пожилом возрасте будет носить либо неустойчивый характер, либо будет сосредоточена в тех сферах, которые позволяют совмещать её с деятельностью по выполнению внутрисемейных обязанностей. Для женщин в условиях увеличения продолжительности жизни сохраняет актуальность и проблема совмещения обязанностей по долговременному уходу за престарелыми родственниками, трудовой деятельности и нагрузки, сопряжённой с воспитанием подрастающих поколений (одного или двух).

Перечисленные проблемы определяют необходимость разработки и принятия концепции активного долголетия на федеральном и региональном уровне.

Социально-экономический эффект выстраивания национальной концепции активного долголетия состоит в следующем:

1) разработанный прогностический инструментарий позволит увидеть и минимизировать риски в различных сферах (образование, здравоохранение, социальная защита, миграционная политика, содействие занятости, обеспеченность территорий трудовыми ресурсами, освоение новых территорий, развитие новых рынков товаров и услуг), определить драйверы экономического и социального развития в новых условиях (новые отрасли производства, новые виды товаров и услуг, новые механизмы государственного регулирования и т.д.);

2) единая основа и ориентиры долгосрочного управления демографическим развитием территорий позволят объективно оценивать достигнутые результаты;

3) учёт национальной специфики демографического развития, в том числе его территориальной и региональной дифференциации, позволит детализировать управленческие механизмы;

4) учёт рисков, связанных со старением населения, в разных областях социально-экономической политики в конечном итоге способствует повышению национальной безопасности: устойчивости экономического, социального, политического развития.

В настоящее время отечественными исследователями и специалистами-практиками предложен проект доклада, определяющий принципы, приоритеты, задачи, механизмы и этапы реализации концепции активного долголетия, а также ожидаемые результаты её внедрения [29]. Данный документ предполагает расширение возрастных границ целевой группы концепции (до предпенсионного возраста). На наш взгляд, это правильный путь, поскольку потенциал здоровья, трудовой и социальной активности в старших возрастах закладывается на протяжении всей предшествующей жизни.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие ключевые принципы реализации концепции активного долголетия.

1. Преемственность демографической политики в области активного долголетия в ряду переживаемых государством политических циклов: только при выполнении данного условия она будет в действительности охватывать каждое последующее живущее поколение населения и гарантировать соблюдение прав граждан на социальную поддержку на протяжении всей их жизни. Это необходимо потому, что процесс демографического старения развивается в ряду поколений, а не ограничивается определёнными историческими рамками, как, например, «репродуктивные революции» или мировые войны, которые происходили в определённые исторические моменты и имели долгосрочные демографические последствия (в виде демографических волн). Демографическое старение именно процесс, а не событие, что определяет его особое положение в ряду характеристик современного состояния мирового населения.

2. Следующий тезис логически вытекает из предшествующего: демографическая политика в области активного долголетия должна охватывать всё население, вне зависимости от возраста. По своей сути она становится демографической политикой как таковой, поскольку нет такого вопроса развития государств, который бы оставался вне контекста демографического старения.

3. Одним из неотъемлемых инструментов внедрения и реализации концепции должна являться методика измерения степени выраженности влияния на население факторов активного долголетия. Это условие обеспечивает возможность учёта готовности населения к внедрению программ и проектов в сфере активного долголетия, которая прямо влияет на эффективность реализации концепции на региональном уровне.

4. Достижение активного долголетия предполагает параллельное решение задач повышения качества жизни населения в целом, поскольку «… адаптация стран к условиям старения населения возможна лишь при условии роста уровня благосостояния граждан и трансформации пенсионных систем с увеличением доли накопительного элемента. Решение этих задач позволяет существенным образом снизить нагрузку на бюджет и расширить возможности для внедрения практик активного долголетия во всех возрастах» [11, с. 9].

5. В рамках концепции активного долголетия обязателен учёт «феминизации старения»: необходимо предусмотреть целевые инициативы и программы содействия активному долголетию пожилых женщин, а главное – увеличение продолжительности здоровой и активной жизни мужчин.

6. Ориентация на учёт региональной специфики демографического развития при прогнозировании динамики, величины и соотношения показателей ОПЖ и ОПЗЖ, определении перечня целевых индикаторов реализации концепции активного долголетия на федеральном уровне и разработке регионами собственных концепций. В частности, на федеральном уровне целесообразно использовать индикаторы, отражающие долю регионов, в которых были достигнуты обозначенные в их концепциях целевые значения индикаторов активного долголетия, а не средние общестрановые их прогнозные значения.

Цель внедрения и реализации концепции активного долголетия, таким образом, заключается в формировании на уровне государства и его отдельных регионов всех необходимых условий и предпосылок обеспечения гражданам возможности выбора жизненных обстоятельств и траекторий, отвечающих принципам активного долголетия.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00036 Бел_а «Внедрение концепции активного долголетия в России и Беларуси в условиях необратимости демографического старения».

Примечание

1. В работе термин «активное долголетие» используется как синонимичный по смыслу англоязычному термину «active ageing» (дословно – «активное старение»).

Список литературы

1. Всемирный доклад о старении и здоровье / Всемирная организация здравоохранения. 2016. 316 с. URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10&isAllowed=y (дата обращения: 02.03.2022).

2. Стратегия и план действий в поддержку здорового старения в Европе, 2012–2020 гг. / Европейское региональное бюро Всемирной организации здравоохранения. 2012. 36 с. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/175546/RC62wd10Rev1-Rus.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

3. Григорьева И.А., Богданова Е.А. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 12 (2). С. 187–211.

4. Голубева Е.Ю., Данилова Р.И. Здоровый образ жизни как часть стратегии активного долголетия // Успехи геронтологии. 2011. Т. 24. № 3. С. 380–384.

5. Шульгин С.Г., Зинькина Ю.В., Алешковский И.А., Андреев А.И. Проблемы развития активного долголетия: глобальные тенденции и региональные особенности // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2018. № 4. С. 55–68.

6. Григорьева И.А., Квасова О.С. Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 37–56.

7. European year for active ageing and solidarity between generations (2012). URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/536344/EPRS_IDA(2015)536344_EN.pdf (дата обращения: 02.03.2022).

8. Walker A. A strategy for active ageing // International Social Security Review. 2002. № 55 (1). P. 121–140.

9. Короленко А.В. Продолжительность здоровой жизни как критерий активного долголетия: межстрановой и региональный анализ // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: Сб. ст. XI Уральского демографического форума: в 2 томах / Отв. ред. д-р экон. наук О.А. Козлова; д-р ист. наук Г.Е. Корнилов. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2020. С. 161–170.

10. Калачикова О.Н., Короленко А.В., Боброва А.Г. Демографическое развитие России и Беларуси в XXI веке в контексте внедрения концепции активного долголетия // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 29–51.

11. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Территориальные особенности распространенности активного долголетия // Вопросы территориального развития. 2021. Т.9. № 2.

12. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017. № 3 (89). С. 92–108.

13. Cylus J., Figueras J., Normand C. Станет ли старение населения концом социального государства? Обзор фактических данных и варианты политики. Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ, 2021. 42 с. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/347086/9789289055864-rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 01.03.2022).

14. Robine J.-M. Ageing populations: We are living longer lives, but are we healthier? / United Nations, Department of Economics and Social Affairs, Population Division, UN, DESA, POP, 2021. TP. № 2. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2021/Sep/undesa_pd_2021_technical_paper_no.2_healthy_life_expectancy.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

15. Быковская Т.Ю., Меметов С.С., Шаркунов Н.П. Вопросы комплексной реабилитации инвалидов пожилого возраста // Вестник Всероссийского общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. 2018. № 2. С. 21–27.

16. Короленко А.В. Некоторые аспекты состояния современного «института бабушек»: опыт социологического исследования // Социальное пространство. 2018. № 4 (16).

17. Багирова А.П. Объемы, формы и функции прародительского труда: оценки уральских родителей // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20. № 3 (140). С. 33–42.

18. Психическое здоровье – информационный бюллетень / Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0009/404856/MNH_FactSheet_rus.pdf (дата обращения: 01.03.2022).

19. Шургая М.А. Инвалидность граждан пожилого возраста в Российской Федерации // Здравоохранение РФ. 2017. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/invalidnost-grazhdan-pozhilogo-vozrasta-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 10.03.2022).

20. Шургая М.А. Нозологический спектр инвалидности пожилой категории населения в Российской Федерации и особенности реабилитационно-экспертной диагностики, реабилитации и абилитации // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2017. № 20 (3). С. 136–143.

21. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Влияние родственного ухода на занятость, здоровье и материальное положение ухаживающих // Демографическое обозрение. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-rodstvennogo-uhoda-na-zanyatost-zdorovie-i-materialnoe-polozhenie-uhazhivayuschih (дата обращения: 10.03.2022).

22. Буланова М.А. Федеральный проект «Старшее поколение»: проблемы измерения и перспективы реализации // Власть и управление на Востоке России. 2019. №4 (89). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/federalnyy-proekt-starshee-pokolenie-problemy-izmereniya-i-perspektivy-realizatsii (дата обращения: 10.03.2022).

23. Пузин С.Н., Шургая М.А., Дмитриева Н.В., Погосян Г.Э. и др. Эпидемиология инвалидности взрослого населения в Российской Федерации // Эпидемиология и вакцинопрофилактика. 2019. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epidemiologiya-invalidnosti-vzroslogo-naseleniya-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 11.03.2022).

24. Гришина Е.Е., Цацура Е.А. Проблемы развития некоммерческого сектора социального обслуживания пожилых // ЖИСП. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-nekommercheskogo-sektora-sotsialnogo-obsluzhivaniya-pozhilyh (дата обращения: 11.03.2022).

25. Нуфтиева Л.И., Ешманова А.К., Мадибраимов К.М., Абикулова Л.К. и др. Проблемы кадрового дефицита в геронтологической службе // Вестник АГИУВ. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kadrovogo-defitsita-v-gerontologicheskoy-sluzhbe (дата обращения: 11.03.2022).

26. Чукаева И.И., Ларина В.Н. Возраст-ассоциированные состояния (гериатрические синдромы) в практике врача-терапевта поликлиники // Лечебное дело. 2017. № 1. С. 6–15.

27. Синявская О.В. Российская пенсионная система в контексте демографических вызовов и ограничений // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 4. С. 562–591.

28. Отмена крепостного права: 160 лет спустя / ВЦИОМ. URL: https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10729 (дата обращения: 12.03.2022).

29. Концепция политики активного долголетия: Научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и 4общества, Москва, 2020 г. / Под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской, Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.

PERCEPTION OF AGING IN DEMOGRAPHIC GROUPS OF THE POPULATION AS A SOCIAL CONTEXT FOR THE IMPLEMENTATION OF THE ACTIVE LONGEVITY CONCEPT

O.N. Kalachikova, L.N. Natsun

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

Demographic aging is an irreversible process affecting all spheres of economic and socio-cultural development. Its scale and consequences determine the need to develop such conceptual foundations of social and demographic policy that will minimize the associated social and economic risks and activate the potential of the older generation. The purpose of this study is to identify the principles of the implementation of the concept of active longevity in Russian conditions.

The paper substantiates the need to take into account not only biological, but also social factors of longevity. Based on the data of a sociological survey, it is shown that in the views of the population, the border of "old age" begins at 60, and "youth" ends at 40. At the same time, the median desired life expectancy is 85 years. The motives of longevity are mainly related to the family sphere (communication with loved ones, the desire to help children, see grandchildren, etc.), however, the youth is characterized by a higher importance of life in general, self-realization in work, "their business". The readiness of young people to implement the principles of active longevity is noticeably higher than that of the population of older age groups, which indicates the importance of expanding the ideas of the concept to earlier age periods. The key principles of the implementation of the concept of active longevity are proposed.

The main results and conclusions of the study may be of interest to researchers, specialists engaged in the field of state social management, and can be used in the development of social policy in the field of active longevity.

Keywords: the concept of active longevity (aging), sociological research, public health, demographic policy, regional features of demographic development.

УДК 316.35
DOI 10.52452/18115942_2022_2_126

РОДИТЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ

© 2022 г.

Н.В. Шаброва

Шаброва Нина Васильевна, к.соц.н.; доц.; доцент кафедры социологии
и технологий государственного и муниципального управления
Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург
n.v.shabrova@urfu.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2021
Статья принята к публикации 19.04.2022

Представлены ключевые элементы концепции родительского сообщества как субъекта гражданского общества. Среди этих элементов рассматриваются социальные и научные предпосылки, объект и предмет, суть (сущность) и цель, узловые понятия и ключевые положения, особенности концепции.

Выявляется теоретическое и практическое значение разработки концепции родительского сообщества как субъекта гражданского общества. В качестве объекта концепции выступает общность родителей, ее предмета – *активность общности* в системе процессов становления и развития гражданского общества в России.

Суть концепции заключается в том, что родительское сообщество в современном обществе становится субъектом гражданского общества. Оно интегрируется в гражданское общество посредством включения в структуру (институты, организации, общности) гражданского общества, выполнения его функций. Интеграция родительского сообщества в гражданское общество представляет собой процесс и результат отношений (связей, взаимосвязей и взаимодействий) родительского сообщества со структурными элементами (институтами, общностями, организациями) гражданского общества и государства.

Ключевые слова: родительское сообщество, гражданское общество, интеграция родительства в гражданское общество, активность родительского сообщества, ресурсы, научная концепция, элементы концепции.

Структуру *научной социологической концепции* образуют связанные между собой идеи, позволяющие осуществлять трактовку сложных социальных явлений и процессов. Такая концепция выполняет функции «ядра» научной теории и характеризуется совокупностью элементов. Среди них – категориальный и понятийный аппарат, система гипотез, объяснительные схемы, совокупность аргументов и доказательств, связь с другими концепциями в рамках определенной парадигмы и др. [1, с. 31]. Социологическая концепция представляет собой, таким образом, теоретическую конструкцию, элементы которой логически взаимосвязаны и взаимозависимы.

Рассматриваемая концепция родительского сообщества как субъекта гражданского общества включает предпосылки и методологические подходы, объект и предмет, суть (сущность) и цель, узловые понятия и ключевые положения, а также особенности и ограничения. Мы представим лишь некоторые ключевые элементы концепции. Начнем с *предпосылок концепции*, которые изложим в концентрированном, сжатом виде.

Трансформация структуры и функций социальных институтов (государства, гражданского общества, семьи, брака) в современном российском обществе приводит к изменениям родительского сообщества, его ценностей, потребностей, функций и т.д. Родители все активнее включаются в структуру гражданского общества и выполняют функции его субъекта.

Родительское сообщество – важная часть гражданского общества в России. По нашим расчётам, осуществленным на основе данных Росстата, в стране насчитывается около 29 млн родителей с детьми до 18 лет [2; 3]. Большая часть из них родилась и социализировалась еще в советское время, поэтому общественная деятельность выступала ключевым фактором их воспитания. Соответственно, современные российские родители имеют опыт общественной активности, что позволяет им в качестве агентов первичной социализации транслировать детям ценности и модели ответственного активного и конструктивного гражданского поведения.

Кризис доверия к традиционным субъектам гражданского общества (общественным организациям, политическим партиям) как в России, так и в мире в целом обусловливает поиск новых источников и катализаторов развития гражданского общества, поддержки его новых субъектов. Наделение родительского сообщества новыми общественными ролями, новой гражданской ответственностью за детей и вы-

работку публичной повестки актуализирует изучение его понятия, структуры, функций и ресурсности как самостоятельного субъекта гражданского общества.

Важность рассматриваемой проблемы состоит в том, что сама родительская общность находится в процессе становления в качестве субъекта гражданского общества. У нее постепенно формируется не просто коллективное самосознание, а гражданское родительское сознание, которое требует особого исследования. Родители начинают понимать необходимость самоорганизации и коллективной мобилизации для удовлетворения потребностей и защиты интересов детей и родителей. Между тем включение родительского сообщества в гражданские практики не всегда рефлексируется государством, гражданским обществом и самими членами родительского сообщества как его гражданская активность.

Актуальность создания концепции обусловлена также взаимосвязью гражданской активности родителей и детей. Родители влияют на формирование у подрастающего поколения гражданских знаний и установок, ценностей и поведения. Они выступают активными агентами гражданской социализации. Передача этих элементов гражданской культуры и гражданского поведения от родителей к детям может реализовываться различными способами. Первый – это дискутирование взрослыми по поводу острых общественных ситуаций и проблем. Второй способ – активный – заключается в стремлении родителей приобщить детей к публичным обсуждениям, вовлечь их в практики гражданского участия. Кроме того, существуют прямые способы – посредством демонстрации собственного родительского участия в гражданских практиках и косвенные – за счет поддержки общественной деятельности детей [4]. Существенным является и то, что не только родители могут проявлять гражданскую активность. Сами дети могут стимулировать гражданственность родителей, инициируя семейные обсуждения общественных проблем.

Несмотря на ярко выраженную актуальность поставленных вопросов, научная литература не дает нам примеров фундаментальных исследований родительского сообщества в контексте становления гражданского общества [4]. Отсутствие целостных концепций, позиционирующих родителей в качестве *самостоятельного субъекта гражданского общества*, делает необходимой разработку теории, методологии и методики исследования родительского сообщества.

Предлагаемая концепция выступит научной основой преодоления социальных барьеров на пути становления гражданского общества в России, укрепления межобщностного и межгенерационного доверия между его субъектами, выстраивания стратегии гражданской самоорганизации. В условиях бюрократического отстранения родителей от разработки управленческих решений, определяющих будущее детей, концепция покажет пути и возможности объединения родителей в институциональном и внеинституциональном пространстве вне зависимости от их социальных, экономических, этнических, территориальных и образовательных различий. Разработка заявленной социологической концепции необходима в целях укрепления социального порядка в обществе, поиска связующих мостов между гражданским обществом и государством, минимизации рисков девиантного, неконвенционального поведения родительского сообщества, повышения качества его ресурсности и снижения масштабов социальной пассивности.

Системное исследование обозначенной проблемы на стыке различных отраслей социологического знания – социологии гражданского общества, общественных движений, социологии семьи, политики, образования, здравоохранения, экономической социологии и социологии труда – дает возможность развития их теоретического и методологического потенциала. Синтез концепций, методологических и методических подходов, категориального аппарата различных отраслей социологии будет способствовать обогащению социологической науки. Научная значимость концепции также состоит в возможности приращения социального знания о тенденциях развития, особенностях, проблемах гражданского общества в современном контексте.

Обратимся к характеристике *объекта и предмета* рассматриваемой концепции родительства. *Объект* концепции – общность (сообщество) родителей как целостный феномен, а *предмет – активность* родительского сообщества в системе процессов становления и развития гражданского общества в России.

Цель концепции состоит в анализе и выявлении путей активизации деятельности родительского сообщества как субъекта становления и развития гражданского общества в России.

Суть (сущность) концепции заключается в том, что родительское сообщество в современном обществе становится (может стать) субъектом гражданского общества посредством приобретения характеристик гражданского общества. Оно интегрируется в гражданское общество через включение в структуру (институты, организации, общности) гражданского общества, выполнения его функций. Интеграция ро-

дительского сообщества в гражданское общество есть процесс и результат отношений (связей, взаимосвязей и взаимодействий) родительского сообщества со структурными элементами (институтами, общностями, организациями) гражданского общества и государства. В итоге этих отношений обогащаются социальные практики как самого родительского сообщества, так и гражданского общества.

Перейдем к рассмотрению следующего элемента концепции, связанного с ее понятийным аппаратом характеристикой *узловых понятий*. Обратимся к центральной категории концепции – *социальная общность родителей (или родительское сообщество)*. Ранее мы предложили трактовать общность родителей как взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач и интересов (обеспечение благополучия детей) на основе сходных условий жизнедеятельности [5]. Современное родительское сообщество трансформируется, превращаясь в элемент гражданского общества. В этом случае специфика родительства как элемента гражданского общества проявляется в том, что его представители все больше становятся носителями особенных, присущих субъектам гражданского общества потребностей, интересов, ценностей. Родители и их ассоциации, обладая ресурсами, различными видами капитала, совместно действуют, реализуя и защищая детско-родительские потребности и интересы. Эта деятельность происходит в границах не только времени и пространства, но и в определенных институциональных рамках, заданных государством и гражданским обществом. Для представителей родительского сообщества эта деятельность приобретает статус основополагающей, превращается в модель жизнедеятельности.

Второе узловое понятие концепции – *гражданское общество*. Гражданское общество – многоаспектное явление, имеющее сложную конфигурацию. Его элементы (институты, организации, общности) особым образом переплетаются, взаимодействуют и встраиваются в другие социальные структуры. В связи с этим возникает многообразие подходов к трактовке природы гражданского общества, его структуры и функций. Мы предлагаем понимать под гражданским обществом тип развития общества, при котором относительно независимые от государства, но взаимодействующие с ним граждане и их ассоциации на основе определенных принципов отношений[1] осуществляют совместную деятельность по удовлетворению общих потребностей и защите прав, интересов, свобод в пределах определенных норм социальных взаимодействий [6].

Становление родительства в качестве субъекта гражданского общества предполагает интеграцию первого во второе. И это еще одно узловое понятие нашей концепции. Под *интеграцией родительства в гражданское общество* понимается встраивание родительского сообщества в структуру гражданского общества, выполнение им функций гражданского общества. Эта интеграция имеет двойственный характер. Во-первых, она происходит в двух взаимосвязанных и взаимозависимых системах координат: институциональной и общностной. Во-вторых, встраивание родительского сообщества в структуру гражданского общества актуализирует выполнение им функций гражданского общества, и, наоборот, выполнение родительским сообществом функций гражданского общества приводит к его встраиванию в существующие структуры гражданского общества (или созданию новых).

Интеграция родительского сообщества в гражданское общество затратна для родителей. Включение в него требует от родителей широкого спектра ресурсов, поэтому важными понятиями нашей концепции выступают *институциональные и внеинституциональные ресурсы*. Под институциональными ресурсами родительского сообщества мы понимаем ресурсы, получаемые родителями благодаря включенности в формальные структуры (социальные институты, организации), в том числе создаваемые и/или поддерживаемые государством и/или гражданским обществом[2]. Внеинституциональные ресурсы родительского сообщества – это ресурсы, которые родители приобретают и используют благодаря неформальным связям и отношениям с родственниками, друзьями, коллегами, членами неформальных объединений, специально создаваемых для удовлетворения совместных потребностей и интересов[3].

Еще одним узловым понятием концепции выступает *активность родительского сообщества* как субъекта гражданского общества. Под ней мы понимаем степень вовлеченности родителей в практики социального и гражданского участия как видов просоциального поведения, выражающего связь и взаимосвязь граждан с обществом (и его структурами) и стремлением изменить его [7, с. 130]. Главное отличие между гражданским и социальным участием – в векторе активности родителей. У первого этот вектор вертикальный, ориентированный на взаимодействие со структурами власти, вовлечение родительского сообщества в процессы соуправле-

ния и принятия решений. У второго – горизонтальный, связанный с самоорганизацией, кооперацией, взаимопомощью в удовлетворении потребностей и интересов родителей и детей, не предполагающий целенаправленного выхода на взаимодействие со структурами власти.

Обратимся к рассмотрению *базовых положений концепции*, раскрывающих ее суть.

1. Родительское сообщество (более точно – его подобщности) интегрируется в гражданское общество посредством вовлечения в институциональные структуры гражданского общества [8, с. 30; 9]. Эта интеграция происходит двумя путями [6]. Первый – включение родителей в гражданские структуры благодаря их родительскому статусу. Данный путь реализуется через участие родителей в *общественных родительских организациях*, ориентированных на защиту детско-родительских интересов и прав в различных сферах жизни; *местных родительских организациях,* нацеленных на удовлетворение отдельных и/или специфических потребностей (например, обеспечения здоровья, образования детей); *социальных сетях* – политических движениях, акциях, появление которых обусловлено проблемой, представляющей угрозу интересам и свободам родителей и детей; *благотворительных организациях и акциях* в пользу детей и родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Второй путь – интеграция родителей в общегражданские институциональные структуры. К ним могут быть отнесены широкий спектр организаций: политические партии и движения, профессиональные союзы и ассоциации, религиозные и культурные объединения и др.

2. Встраивание родительского сообщества в структуру гражданского общества происходит и благодаря тем функциям гражданского общества, которые оно (родительское сообщество) все активнее начинает выполнять.

К внутренним функциям родительского сообщества как субъекта гражданского общества относятся те, которые поддерживают его устойчивость. В этом плане, в первую очередь, следует отметить функцию формирования гражданских норм и ценностей. Другая функция – воспроизводства общественных отношений – заключается в соблюдении гражданских норм и образцов поведения[4]. Родительское сообщество не только воссоздаёт нормы и образцы поведения гражданского общества, но и корректирует и обогащает их. Более того, происходит закрепление этих норм и образцов поведения в повседневной жизни не только у представителей самой родительской общности, но и у детей.

Еще одной важной внутренней функцией родительского сообщества как субъекта гражданского общества является интегративная. Она проявляется в консолидации родителей (и их ассоциаций) благодаря деятельности по защите детско-родительских прав и интересов. Такая форма консолидации опирается на способность родителей понимать друг друга, доверять, достигать согласия и солидаризироваться для решения общих проблем [10; 11].

Важно отметить, что родительство не только интегрирует, но и рекрутирует новых членов общности, готовых его поддержать. Трансляция позитивных результатов, достигнутых родителями (и их ассоциациями), демонстрирует представителям родительского сообщества, которые еще не включены в данную деятельность, не только альтернативы решения той или иной проблемы, но и достоинства консолидации совместных усилий для этого. Осознавая достоинства участия в практиках гражданского общества, его важность для будущих поколений, представители родительского сообщества начинают идентифицировать себя с представителями гражданского общества – в отличие от тех родителей, которые не понимают необходимости объединения для защиты детско-родительских интересов и прав.

Реализация этих новых для родительского сообщества внутренних функций выступает базисом для выполнения родительским сообществом внешних функций, ориентированных на отношения с различными социальными структурами.

К таким внешним функциям родительского сообщества как субъекта гражданского общества относится функция закрепления и выражения групповых интересов. Родительское сообщество выражает свою позицию и транслирует её структурам гражданского общества и государства. Трансляция групповых интересов родительского сообщества (и его отдельных подобщностей) может осуществляться как в конвенциональных, так и в неконвенциональных формах.

С обозначенной функцией тесно связана интерактивная функция как процесс и результат социальных отношений родительского сообщества со структурами гражданского общества и государства. Эти отношения различаются типом (связи, взаимосвязи, взаимоотношения) и характером (сотрудничество, соперничество, конфликт), осуществляются с различной частотой и интенсивностью.

Под типом отношений родительского сообщества со структурами гражданского общества и государством мы понимаем прямые и/или опосредованные связи, детерминирующие социальные действия и взаимодействия между ними. Такие отношения могут формироваться в

виде *односторонней связи*, *взаимосвязи* и *социального взаимодействия.* Начальной стадией взаимодействия родительского сообщества со структурами гражданского общества и государства выступают с*оциальные взаимосвязи* как своеобразный отклик на желание родителей удовлетворить потребности и интересы (свои собственные и детей) как членов гражданского общества[5]. *Социальное взаимодействие* представляет собой прямые и обратные действия родительского сообщества со структурами гражданского общества и государства. Особенности таких действий выражаются в том, что они регулярно воспроизводятся (через обмен информацией, поиск и оценку средств и результатов деятельности), а также осуществляются в межличностных коммуникациях (face-to-face).

Конфигурация отношений родительства (родителей и детей) со структурами гражданского общества и государства обусловлена исторической, социокультурной, политической спецификой российского общества. Кроме того, особенности динамики развития и функционирования гражданского общества и характер его отношений с государством[6] определяют институциональные возможности и барьеры взаимоотношений родительства (родителей и детей) со структурами гражданского общества и государства.

Говоря об отношениях, взаимодействиях родительского сообщества со структурами гражданского общества (институтами, организациями, общностями), следует отметить, что с одними из них родительское сообщество вступает в конструктивный диалог, с другими находится в противоречивых и даже антагонистических отношениях. Иногда родительское сообщество следует за инициативами субъектов гражданского общества, в некоторых случаях – вовлекает их в свою деятельность по реализации и защите прав и интересов. Ярким примером этого является деятельность общественного объединения «Родительский надзор»[7]. В течение одной недели (с 8 по 14 ноября 2021 г.) члены данной организации провели в Екатеринбурге два согласованных с властями пикета. Первый – против перевода детей на дистанционное обучение[8], второй – против введения в стране QR-кодов о вакцинации от COVID-19 для доступа в социальные, спортивные, культурные учреждения[9].

Еще более сложными представляются отношения родительского сообщества с государством (а точнее – его структурами). Порой органы власти находят консенсус с родительством, но иногда следуют интересам одних субъектов гражданского общества в ущерб потребностям родительского сообщества [12]. Имеет место и одностороннее давление, когда государственные структуры задают жесткий формат родительской роли и угрожают санкциями за «некачественное» выполнение родительских функций [13].

Одни структуры государства (институты, организации, общности) в большей мере предоставляют возможности для реализации родительским сообществом функций гражданского общества, другие – в меньшей. Важно отметить, что в настоящее время во многих странах мира (в том числе в России) структуры гражданского общества (прежде всего формальные организации) встроены в государственные структуры[10] или существенно зависят от государства[11]. Такая двойная функциональность структур гражданского общества (то есть выполнение ими и функций гражданского общества, и функций государства) приводит к снижению уровня доверия населения в целом (и родительского сообщества как его части, в частности) к формальным структурам гражданского общества. Граждане воспринимают деятельность таких элементов гражданского общества как имитацию проявления гражданской активности и ищут и институционализируют ее новые виды, формы, практики.

3. Родительское сообщество встраивается в структуру гражданского общества и выполняет его функции с разным уровнем интенсивности. Его подобщности различаются широтой и частотой вовлечения в практики социального и гражданского участия, степенью инициативности и вектором активности под воздействием объективных (возраст, образование, профессионально-должностной статус и т.д.) и субъективных (представления о родительских функциях и способах их реализации, отношение к власти и общественным организациям и т.д.) условий. Родители могут включаться в практики гражданского общества в сферах деятельности, непосредственно связанных с родительским статусом, и в сферах, не имеющих такой прямой связи. Они могут организовывать деятельность по реализации и защите детско-родительских прав и интересов, включаться в нее регулярно или время от времени, в большей или меньшей мере ориентироваться на взаимодействие с властными структурами.

Исходя из этого, родительское сообщество представляет собой динамичную, изменяющуюся во времени структуру, включающую в себя ядро, полупериферию и периферию.

Ядро родительского сообщества как субъекта гражданского общества составляют родители, *постоянно организующие* деятельность по реализации и защите не только детско-родительских *прав и интересов, но и широких гражданских прав.* В отечественной социоло-

гии, сфокусированной на механизмах активизации родителей, анализируется деятельность именно родителей, выступающих в роли гражданских активистов [14].

Полупериферию составляют подобщности родительского сообщества, *регулярно проявляющие активность* в реализации и защите прав и интересов родителей и детей или *ситуативно инициирующие такую деятельность*. Периферийными подобщностями родителей можно считать те, которые периодически включаются в деятельность по защите детско-родительских прав и интересов.

Особое место в процессе интеграции родительского сообщества в гражданское общество мы отводим не только родителям-активистам, инициирующим и организующим участие родительского сообщества в практиках социальной и гражданской активности, но и родителям-фасилитаторам. Родители-фасилитаторы – это подобщность родительского сообщества, способная разрешать конфликты интересов, помогать в выстраивании эффективного взаимодействия (коммуникации) как внутри родительского сообщества (то есть между его подобщностями), так и со структурами гражданского общества и государства.

4. Материальные и нематериальные, институциональные и внеинституциональные ресурсы позволяют родительскому сообществу успешно реализовать себя в социальном пространстве посредством использования «старых» и конструирования «новых» гражданских практик, облегчая и повышая результативность своей деятельности, обогащая ресурсность гражданского общества.

Использование родительским сообществом институциональных и внеинституциональных ресурсов имеет несколько специфических моментов. Первый момент – разный уровень владения и применения этих ресурсов различными группами родителей. Он связан с обозначенной выше дифференцированностью родительского сообщества по возрасту, образованию, материальному положению и др. Второй момент состоит в комбинировании родителями институциональных и внеинституциональных ресурсов в зависимости от проблемной ситуации, ее масштабов и возможных последствий. Третий момент заключается в компенсаторном характере использования ресурсов. Дефицит институциональных ресурсов актуализирует поиск и применение внеинституциональных, и наоборот.

Чрезвычайно важными для деятельности в качестве субъекта гражданского общества являются социальные ресурсы родительского сообщества – взаимоотношения, связи между его представителями. Формы (виды) социальных ресурсов (социального капитала), используемые субъектами гражданского общества, разнообразны. Среди них – способность к объединению и солидаризации, доверие и эффективные нормы, сети и добровольчество, возможность получения информации и др. Эти ресурсы, с одной стороны, насущно необходимы для становления и развития родительского сообщества как субъекта гражданского общества. С другой стороны, они создаются и воспроизводятся только во взаимоотношениях на индивидуальном и групповом уровнях, придавая родительскому сообществу силу и власть.

5. В концепции предлагаются направления активизации интеграции родительского сообщества в гражданское общество. *Первое направление* – закрепление паттернов гражданской активности родителей в их образе жизни и конструирование механизмов их трансляции новым членам и поколениям родительского сообщества, а также детям.

Второе направление – формирование авангарда родительского сообщества как субъекта гражданского общества за счет расширения и усиления его «ядра» и полупериферии и, соответственно, уменьшения доли родителей, составляющих периферию. Реализация данного направления будет означать трансформацию родительского сообщества как в количественном плане (сокращение доли пассивных родителей), так и в качественном отношении (повышение степени социального и гражданского участия родителей в различных сферах общественной жизни).

Третье направление – увеличение и усложнение практик совместной социальной и гражданской деятельности родительского сообщества и других субъектов общественных отношений. В качестве таких субъектов прежде всего должны выступить дети. Совместная активность родителей и детей будет способствовать реализации и защите их прав и интересов, гармонизации детско-родительских отношений, формированию у них гражданских ценностей, ответственности и модели гражданского поведения.

Другим субъектом общественных отношений, с которыми родительскому сообществу необходимо развивать конструктивные практики совместной социальной и гражданской деятельности, могут выступать отдельные структуры гражданского общества. Это те структуры, которые имеют с родителями общие интересы и проблемы, обладают необходимыми ресурсами для их решения. В таком качестве выступают подобщности учителей, врачей, ученых, профессиональные союзы, общественные движения.

Четвертое направление – совершенствование государственной политики в области поддержки и развития субъектов гражданского общества, частью которого выступает родительское сообщество. Это означает создание институциональных условий для развития родительских гражданских инициатив, реализации их коллективных действий, обеспечения свободы выбора способов выполнения родительских функций в различных сферах жизнедеятельности.

Предлагаемая концепция имеет ряд *особенностей*. Выделим их и рассмотрим.

1. Первая особенность концепции заключается в объяснении изменений, происходящих в родительском сообществе на современном этапе в связи с превращением его в субъекта гражданского общества. Трансформация родительского сообщества происходит через встраивание родительства в структуры гражданского общества и расширение перечня родительских функций за счет включения в него новых для родителей функций, исторически присущих структурам гражданского общества.

2. Следующая особенность состоит в том, чтобы рассматривать родителей и детей не как разрозненные и не связанные друг с другом общности, а как взаимодействующих акторов социальных отношений, включенных в отношения (связи, взаимосвязи и взаимодействие) со структурами гражданского общества и государства для реализации своих потребностей и интересов и их защиты.

3. Еще одной особенностью рассматриваемой концепции является характеристика институционального контекста (исторических, политических, экономических, социокультурных особенностей страны) становления родительства (родительского сообщества) в качестве субъекта гражданского общества – тех норм и правил, которые регламентируют формы и практики деятельности структур гражданского общества (и родительства как его элемента) и обусловливают характер их отношений с государством.

4. Важная особенность концепции связана с выявлением характера отношений (связей, взаимосвязей и взаимодействия) родительского сообщества со структурами гражданского общества и государства. Концепция раскрывает сложность и многоаспектность отношений, в которые родительское сообщество как субъект гражданского общества включается. Она позволяет обозначить специфику этих отношений в настоящее время: превалирование социальных связей и взаимосвязей между родительским сообществом и структурами гражданского общества и государства, но не социального взаимодействия – систематически воспроизводимых взаимных (прямых и обратных) действий.

5. Еще одна особенность концепции, вытекающая из предыдущей, заключается в выявлении проблем взаимодействий родительского сообщества со структурами гражданского общества и с государства и путей их преодоления. Она позволяет обнаружить противоречия во взаимодействии родителей как с государством, так и представителями гражданского общества. Такие противоречия показывают, что структуры гражданского общества и государства не вполне расценивают родительское сообщество как полноправного самостоятельного субъекта гражданского общества.

6. Значимая особенность концепции заключается в выявлении характера и специфики внутриобщностного взаимодействия родительского сообщества. Концепция дает возможность обнаружить и объяснить различия в степени интеграции родительского сообщества (ее отдельных подобщностей) в гражданское общество, выделить проблемы внутриобщностных взаимодействий родительства, исследовать готовность родителей к консолидации для решения общих проблем.

7. Следующая особенность концепции состоит в исследовании ресурсности родительского сообщества и ее характеристик для интеграции родительского сообщества в гражданское общество. Концепция позволяет описать возможности и ограничения использования родителями различных ресурсов как реальных активов и их превращения в капитал родительского сообщества.

8. Особенностью характеризуемой концепции является ее ориентация на анализ барьеров и путей активизации интеграции родительского сообщества в гражданское общество. Этот процесс может осуществляться в ходе непосредственной социальной и гражданской деятельности родителей (в том числе совместно с детьми и при объединении с другими структурами гражданского общества) – при условии создания для него благоприятных условий.

За рамками рассмотрения в данной статье остались теоретическая и эмпирическая методология, методика исследования родительского сообщества как субъекта гражданского общества, характеристика ограничений концепции. Их разработка и анализ – предмет отдельных публикаций.

Примечания

1. К таким принципам отношений мы относим доверие, уважение независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к

общественным объединениям, социальную ответственность; солидарность; социальную справедливость; гуманизм.

2. В качестве институциональных ресурсов выступают права и обязанности родителей как законных представителей детей (в том числе право на доступ к информации, свободу выбора); материальные и нематериальные способы государственной поддержки родителей для обеспечения жизнедеятельности и образования детей; организованное волонтерство; возможности создания и обращения в СМИ, общественные организации различных организационно-правовых форм и получения их поддержки в решении проблем.

3. Ключевыми внеинституциональными ресурсами родительского сообщества для нас выступают: ресурсы самоорганизации и способность к объединению; культурный и образовательный капитал родителей (в том числе профессиональные знания); доверие и солидарность; личные связи; внеинституциональная (в том числе материальная) поддержка семьи, родных, друзей, коллег; неорганизованное волонтерство; время и др.

4. Ключевыми нормами и образцами поведения родительского сообщества как субъекта гражданского общества, на наш взгляд, являются добровольность и свобода выбора, уважение и доверие, солидарность и ответственность, готовность реализовывать и защищать права и интересы.

5. Взаимосвязи могут проявляться в поиске информации о деятельности тех или иных структур, выполняющих функции гражданского общества (такими структурами могут выступать правозащитные организации), в виде установления контактов, причём эти контакты не всегда носят постоянный, системный и непосредственный характер (обратившись в конкретную правозащитную организацию и получив от неё помощь, родители могут больше никогда не воспользоваться её ресурсами).

6. Для нас характер отношений гражданского общества с государством обусловлен прежде всего тем, в чьих интересах государство устанавливает институциональные границы должного и возможного: своего собственного, отдельных структур или всего общества. Иными словами, насколько государство позволяет элементам гражданского общества (институтам, организациям, общностям) реализовывать и защищать свои потребности и интересы.

7. «Родительский надзор» («РодНадзор») – независимое общественное объединение неравнодушных родителей, вынужденное защищать права детей на безопасное и эффективное очное образование. Режим доступа: URL: https://rodnadzor66.wordpress.com/ (дата обращения: 14.11.2021).

8. Протест у мэрии Екатеринбурга: родители школьников требуют отменить дистант. Режим доступа: https://www.e1.ru/text/education/2021/11/08/70239425/ (дата посещения: 14.11.2021).

9. «Мы все будем чипированы». Сотни людей в Екатеринбурге вышли на пикет против QR-кодов. Режим доступа: https://www.e1.ru/text/gorod/2021/11/13/70251479/ (дата обращения: 14.11.2021).

10. Политические партии и др.

11. К таким структурам могут быть отнесены НКО, получающие государственное финансирование.

Список литературы

1. Зборовский Г.Е. Структуры научного творчества в современном социально-гуманитарном знании // Педагогический журнал Башкортостана. 2009. № 2 (21). С. 29–51.

2. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет. Семья, материнство и детство // Данные переписи населения 2010 г., обновленные 08.06.2018. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807 (дата обращения: 04.09.2020).

3. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования, на начало 2019/20 учебного года» // Банк документов Министерства просвещения РФ. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/c38a1f764e0c77030235de22850ae531/ (дата обращения: 04.09.2020).

4. Шаброва Н.В. Концепция родительства как субъекта развития гражданского общества // Вестник СурГПУ. 2018. № 2. С. 7–16.

5. Шаброва Н.В. Социальная общность родителей как субъект гражданского общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 184–207.

6. Шаброва Н.В. Родительство в институциональной структуре гражданского общества // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 48–65.

7. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 130–139.

8. Аузан А., Тамбовцев В. Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49.

9. Sievers B. What Is Civil Society? // GIA Reader. 2009. Vol. 20. № 1. URL: https://www.giarts.org/article/what-civil-society (дата обращения: 19.06.2018).

10. Бабинцев В.П. Проблемы консолидации местных сообществ // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 46–65. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Babintsev.pdf (дата посещения: 28.12.2019).

11. Федотова В.Г. О некоторых особенностях достижения демократической консолидации и солидарности в обществе // Социологический ежегодник. 2013. Т. 2012. С. 168–184.

12. Пол Р. Революция в школе. Новое решение для разрушительной системы образования. СПб.: Питер, 2015. 208 с.

13. Dodillet S. & Christensen D.S. Parents, a Swedish problem: on the marginalisation of democratic parental involvement in Swedish school policy // Comparative Education. 2020. Vol. 56. № 3. P. 379–393.

14. Шпаковская Л.Л. Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 1 (21). С. 236–248.

PARENT COMMUNITY AS A SUBJECT OF CIVIL SOCIETY: KEY ELEMENTS OF THE CONCEPT

N.V. Shabrova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The article presents the key elements of the concept of the parent community as a subject of civil society. Among these elements, the social and scientific prerequisites of the concept, its object and subject, the essence and purpose of the concept, its nodal definitions and key ideas, as well as the features of the concept are considered.

The theoretical and practical significance the concept of as parent community a subject of civil society is revealed. The object of the concept is the parent community, its subject is the activity of the community in the processes of formation and development of civil society in Russia.

The essence of the concept is that the parent community in modern society becomes a subject of civil society through the acquisition of its characteristics. It is integrated into civil society through inclusion in the structure (institutions, organizations, communities) of civil society, the performance of its functions. Integration of the parent community into civil society is a process and result of relations (connections, interrelations and interactions) of the parent community with structural elements (institutions, communities, organizations) of civil society and the state.

The nodal definitions of the concept are the parent community, civil society, the integration of parent into civil society, the activity of the parent community as a subject of civil society, institutional and non-institutional resources of parent community. The key ideas and features of the concept are revealed.

Keywords: parent community, civil society, integration of parent into civil society, activity of the parent community, resources, scientific concept, elements of the concept.

УДК 316.454.3
DOI 10.52452/18115942_2022_2_135

РЕЗЮМЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАКТИК ПОИСКА РАБОТЫ МОЛОДЕЖЬЮ

© 2022 г.

Е.А. Шинкаренко

Шинкаренко Елена Александровна, к.соц.н.; доцент кафедры общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
elenashinkarenko@fsn.unn.ru

Статья поступила в редакцию 08.09.2021
Статья принята к публикации 21.04.2022

Исследуется процесс трудоустройства молодежи с применением практики составления нескольких резюме для поиска работы в разных направлениях. На основе авторского исследования молодежных резюме в Нижнем Новгороде представлено описание группы соискателей, которые размещают на сайте поиска вакансий несколько резюме, различающихся главным образом указанной должностью. Выделено несколько групп соискателей в зависимости от квалификации указанных в резюме должностей: только должности высшей квалификации, должности высшей и средней квалификации, только должности средней квалификации и служащих, квалификация ниже средней. При сравнении предыдущей и желаемой должности выделено несколько направлений мобильности: повышение квалификации, смена компании-работодателя при сохранении квалификации и должности, изменение должности при сохранении квалификации, понижение квалификации. Исследование показало, что молодежь стремится занять позиции в сфере квалифицированного интеллектуального труда, реализуя себя в различных профессиональных сферах.

Ключевые слова: сценарий поиска работы, практики трудоустройства, трудоустройство молодежи, молодежь, приобретение опыта.

Введение

К настоящему времени можно говорить о значительных социальных трансформациях в сферах образования и труда. Если сравнить перечень специальностей вузов в СССР и России, мы увидим изменение социоэкономического блока (исчезли такие специальности, как «Политическая экономия», «Научный коммунизм», «Партийное и советское строительство», «История КПСС») [1], специальность «Экономика и социология труда» трансформировалась в самостоятельные направления подготовки [2], появились новые направления, например «Конфликтология», «Социальная работа», «Организация работы с молодежью».

Т.Я. Валетов и Р.Х. Кесслер подчеркивают, что в поле труда происходит снижение профессиональной занятости в секторе сельского хозяйства, в промышленном секторе наблюдаются небольшие темпы роста. Наиболее интенсивное развитие можно видеть в секторе услуг [3]. Как отмечают П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова, к 1980-м гг. в различных отраслях советской экономики действовало 280 тарифно-квалификационных справочников, которые содержали 23.5 тыс. наименований работ и профессий, а к 1986 г. путем унификации количество профессий в справочнике снизилось до 5600 [4]. Рост разнообразия на рынке вакансий продолжается, о чем свидетельствует, например, появление «Атласа новых профессий» [5]. По мнению Е.А. Джанджугазовой, настоящее время можно считать переходным, так как «новые» профессии только формируются, а «старые» продолжают занимать свои ниши. В этих условиях академическое сообщество и работодатели должны проанализировать перспективы существующих профессий [6]. С.А. Шаронова подчеркивает, что одним из процессов, учитывающих изменяющиеся потребности общества и возможности работодателей, стал Болонский процесс и последующая реализация компетентностного подхода [7]. Согласно определению в федеральном образовательном стандарте высшего профессионального образования, компетенция – способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области [8, с. 26].

Согласно исследованию Е.В. Яшковой, Л.В. Лаврентьевой, К.Г. Ака Амон, сайты вакансий являются наиболее востребованным инструментом для поиска работы. По их наблюдениям, значительно возрастает количество резюме потенциальных сотрудников [9]. Это может быть связано как с доступом к глобальной сети большего числа кандидатов, так и составлением нескольких резюме одним человеком для поиска разных вакансий. Согласно данным портала «Медиаскоп», в 2020 г. в возрастной группе 12–24 лет Интернетом охвачены 97.1% [10]. Специалисты в области подбора персонала рекомендуют адаптировать резюме под каждую желаемую вакансию [11].

Таблица 1

Желаемые должности высшей квалификации (ищущие первую работу)

Образовательная специальность	Резюме 1. Желаемая должность	Резюме 2. Желаемая должность
Математика/информатика	Преподаватель математики и информатики	Репетитор по математике/ретушёр фотографий
Радиофизика	Специалист	Графический дизайнер
Юриспруденция	Начинающий специалист	Ассистент юриста
Водные биоресурсы и аквакультура	Начинающий специалист	Эколог-биолог

Методология

Адаптации молодежи на рынке труда посвящен большой пласт как отечественных, так и зарубежных исследований. Э. Дюркгейм как представитель социального реализма обратил внимание на разделение труда как элемент органической солидарности [12]. М. Вебер в рамках социологического номинализма выявил роль индивидуальных мотивов социального взаимодействия [13]. В отечественной традиции можно видеть развитие как структурных, так и индивидуализированных подходов. Например, М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги рассматривают образование и трудоустройство молодежи как воспроизводство структуры общества [14]. Д.Л. Константиновский, Е.Д. Вознесенская, Г.А. Чередниченко, Ф.А. Хохлушкина обращают особое внимание на реализацию человеческого капитала при переходе от образования к труду [15].

Методологической рамкой авторского исследования выступает концепция поля и практик П. Бурдье как попытка синтеза объективизма и субъективизма, возможность соединить опыт анализа структур и действия индивидов по конструированию социальной реальности [16, с. 50]. В ходе поиска работы молодежь будет демонстрировать различные практики адаптации полученных знаний и умений к требованиям структур труда.

Для анализа практик трудоустройства молодежи было проведено авторское исследование «Электронное резюме как элемент профессионального карьерного поля», реализованное в октябре–ноябре 2018 г.; на портале HeadHunter.ru осуществлен сбор резюме молодежи (18–25 лет), ищущей работу в Нижнем Новгороде, выборка сплошная. Выбор портала обусловлен тем, что HeadHunter входит в перечень лучших интернет-ресурсов по поиску работы [17].

Цель данной статьи – выявить специфические характеристики группы соискателей, использующих несколько резюме как практику адаптации на рынке труда. Среди задач исследования выделим рассмотрение уровня квалификационных притязаний молодежи, нацеленность на реализацию диплома, анализ направлений мобильности при смене работы.

Из всего массива (953 человека) 45 человек имеют от 2 до 6 резюме (22 женщины, 23 мужчины, 27 человек имеют или получают высшее образование). Большинство соискателей и в первом, и в последующих резюме указывают «полную занятость» в качестве желаемой, 8 человек в одном резюме указывают полную, в другом – частичную, проектную занятость или стажировку. Основное отличие в разных резюме одного человека – желаемая должность. Выделим несколько групп на основе квалификации должностей (согласно общероссийскому классификатору занятий) [18], указанных в резюме в качестве желаемых.

Результаты

В первую группу вошли соискатели, которые в первом и втором резюме указали должности высшей квалификации (15 человек). Такую стратегию можно охарактеризовать как *максималистскую*, поскольку соискатели стремятся занять наиболее высокие позиции рынка труда. Здесь превалирует молодежь, имеющая или получающая высшее образование. Соискатели, ищущие первую работу, указывают должности, близкие по смыслу, но разные по форме трудоустройства: учитель или частная репетиторская практика. Здесь же можно встретить должности высокой степени неопределенности (специалист) и во втором резюме более конкретная должность (эколог-биолог, графический дизайнер) (табл. 1).

Для соискателей, ищущих не первую работу, проведено сравнение предыдущей должности и желаемой. Это позволило охарактеризовать мобильность при смене работы и выявить сохранение или изменение содержания труда (табл. 2).

Как можно видеть из таблицы 2, выпускники физико-математических и инженерных специальностей ищут работу в сфере компьютерных технологий: программист, 3D-моделлер, графический дизайнер. Выпускники социоэкономических специальностей стремятся занять позиции в сфере менеджмента, управления кадров, бухучета. В одном из резюме соискателя указывается сфера, в которой он уже работает, в другом – должность, позволяющая изменить сферу деятельности. В нескольких резюме прослеживает-

Таблица 2

Желаемые должности высшей квалификации (ищущие вторую и следующую работу)

Образовательная специальность	Резюме 1. Желаемая должность	Мобильность относительно предыдущей должности	Резюме 2. Желаемая должность	Мобильность относительно предыдущей должности
Информационные системы и технологии	Программист	Сохранение должности и квалификации	3D-моделлер	Изменение должности при сохранении квалификации
Технология транспортных процессов	Программист C/C++	Изменение должности при сохранении квалификации	Специалист по логистике	Сохранение должности и квалификации
Экономика и управление	Менеджер	Сохранение должности и квалификации	Педагог	Изменение должности при сохранении квалификации
Юриспруденция	Специалист по кадрам	Сохранение должности и квалификации	Юрист, помощник юриста	Изменение должности при сохранении квалификации
Психология служебной деятельности	HR-специалист, специалист по обучению и развитию персонала	Сохранение должности и квалификации	Психолог	Изменение должности при сохранении квалификации
Бухгалтерский учет	Менеджер по логистике	Изменение должности при сохранении квалификации	Бухгалтер	Сохранение должности и квалификации

Таблица 3

Желаемые должности высшей и средней квалификации (ищущие первую работу)

Образовательная специальность	Резюме 1. Желаемая должность	Ожидаемый уровень зарплаты	Резюме 2. Желаемая должность	Ожидаемый уровень зарплаты
Техник-программист	Менеджер по работе с клиентами	20 000	Оператор ПК	22 000
Эксплуатация технологических транспортных средств и комплексов	Инженер	25 000	Администратор	30 000
Электроника и наноэлектроника	Инженер	Не указано	Тренер по спортивным направлениям	20 000

ся стремление сменить место работы, повысив квалификацию (с позиции администратора или офис-менеджера на позицию бухгалтера, маркетолога, менеджера по продажам).

Вторую группу составляют соискатели, указавшие в одном из резюме *должность высшей квалификации, в другом резюме должность средней квалификации* или служащих (14 человек) (табл. 3). Это своеобразный поиск *баланса* между возможными позициями, готовность трудоустраиваться в сектор квалифицированного труда, но с более и менее специфичным содержанием профессиональных обязанностей.

Те, кто ищет первую работу, на одной из желаемых должностей хотят реализовать диплом (например, выпускник специальности «Электроника и наноэлектроника» хочет работать инженером). Но возможно также желание попробовать себя в какой-либо сфере без привязки к образовательной специальности (техник-программист хотел бы занять должность менеджера по работе с клиентами) (табл. 4).

В этой группе соискателей видны несколько траекторий мобильности. Те, кто ищет не первую работу, указывая должность высшей квалификации, стремятся сменить работодате-

Таблица 4

Желаемые должности высшей и средней квалификации (ищущие вторую и следующую работу)

Образовательная специальность	Резюме 1. Желаемая должность	Мобильность относительно предыдущей должности	Ожидаемый уровень зарплаты	Резюме 2. Желаемая должность	Мобильность относительно предыдущей должности	Ожидаемый уровень зарплаты
Менеджмент	Менеджер по работе с клиентами	Сохранение должности и квалификации	22 000	Администратор	Понижение квалификации	23 000
Проектирование зданий и сооружений	Инженер-проектировщик	Сохранение должности и квалификации	25 000	Фотограф	Понижение квалификации	25 000
Гражданское право и процесс	Помощник юриста	Повышение с должности администратора	20 000	Специалист службы поддержки пользователей	Понижение квалификации	25000
Прикладная информатика и статистика	SMM-менеджер	Повышение квалификации	20 000	Администратор	Изменение должности при сохранении квалификации	25 000
Психология служебной деятельности	Психолог-консультант	Повышение с должности администратора	20 000	Администратор, управляющий	Повышение с должности официанта	30 000
Налоги и налогообложение	Специалист по работе с клиентами	Повышение с должности служащего	25 000	Администратор на ресепшен	Повышение с должности служащего	20 000

ля, сохранив должность (менеджер по работе с клиентами, инженер-проектировщик, провизор). Второе резюме таких соискателей предполагает понижение их квалификации, например переход с должности менеджера на позицию администратора. Для ряда соискателей поиск работы высшей квалификации – это стремление повысить свой трудовой уровень, перейдя с должности администратора, офис-менеджера, официанта на должность специалиста по работе с клиентами, SMM-менеджера. Второе резюме соискателей предполагает либо сохранение должности, либо повышение (например, переход с позиции служащего на позицию администратора).

Различия в резюме как ищущих первую работу, так и продолжающих трудовой путь не только в квалификациях резюме, но и в выполняемых обязанностях (один и тот же соискатель ищет работу инженера или тренера), оплате (для должностей более высокой квалификации указан меньший уровень заработной платы, возможно, ввиду отсутствия опыта).

Следующая группа – это соискатели (6 человек), указавшие в резюме *только должности средней квалификации.* Такая стратегия представляется достаточно *осторожной*, сопряженной с минимизацией рисков. Здесь распространено сохранение квалификации и должности (например, поиск должности администратора у нового работодателя) или изменение должности при сохранении квалификации (поиск должности офис-менеджера вместо текущей должности администратора). Еще одну группу составляют соискатели, указавшие в качестве желаемой *должность ниже средней квалификации*. Для тех, кто ищет первую работу кладовщиком, комплектовщиком, сортировщиком, это стремление выйти в трудовое поле, начав с низовых позиций. Среди тех, кто меняет работу, много примеров понижения квалификации (например, переход с должности оператора ПК на должность кладовщика, водителя, сортировщика).

Выводы

По результатам исследования можно говорить о том, что в условиях трансформации рынка труда молодежь вырабатывает практики поиска работы в различных сферах для реализации образовательного капитала. Стремление в профессиональные сферы при составлении нескольких резюме можно рассматривать как стратегию адаптации к разнообразию вакансий на рынке труда, применение образовательных компетенций к разным типам трудовой деятельности, разному содержанию труда.

Также можно говорить о влиянии структур трудового поля на практики адаптации. Молодые люди стремятся в поле интеллектуального труда как наиболее престижное. В большинстве

траекторий (у 30 человек из 45) хотя бы в одном резюме указана должность высшей квалификации. Не распространена ситуация, когда соискатель в одном резюме указывает должность высшей или средней квалификации, в другом – ниже средней.

В то же время поле труда и профессий представляется очень дифференцированным, что порождает стремление попробовать себя в разных его сегментах. Одно из резюме может быть попыткой реализовать диплом, но в целом встречаются траектории, когда соискатель ищет вакансии в сфере, не связанной напрямую с полученным дипломом. Это можно рассматривать как желание занять максимально выгодные позиции, так и с точки зрения снижения рисков в условиях трансформации рынка труда и появления новых профессиональных сфер.

В результате проведенного анализа мы не можем говорить о статистических закономерностях, но нам удалось выделить специфику группы молодых соискателей, составляющих несколько резюме для поиска работы. Здесь можно обозначить стратегии максимализма (указание только должностей высшей квалификации), баланса (должности и высшей, и средней квалификации), осторожности (только средняя квалификация и ниже). Каждый из этих сценариев предполагает разные пути реализации образовательного капитала. В целом подчеркнем, что стратегия поиска работы с несколькими резюме не является широко распространённой среди молодежи, к ней прибегнул лишь небольшой процент соискателей. Также можно предположить, что эта группа обладает специфическим габитусом.

Список литературы

1. Приказ от 17 ноября 1987 г. № 790 «Об утверждении перечня специальностей вузов СССР» Министерство высшего и среднего специального образования СССР // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14401.htm (дата обращения: 20.08.2021).

2. Общероссийский классификатор специальностей по образованию. ОК 009-2016. URL: https://normtiv.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=286683 (дата обращения: 20.08.2021).

3. Валетов Т.Я., Кесслер Р.Х. Изменения в структуре профессиональной занятости населения России (СССР) за 1897–2002 гг. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2016. № 45. С. 79–82.

4. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

5. Атлас новых профессий 3.0 / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.

6. Джанджугазова Е.А. Атлас новых профессий как реакция на динамичные социально-экономические процессы и технологические изменения в современном российском обществе // Современная экономика: проблемы и решения. 2016. Т. 3 (75). С. 48–57.

7. Шаронова С.А. Компетентностный подход и стандарты в образовании (сравнительный анализ стран ЕС и России) // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 138–145.

8. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: законодательно-нормативная база проектирования и реализации: Учебно-информационное издание. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009. 100 с.

9. Яшкова Е.В., Лаврентьева Л.В., Ака Амон К.Г. Технологии интернет-поиска как средство трудоустройства студентов-выпускников на рынке труда // Проблемы современного гуманитарного образования. 2020. № 66 (1). С. 299–302.

10. Аудитория интернета в России в 2020 году // Исследовательская компания Mediascope. URL: https://mediascope.net/news/1250827/ (дата обращения: 20.08.2021).

11. Зачем и как адаптировать резюме под разные вакансии // Аналитика портала HeadHunter. URL: https://nn.hh.ru/article/24864?from=article_25255)/ (дата обращения: 20.08.2021).

12. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.

13. Вебер М. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 89–127.

14. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

15. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. и др. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011. 277 с.

16. Бурдье П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.

17. Лучшие сайты для поиска работы. Топ-10 / Инженерное кадровое агентство. URL: https://caem.ru/job/sites.html (дата обращения: 20.08.2021).

18. Общероссийский классификатор занятий. URL: https://classifikators.ru/okz (дата обращения: 20.08.2021).

CURRICULUM VITAE AS AN ELEMENT OF JOB SEARCH PRACTICES FOR YOUTH

E.A. Shinkarenko

Nizhny Novgorod State University

The process of youth employment is investigated using the practice of drawing up several resumes for job search in different directions. Based on the author's research of youth resumes in Nizhny Novgorod, a description of a group of applicants is presented who post several resumes on the job search site, differing mainly in the specified position. Several groups of applicants were identified, depending on the qualifications of the positions indicated in the resume: only positions of higher qualifications, positions of higher and secondary qualifications, only positions of average qualifications and employees, qualifications below average. When comparing the previous and the desired position, several directions of mobility were highlighted: advanced training, change of the employing company while maintaining qualifications and positions, changing positions while maintaining qualifications, and downgrading. The study showed that young people strive to take positions in the field of qualified intellectual labor, realizing themselves in various professional spheres.

Keywords: job search scenario, employment practices, youth employment, youth, gaining experience.

УДК 316.354:351/354
DOI 10.52452/18115942_2022_2_141

НОВЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ДЕФИНИЦИИ, ПРИЗНАКИ

© 2022 г.

Е.В. Фомин

Фомин Егор Васильевич, младший научный сотрудник кафедры цифровой социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
fominegor1@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.02.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Рассмотрены определения, дискуссии, методологические подходы к изучению феномена новых религиозных движений (НРД) как религиозной организации. Описаны и проанализированы типологии религиозных организаций церковь–секта М. Вебера и Э. Трельча, церкви–деноминации–секты Р. Нибура, культов Г. Беккера, взаимоотношение НРД с социокультурным окружением Б. Джонсона. Отмечается, что научный язык описания религиозных организаций не соответствовал появившимся в середине XX века необычным религиозным движениям. Это привело к дискуссиям относительно дефиниций и признаков НРД. Изучаются подходы зарубежных и отечественных исследователей А. Баркер, Б. Вильсона, А. Эйстер, Е.Г. Балагушкина, И.Я. Кантерова, Л.И. Григорьевой, Е.Н. Васильевой, Е.С. Элбакян, благодаря которым понятие НРД закрепилось в социологическом тезаурусе, были выработаны его признаки, выделены характеристики.

Рассматриваем термин НРД как состоящий из двух элементов. Их новизну, то есть временную границу, понимаем условно и определяем ее по отношению НРД к традиционным религиям, сложившимся социокультурным ценностям и установкам общества, а религиозность – по наличию свойства сакрального (священного). В результате выделяем десять признаков НРД: наличие харизматического лидера; социальный и/или культурный изоляционизм; отрицание генетической связи с конфессией; неукорененность в местной религиозной традиции и негативное отношение к ней; наличие неканонических религиозных текстов и неканонической догматики; синкретизм вероучения; детализация предписания поведения в повседневной жизни и разделение верующих на страты и уровни; недолгий срок существования; текучесть и первое поколение верующих.

Ключевые слова: новые религиозные движения, НРД, секта, церковь, деноминация, культ, конфессия, религиозные организации.

Введение

С середины XX века начинается «духовная революция», «религиозное возрождение», «реванш религий» [1, с. 86]. В большом количестве появляются ранее не существовавшие необычные религиозные движения. Однако в научном дискурсе отсутствовал адекватный терминологический аппарат для их описания. В результате дискуссий был предложен термин «новые религиозные движения», который получил признание и укрепился в исследовательской среде как наиболее удачный и объективный для описания необычных религиозных организаций, возникших во второй половине XX века.

В истории социологии религии и смежных областях гуманитарного знания предложено множество подходов к изучению феномена НРД, выработке дефиниции, определению признаков, характеристик, функций, взаимоотношений НРД с обществом, государством, традиционными религиями, места и роли в культуре и обществе.

Теоретико-методологические подходы

Термин НРД в научной среде стал активно использоваться только с 70-х гг. XX века, однако истоки изучения различных форм нетрадиционной религиозности можно обнаружить у классиков социологии.

Пионерами в области изучения нетрадиционной религиозности были немецкие социологи М. Вебер и Э. Трельч, которые в начале XX века разработали парадигму «церковь–секта». Данные авторы в первую очередь подразумевали под этими понятиями христианскую религию, то есть рассматривали христианскую церковь и христианскую секту. Они первыми провели детальный социологический анализ различий данных феноменов.

М. Вебер рассматривал теорию «церковь–секта» как идеальный тип, то есть как умозрительный сконструированный эталон. Он указывал, что секта «является волюнтаристским объединением лишь достойных (по идее) в религиозно-этическом отношении людей, квалифици-

рованных в качестве таковых и добровольно вступивших в это объединение, при условии столь же добровольно данного им разрешения, ввиду их доказанной религиозной избранности» [2, с. 277]. Таким образом, он выделял в качестве факторов сектантства добровольность членства и религиозное избранничество.

Э. Трельч расширил количество различий между церковной и сектантской организациями. В церкви и секте он видел различные способы религиозной проповеди и миссионерства. Он писал, что понятие «секта» не имеет оценочной коннотации, не содержит в себе негативного значения и стремится устранить бюрократические церковные препятствия общения с Богом: «они (секты) теряют в универсализме, непременно обвиняя Церковь в отступничестве <…> секта выказывает недоверие к церковным Таинствам <…> сектантский индивидуализм влечет к непосредственному общению индивида с Богом». Церковь, по выражению Трельча, «великая воспитательница народов», которая поддерживается государством и народом и укоренена в культуре. Секта же – организация индивидуалистов, вступивших в нее по личной религиозной инициативе, ее члены могут противопоставлять себя культуре: «секта не воспитывает народы, но собирает элиту призванных и резко противопоставляет ее миру» [3, с. 233–237]. Принадлежность к церкви определяется традицией, а не свободным выбором. Этим объясняется массовость церкви, в которой отсутствует строгий и постоянный контроль членства. Принадлежность к секте определяется добровольным выбором, в котором главную роль играют личные отношения. Важную роль в типологии Трельча играет мистицизм или радикальный индивидуализм, который, по его мнению, не связан с традиционной религией, не имеет социальной природы и проявляется как внутреннее переживание божественного.

Типология «церковь–секта» Вебера–Трельча была грандиозным прорывом в осмыслении социальной организации религии. Однако основной вклад в разработку и популяризацию проблемы типологий церкви и сект для широкой академической аудитории внесли американские исследователи.

Р. Нибур добавил к типологии «церковь–секта» третий элемент – «деноминацию» и предложил трехсоставную типологию «секта–деноминация–церковь», рассматривая ее через этапы развития религиозной организации. Он заметил, что в секте преобладают верующие первого поколения, а после их смерти секта прекращает свое существование в первоначальном виде и начинает функционировать как деноминация, то есть появляется возможность вступления всех желающих. Таким образом, разрастаясь, секты превращаются в церковь. Постепенно совершенствуются принципы управления, и деноминация становится церковью, а безразличность к миру сменяется открытостью и готовностью принять новых членов [4]. После этого процесс начинается заново: от большой церкви отделяется небольшая группа верующих, критикующих ее за бюрократизм, – секта, которая постепенно снова превращается через деноминацию в церковь. Таким образом Р. Нибур представлял свою типологию в виде постоянного процесса перехода сект в церкви, в которой ни одна из форм религиозных организаций не может существовать достаточно долго.

Г. Беккер закрепил понятие «культа» в социологическом аппарате. Он расширил предшествующие типологии, добавив к типологиям религиозных объединений М. Вебера и Э. Трельча четвертый элемент – культ, выдвинув концепцию «церковь – деноминация – секта – культ». Беккер считал, что культ не имеет социальной структуры. В нем главную роль играет личность организатора, лидера (или энтузиастов-организаторов) культа. Сама культовая группа недолговечна и не стремится расширить свою структуру [5, p. 624–642].

В последующем понятие культа перестало связываться исключительно с мистическими переживаниями, приобрело множество различных значений и толкований и стало ассоциироваться с любыми религиозными группами, которые не похожи системой верования на традиционные религии.

Сегодня понятие культа в науке имеет несколько значений. Во-первых, культ может пониматься как почитание, поклонение, уважение. Во-вторых, культом называют обрядовость, то есть систему религиозных ритуалов. Так, православный культ отличается от лютеранского системой священных таинств. В-третьих, культ – разновидность неинституционально организованного религиозного объединения, не имеющего связи с исторической религией. В культах, как правило, отсутствует формальное членство. Как видим, определения секты (как указал Э. Трельч) и культа в академической науке нейтральны. Религиозные движения, изначально возникшие в странах Запада (в основном в США), в обыденной речи получили названия культа, перетекли на территорию России и в условиях религиозного плюрализма стали называться сектами.

У Б. Джонсона был только один признак определения церкви и секты – их отношение с внешним миром, то есть обществом. Церковь он

понимал как религиозное сообщество, принимающее нормы общества, а секту как отвергающее их. Он стал первым, кто рассматривал не внутренние характеристики религиозной группы, а внешние, то есть указывал, что классификация группы зависит от ее отношений с внешним миром – обществом. Этот критерий стал важным для последующего анализа религиозных организаций. В методологическом плане подход Б. Джонсона дал инструментарий для изучения религиозных движений по критерию социальной напряженности, конфликтов, разногласий НРД с социокультурной средой, в которой они действуют.

С середины XX века начинают появляться необычные, экстравагантные религиозные движения, которые ранее не существовали, были «черным ящиком» для исследователей. Они не содержали признаки секты, обозначенные М. Вебером, Э. Трельчем, Р. Нибуром, не отделялись от окружающего мира, а, наоборот, старались в него влиться. Они не отделялись от большой христианской церкви, не искажали библейское учение, а делали объектами религиозного почитания, поклонения абстрактные нерелигиозные феномены. В отличие от сект, которые замкнуты на внутренней структуре и малочисленны, численность последователей некоторых НРД быстро достигла миллионов человек, что было гораздо больше верующих некоторых исторических религий. Например, в 1973 г. во Франции появилось движение раэлитов. Его основатель Клод Ворильон («Раэль») утверждал, что встретил по дороге на работу НЛО. Раэлиты верят, что жизнь на земле была создана пришельцами из космоса. Раэлиты сегодня самая многочисленная НЛО-религия в мире [6].

Возникшие течения вызвали негативное отношение со стороны общества, получив, за неимением терминологии, название секты и культа. Стала очевидной невозможность описывать появившиеся религиозные движения сектантской терминологией.

Научно нейтральный термин «секта» (как его понимали Вебер, Трельч, Нибур) постепенно приобрел исключительно негативное понимание, что вызвало в академических кругах бурные дискуссии о необходимости выработки нейтральной терминологии.

Исследователями было предложено несколько названий – нетрадиционные религии, новые религиозные объединения, маргинальные религии, оппозиционные религии, внеконфессиональные религии, внеконфессиональные движения, пародийные религии, изобретенные религии, молодежные религии, секты, тоталитарные секты, культы, деструктивные культы. Общепризнанным в научном сообществе оказался термин «новые религиозные движения» (New Religious Movements) [7, с. 6–20].

А. Эйстер критиковал предыдущие подходы к пониманию секты, указывая на противоречия и слабости теорий М. Вебера, Э. Трельча. Он пишет о том, что термин «секта» всегда понимается в нескольких смыслах. Для одних исследователей она «находится в состоянии войны с нравами», для других имеет «резко выраженную веру и практику», которая может вступать, а может не вступать в конфликт с окружающими, для третьих это «отколовшаяся группа». Поэтому он первым предлагает использовать термин «новые» (new) или «молодые» (young) религиозные движения (religious movements), который должен помочь «выйти за рамки старых концептуализаций» [8, p. 89].

Б. Вильсон обобщил признаки НРД: экзотическое происхождение; новый культурный стиль жизни; степень вовлеченности в движение, значительно отличающаяся от степени вовлеченности в жизнь традиционной христианской церкви; харизматический лидер; последователи – преимущественно молодые люди из образованных и обеспеченных слоев общества; необычность, привлекающая общественное внимание; деятельность на международном уровне; время возникновения – последние полтора десятилетия.

Главное место в истории изучения НРД занимает культовая фигура А. Баркер. Она стала организатором центра по изучению информации о новых религиозных движениях, который возник при прямой поддержке Министерства внутренних дел Великобритании. Баркер отказывается называть все НРД абсолютно деструктивными и преступными сообществами [9]. Она замечает, что наибольшее распространение НРД получают в 60–80-х гг. Баркер предложила использовать термин НРД в середине 70-х гг. и дала им следующее определение: «Мы называем их новыми, учитывая, что в своей теперешней форме они проявились уже после Второй мировой войны; религиозными, поскольку они предлагают религиозное или философское мировоззрение или средства, с помощью которых может быть достигнута какая-либо высшая цель: трансцендентальное знание, духовное просветление, самореализация или «истинное» развитие» [10, с. 166].

Очевидно, что это расплывчатое определение, которое не отражает сущностных характеристик НРД. Это признает и сама Баркер, которая указывает на невозможность всеохватывающего определения НРД, потому что они разнообразны, отличны их религиозные традиции:

«большинство ранних волн западных новых религий насчитывают столетия и принадлежат к иудео-христианской традиции, современная волна проявилась в конце XX столетия и происходит почти от всех традиций мира, а также от нескольких идеологий и философий» [11]. Также НРД различаются по образу жизни последователей, способам вовлечения, материальному положению, отношению к обществу и законам страны. Общее у них, пишет Баркер, только то, что они «новые и религиозные».

Баркер предостерегает от использования широких обобщений НРД. Она предлагает следующие признаки НРД.

1. Первое поколение верующих. Члены движения не воспитаны в данной вере, а стали новообращенными уже в сознательном возрасте.

2. Текучесть верующих. По причине того, что первое поколение вовлеченных постепенно стареет, на их место приходит новое «первое поколение» верующих. Поэтому уже сам возраст членов движения «обрекает его на постоянную текучесть».

3. Харизматические лидеры. Вера последователей в то, что лидер движения обладает особенными качествами.

Данного определения и подходов придерживается большинство отечественных исследователей – Е.Г. Балагушкин, И.Я. Кантеров, Л.И. Григорьева, Е.Н. Васильева, Е.С. Элбакян.

Е.Г. Балагушкин указывает, что преимущество термина НРД перед сектами заключается в его «мировоззренческой нейтральности». Он также отмечает и недостаток – термин применим только к еще не институционализированным религиозным группам, которые еще недостаточно оформлены в организационном плане. Важное слово «новые» в названии НРД означает, что его специфика заключается не во временном характере, а по отношению к «старым» традиционным религиям [12, с. 16–17].

И.Я. Кантеров, анализируя правовые акты, регулирующие конфессиональные отношения, критикует авторов, использующих термины «тоталитарная секта» и «деструктивный культ», и признает неправомерность их использования в юридической и научной среде [13, с. 23]. Он отмечает, что НРД – «феномен сложный и противоречивый» [13, с. 68–74], но среди имеющихся терминов наиболее подходящий: «данный термин наиболее созвучен с таким принципом научного исследования, как объективность. Термин НРД ориентирует исследователя воздерживаться от крайних субъективных оценок и суждений, не применять к религиозным взглядам последователей этого типа движений уничижительных характеристик» [13, с. 91].

Л.И. Григорьева выступает за использование в научных исследованиях термина НРД, потому что «в русском языке понятие «секта» изначально уже само по себе несло негативный эмоциональный оттенок» [14, с. 209]. Во-вторых, говоря о нетрадиционной религиозности, связывает ее с новыми качественными изменениями, новизной, противопоставлением традиционным религиям, глобализацией: «они выражают новое мироощущение, порожденное новой эпохой, и созвучны интуитивным, созревающим в массах потребностям в их религиозном выражении» [15, с. 60]. Среди характеристик НРД Григорьева отмечает высокую текучесть состава, «аморфность» организационной структуры, отсутствие иерархичности, оптимизм и надежду на скорое преобразование мира, а вероучение НРД «эклектично и всеядно» [15, с. 69–71].

Е.Н. Васильева рассматривает как «сектоведов» – противников термина НРД, так и защитников термина. Специфика НРД, по ее мнению, в особенностях групповой организации – высокой сплоченности, что свидетельствует о том, что НРД было бы правильнее называть новыми религиозными группами. Вероучение НРД она понимает как транзитивное, текучее, неустойчивое, подвижное, что позволяет им быстро реагировать на окружающую социополитическую обстановку [16, с. 157].

Е.С. Элбакян не дает строгого определения НРД, перечисляя его признаки: недавнее возникновение, неукорененность в социокультурном пространстве региона, отличительное от «традиционных» религий вероучение, а также последователей-неофитов, которые пришли благодаря миссионерской деятельности и наличию харизматического лидера [17, с. 113–114].

Результаты и обсуждение

Мы вслед за А. Баркер и отечественными исследователями И.Я. Кантеровым, Е.Г. Балагушкиным, Л.И. Григорьевой, Е.С. Элбакян будем пользоваться терминологическим аппаратом описания НРД.

Термин НРД состоит из двух частей – «новое» и «религиозное движение». Новизну религиозных движений, то есть временную границу, следует понимать условно и определять ее по отношению к традиционным религиям, сложившимся социокультурным ценностям и установкам общества. НРД экстравагантны и не похожи ни на одну религиозную доктрину, существовавшую ранее. Баркер предложила провести границу по Второй мировой войне, однако нужно отметить, что есть НРД, котором более ста лет, такие как «Церковь Иисуса Христа Свя-

тых последних дней» (мормонов) (около 200 лет), «Свидетели Иеговы» (около 150 лет). Мы считаем методологически приемлемым называть их просто новыми религиозными движениями или «старыми» новыми религиозными движениями.

Что касается религиозности, то сначала необходимо определить, что такое религия вообще. Общепринятого академического мнения относительно понятия «религия» в современном российском академическом сообществе не существует [18]. Ящик Пандоры дискуссиям открыл Э. Дюркгейм, который дал широкое определение религии: «Религия – единая система верований и действий, относящихся к вещам священным, то есть вещам отдельным и запретным; это система верований и обрядов, объединяющих в одну нравственную общину, называемую церковью, всех тех, кто им привержен» [19, с. 231]. В данной формулировке есть указание на религиозные верования, то есть на идеологию, и на обряды, ритуалы, правила поведения. Мы согласны с И.П. Давыдовым, который пишет, что данная формулировка «содержит однозначно маркирующую религиозное категорию "священного"» [20, с. 59–60]. Это позволяет понимать религию по отношению к не божественному или сверхъестественному (существуют религии, где сверхъестественное отсутствует или слито с посюсторонним), а к сакральному (священному). Сакральное обладает социокультурным значением и вырабатывается самими людьми посредством определенных социальных практик, при которых предметы культа приобретают специфическое свойство быть священными (в более высокой степени – святыми). Священное – это свойство, в терминологии немецкого феноменолога Р. Отто, быть нуминозным – misterium tremendum, то есть таинственным и приводящим в трепет [21, с. 22–35].

Э. Дюркгейм считал, что «любая вещь может быть священной» [19, с. 217]. К. Гирц утверждал: «То, во что люди верят, так же разнообразно, как разнообразны они сами» [22, с. 141]. Для Дюркгейма сакральным является не только то, что уже является таковым, а то, что становится сакральным благодаря социальным практикам. В НРД священными становятся самые разнообразные вещи: энергетические поля, внеземные силы и энергии, информация, знания, мистические существа (духи, боги, божества, ангелы, демоны), универсалии (дао, дхарма, софия), политические лидеры, герои фильмов и книг.

Движением, а не полноценной религией, НРД считаются, потому что имеют слабую, аморфную организационную структуру, зачастую они существуют недолгий срок и не имеют внутренней иерархии.

Таким образом, термин НРД до сегодняшнего дня остается «зонтичным термином» («Umbrella term»), который покрывает собой широкую область культурно-религиозной жизни [23, p. 390–394].

Безусловно, любая попытка четко определить, какое движение является новым религиозным движением, а какое нет, обречена на неудачу. Термин «секта» или «культ» имеет больше недостатков, чем НРД. За рамками академических исследований, в современной литературе, СМИ, выступлениях политиков и представителей правоохранительных органов сектами и культами часто называют «все подряд», приписывая им всевозможные априори негативные определения деструктивных и тоталитарных.

Итак, определить НРД возможно через перечисление ряда признаков.

1. Наличие харизматического лидера. Они подобны хорошим психологам – умеют общаться, увлекательно рассказывать, располагать к себе людей, входить в доверие. Все действия группы и поступки членов реализуются исключительно по воле духовного лидера, действия которого непредсказуемы; не связаны традициями. НРД создают (и здесь они ничем не отличаются от мировых религий) харизматические лидеры, расцвет НРД приходится на время их правления и жизни. После смерти харизматического лидера движение прекращает свою деятельность, однако, если появляется институт преемственности, НРД начинают походить на традиционные религии, в противовес которым были созданы.

2. Социальный и/или культурный изоляционизм. НРД замкнуты на уровнях социальной и культурной жизни. Для членов общины важна только внутренняя жизнь общины. Одни НРД резко противопоставляют себя обществу, культуре, образу жизни (этим схожи с сектами), другие стараются найти точки соприкосновения с обществом, встроиться в работу социальных институтов, стать массовыми.

3. Отрицание генетической связи с конфессией. Видоизменяются или вовсе отвергаются доктрины традиционных верований как морально устаревшие, бюрократические, не отвечающие «духу» времени. В России предметом критики обычно становится деятельность Русской православной церкви, законов, государственного строя. Само учение объявляется уникальным и истинным.

4. Неукорененность в местной религиозной традиции и негативное отношение к ней. Движения возникают и функционируют уже на почве сложившейся и действующей культуры. В культуре неизбежно формируется широкий религиоз-

ный пласт понимания мира. НРД интернациональны, непривязанность к конкретной нации позволяет им действовать на любой территории и в любом государстве. Они отрицают религиозный опыт прошлых поколений и цивилизаций, противопоставляют единственно «истинное» вероучение движения остальным НРД и религиям.

5. Наличие неканонических религиозных текстов и неканонической догматики. НРД часто прибавляют что-то к существующим религиозным священным текстам или издают собственные.

6. Синкретизм вероучения. Вероучение содержит элементы разнообразных религиозных идей, не опираясь ни на одну из религиозных традиций. НРД отличается догматическими и обрядовыми нововведениями от традиционных исторических религий.

7. Детализация предписания поведения в повседневной жизни и разделение верующих на страты и уровни. Последователи тесно вовлечены во внутреннюю жизнь общины при совпадении номинальной и фактической религиозности. Прошлая мирская жизнь индивида объявляется ложной, навязываются новые смыслы жизни, интерпретации общественных процессов, формы взаимоотношения с окружающими.

8. Недолгий срок существования. Определяется временем возникновением – второй половиной XX века. Исключения составляют «старые» НРД – «Свидетелей Иеговы» и «Свидетелей Иисуса Христа святых последних дней» (мормонов), которые насчитывают сотни лет. Отметим еще раз, что их новизну, то есть временную границу, следует понимать условно и определять ее по отношению к традиционным религиям, сложившимся социокультурным ценностям и установкам общества.

9. Текучесть верующих означает, что они являются членами НРД непродолжительное время. Люди меняют свои взгляды на жизнь, религию и могут переходить от одного движения к другому за короткий период времени.

10. Первое поколение верующих означает, что верующие, пришедшие в НРД, не воспитаны в данной вере, а приняли ее в сознательном возрасте. Когда появляется второе поколение верующих (у членов движений, например, рождаются дети, которых они начинают воспитывать и вовлекать в их деятельность), движения начинают походить на традиционные церкви. НРД являются таковыми, пока существует первое поколение верующих. Этот признак во многом детерминирует признаки № 8 (недолгий срок существования) и № 9 (текучесть верующих).

Выводы

Появление и расцвет разнообразных религиозных движений не соответствовали принятому в социологии религии языку описания религиозных групп середины XX века. Это способствовало выработке учеными нового термина – НРД и определению его ключевых характеристик и признаков. Отметим, что религиозные движения второй половины XX века очень различны. Следовательно, обобщение признаков, описанных в статье, почти всегда оказывается неточным, потому что некоторые из признаков могут быть присущи одним движениям и отсутствовать у других, то есть отличаться у различных НРД, ввиду их большого числа, различных вероучений, ритуалов, целей создания. Некоторые НРД уже сформировались и существуют сотни лет, у них есть организация, вероучение, догматика, их сложно отличить от сект и религий. Другие движения находятся только на стадии становления. Какие-то насчитывают десятки последователей, а некоторые сотни тысяч. Эти вопросы требуют дальнейшего наблюдения над эволюцией НРД как религиозных организаций для их научного описания и изучения.

Список литературы

1. Мчедлова М.М. Религиозные смыслы современной политики: потребность в новой эпистемологии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 83–90.

2. Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

3. Трельч Э. Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М., 1996. С. 226–237.

4. Нибур Х.Р. Радикальный монотеизм и западная культура // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: Юристъ, 1996. С. 225–374.

5. Becker H. The development and interaction of the ecclesia, the sect, the denomination, and the cult as illustrative of the dilemma of the church // Systematic Sociology. 1932. P. 613–642.

6. Palmer S. J. New Religious Movements and Religious Liberty in America / Ed. Derek H. Davis & Barry Hankins. Baylor: Baylor University Press, 2004. 238 p.

7. Астахова Л.С., Бигнова М.Р., Брилев Д.В. Новые религиозные движения. Уфа: БГПУ, 2018. 173 с.

8. Eister A.W. Toward a radical critique of church-sect typologizing: Comment on «Some Critical Observations on the Church-Sect Dimension» // Journal for the Scientific Study of Religion. 1967. Vol. 6. № 1. P. 85–90.

9. Barker E. (with Bryan R. Wilson) What are the New Religions doing in a secular society? // Anthony F. Heath, John Ermisch & Duncan Gallie (eds) Understanding Social Change. British Academy Centenary Monograph. Oxford University Press, 2005. P. 291–317.

10. Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 166 с.

11. Barker E. The cults? New Religious Movements // Facilitating Freedom of Religion or Belief: A Desk Book. Leiden, 2004. 572 p.

12. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. Ч. 2. М.: ИФ РАН, 2002. 248 с.

13. Кантеров И.Я. Новые религиозные движения (введение в основные концепции и термины): Учебное пособие. Ч. 1. Владимир: ВлГУ, 2006. 140 с.

14. Григорьева Л.И. К вопросу об использовании понятия «тоталитарная секта» по отношению к новым нетрадиционным религиозным движениям // Личность, творчество и современность. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. № 2.

15. Григорьева Л.И. Религии «Нового века» и современное государство (социально-философский очерк). Красноярск: СибГТУ, 2002. 399 с.

16. Васильева Е.Н. Новые религиозные движения: понятие и специфика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2016. № 1.

17. Элбакян Е.С. Новые религии западного происхождения в современной России: общие характеристики и специфические черты // Новые религии в России: двадцать лет спустя. М.: Древо жизни, 2013. С. 113–135.

18. Аринин Е.И. Что такое религия: 500 определений термина с комментариями. Владимир: ВГУ, 2013. 245 с.

19. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. М.: Канон+, 1998. 432 с.

20. Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. М.: МАКС Пресс, 2013. 180 с.

21. Пылаев М.А. Категория «священное» в современной западной философии религии // Религиоведческие исследования. 2011. №. 5-6. С. 22–35.

22. Гирц К. Интерпретация культур. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.

23. Beckford J. New Religions: An overview // The Encyclopedia of Religion (ER) / Ed. by M. Eliade. New York: Macmillan, 1987. Vol. 10. P. 390–394.

NEW RELIGIOUS MOVEMENTS AS A FORM OF RELIGIOUS ORGANIZATION: HISTORY OF RESEARCH, DEFINITIONS, FEATURES

E.V. Fomin

Lomonosov Moscow State University, Russia

The article deals with definitions, discussions, methodological approaches to the phenomenon of New Religious Movements (NRM) as a religious organization. The article analyzes the typologies of religious organizations church-sect by M.Weber and E.Troeltsch, church-denomination-sect by R.Niebuhr, the cults by G.Becker, the interaction of the NRMs with the sociocultural environment by B.Johnson. It is noted that the scientific language for describing religious organizations did not correspond to unusual religious movements that appeared in the middle of the 20th century. This led to discussions on the definitions and features of NRMs. We have studied the approaches of foreign and domestic researchers A. Barker, B. Wilson, A. Eister, E.G. Balagushkina, I.Ya. Kanterova, L.I. Grigorieva, E.N. Vasilyeva, E.S. Elbakyan. They agreed on the concept of NRM in the sociological thesaurus, developed its features and characteristics.

The term NRM consists of two elements. Their novelty, i.e., we define the temporal boundary of NRMs in comparison to time of traditional religions emergence, the values of society. Religiosity is defined by the presence of the sacral (sacred) property. As a result, we have singled out ten features of NRMs: the presence of a charismatic leader; social and/or cultural isolationism; denial of a genetic connection with a confession; lack of roots in the local religious tradition and a negative attitude towards it; the presence of non-canonical religious texts and non-canonical dogma; syncretism of doctrine; detailing the prescription of behavior in everyday life and the division of believers into strata and levels; short period of existence; fluidity and the first generation of believers.

Keywords: new religious movements, NRM, sect, church, denomination, cult, religious organizations.

УДК 316; 159.9
DOI 10.52452/18115942_2022_2_148

ТРУДОВЫЕ НАМЕРЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К РАБОТЕ В ИННОВАЦИОННОЙ КОМПАНИИ

© 2022 г.

Л.Н. Захарова, А.В. Савичева

Захарова Людмила Николаевна, д.психол.н.; проф.; заведующая кафедрой психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
zlnnnov@mail.ru
Савичева Анастасия Вячеславовна, аспирант кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
sav9497@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Представлены результаты эмпирического исследования намерений в отношении будущего трудоустройства студентов индустриальных колледжей с четырьмя уровнями психологической готовности к работе в условиях инновационной компании, определенной в соответствии с требованиями к персоналу нового технологического уклада «Индустрии 4.0» (*N*=169). Раскрыто значение организационной культуры и производственной практики для становления психологической готовности. В колледжах сложилась типичная для образовательных учреждений кланово-иерархическая организационная культура и отсутствуют программы организационной социализации в отношении требований «Индустрии 4.0». Дан сравнительный анализ намерений в отношении трудоустройства студентов колледжа с базой практики на ординарном предприятии с традиционной организационной культурой кланово-иерархического типа и на инновационном предприятии с организационной культурой рыночно-иерархического типа с выраженным адхократическим компонентом. Студенты в целом недостаточно полно представляют организационные условия инновационных компаний. Выявлена слабость регуляторов отношения к труду. Показано, что подготовка в традиционной организационной культуре без программ социализации имеет низкую результативность и является сдерживающим фактором формирования психологической готовности к работе на инновационном предприятии. Частичное решение проблемы дает практика в инновационной компании. Она обеспечивает психологическую готовность третьего уровня у студентов (студенток), количество которых в 1.3 раза (1.6 раза) превышает количество студентов с таким уровнем готовности с практикой на ординарном предприятии. Значительное число выпускников не имеют планов по трудоустройству (до 45%). Особенно сложной является ситуация с трудоустройством студентов со спонтанно приобретенной готовностью третьего уровня из колледжа без практики на инновационном предприятии. Они не осознают своей возможной востребованности, не имеют навыков поведения на современном рынке труда и теряются как потенциальный человеческий капитал компаний. Показана необходимость разработки и внедрения в образовательный процесс индустриальных колледжей программ упреждающей организационной социализации в отношении требований «Индустрии 4.0».

Ключевые слова: рейтинг; трудовые намерения; организационная культура; ценности; производственная практика; отношение к труду; ординарная компания; инновационная компания, организационная социализация; психологическая готовность.

Введение

Наступление нового технологического уклада «Индустрии 4.0» создает новые вызовы к жизнеспособности компаний, меняет требования к качествам персонала, способного работать без переживания стресса, разрушающего здоровье и профессиональную деятельность в условиях постоянных организационных изменений, связанных с внедрением технологических и управленческих инноваций. Внешняя среда компаний приобретает характеристики VUCA-мира, мира с характеристиками нестабильности (V – volatility), неопределенности (U – uncertainty), сложности (C – complexity) и неоднозначности (A – ambiguity). Такими являются организационные среды многих компаний, стремящихся сохранить свою жизнеспособность и конкурентоспособность [1].

Россия в настоящее время занимает только 45-е место в Глобальном индексе инновационности, в котором представлены 132 страны, причем качество человеческого капитала находится на 29-м месте, а результативность деятельности, связанной с инновациями, – на 56-м [2]. Это свидетельствует о том, что менеджмент компаний далеко не в полной мере может использовать имеющийся человеческий капитал. По данным Министерства экономического развития, производительность труда в России в

2–3 раза меньше, чем в развитых странах [3]. Изменить такое положение дел можно только усилением инновационного развития конкретных компаний и экономики в целом.

В решении этой проблемы особое значение приобретает как внутрикорпоративная подготовка имеющегося персонала к трудовой деятельности в условиях внедрения инноваций, так и подготовка потенциального персонала, получающего образование в вузах и колледжах. Компаниям все больше нужны сотрудники, являющиеся приверженцами ценностей инновационности, креативные, вовлеченные в процесс труда, психологически готовые к постоянному обучению и самообучению, развивающиеся вместе с компанией, способные за счет этих качеств справляться со стрессом внедрения инноваций [4, 5]. Выпускники индустриальных колледжей, находясь на переднем крае индустриализации, не являются исключением.

Статистические данные свидетельствуют, что среди выпускников вузов 2016–2018 гг. по специальности не работает 31%, а среди выпускников колледжей эта доля составляет 43%, выпускников профессиональных училищ – 50%. И это в основном не вследствие безработицы, ее уровень составлял на начало 2020 г. около 18% [6; 7]. Оценка трудоустройства выпускников является важным показателем в системе работы среднего профессионального образования (СПО). Однако при этом, как правило, не учитывается, что запрос на подготовку кадров могут предъявлять устаревшие предприятия, на которых молодые люди не хотят работать, и в то же время инновационные производства не могут найти работников нужной квалификации, поскольку система образования не имеет кадровых и материальных ресурсов для подготовки персонала высокого уровня [8].

Результаты исследования удовлетворенности работодателей качеством подготовки кадров в СПО показали, что 25% руководителей отечественных предприятий и организаций скорее не удовлетворены уровнем квалификации молодых работников, трудоустроенных в течение одного года после выпуска. При этом 40% респондентов уверенно заявили о полной неудовлетворенности уровнем профессиональной квалификации молодежи, удовлетворены лишь 35% работодателей [9, с. 536]. Показано, что подготовка рабочих кадров осуществляется в рамках ФГОС СПО, не учитывающих актуального состояния производства в отраслях, внедрения инноваций, результатов и планов модернизации организаций и предприятий [9, с. 541]. Вопросы психологической готовности к работе в условиях внедрения инноваций не рассматриваются вовсе. Они приобретают особую актуальность потому, что для современной России характерна вариативность корпоративных и организационных культур (ОК), которые отличаются от культур образовательных сред, часто остающихся консервативными.

Известно, что современные компании, успешно входящие в новый технологический уклад, обладают ОК рыночно-инновационного типа, в то время как для большинства образовательных организаций ОК остается кланово-иерархической [10; 11]. Такое положение дел существенно затрудняет адаптацию выпускника в чуждой для него ОК и закономерно снижает желание работодателей принять его на работу. Работник, ориентированный на психологическую защиту клановой и стабильность иерархической составляющих взрастившей его ОК, не является привлекательным для современной компании, жизнеспособность и конкурентоспособность которой зависят от роста ее инновационности как условия эффективности в VUCA-мире.

Идея организационной социализации не нова. Впервые она была обозначена и получила развитие в трудах Дж. Ван Маанена и его последователей [12], когда речь шла о необходимости скорейшей социализации выпускника, любого нового сотрудника в организационных условиях конкретной компании. В настоящее время задачи значительно сложнее, если не будут меняться организационные условия образовательных учреждений, усиливая деловой и инновационный компонент в ОК как основу успешной социализации в инновационной компании. Эти задачи стоят в программах упреждающей организационной социализации в VUCA-мире и практически отсутствуют в российских индустриальных колледжах [13–15].

Тем не менее психологическая готовность к работе в инновационных компаниях возникает и спонтанно. В ее основе могут лежать особенности семейного или школьного воспитания, личные интересы студента, общение с конкретным преподавателем, изучение тех или иных дисциплин, затрагивающих вопросы специфики организационных условий, рассказы знакомых или материалы из средств массовой информации. Особенно подчеркивается значимость производственной практики, дающей возможность студентам приобщиться к трудовой деятельности и организационным условиям современных предприятий [16].

Проведено исследование, имеющее целью выявление трудовых намерений студентов индустриальных колледжей с разным уровнем психологической готовности к труду в современных организационных условиях, прошедших производственную практику в ординарной и инновационной компаниях.

Методика проведения исследования

Исследование проведено в три этапа. *На первом этапе* найдены базы эмпирического исследования: два индустриальных колледжа и два предприятия машиностроительного кластера, с разной успешностью входящих в новый технологический уклад «Индустрии 4.0» и являющихся основными работодателями для выпускников этих колледжей. Проведена диагностика сложившихся на предприятиях и в колледжах типов ОК. Обе компании – работодатели с большой историей еще с советских времен. Одно предприятие (далее – инновационное) успешно входит в новый технологический уклад, высококонкурентоспособно и жизнеспособно, обладает организационными условиями, соответствующими ОК рыночно-иерархического типа с выраженным инновационным (адхократическим) компонентом. Это предприятие является основным работодателем для выпускников Радиотехнологического колледжа (далее – РТ-колледж). Второе предприятие (далее – ординарное), несмотря на усилия менеджмента перевести его в инновационный формат развития, все более утрачивает свои позиции на рынке и занимается в основном ремонтными работами, сохраняя типичную для таких компаний кланово-иерархическую модель ОК. Специалистов для ординарной компании готовит Индустриально-технологический колледж (далее – ИТ-колледж). Именно на этих предприятиях студенты проходят практику и получают первый опыт организационных отношений и трудовой профессиональной деятельности. В самих колледжах специальные программы организационной социализации в отношении требований «Индустрии 4.0» отсутствуют. В обоих колледжах сложилась иерархически-клановая модель организационной культуры, типичная для российских индустриальных колледжей [17].

На втором этапе разработана и апробирована технология оценки психологической готовности студентов к работе в организационных условиях современного инновационного предприятия [18]. В основе технологии лежит теоретическая модель психологической готовности с относительной значимостью комплекса показателей, востребованных «Индустрией 4.0»: организационно-культурные ценности желаемого места работы, знания об организационных условиях инновационной компании, отношение к труду, актуальная и перспективная трудовая мотивация, креативность. Для диагностики организационной культуры и организационно-культурных ценностных предпочтений использован метод OCAI (инструмент оценки организационной культуры) К. Камерона и Р. Куинна [19], дополненный вопросом: «Какие организационные условия, на Ваш взгляд, характерны для современного инновационного предприятия?», позволяющий выявить знания студентами организационных условий современного инновационного предприятия. Отношение к учебе/труду по трем значимым показателям: вовлеченность, активность и удовольствие – изучено с помощью методики Дж. Спенса и А. Роббинса [20]. Мотивационная вовлеченность в учебную/трудовую деятельность в момент исследования и на пятилетнюю перспективу оценена с использованием метода личностных самоидентификаций М. Куна и Т. Мак-Партленда [21]. Личная креативность оценена с помощью теста Г. Роршаха [22]. При максимальном суммарном показателе, равном 100 баллам, студенты распределяются по четырем кластерам: от очень низкой и полной неготовности (1-й кластер от 0 до 25 баллов) до очень высокой и полной готовности (4-й кластер от 76 до 100 баллов). Коэффициенты корреляции индивидуальных показателей психологической готовности с экспертными оценками составляют в ИТ-колледже r=0.745 и в РТ-колледже r=0.705 [18].

На третьем этапе исследования выявлены намерения студентов относительно трудовой занятости после окончания колледжа по квартилям готовности. Вопрос для оценки намерений был сформулирован так, чтобы дать максимальную свободу ответа («Как Вы представляете свою трудовую занятость после окончания колледжа?»). Ответы были распределены по четырем категориям: «Работа по специальности»; «Работа не по специальности», «Нет никаких планов»; «Буду получать высшее образование». Отмечено, на каких предприятиях намерены работать выпускники: «своем» или каком-то другом.

Респонденты: 83 студента (56 юношей и 27 девушек) ИТ-колледжа и 86 студентов (61 юноша и 25 девушек) РТ-колледжа. Результаты представлены в таблицах 1–4.

Результаты исследования и их анализ

Одинаковый иерархически-клановый тип сложившейся ОК в индустриальных колледжах при отсутствии программ организационной социализации в соответствии с требованиями «Индустрии 4.0» делает особо актуальным вопрос о том, насколько выпускники колледжей приобретают готовность к работе в организационных условиях нового технологического уклада.

Таблица 1

Распределение студентов по квартилям рейтинга психологической готовности к труду в инновационной компании

Колледжи	Гендер	Квартили			
		1	2	3	4
ИТ	Юноши	2 (3.6%)	28 (50%)	25 (44.6%)	1 (1.8%)
	Девушки	1 (3.7%)	18 (66.6%)	7 (26%)	1 (3.7%)
РТ	Юноши	2 (3.2%)	22 (36.1%)	35 (57.5%)	2 (3.2%)
	Девушки	1 (4%)	12 (48%)	11 (44%)	1 (4%)

Данные таблицы 1 показывают, что количество студентов как с очень низким, так и с очень высоким уровнем психологической готовности очень невелико: по 2–3 человека. С одной стороны, это показывает, что колледжи обеспечивают определенный уровень готовности, а с другой – что резервы роста велики. Тот факт, что только единицы входят в высший, четвертый, квартиль готовности, свидетельствует, что задача подготовки кадров для новой экономики решается с явно недостаточной эффективностью.

Второй и третий квартили имеют наибольшую наполняемость. По ней можно судить о влиянии на готовность студентов производственной практики на одинарном и инновационном предприятиях. Особый интерес вызывает готовность студентов, попадающих в третий квартиль. Этот уровень готовности не вполне достаточный, но все же он может быть повышен социализационными (адаптационными) программами, наставничеством в самих инновационных компаниях, хотя это сопровождается финансовыми и временн*ы*ми издержками. Выпускники с готовностью на уровне второго квартиля, как правило, не востребованы инновационными компаниями, за исключением случаев крайней нехватки кадров.

Уровень готовности выше среднего существенно преобладает в РТ-колледже: 57.5% юношей против 44.6% в ИТ-колледже и против 36.1% в том же РТ-колледже с готовностью ниже среднего уровня. Особенно сложная ситуация в ИТ-колледже со студентками. Подавляющее количество девушек имеют уровень готовности ниже среднего: 66.6%, и только 26% студенток ИТ-колледжа попадают в третий квартиль, в то время как в РТ-колледже в третий квартиль входят 44% студенток. Образовательный процесс и практика в формате иерархически-клановой ОК негативно сказываются на психологической готовности девушек-студенток. Это объясняется тем, что в этой модели ОК, как правило, действуют гендерные стереотипы, препятствующие вовлеченности девушек в образовательный процесс подготовки к техническим, традиционно мужским профессиям. Практика в инновационной компании смягчает действие гендерного стереотипа [23].

Эти данные свидетельствуют о том, что в рамках одной ОК, по своим характеристикам не соответствующей требованиям «Индустрии 4.0», достигаются разные результаты психологической готовности и лучшие там, где студенты проходят практику на базе инновационной компании. Полученные позитивные результаты проявляются только в виде тенденции и не снимают проблему организационной социализации.

Данные таблиц 2 и 3 позволяют более детально рассмотреть эффекты обучения в иерархически-клановой ОК и опыта практики в компаниях с разным уровнем инновационности и с соответствующими им типами ОК. В этих же таблицах представлено видение студентами присутствия адхократического и рыночного компонентов в ОК инновационной компании.

Можно видеть, что студенты ИТ-колледжа, не сталкивающиеся с реальными инновационными и рыночными условиями, полагают, что на современном предприятии достаточно высокий уровень инновационности, причем студенты и студентки из третьего квартиля полагают, что инновационность выше (юноши второго квартиля оценивают инновационность в ОК в 20.8% против 26.7% у юношей третьего квартиля, $p \leq 0.01$, у девушек второго квартиля 22.3%, в третьем квартиле 25.7%, $p \leq 0.05$). Желания инновационности организационных условий находятся в диапазоне 21.6 – 25.8%. Максимальное значение у юношей третьего квартиля, но между квартилями статистически значимые различия отсутствуют.

С рыночной составляющей ОК ситуация несколько иная. Студенты ИТ-колледжа относятся к ней более эмоционально. Они не только уверены, что она значительно представлена в ОК современного предприятия (в диапазоне от 24.6–25.7%, по мнению юношей, до диапазона 20.1%, по мнению девушек второго квартиля, и 31.7%, по мнению девушек третьего квартиля, $p \leq 0.01$), но и желают ее на своих будущих рабочих местах. Желания этой составляющей ОК зависят от квартиля респондентов. И юноши, и девушки из третьего квартиля статистически значимо желают на своем рабочем месте более выраженного присутствия рыночной составля-

Таблица 2

Средние значения и статистическая значимость различий между совокупностями показателей психологической готовности студентов-юношей, входящих во второй и третий квартили рейтинга

Колледжи/ квартили	Желательное присутствие компонента ОК на будущем месте работы		Присутствие компонента ОК в инновационной компании		Отношение к учебе/труду		
	Инновационного	Рыночного	Инновационного	Рыночного	Вовлеченность	Активность	Удовольствие
ИТК_2	24.6	21.1	20.8	24.6	2.3	2.8	2.7
ИТК__3	25.8	25.3	26.7	25.7	3.0	3.1	2.9
U	–	*	**	–	**	–	–
РТК_2	26.6	17.8	24.8	20.5	2.7	2.9	3.2
РТК_3	25.0	25.5	23.6	26.7	3.3	3.2	3.1
U	–	**	–	*	*	T	–
W ИТК2 – РТК2	–	*	*	*	*	–	**
W ИТК3 – РТК3	–	–	*	–	T	–	–

В табл. 2 и 3: U – критерий Манна–Уитни; W – критерий Вилкоксона; статистически значимые различия
* –$p \leq 0.05$;
** –$p \leq 0.01$, T – тенденция;
– – статистически значимые различия отсутствуют.

Таблица 3

Средние значения и статистическая значимость различий между совокупностями показателей психологической готовности студенток, входящих во второй и третий квартили рейтинга

Колледжи/ квартили	Желательное присутствие компонента ОК на будущем месте работы		Присутствие компонента ОК в инновационной компании		Отношение к учебе/труду		
	Инновационного	Рыночного	Инновационного	Рыночного	Вовлеченность	Активность	Удовольствие
ИТК_2	21.6	20.0	22.3	20.1	2.6	3.0	2.9
ИТК__3	22.6	32.4	25.7	31.7	2.8	3.5	3.0
U	–	**	*	**	–	*	–
РТК_2	21.7	17.6	25.2	17.9	2.6	2.8	2.8
РТК_3	30.9	22.6	26.3	26.9	2.7	3.4	3.3
U	**	*	–	*	–	*	*
W ИТК2 – РТК2	–	*	*	*	–	–	–
W ИТК3 – РТК3	*	*	*	*	–	–	T

ющей: юноши до 25.3%, девушки до 32.4%. Таким образом, не имея опыта учебы или труда в ОК с выраженным рыночным компонентом, студенты, особенно третьего квартиля, желают его присутствия. Эти желания, базирующиеся на самооценке своей готовности, порождают и специфичное отношение к учебе/труду, проявляющееся, в зависимости от гендерной принадлежности, у юношей третьего квартиля в статистически значимой более высокой вовлеченности в процесс учебы и труда, а у девушек – в активности. Следует отметить, что это не сопровождается получением удовольствия, то есть студенты желают рыночных отношений, демонстрируют определенные усилия в учебе и труде, но исходя только из соображений необходимости.

Студенты РТ-колледжа имели опыт практики в ОК с выраженными рыночной и адхократической составляющими. Если в отношении инновационности серьезных различий с показателями студентов ИТ-колледжа нет, можно видеть, насколько более сдержанны в своих оценках рыночного компонента ОК студенты, относящиеся ко второму квартилю РТ-колледжа. Студенты оценивают присутствие рыночного компонента в 20.5%, студентки в 17.9%, желания его присутствия на будущем месте работы 17.8% у юношей, 17.6% у девушек. В третьем квартиле показатели принципиально иные, статистически значимо отличающиеся от показателей студентов и студенток второго квартиля. Юноши третьего квартиля видят значительно большее присутствие рыночного компонента в компании и хотят его присутствия существенно большего: 17.8% – желания юношей, чьи показатели соответствуют второму квартилю, 25.5% – желания в третьем квартиле, $p \leq 0.01$. Девушки второго квартиля желают присутствия рыночного компонента на уровне 17.6%, а девушки третьего квартиля – 22.6%, $p \leq 0.05$. В показате-

Таблица 4

Намерения студентов в отношении трудовой занятости после окончания колледжа, %

Колледжи	Гендер	Квартили	Профессиональные планы			
			По специальности	Не по специальности	Нет планов	ВО
ИТ	Юноши	1	–	–	100	–
	Девушки		100	–	–	–
РТ	Юноши		–	–	–	100
	Девушки		–	–	–	100
ИТ	Юноши	2	31	23	38	8
	Девушки		50	11	28	11
РТ	Юноши		42	12	46	–
	Девушки		50	8	17	25
ИТ	Юноши	3	24	21	45	10
	Девушки		57	–	–	43
РТ	Юноши		45	13	32	10
	Девушки		55	–	36	9
ИТ	Юноши	4	100	–	–	–
	Девушки		100	–	–	–
РТ	Юноши		50	50	–	–
	Девушки		–	–	–	100

лях отношения к учебе/труду видна та же тенденция, что отмечена у студентов ИТ-колледжа: юноши третьего квартиля более вовлечены, чем студенты из второго квартиля, девушки более активны. Вместе с тем у девушек третьего квартиля статистически значимо присутствует удовольствие, сопровождающее учебу/труд.

Полученные данные свидетельствуют, что студенты индустриальных колледжей довольно слабо представляют, что такое и в чем проявляются инновационные ценности в организационных условиях современных инновационных компаний, и ориентируются, скорее, на «модные» слова. Они значительно переоценивают присутствие инновационного компонента, давая ему оценки, близкие к тем, что ставит менеджмент на перспективу [10, с. 104]. Рыночная составляющая представляется более привлекательной, чем она есть на самом деле, поскольку ее характеристики, включая нагрузки, специфику оплаты труда и внутреннюю конкуренцию, довольно тяжелы для молодого специалиста. Как показали исследования на материале китайских колледжей, столкновение с рыночной реальностью снижает желание к работе в ней [17]. В данном исследовании это видно по показателям студентов из разных квартилей. Студенты второго квартиля далеко не в полной мере имеют психологическую готовность к рыночным требованиям. К ним, по-видимому, на практике и не предъявляют эти требования во всей полноте, поскольку они с ними не справятся, отсюда довольно невысокая доля присутствия рыночного компонента, ниже, чем по предположительным оценкам студентов ИТ-колледжа: 21.1% в ИТ-колледже, 17.8% в РТ-колледже.

Студенты РТ-колледжа, психологически готовые осваивать рыночные условия, видят профессиональные и финансовые перспективы, открыты требованиям рыночной составляющей ОК, желают ее присутствия уже не на основе предварительной информации, а на основе реальности. Однако, поскольку их участие в этой ОК ограничено практикой, остается открытым вопрос, насколько желательна целенаправленная организационная социализация в колледже в отношении требований к персоналу «Индустрии 4.0», чтобы не только усилить привлекательность рыночно-инновационных организационных условий, но и обеспечить реальную компетентность выпускников.

В таблице 4 можно видеть данные о трудовых намерениях студентов индустриальных колледжей, входящих в разные квартили психологической готовности к работе в организационных условиях современной компании.

Хотя количество студентов в первом и четвертом квартилях мало, все же их планы весьма показательны. Психологически неготовая к работе в условиях инновационной компании девушка делает очень прагматичный выбор: она собирается работать на предприятии с ОК, близкой ОК ее ИТ-колледжа, что обусловливает быструю трудовую и организационную адаптацию. Юноши чувствуют бесперспективность работы на предприятии-работодателе, к другому они психологически не готовы. Как результат – растерянность и отсутствие планов. Для студентов первого квартиля РТ-колледжа, имеющих опыт практики на инновационном предприятии, логично отправиться получать высшее образование в надежде лучше подготовиться к будущему.

Немногочисленные студенты четвертого квартиля более определенны: и девушка, и юноши ИТ-колледжа пойдут работать по специальности. Один юноша РТ-колледжа намерен рабо-

тать по специальности, второй направится в бизнес, а девушка – получать высшее образование.

Наибольший интерес вызывают планы студентов второго и третьего квартилей как наиболее многочисленных, но по-разному готовых к труду в условиях современного предприятия подгрупп. Можно видеть, что только 31% юношей из второго квартиля ИТ-колледжа намерены работать по специальности, 61% намерены работать не по специальности, или у них нет никаких планов. Половина девушек, как более последовательных в выборе места работы, планируют работать по специальности на уже знакомом им по практике предприятии, но и почти треть (28%) не имеют никаких планов.

Интересны планы студентов ИТ-колледжа из третьего квартиля. Только 24% готовы работать по специальности, а 45% не имеют никаких планов. У девушек и тут более определенная ситуация: 57% планируют работать по специальности, а 43% отправятся в вуз. Такой выбор будущей занятости студентов третьего квартиля ИТ-колледжа, наиболее психологически готовых к работе в современных условиях, свидетельствует, что их большая часть не видят перспектив для себя. Они, возможно, даже не представляют, что могли бы быть востребованы современными компаниями, и в силу отсутствия такого опыта и программ социализации не ориентируются на рынке труда. Предприятие – основной работодатель им не интересен, а другого они не знают и не имеют сформированных моделей эффективного поведения на современном рынке труда. Таким образом, можно видеть, что молодые мужчины, имеющие инновационно-рыночные ценностные ориентации, закономерно меньше, чем их сверстники из РТ-колледжа, вовлечены в процесс учебы и практики (3.0 против 3.4, $p \leq 0.05$), теряются для экономики, в то время как могли бы стать частью человеческого капитала современной компании.

Количество студентов-юношей РТ-колледжа из третьего квартиля, намеренных работать по специальности, составляет 45%, это меньше половины, но почти в два раза больше, чем в ИТ-колледже. Но все же 32% не нашли себя в профессии и не имеют никаких планов. У девушек ситуация в чем-то близка ИТ-колледжу: больше половины (55%) планируют работать по специальности, но количество неопределившихся так же велико, как в группе юношей: 36%, а количество намеревающихся поступать в вуз почти такое же, как у юношей: 9% против 10%.

Таким образом, колледж с базой практики на инновационном предприятии имеет существенно больше выпускников с намерением работать по специальности на таком предприятии, будучи психологически готовыми к его организационным условиям. Это важно, поскольку не любая практика безусловно полезна. Больше практики – не значит однозначно лучше. Значение имеет, насколько база практики индустриальных колледжей по своим характеристикам соответствует требованиям нового технологического уклада. Но и этого недостаточно, учитывая, какая часть студентов намерены работать по специальности даже на ждущем их инновационном предприятии. Возможно, более значимой, реальной и неотложной задачей является изменение ОК самих колледжей в направлении, обеспечивающем преемственность организационных условий колледжа и инновационной компании. Такой позитивный опыт есть, например, в Китайской Народной Республике, где ОК колледжей имеет характеристики гармоничности, а студенты обладают высоким уровнем психологической готовности, хотя и там есть существенный ресурс развития, связанный со слишком жесткими проявлениями рыночного компонента ОК, адаптироваться к которому выпускнику колледжа достаточно сложно [17].

Выводы

1. Наступающий новый технологический уклад «Индустрии 4.0» создает определенные требования к персоналу. Несоответствие этим требованиям снижает качество человеческого капитала компании и, следовательно, ее жизнеспособность. Результаты образовательного процесса в индустриальных колледжах далеко не в полной мере соответствуют потребностям компаний, вступающих в новый технологический уклад.

2. Традиционный иерархически-клановый тип организационной культуры индустриальных колледжей не обеспечивает становления психологической готовности высокого уровня к работе в условиях инновационной компании. Только единицы из числа студентов, даже после производственной практики в инновационной компании, входят в высший четвертый квартиль готовности, что подчеркивает влияние организационной культуры образовательного учреждения, превышающее по силе относительно кратковременное воздействие рыночно-адхократической составляющей организационной культуры инновационного предприятия.

3. Наличие базы практики на инновационном предприятии способствует частичному решению проблемы. Психологическая готовность складывается у существенно большего числа студентов по сравнению с колледжами, не имеющими такой практики. Но этот успех проявляется только в виде тенденции и сопровождается

большим количеством не определившихся с трудоустройством выпускников, что свидетельствует о том, что позитивное отношение к труду и осознание своей готовности сформировано не у всех и не в полной мере.

4. В тех колледжах, где практика проводится в ординарных компаниях, психологическая готовность, соответствующая третьему квартилю, спонтанно складывается у некоторой части студентов, у юношей больше, у девушек меньше. Но даже такие выпускники теряются на рынке труда, не имея желания работать на отсталых предприятиях и не ориентируясь в тех, где они могли бы быть востребованными.

5. Студенты далеко не в полной мере обладают знаниями об организационных условиях и требованиях к персоналу в современных инновационных компаниях, важнейшие регуляторы подготовки в виде отношения к труду действуют очень ограниченно, особенно такой важный регулятор, как удовольствие от выполняемой учебной работы или труда, являющееся подкреплением освоенных эффективных моделей поведения.

Безусловно, колледжи нуждаются в базах практики на современных инновационных предприятиях. Но особенно актуальными задачами являются пересмотр и изменение организационной культуры, сдерживающей становление психологической готовности студентов, а также разработка программ упреждающей организационной социализации применительно к требованиям к персоналу «Индустрии 4.0». Внедрение таких программ в учебный процесс обеспечит повышение количества студентов, психологически готовых к работе в инновационных компаниях, тем самым способствуя повышению качества их человеческого капитала.

Список литературы

1. Johansen B., Euchner J. Navigating the VUCA world // Research-Technology Management. 2013. Vol. 56. № 1. P. 10–15.

2. Global Innovation Index 2021 / Eds. S. Dutta, L.R. Leyn, S.Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business, 2021. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 27.02.2022).

3. Национальный проект «Производительность труда» // Сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 15.03.2022).

4. Кергроуч С. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Форсайт. 2017. Т. 11. № 4. С. 6–8.

5. Fossen F., Sorgner A. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13. № 2. P. 10–18.

6. Треть выпускников вузов РФ последних лет не работают по специальности. Москва, 4 июня 2020 – РИА Новости // Прайм. URL: https://na.ria.ru/20200604/1572466272.html (дата обращения: 15.03.2022).

7. Лопатина М.В., Леонова Л.А., Травкин П.В. и др. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда: информационный бюллетень / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 72 с. URL: https://lirt.hse.ru/data/2020/07/22/1596769782/Graduate_e_book.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

8. Клячко Т.Л., Семионова Е.А. Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 2. С. 100–125.

9. Степанов А.А. Анализ удовлетворенности работодателей качеством подготовки рабочих кадров в Российской Федерации // ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления). 2018. Т. 10. № 4. С. 531–547.

10. Захарова Л.Н., Леонова И.С., Коробейникова Е.В. Ценностный конфликт и психологическая жизнеспособность персонала российских предприятий: Монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 406 с.

11. Грачев А.А. Организационная культура и жизнеспособность работника как факторы эффективности взаимодействия организации с VUCA-средой // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 2. С. 29–43.

12. Van Maanen J., Schein E. Towards a theory of organizational socialization // Research in Organizational Behavior. JAI PRESS, Greenwich, 1979. Vol. 1. P. 209–264.

13. Farag M.S., Elias R. The relationship between accounting students' personality, professional skepticism and anticipatory socialization // Accounting Education. 2016. Vol. 25. № 2. P. 124–138.

14. Fetherston M. Information seeking and organizational socialization: a review and opportunities for anticipatory socialization research // Annals of the International. Communication Association. 2017. Vol. 47. № 3–4. P. 258–277.

15. Canzittu D. A framework to think school and career guidance in a VUCA world // British Journal of Guidance & Counselling. 2020. September. P. 1–12.

16. Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Травкин П.В. Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования. 2019. №1. С. 109–136.

17. Захарова Л.Н., Шилова Л.Н., Гадбеджи Зухра, Чжу Лиучуан. Организационная культура индустриальных колледжей и предприятий России, Китая и Ирана в оценках студентов и преподавателей // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 234–254.

18. Захарова Л.Н., Савичева А.В. Рейтинг психологической готовности студентов индустриальных

колледжей к работе в организационных условиях Индустрии 4.0 // Среднее профессиональное образование. 2022. № 3. С. 50–55.

19. Cameron K.S, Quinn R.E. Diagnosing and changing organizational culture based on the competing values framework. 3rd edition. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2011.

20. Spence J.T., Robbins A.S. Workaholism – definition, measurement, and preliminary results // Journal of Personality Assessment. 1992. Vol. 58. P. 160–178.

21. Kuhn M.H., McPartland T.S. An empirical investigation of self-attitudes // American Sociological Review. 1954. Vol. 19. P. 68–76.

22. Charles M., Durham-Fowler J., Malone J.C. Factors discriminating creative engagement on an unstructured task: Creativity and the Rorschach // Bulletin of the Menninger Clinic. 2016. № 2. P. 97–130.

23. Захарова Л.Н., Леонова И.С. Социально-психологический возраст персонала российских компаний. М.: ИНФРА-М, 2021. 292 с.

LABOR INTENTIONS OF INDUSTRIAL COLLEGE STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF PSYCHOLOGICAL READINESS TO WORK IN AN INNOVATIVE COMPANY

L.N. Zakharova, A.V. Savicheva

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Russia

The paper presents the results of empirical study of labor intentions of industrial college students with four levels of psychological readiness to work in an innovative company, defined in accordance with the requirements to the personnel of the new technological mode of Industry 4.0 (*N*=169). The importance of organizational culture and industrial practice for the formation of psychological readiness was revealed. Colleges have a typical clan-hierarchical organizational culture and lack organizational socialization programs in relation to the requirements of Industry 4.0. A comparative analysis of college students' intentions towards employment with an internship base at an ordinary enterprise with a traditional clan-hierarchical organizational culture and at an innovative enterprise with a market-hierarchical organizational culture with a pronounced adhocracy component is given. Students in general do not fully represent organizational conditions of innovative companies. The weakness of work attitude regulators was revealed. It is shown that training in traditional organizational culture without socialization programs has low efficiency and is a deterrent to the formation of psychological readiness to work at innovative companies. Practice in an innovative company provides a partial solution to the problem. It provides psychological readiness of the third level for the number of students 1.3 times and for female students 1.6 times higher than the number of students with such level of readiness with practice at an ordinary enterprise. A significant number of graduates have no plans for employment (up to 45%). The situation with employment of students with spontaneously acquired level 3 readiness from college without practice at an innovative enterprise is particularly difficult. They are not aware of their possible demand, do not have the skills of behavior in the modern labor market and are lost as potential human capital of companies. The need to develop and implement programs of proactive organizational socialization in the educational process of industrial colleges in relation to the requirements of Industry 4.0 has been shown.

Keywords: psychological readiness; rating; labor intentions; organizational culture; values; student internship; attitudes toward work; ordinary company; innovative company; organizational socialization.

УДК 316.477
DOI 10.52452/18115942_2022_2_157

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© 2022 г.

О.Р. Чепьюк, А.Б. Бедный, Ю.О. Плехова

Чепьюк Ольга Ростиславовна, д.филос.н.; доцент кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
chepyuk@iee.unn.ru
Бедный Александр Борисович, к.соц.н.; доцент кафедры университетского менеджмента и инноваций в образовании, проректор по международной деятельности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
abb@unn.ru
Плехова Юлия Олеговна, д.э.н.; заведующая кафедрой правового обеспечения экономической и инновационной деятельности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
yplekhova@iee.unn.ru

Статья поступила в редакцию 01.06.2022
Статья принята к публикации 15.06.2022

Авторы делятся опытом внедрения многоуровневой системы предпринимательской подготовки в рамках реализации долгосрочной стратегии развития Университета Лобачевского (ННГУ, 2012–2021 гг.). Одним из ключевых целевых показателей стратегии, который был достигнут ННГУ в 2020 году, стал 70%-й охват выпускников университета базовым предпринимательским образованием. Образовательные программы по предпринимательству были дополнены циклом мероприятий, которые реализовывались на системной основе в течение учебного года. Они обеспечивали вовлечение студентов в практическую предпринимательскую и инновационную деятельность, региональные бизнес-сообщества и в университетские процессы коммерциализации и трансфера технологий. На протяжении 2014–2021 гг. в ННГУ проводился регулярный мониторинг влияния предпринимательского обучения на студентов и их отношение к предпринимательской деятельности. Основным методом исследования стал опрос обучающихся предпринимательству до и после начала обучения на программах (участия в мероприятиях). Анализ результатов показал весомую роль предпринимательского обучения в ранней профориентации студентов, а также в развитии так называемых «мягких» компетенций, освоение которых способствовало повышению осознанности выпускников в выборе будущей профессиональной траектории.

Ключевые слова: предпринимательский вуз, предпринимательское обучение, проектное обучение, третья миссия, инноватор.

Введение

Университеты как одни из главных участников процессов производства знаний занимают центральное место в современных стратегиях инновационного государственного развития. В работах исследователей эта идея институализируется в образе предпринимательского [1] или проектно-ориентированного университета [2], воплощается в различных управленческих формах, реализующих «формулу» научного, технологического, инновационного и коммерческого предпринимательства [3, с. 14]. Успешное использование подобных стратегий позволяет получить синергетический эффект от триады «государство–университет–бизнес» [4; 5], реализовать «третью миссию» университета [3, с. 11] и достичь т.н. «умной специализации». Примечательно, что университетам отводится вполне определённая роль в системе капиталистического воспроизводства: они называются основой экономической конкурентоспособности, так как одновременно становятся конвейерами для производства инноваций и человеческого капитала, который является носителем нового знания [5, с. 29–30]. При всём разнообразии форм организации предпринимательского вуза опорным тезисом является воспитание личной инициативы обучающегося. В российском исследовательском (классическом) университете в центре такой системы оказывается выпускник-инноватор [6, с. 50]. Высококвалифицированные специалисты, умеющие осуществлять инновационную деятельность в своей сфере знания, становятся главным ресурсом развития инновационной экономики. Именно в таких сотрудниках нуждаются крупные корпорации, средний и малый бизнес.

Постановка проблемы

Предпринимательская компетенция может быть определена как одна из форм лидерского поведения, связанная с решением задачи поиска новых возможностей и ресурсов для повышения конкурентоспособности организации [7]. Начало предпринимательского образования связывают с появлением в 1970-х годах в американских и европейских колледжах первых курсов по управлению малым бизнесом.

Развитие предпринимательского склада ума как «склонности обнаруживать, оценивать и использовать возможности» [8] важно не только для желающих начать собственный бизнес, но также и для тех, кто хочет внести творческий вклад в развитие компании или организации (так называемые «интрапренеры»), в развитие собственной жизни в целом. Предпринимательское образование приобретает особое значение в период экономических и социетальных трансформаций, происходящих под воздействием технологических инноваций и глобальной конкуренции. В эру бизнес-оптимизации университеты должны развивать в своих выпускниках способности определять, как их собственные таланты и уникальность могут быть полезны организациям и обществу [9].

Сегодня выпускники ведущих вузов должны не только быть профессионалами в своей отрасли знаний, но также быть способными выявлять возможности, понимать действие рыночных сил, уметь осуществлять коммерциализацию новых продуктов, а также обладать лидерскими и коммуникационными навыками, столь необходимыми для эффективного отстаивания собственных идей. Наличие у специалистов предпринимательских знаний и навыков стало важнейшим фактором успеха на рынке труда. В свою очередь, ведущими университетами уделяется все большее внимание подготовке студентов в области инновационного предпринимательства, что обусловлено пониманием высокой значимости предпринимательского мышления в эффективном решении крупных социально-экономических задач. Ключевой задачей ведущих университетов стало обеспечение главного для экономики знаний ресурса развития – высококвалифицированных специалистов-творцов, обладающих навыками инновационной предпринимательской деятельности, или, иными словами, инноваторов [3].

Обучение выпускника-инноватора отличается от классических моделей обучения, так как предполагает создание особой коммуникационной и организационной среды, где обучающийся имеет возможность принимать непосредственное участие в инновационных процессах, в том числе связанных с коммерциализацией собственных идей. Он может это сделать либо в составе действующих научно-инженерных команд, либо как основатель новой компании – стартапа, основной задачей которого становится апробация выбранной бизнес-модели коммерциализации нового знания. Важной особенностью предпринимательской компетенции является то, что она может формироваться и выявляться только в процессе практической деятельности.

Как показывает анализ наиболее успешных инновационно активных вузов [6, с. 31–32], прямые доходы от инновационной деятельности обычно занимают незначительную долю в их бюджетах. В то же время формирование инновационной среды является необходимым условием для реализации инновационного предпринимательского образования и системного развития предпринимательских компетенций выпускника-инноватора. Немалую (если не определяющую) роль играет неформальная коммуникация между участниками инновационной среды, которая реализуется через сообщества, курируемые подразделениями, вовлеченными в систему предпринимательского обучения и студенческой проектной работы.

Важнейшей ролью инновационной инфраструктуры университета становится обеспечение своего рода «лабораторной базы» для подготовки специалистов-предпринимателей, способных к эффективному развитию инновационной деятельности в своих областях знаний, выработки у студентов компетенций и навыков в области инновационного предпринимательства. Инновационная инфраструктура университета в этом отношении играет такую же роль в подготовке нового типа специалистов-инноваторов, как научная университетская лаборатория в подготовке традиционных, «гумбольдтовских» специалистов и ученых.

Цель и методы исследования

Целью исследования стало изучение эффекта предпринимательского обучения, внедрённого в образовательный процесс крупного классического университета в период 2012–2021 гг. В рамках исследования была поставлена задача: оценить влияние предпринимательского обучения на профессиональную ориентацию обучающихся, в частности желание заниматься предпринимательской деятельностью до и после базового курса предпринимательской подготовки.

Основным методом исследования стал анализ результатов ежегодных опросов, проводимых в течение 2019–2021 гг. среди обучающих-

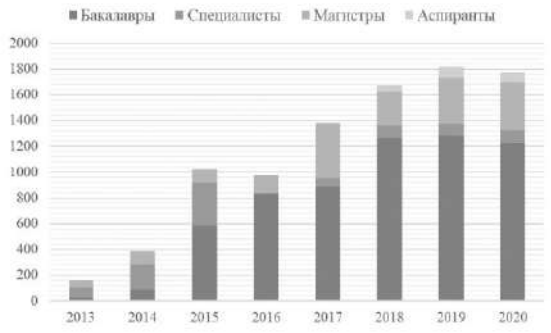

Рис. 1. Количество обучающихся, прошедших образовательные программы в сфере предпринимательства (в т.ч. технологического предпринимательства), чел. в год

Рис. 2. Многоуровневая система массового предпринимательского образования в ННГУ (2014–2021 гг.)

ся в ННГУ, прошедших базовый курс предпринимательской подготовки, а также принимавших участие во внеучебных мероприятиях в сфере технологического предпринимательства.

Описание опыта ННГУ

В стратегии развития ННГУ – 2020 цель предпринимательского образования была определена следующим образом: «подготовка высококвалифицированных специалистов-творцов, обладающих качествами инноваторов-предпринимателей» [10]. Доля выпускников, прошедших обучение по предпринимательству, согласно показателям стратегии развития ННГУ, должна была к 2020 году составить 70%. Эта цель была успешно достигнута (рис. 1). К 2020 году базовое предпринимательскую подготовку (в т.ч. в сфере технологического предпринимательства) прошли около 1800 человек (72%) из 2500 выпускников очной формы обучения (всех уровней обучения, включая иностранных студентов).

Достижение поставленного целевого показателя развития обеспечила созданная в ННГУ система массового непрерывного инновационного предпринимательского образования «Студент – Аспирант − Научно-технический работник − Сотрудник МИП» (рис. 2), а также комплекс круглогодичных внеучебных мероприятий (рис. 3). В учебные планы большинства направлений подготовки бакалавров и специалистов была введена дисциплина «Основы предпринимательской деятельности» (72 ч.): с 2014 по 2020 г. её освоили более 3500 бакалавров. Дисциплину «Основы инновационной деятельности» (72 ч.) с 2014 по 2020 г. суммарно освоили более 1500 магистрантов. Курсы «Коммерциализация результатов НИОКР» и «Проектирование инновационного бизнеса» были введены в учебные планы для подготовки аспирантов с целью ориентации будущих научных сотрудников на поиск практического применения результатов их научной деятельности. Студентам, аспирантам и молодым ученым, заинтересованным в открытии наукоемкого бизнеса, была предложена программа профессиональной переподготовки «Инновационное предпринимательство» (350 ч.), в рамках которой участники работали над собственными бизнес-проектами, имеющими наукоемкую составляющую, или над инновационным проектом научного коллектива ННГУ[1]. Специфика предпринимательского обучения заключалась в разработке новых, в т.ч. инновационных, подходов к подготовке образовательных материалов и методов обучения. Например, оказалось, что в таких программах значительную роль играет метод кейс-стади [1], развитие проектного мышления преподавателя и самого обучающегося. Важным аспектом в системе непрерывного предпринимательского обучения стало создание баз практик, в том числе в форме студенческих (молодежных) бизнес-инкубаторов, либо центров молодёжного предпринимательства. Их задачей стало оказание консультаций студенческим командам и их наставникам, а также поддержка молодёжных проектов после окончания базовых образовательных программ, помощь в выборе индивидуальных траекторий обучения (например, в подборе федеральных акселерационных программ).

Важной составляющей в системе массового предпринимательского образования стала система внеучебных мероприятий (рис. 3), направленных на активизацию и практическую апробацию компетенций инновационной дея-

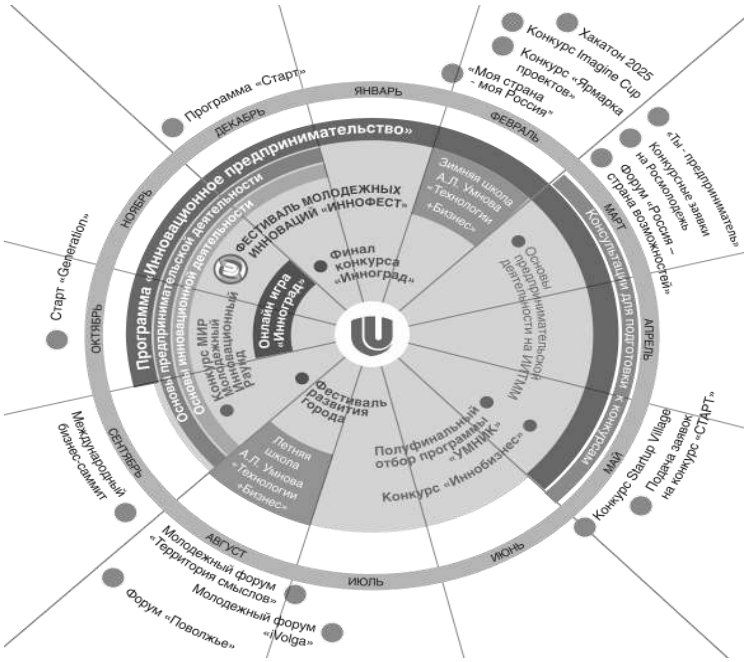

Рис. 3. Система мероприятий по активизации молодежной инновационной деятельности в 2014–2017 гг. в ННГУ (внутренние и внешние, в т.ч. федеральные, мероприятия)

тельности у обучающихся. В состав мероприятий были включены краткосрочные образовательные программы, конкурсы проектов в различных форматах («Иннобизнес» – в формате короткой презентации Elevator Pitch и «Иноград», проводимый на специализированной web-платформе проектно-ориентированного обучения в течение 2.5 месяца в формате предакселерационной программы [11]), фестивали и выставки («Иннофест»), консультации представителей научного и бизнес-сообществ (на базе студенческого бизнес-инкубатора «Интуиция» [12; 13]). Участие в данных мероприятиях помогало студентам и аспирантам приобрести компетенции, необходимые для работы в высокотехнологичном секторе экономики, а также развивать инновационные проекты, обращаясь к высококвалифицированной научно-технической и бизнес-экспертизе.

В реализации мероприятий по активизации молодежной инновационной деятельности участвовали различные подразделения университета, в том числе Центр инновационного развития медицинского приборостроения, студенческий бизнес-инкубатор «Интуиция» Института экономики и предпринимательства, лаборатория физических основ и технологий беспроводной связи радиофизического факультета и другие. Важно отметить, что в состав ядерной группы, реализующей как образовательные программы, так и комплекс внеучебных мероприятий, вошли сотрудники (как из числа профессорско-преподавательского состава, так и учебно-вспомогательного персонала) экономического, финансового, радиофизического, химического, биологического, механико-математического, филологического факультетов (институтов), прошедшие специализированную программу профессиональной переподготовки. В процессе обучения преподаватели и сотрудники разрабатывали авторские курсы и учебно-методические комплексы по дисциплине «Основы инновационной деятельности» с учетом специфики базовой подготовки студентов. Те из преподавателей, которые имели личный опыт ведения стартапов или консультирования предпринимателей, основали в университете неформальный институт наставничества молодёжных проектов. Впоследствии в отдельных публикациях сотрудников ННГУ, непосредственно занятых в системе предпринимательской подготовки, были освещена специфика наставничества как новой формы преподавательской активности [14; 15]. К 2021 г. кадровый резерв сертифицированных преподавателей для обучения студентов по курсу «Основы инновационной деятельности» составил 42 человека.

Результаты

Исследование интереса обучающихся к предпринимательской деятельности проводилось до и после начала базового курса предпринимательской подготовки, встроенного в учебные планы обучающихся в виде соответствующих дисциплин. В исследовании приняли

Рис. 4. Оценка интереса обучающихся к открытию своего дела до начала базового курса предпринимательской подготовки

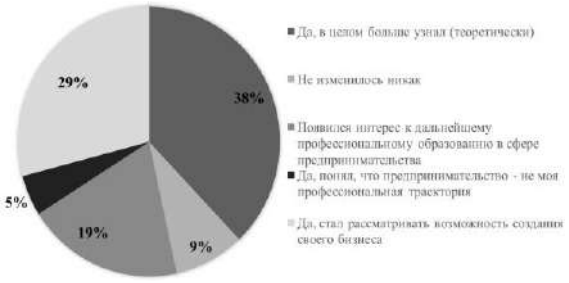

Рис. 5. Оценка эффекта базового курса предпринимательской подготовки со стороны обучающихся

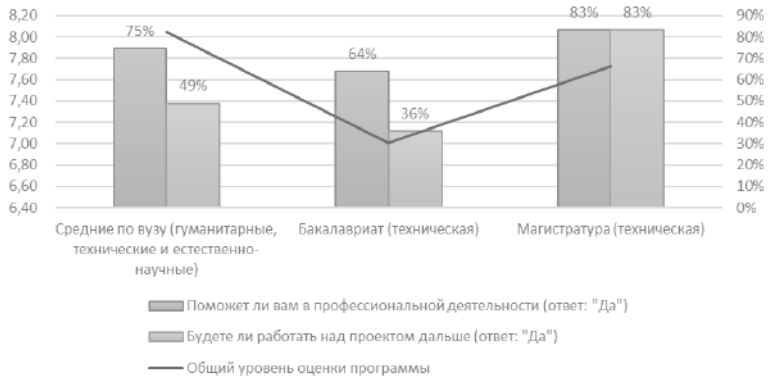

Рис. 6. Оценка эффекта дисциплины по базовой предпринимательской подготовке в разрезе различных направлений подготовки и уровней обучения

участие 142 обучающихся, в т.ч. 33 чел., обучающихся на программе магистратуры, и 109 – на программах бакалавриата. Структура респондентов по направлениям образовательных программ составила: 19% − технические и точные науки, 11% − естественные науки, 25% − гуманитарные науки, 29% − общественные науки, 15% − экономические науки и менеджмент. Таким образом, наша выборка охватывала представителей всех базовых направлений подготовки кадров в ННГУ.

Предварительная оценка намерения обучающихся создавать свой бизнес до начала базового курса по предпринимательству демонстрировала сформированный (осознанный) интерес к подобным программам только у 50–60% обучающихся (рис. 4). Примечательно, что обучающиеся на программах магистратуры, по сравнению с обучающимися в бакалавриате, в меньшей степени желали работать в стартапах (48% против 57%), вкладывать свои усилия в прорывные идеи (51% против 61%) и даже пробовать создавать собственный бизнес (60% против 65%).

По итогам базового курса предпринимательской подготовки обучающиеся, прежде всего, отмечали роль полученных компетенций в их личном профессиональном становлении. Так, по итогам опроса (рис. 5), у 19% появился интерес к дальнейшему профессиональному образованию в сфере предпринимательства, а 29% стали рассматривать возможность создания своего бизнеса. Положительным с точки зрения эффекта программы можно считать и ответ тех студентов, которые осознали, что предпринимательство не является их профессиональной траекторией (5%).

При этом около половины респондентов были готовы продолжать работу над проектами, создаваемыми в рамках обучения (рис. 6). Интересно, что в магистратуре по техническим направлениям подготовки на порядок выше оценивали практическую значимость дисциплин по предпринимательству (83% у магистров, 64% у бакалавров). Проведённый опрос также показал, что обучающиеся в магистратуре выразили желание дальше работать над проектом, который был разработан в рамках курса (ср. 36% у бакалавров и 83% у магистров). Работа над проектом (в рамках учебного и внеучебного процесса) способствовала расширению интереса обучающегося не только к своей профессиональной деятельности, но и к другим сферам занятости. При реализации проекта студентам приходилось взаимодействовать с командами других факультетов. Как показала

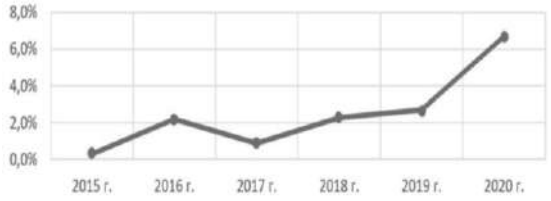

Рис. 7. Доля выпускников, желающих открыть свой бизнес (по данным ежегодного мониторинга Центра карьеры ННГУ[2])

практика инкубирования и акселерации молодёжных проектов, наиболее устойчивые и успешные результаты показывали проектные команды, в состав которых входили представители различных направлений подготовки (междисциплинарные и межфакультетские коллективы). Следует, однако, отметить, что междисциплинарность развивалась не в рамках учебного процесса, а строилась на личных связях и постоянной коммуникации внутри преподавательского сообщества, получившего в ННГУ статус института наставничества в организации предпринимательской деятельности.

Анализируя результаты предпринимательского обучения в долгосрочном периоде, рассмотрим также результаты мониторинга Центра карьеры ННГУ, проводившего опросы выпускников университета о желании открыть свой бизнес сразу по окончании вуза (рис. 7). По данным мониторинга, в 2020 г. почти 7% выпускников стали рассматривать предпринимательство как возможную карьерную траекторию в ближайшей перспективе. Это существенно более высокий показатель по сравнению с предыдущими годами, достигнутый на фоне устойчивого роста интереса выпускников к открытию своего дела по окончании вуза.

Выводы

Обучение основам предпринимательской деятельности представляет собой комплексную задачу в связи с самой предметной областью. Компетентностный профиль обучающегося включает не только образовательную часть, связанную с передачей динамично меняющихся профессиональных знаний в правовой, управленческой и экономической сферах бизнеса, но также воспитание «мягких» компетенций и формирование мотивации к деятельности. Как показал опыт авторов при реализации подобных программ, формирование компетенций на всех трёх уровнях происходит только в процессе фактической деятельности. Вопрос выбора формы и методов обучения становится едва ли не ключевой проблемой в процессе практической реализации подобных программ, в особенности если ожидаемым результатом программы является реальная инициативная деятельность со стороны обучающегося.

Качественное предпринимательское обучение является совмещением формального и неформального оборота знаний. Оно заключается не только в повышении общего уровня профессиональных компетенций обучающегося, но и в создании возможностей для регулярного решения нестандартных задач, в которых требуется генерация новых идей, развитие проектного мышления. При работе над собственными проектами у студенческих команд формируется готовность к открытию своего дела. Как показал опыт ННГУ, для создания комплексной системы предпринимательского обучения потребовалось не только создать многоуровневую систему предпринимательского обучения (от бакалавриата до аспирантуры), но и поддерживать получаемые результаты практической деятельностью в рамках комплексной программы внеучебных мероприятий. Важную роль сыграла в этом система наставничества – ведение проектных команд теми преподавателями вуза, которые имели личный опыт предпринимательской деятельности или консультирования стартапов. Благодаря такому подходу происходила неформальная передача опыта предпринимательской, организационной и проектной деятельности, а также обеспечивалась циркуляция неформальных знаний внутри самих молодежных предпринимательских сообществ, демонстрирующих положительные и успешные примеры самостоятельной предпринимательской деятельности молодого человека.

Важным практическим результатом внедрения системы предпринимательского обучения в университете является возможность индивидуализации образовательных траекторий проектных команд и их лидеров. Неформализованная практическая работа над проектом осуществляется при поддержке наставников университета в рамках инновационной инфраструктуры вуза. Важную роль при этом играют неформальные сообщества, в том числе сообщество выпускников предпринимательских образовательных программ. Эффект от этих программ выражается в акселерации студенческих проектов, включении студентов в коммуникацию с региональным бизнес-сообществом и привлечении к решению задач «больших вызовов».

Примечания

1. Программа «Инновационное предпринимательство» реализуется в ННГУ с 1994 года, за этот период её освоили более 700 человек. Подробнее о

программе «Инновационное предпринимательство» см. описание на сайте факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки. https://fpk.unn.ru/innovatsionnoe-predprinimatelstvo/.

2. Подробнее см. http://www.unn.ru/site/about/news/sam-sebe-rabotodatel

Список литературы

1. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом ГУ–Высш. школы экономики, 2011.

2. Грудзинский А.О. Концепция проектно-ориентированного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2003. Т. 3. №. 26. С. 24–37.

3. Грудзинский А.О. Инновационный университет и его выпускник − инноватор // Социология образования. 2014. № 5. С. 45–54.

4. Etzkovitz H. Incubation of incubators: innovation as a triple helix of university – industry – government networks // Science and Public Policy. 2002. **29 (2).** P. 115–128.

5. Unger M. The knowledge triangle between research, education and innovation − A conceptual discussion // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11. № 2. P. 10–26.

6. Грудзинский А.О., Бедный А.Б. Инноватор – новая компетентностная модель выпускника университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5 (2). С. 50–54.

7. Адизес И.К. Управление жизненным циклом корпораций. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 512 с.

8. Bosman L., Fernhaber S. Teaching the entrepreneurial mindset to engineers. Switzerland: Springer International Publishing, 2018.

9. Yi S., Duval-Couetil N. Interdisciplinary entrepreneurship education: Exploring 10-year trends in student enrollment, interest and motivation // Entrepreneurship Education and Pedagogy. 2021. Vol. 4 (2). P. 100–118.

10. Стратегия развития Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Университета Лобачевского) до 2030 года. URL: http://www.unn.ru/site/about/ofitsialnye-svedeniya-i-dokumenty/strategiya-2030.

11. Чепьюк О.Р., Шалыминов А.О. Практико-ориентированное обучение на базе web-технологий дистанционного образования (на примере web-платформы обучения предпринимательству в ННГУ iGeneration) // Открытое образование. 2014. № 4 (105). С. 80–83.

12. Чепьюк О.Р., Гинзбург М.Ю. К вопросу формирования инновационной инфраструктуры региона. Опыт студенческого бизнес-инкубатора НИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Инновации. 2014. № 4 (186). С. 23–27.

13. Чепьюк О.Р. Студенческий бизнес-инкубатор как часть инновационной системы университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1-2. С. 326–331.

14. Ангелова О.Ю., Подольская Т.О., Чепьюк О.Р. Типология стилей профессиональной деятельности наставника // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 6. С. 220–228.

15. Прохорова М.В., Кравченко В.С., Пономарёва Л.Н., Чепьюк О.Р. Элементы профессиографического анализа деятельности наставника молодёжных предпринимательских проектов // Балтийский морской форум: Материалы VI Международного Балтийского морского форума: В 6 т. 2018. С. 415–422.

ENTREPRENEURSHIP EDUCATION IN A RESEARCH UNIVERSITY

O.R. Chepyuk, A.B. Bedny, Yu.O. Plekhova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

The authors share their experience in implementing a multi-level system of entrepreneurship training as part of the long-term development strategy of Lobachevsky University (UNN) over the period of 2012–2021. One of the key targets of the strategy, which was achieved by the UNN in 2020, was a 70% coverage of the university graduates with basic entrepreneurship training. Entrepreneurship education programmes were supplemented by a cycle of activities that were carried out in a systemic manner throughout the academic year. Such activities provided for the involvement of students in practical entrepreneurial and innovation activities, in regional business communities, and in the university's processes of commercialisation and technology transfer. The impact of entrepreneurship education on students and their attitudes towards entrepreneurship was regularly monitored at the UNN during 2014–2021. The main method of research was a survey of entrepreneurship students before and after the start of training programmes (their participation in respective activities). The analysis of the results showed the important role of entrepreneurship education in the students' early career guidance, as well as in the development of so-called «soft» competencies, the acquisition of which contributed to the graduates' awareness in choosing their future professional career paths.

Keywords: entrepreneurial university, entrepreneurship education, project-based learning, third mission, innovator.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 303.34
DOI 10.52452/18115942_2022_2_164

КАЧЕСТВЕННЫЕ ЗАДАЧИ С ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОСНОВОЙ КАК СРЕДСТВО КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ И УМЕНИЙ СТУДЕНТОВ

© 2022 г.

О.В. Белова, Е.В. Зайцева

Белова Ольга Васильевна, преподаватель кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
olyb@mail.ru
Зайцева Екатерина Владимировна, к.ф.-м.н.; доцент кафедры кристаллографии и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
evzaitseva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2022
Статья принята к публикации 27.04.2022

Предлагается метод проверки усвоения учебного материала с использованием качественных задач на экспериментальной основе в ходе изучения курса «Физика» у бакалавров физического факультета. Оценивать уровень усвоения студентами учебного материала предлагается с помощью задач, содержащих подробное описание эксперимента или результатов эксперимента. Показано, что описываемые задачи позволяют оценивать умение студентов применять на практике знания, полученные при изучении курса физики, составлять теоретические модели и анализировать результаты эксперимента.

Ключевые слова: качественные задачи на экспериментальной основе, метод проверки знаний, оценка деятельности, лекционный демонстрационный материал, физический эксперимент.

Введение

Согласно ФГОС высшего образования, учебно-воспитательный процесс в вузе должен строиться так, чтобы у студента вырабатывались способности к творческому применению полученных знаний. Выпускники-бакалавры, изучившие дисциплину «физика», должны не только знать основные разделы физики и применять знания на практике, но и уметь формулировать проблему, выдвигать гипотезы, составлять теоретические модели, иметь способность к абстракции, анализу предметных ситуаций [1, 2]. Только тогда они могут перейти на новый уровень обучения – магистратуру. Такой подход предполагает ориентацию на активные методы обучения и новую систему контроля уровня сформированности требуемых качеств личности обучаемых, в т.ч. профессиональных компетенций.

Согласно ФГОС 3+ по направлению подготовки «Физика» [1] выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать следующими компетенциями, связанными с анализом, описанием и интерпретацией информации, полученной в результате проведения физических экспериментов: проводить научные исследования в избранной области экспериментальных и (или) теоретических физических исследований с помощью современной приборной базы (в том числе сложного физического оборудования) и информационных технологий с учетом отечественного и зарубежного опыта (ПК-2); применять на практике профессиональные знания теории и методов физических исследований (ПК-3); пользоваться современными методами обработки, анализа и синтеза физической информации в избранной области физических исследований (ПК-5); понимать и использовать на практике теоретические основы организации и планирования физических исследований (ПК-6); участвовать в подготовке и составлении научной документации по установленной форме (ПК-7). Во ФГОС с учетом профессиональных стандартов (3++) [2] выпускник, освоивший программу бакалавриата, должен обладать рядом компетенций, связанных с анализом, описанием и интерпретацией информации, полученной в результате проведения физических экспериментов: осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения постав-

ленных задач (УК-1), проводить научные исследования физических объектов, систем и процессов, представлять и обрабатывать экспериментальные данные (ОПК-2). Но как бы ни изменялись формулировки компетенций, которыми должен обладать выпускник, в требованиях всегда присутствует умение проводить физический эксперимент, интерпретировать и анализировать его результаты.

Студенты-физики 1–2-х курсов при изучении модуля «Физика» сталкиваются с экспериментом во время лекционных занятий; во время физического практикума; реже при решении задач, содержащих описания экспериментов. Анализ педагогических исследований по методике обучения физике в вузе показал, что большинство из них посвящено совершенствованию экспериментов, демонстрируемых на лекциях. Эксперимент рассматривается как средство иллюстрации физических законов и явлений, проверки истинности теоретических выводов, создания проблемных ситуаций, способ получения новых знаний [3–8]. Ряд работ посвящен разработке новых демонстраций, в том числе с использованием компьютерных технологий [9], или целых демонстрационных комплексов, позволяющих оптимизировать изложение лекционного материала и повысить информативность лекции [10]. Однако нам не удалось найти результаты исследований, посвященных использованию демонстрационного эксперимента или задач, содержащих описание эксперимента, для проверки знаний, умений и навыков студентов.

Считается, что развитие и оценка умения студентов проводить эксперимент, обрабатывать и интерпретировать его результаты происходят на занятиях по физическому практикуму. Действительно, выполнение лабораторного физического практикума предполагает активное участие студентов на всех этапах экспериментальной деятельности. Однако описание лабораторных работ, используемых в учебном процессе, почти всегда содержит подробный алгоритм действий, что не позволяет развивать навыки обучающихся организовывать и планировать эксперимент. Что касается теоретических знаний, необходимых для проведения эксперимента, то они также приведены в описании к лабораторной работе, в результате студентам достаточно просто пересказать теоретическую часть и решить типовую задачу. Интерпретировать и анализировать результаты эксперимента студент должен при написании отчета, но в настоящее время в Интернете существует множество готовых отчетов. Получается, что творческая деятельность, направленная на формирование исследовательских умений, сведена к минимуму. Тем не менее учебное содержание предмета «физика» в части экспериментальной деятельности включает усвоение роли эксперимента в познавательном процессе получения физического знания [2].

Оценка результатов учебной деятельности на основе физического эксперимента

Таким образом, в методике обучения физике в вузе существует проблема оторванности эксперимента от контроля знаний. Оценить эффективность учебной деятельности студентов и уровень усвоения им учебного материала мы предлагаем с помощью задач, содержащих подробное описание эксперимента или его результатов.

Зачастую лекционный эксперимент рассматривается студентами как интерактивная пауза, непонятный фокус, позволяющий отдохнуть от «меловой физики». При этом после объяснения сути эксперимента лектором он остается непонятным для части студентов, ориентированных лишь на то, чтобы успешно сдать экзамен по дисциплине, т.к. на экзамене не нужно знание эксперимента, «этого нет в экзамене». Единственный способ, на наш взгляд, повысить ценность лекционного эксперимента для обучающихся – внести его в качестве элемента контроля знаний и умений. Лекционный эксперимент будет подкреплять информацию о каких-либо физических явлениях или подводить к выводу каких-то законов и закономерностей, если будет осмыслен обучающимся. Именно поэтому мы считаем, что обращение на экзамене к проведенному эксперименту может выступать как средством обучения, приводящим к более глубокому усвоению материала, так и средством проверки уровня усвоения материала студентами.

Рассмотрим подробнее предлагаемую нами структуру экзамена. К экзамену допускаются студенты, сдавшие теоретический минимум, который содержит от 50 до 70 вопросов по темам изучаемых разделов физики. Вопросы проверяют знание основных понятий и определений, формулировок теорем и законов физики на уровне воспроизведения, что составляет минимальный уровень сформированности компетенций. У студентов, не знающих основные понятия, определения и законы, уровень сформированности компетенций неудовлетворительный. Студенты, успешно ответившие на несколько вопросов, приступают к основному экзамену.

Билет содержит два вопроса и одну-две задачи по разным темам курса. Вместо дополнительного вопроса по теме студенту предлагалась качественная задача на экспериментальной основе [13]. Качественная задача на экспери-

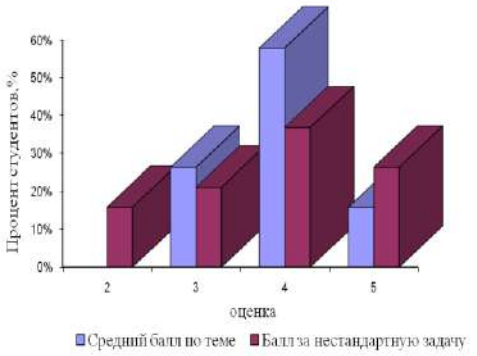

Рис. 1. Распределение оценок студентов

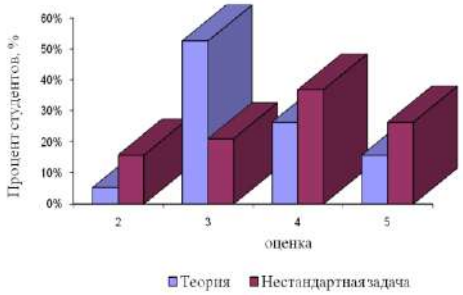

Рис. 2. Распределение оценок, полученных студентами за теоретический вопрос и нестандартную задачу по одной теме

ментальной основе – это задача, содержащая подробное описание эксперимента (в том числе показанного на лекции) или его результатов. В таких задачах обозначается проблема, но нет четко сформулированных условий и конкретных данных. Такие задания позволяют самостоятельно вести поиск модели и физических законов для реализации гипотезы решения. Это позволяет студенту выйти за пределы прямого формального воспроизведения усвоенного в ходе обучения материала. Обратим внимание, что обязательность обращения к результатам эксперимента на экзамене известна студентам начиная с первой лекции. Это стимулирует их на активное восприятие учебных демонстраций, вплоть до проведения видеозаписей. Конечно, и преподаватель не может относиться к эксперименту как к простой иллюстрации рассказа, он реализует его как основу для дальнейшей самостоятельной познавательной деятельности обучаемых. Такая деятельность преподавателя является важной частью его методической компетентности [11, 12].

Критерии оценивания усвоения физики с помощью качественной задачи на экспериментальной основе проводились по степени самостоятельности в выборе модели, применения методов анализа и законов, а также реализации решения этой конкретной задачи [13, 14]. Приведем пример качественной задачи на экспериментальной основе. На лекции демонстрировалась интерференция в воздушном клине при освещении его монохроматическим светом разных длин волн. Целью эксперимента было исследовать, как зависит интерференционная картина от длины волны падающего на клин света. Внимание студентов при этом обращалось на то, что с одной стороны линии интерференции были искривлены, причем положение этих линий не зависело от длины волны падающего света. Причины искажения интерференционной картины были объяснены лектором. Студенты должны были понять, что искажение связано с наличием неоднородности на поверхности клина, но конкретно какую картину дают выпуклости или вогнутости, на лекции не уточнялось. В нестандартной задаче на экзамене студентам уже было предложено самим изобразить интерференционную картину, наблюдаемую в клине в случае, если на одной из сторон клина имеется выступ и впадина сферической формы. Ответы на эти вопросы на экзамене являются доказательством усвоения учебного содержания на уровне способности самостоятельного применения знаний.

Эффективность предлагаемой методики оценки уровня усвоения

После экзамена мы провели сравнение средней оценки за экзамен по отдельной теме и оценки за нестандартную задачу по этой же теме. Результаты сравнения приведены на рис. 1. В ходе сравнения нами было замечено, что около 10% учащихся получили оценку «неудовлетворительно» за нестандартную задачу, тогда как средняя оценка за тему была «хорошо». Мы делаем вывод, что эти студенты добросовестно учат теорию и могут применить ее к решению типовых задач, но способности к творческому применению полученных знаний у них нет. По нашему мнению, такие студенты не смогут обучаться в магистратуре.

На рисунке 2 приведена гистограмма, на которой сравниваются распределения оценок, полученных студентами за теоретический вопрос и нестандартную задачу по одной теме.

Гистограмма, приведенная на рисунке 2, показывает, что наибольшее число экзаменуемых получило оценку «удовлетворительно» за теоретический вопрос по теме. Можно заметить, что часть студентов получили оценки «хорошо» и «отлично» за нестандартную задачу, при этом получив оценку «удовлетворительно» за ответ на

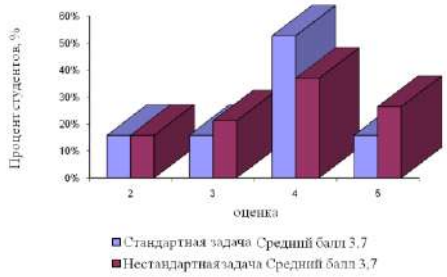

Рис. 3. Распределение оценок, полученных студентами за стандартную задачу и нестандартную задачу по одной теме

теоретический вопрос по данной теме. Эти студенты выучили основные законы, понимают их и могут применить к решению нестандартной задачи. Оценка «удовлетворительно» за теоретический вопрос в данной ситуации объясняется тем, что при ответе на вопрос не были приведены все требующиеся доказательства, выводы теоретических положений.

На рисунке 3 приведена сравнительная гистограмма распределения оценок, полученных студентами за стандартную задачу и нестандартную задачу по одной теме. Нами определено, что средний балл за задачи одинаков и равен 3.7. Это дает нам возможность предложить заменить на экзамене типовую задачу нетиповой, а стандартную задачу использовать как дополнительную в том случае, если студент не справляется с первой.

Заключение

Наблюдая эксперимент на лекции в ходе изложения нового материала, студент не может до конца усвоить увиденное на уровне дальнейшего самостоятельного применения, т.к. еще не сформирована полноценная основа для понимания теории изучаемого явления или процесса. Только после усвоения теоретического материала в ходе решения задач на практических занятиях он сможет осмысленно и аргументированно объяснить эксперимент и показать усвоение всей физики, лежащей в его основе. *Поэтому и полный контроль уровня усвоения экспериментальной основы изучаемой физики следует перенести на экзамен.*

Весьма важно, что предлагаемое нами включение содержания лекционных демонстраций в экзамен приводит к формированию целостного учебного процесса, возникновению внутрипредметных связей на уровне деятельности студентов.

Естественно, подобные задачи может решать студент, претендующий на оценку выше «удовлетворительно», т.е. не только выучивший теорию, но усвоивший определенную систему физического знания, способный к самостоятельному применению теории хотя бы в ситуации модельной задачи. Предложенный нами метод проверки профессиональных компетенций студентов университета отвечает требованиям ФГОС, позволяя оценивать умение студентов применять на практике знания, полученные при изучении курса физики, составлять теоретические модели и анализировать результаты эксперимента. Кроме того, подобный способ проведения экзамена является, на наш взгляд, хорошим стимулом для активной работы студентов в течение учебного года.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 03.03.02 Физика (уровень бакалавриата). URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/030302_Fisika.pdf

2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриата по направлению подготовки 03.03.02 Физика. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/030302_B_3_31082020.pdf.

3. Иверонова В.И. Лекционные демонстрации по физике. М., 1972.

4. Степанов Н.С., Егоров Г.С., Лебедев В.В. Лекционный эксперимент в университетском курсе общей физики – состояние, тенденции, проблемы // Физическое образование в вузах. Серия «Б». 1996. Т. 2. № 3.

5. Селиверстов А.В. Современные лекционные демонстрации по разделу «волновая оптика» курса общей физики: Дис. … канд. пед. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. 262 с.

6. Казарин П.В. Система демонстрационного физического эксперимента в учебном процессе подготовки студентов физических и радиофизических специальностей университетов: Дис. … канд. пед. наук. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2010. 199 с.

7. Алыкова О.М., Радкевич Л.А. Пути повышения эффективности лекционно-демонстрационного эксперимента при изучении курса общей физики (раздел «Оптика и атомная физика») для студентов нефизических специальностей университетов // Успехи современного естествознания. 2011. № 1. С. 149–151.

8. Лихтер А.М., Смирнов В.В., Алыкова О.М., Киселёва А.Д. Роль и содержание физического эксперимента в курсе общей физики для специальностей информационно-математического направления университетов (раздел «Оптика и атомная физика») // Физическое образование в вузах. 2009. Т. 15. № 2. С. 3–14.

9. Цветянский А.Л., Слободской А.И., Полев А.А. Демонстрационный эксперимент в лекциях по общей физике // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 4-3. С. 576–580.

10. Казарин П.В., Полуштайцев Ю.В., Услугин Н.Ф. Лекционные опыты по демонстрации дифрак-

ции света в системе университетского физического образования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. № 3 (47). С. 143–147.

11. Разумовский В.Г. Решение проблемы научной грамотности – неотложная перспектива развития содержания физического образования // Сибирский учитель. 2012. № 3. С. 12–25.

12. Гребенев И.В., Лебедева О.В. Теоретические основания развития методической компетентности учителя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2007. № 4. С. 21–25.

13. Белова О.В., Зайцева Е.В. Физический эксперимент как способ оценки уровня усвоения материала студентами // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 4. С. 153–158.

14. Белова О.В., Зайцева Е.В. Оценка уровня усвоения учебного материала студентами второго курса физического факультета с помощью мысленного физического эксперимента // Инновационные методы обучения в высшей школе. Сборник статей по итогам методической конференции ННГУ. Нижний Новгород, 10–12 февраля 2016 года. С. 22–25.

QUALITATIVE TASKS WITH AN EXPERIMENTAL BASIS AS A MEANS OF CONTROLLING STUDENTS' KNOWLEDGE AND SKILLS

O.V. Belova, E.V. Zaitseva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

A method is proposed to test the assimilation of educational material using qualitative tasks on an experimental basis during the study of the course "Physics" by bachelors of the Faculty of Physics. It is proposed to assess the level of assimilation of educational material by students using tasks containing a detailed description of the experiment or the results of the experiment. It is shown that the described tasks make it possible to evaluate the ability of students to put into practice the knowledge gained during the study of the physics course, to make theoretical models and analyze the results of the experiment.

Keywords: qualitative tasks on an experimental basis, knowledge verification method, assessment of activity, lecture demonstration material, physical experiment.

УДК 373.1
DOI 10.52452/18115942_2022_2_169

АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОПЫТА ВОЕННО-ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАДЕТСКОГО ТИПА

© 2022 г.

Т.Г. Мухина, А.В. Паули

Мухина Татьяна Геннадьевна, д.пед.н.; проф.; профессор кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; профессор кафедры военно-научных исследований Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации
tg-muhina@yandex.ru
Паули Андрей Викторович, адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
Pauli84@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.05.2022
Статья принята к публикации 15.06.2022

Представлены результаты сравнительного анализа педагогического опыта военно-профориентационной работы ведущих общеобразовательных организаций кадетского типа при Министерстве просвещения Российской Федерации. Изучены действующие нормативно-правовые документы, регулирующие деятельность данных образовательных организаций. Проведено сопоставление результатов мониторинга показателей эффективности системы профориентационной работы в кадетских школах и корпусах городов Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Нижний Новгород, Новосибирск, Оренбург, а также Амурской области и Алтайского края. На основании проведенного анализа выявлены современные тенденции (направления) совершенствования системы военно-профессиональной ориентации кадет. К основным тенденциям (направлениям) военно-профориентационной работы образовательных организаций кадетского типа отнесены: 1) осуществление образовательными учреждениями кадетского типа сетевого взаимодействия по военно-профессиональной ориентации; 2) обеспечение военно-патриотической направленности учебно-воспитательного процесса в урочной и внеурочной деятельности; 3) психолого-педагогическое сопровождение военно-профориентационной работы кадет; 4) реализация программ дополнительного и профессионального образования на базе образовательных организаций кадетского типа; 5) привлечение выпускников корпуса – курсантов военных вузов и выпускников, проходящих службу в армии, к воспитательной работе, профессиональному просвещению; 6) использование в процессе организации профориентационной работы интерактивных, поисковых, проблемных методов и форм проведения занятий. Указанные тенденции (направления) совершенствования военно-профориентационной работы позволяют развивать, с одной стороны, разностороннюю личность, способную самостоятельно принимать ответственные решения, с другой – определиться с выбором профессии на основе понимания кадетами долга перед Отечеством, родителями, соотечественниками.

Ключевые слова: кадетское образование, военно-профориентационная работа, кадеты, образовательные организации кадетского типа, тенденции совершенствования системы военно-профессиональной ориентации кадет.

Введение

В Федеральном законе «О безопасности» (от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ) и принятой 02.07.2021 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается необходимость тесной взаимосвязи национальной безопасности страны с её социально-экономическим, социокультурным развитием. Одним из аспектов такого развития является подготовка высококвалифицированных кадров офицерского корпуса. Решение данной стратегической задачи возможно на основе целенаправленного развития системы профессиональной ориентации, адаптации и мотивации подрастающего поколения на профессию военнослужащего. В связи с этим под контролем Министерства обороны Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации и др. расширяется сеть общеобразовательных организаций кадетского типа.

К кадетским учреждениям, реализующим образовательные программы военного профиля, относятся: суворовские военные, президентские кадетские училища, нахимовские военно-морские и военно-музыкальные училища – все состоят в системе Минобороны России; специа-

лизированные кадетские (морские кадетские) корпуса, состоящие в ведении федеральных ведомств или созданные с их прямым участием; кадетские (морские кадетские) корпуса, кадетские школы, кадетские классы, созданные органами власти субъектов Российской Федерации; кадетские корпуса, созданные другими учредителями (например, общественные, в том числе казачество и другие) [1].

Деятельность названных организаций осуществляется в рамках действующих законодательных и правовых актов. Перечислим некоторые из них: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022; статья 86); Приказ Министра обороны РФ от 21.07.2014 № 515 (ред. от 16.11.2021) «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности в федеральных государственных общеобразовательных организациях со специальными наименованиями «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военно-морское училище», «кадетский (морской кадетский) военный корпус» и в профессиональных образовательных организациях со специальным наименованием «военно-музыкальное училище», находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, и приема в указанные образовательные организации» (Зарегистрировано в Минюсте России 16.09.2014 № 34063); Приказ Минпросвещения России от 22.03.2021 № 115 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования»; Письмо Минобрнауки России от 19.12.2017 № 08-2687 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по организации учебно-воспитательного процесса (внеучебная, воспитательная и военно-патриотическая работа) в кадетских учреждениях (кадетские корпуса, школы, классы) с учетом их специфики»); Письмо Минобрнауки России от 19.05.2017 № 08-986 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями для субъектов Российской Федерации по нормативному правовому регулированию деятельности образовательных организаций кадетской направленности»). Согласно действующим документам, независимо от типа образовательной организации кадетской направленности данные организации созданы с целью «обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию» [2].

При этом деятельность общеобразовательных организаций со специальными наименованиями «президентское кадетское училище», «суворовское военное училище», «нахимовское военно-морское училище», «кадетский (морской кадетский) военный корпус» и профессиональных образовательных организаций со специальным наименованием «военно-музыкальное училище» находится в ведомстве Министерства обороны Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации. Общеобразовательные организации со специальными наименованиями «кадетская школа», «кадетский (морской кадетский) корпус», «казачий кадетский корпус», кадетские классы создаются Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации [3]. Учредителями являются федеральные и региональные органы исполнительной власти в области общего, среднего, профессионального и дополнительного образования: министерства, департаменты, управления, комитеты образования, науки и молодежной политики, осуществляющие государственное управление в сфере образования в субъектах Российской Федерации.

По мнению ученых, педагогов, военных, политиков, именно кадетские учреждения, с одной стороны, обеспечивают обучающихся серьезным средним образованием, с другой – формируют систему национальных, духовно-нравственных взглядов, развивают чувства патриотизма, ответственности долга перед Отечеством, государством, семьей и создают условия для их дальнейшего осознанного самоопределения и саморазвития. А.Ю. Асриев, С.А. Маврин, И.А. Маврина, О.И. Селиверстова отмечают, что в сложившихся военно-политических, социально-экономических условиях «как никогда очевидна необходимость восстановления нравственных основ, которые способны объединить общество» [4, 5]. В этой связи особый интерес представляет уникальный опыт кадетских организаций в сфере военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения, которому сегодня насчитывается почти 300 лет. Не случайно интерес к кадетскому образованию неизменно повышается тогда, когда наша страна испытывает наибольшее социальное напряжение [5].

Однако, несмотря на высокую общественную значимость и рост кадетских образовательных организаций разных видов, отсутствуют единые нормативно-правовые подходы, единые

требования к процессу обучения, военно-профориентационной и воспитательной работы с кадетами [4, с. 50]. В частности, генерал-майор Александр Иванович Владимиров – председатель Общероссийского союза кадетских объединений «Открытое содружество суворовцев, нахимовцев и кадет России» еще в 2009 г. в своем докладе на заседании совета объединения отмечал необходимость принятия единой Концепции кадетского образовании в России, однако данная концепция до сих пор не реализуется [1].

Несмотря на то что вопросы развития кадетского образования высказываются на заседаниях Комитета по безопасности и противодействию коррупции, научно-практических конференциях в разных регионах страны, до настоящего времени не разработаны единые правовые нормы содержания кадетского образования как особого вида общего образования, не реализованы предложения о предпрофильной подготовке кадет. Особенно остро данная ситуация проявляется в образовательных организациях кадетского типа, учредителем которых являются региональные органы исполнительной власти.

В научных, в том числе диссертационных педагогических исследованиях раскрывается опыт региональных инициатив – Республики Коми, Воронежской, Самарской, Нижегородской, Новосибирской областей и др. – в сфере военно-профессиональной ориентации и воспитания кадет [6, 7].

О том, что в достаточной степени не решена проблема осознанного выбора кадетами военной профессии, свидетельствуют итоги проведенного нами анализа отчетов о результатах самообследования федеральных государственных казенных общеобразовательных учреждений кадетского типа в 2017 – 2021 гг., опубликованных на официальных сайтах кадетских корпусов и школ, проводимых на основании Приказа Министерства образования и науки РФ от 14 июня 2013 г. № 462 «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организации». В частности, в вузы ежегодно поступают в среднем от 40% до 63% кадет и от 13% до 40% – в средние специальные учреждения. Около 20–24% выбирают службу в армии и работу. Однако из общего количества поступивших только 17–20% кадет предпочитают образовательные учреждения военного или правоохранительного профиля. К основным причинам можно отнести недостаточный уровень военно-профориентационной работы, и в частности военно-профессиональной пропаганды, направленной на распространение знаний, военных традиций среди всех субъектов образовательной организации. Кроме того, из числа поступивших в военные образовательные организации выявлены случаи убывших в армию или гражданские вузы – после первого года обучения из-за низкого уровня осознанности при выборе военной профессии и трудностей адаптации к обучению в дальнейшем [8, с. 44]. Все вышеизложенное *актуализирует проблему* развития системы военно-профессиональной ориентации кадет в образовательных организациях кадетского типа.

Цель нашего исследования: сравнительный анализ опыта практической работы ведущих общеобразовательных организаций кадетского типа при Министерстве просвещения Российской Федерации и определение современных тенденций (направлений) совершенствования системы военно-профессиональной ориентации кадет.

Методы исследования

Для решения поставленной цели был проведен сравнительный анализ действующих законодательных и нормативно-правовых документов деятельности образовательных организаций кадетского типа, педагогических исследований и содержания образовательных и профориентационных программ, учебно-методических комплексов, методов и форм учебной и воспитательной работы, обеспечивающих военно-професиональную направленность образовательного процесса.

Обсуждение основных результатов исследования

В соответствии с законодательством Российской Федерации органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации осуществляют мероприятия по обеспечению профессиональной ориентации, профессионального обучения детей, достигших возраста 14 лет (в ред. федеральных законов от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 02.07.2013 № 185-ФЗ, ст. 11 п. 1 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Профессиональная ориентация рассматривается как обобщенное понятие одного из компонентов общечеловеческой культуры, проявляющегося в форме заботы общества о профессиональном становлении подрастающего поколения, поддержки и развития природных дарований, а также проведения комплекса специальных мер содействия человеку в профессиональном самоопределении и выборе оптимального вида занятости с учетом его потребностей и возможностей, социально-экономической ситуации на рынке труда [9].

Военно-профессиональная ориентация направлена на привлечение граждан к обучению в военно-учебных заведениях на основании потребности Вооруженных сил в специалистах, формирование у них готовности к выбору военной службы в качестве своей профессиональной деятельности [10]. Военно-профессиональная ориентация – система мероприятий в образовательной организации кадетского типа, направленных на формирование у воспитанников готовности к сознательному и обоснованному выбору профессии в соответствии со своими знаниями, интересами, склонностями, способностями и с учетом имеющихся потребностей в военных специальностях, а также сопровождение и поддержку выпускников на этапе поступления в военные вузы [11]. Главная цель профориентационной деятельности в общеобразовательной организации – развивать у школьников способность к самостоятельному и осознанному планированию, корректировке и реализации потенциала своего личностного, жизненного и профессионального роста и развития [12, с. 34–37]. При этом реализуются основные направления профориентационной работы: профессиональное просвещение (информирование), консультация, профессиональная психодиагностика.

Сравнительный анализ опыта работы ведущих учреждений кадетского типа в России – ГБО «Первый Московский кадетский корпус» (Московская область, г. Москва), ГБОУ «Кадетская школа Пушкинского района Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург, г. Павловск), КГБОУ «Кадетская школа-интернат», Алтайский кадетский корпус (Алтайский край, ЗАТО п. Сибирский), ГОАУ АО «Амурский кадетский корпус имени Героя Советского Союза генерал-майора Ю.В. Кузнецова» (Амурская область, г. Благовещенск); ГБОУ «Нижегородская кадетская школа» (Нижегородская область, г. Нижний Новгород); ГБОУ «Кадетская школа-интернат «Сибирский Кадетский Корпус» (Новосибирский область, г. Новосибирск), МБОУ «Воронежская кадетская школа имени А.В. Суворова» (Воронежская область, г. Воронеж), ГБОУ «Оренбургская кадетская школа-интернат имени И.И. Неплюева» (Оренбургская область, г. Оренбург) и др. позволил выявить современные тенденции совершенствования системы военно-профессиональной ориентации кадет.

Первая тенденция: осуществление сетевого взаимодействия по военно-профессиональной ориентации. Сетевое взаимодействие определяется практикующими специалистами в качестве действенного условия профориентационной работы, которое выводит профессиональное самоопределение обучающихся на более высокий качественный уровень [13, с. 160]. Сетевое взаимодействие, по мнению И.Г. Яцковской, – это совместная деятельность нескольких образовательных учреждений, организованная для обучения, взаимообучения, совместного изучения, обмена опытом, проектирования, разработки, апробирования или внедрения учебно-методических комплексов, методик и технологий обучения, воспитания, новых механизмов управления в системе образования [14, с. 114]. Именно сетевое взаимодействие позволяет вопросам ранней профориентации молодёжи выйти на масштабный, научно обоснованный и педагогически адаптированный уровень решения задачи с привлечением заинтересованных социальных партнёров, что создаёт предпосылки для эффективности этих усилий по осознанию обучающимися своей будущей профессии [15].

Ведущие учёные России – И.А. Баева, И.В. Вачков, А.М. Лобок и др. – считают наличие в образовательном процессе философии диалога, формата диалогической встречи разных субъектностей, ориентированной на идею культурного многообразия и культурного диалога, парадигмальным основанием собственной образовательной деятельности, в том числе кадет, ищущих себя в профессии [16, с. 50].

Разделяя мнение О.В. Волох, Н.В. Чекалевой, Н.С. Макаровой, которые, на наш взгляд, строго и точно определили основные направления сотрудничества в рамках сетевого взаимодействия образовательных организаций, мы выделяем основные функции и возможности сетевого взаимодействия: обеспечение прямого доступа к новейшим образовательным программам, технологиям, проектам и конкурсам в области профессионального самоопределения; создание интегрированной системы повышения квалификации преподавателей образовательных организаций и военных вузов по вопросам профориентации и профессиональной диагностики; совместное взаимовыгодное использование материальных, инвестиционных, социально-инновационных фондов, доступных кадетским корпусам; вовлечение интеллектуальных ресурсов в процесс разработки инновационных форм совместной образовательной деятельности кадетских корпусов с военными институтами, а также национальными исследовательскими университетами [17, с. 146].

Образовательные организации кадетского типа сотрудничают в рамках реализации образовательных, военно-патриотических, спортивных проектов с вузами-партнерами, с вузами – участниками проектов, профильными вузами.

Анализ результатов мониторинга образовательных организаций кадетского типа показал, что сетевой подход в профориентации кадет может быть полноценно реализован только при наличии соответствующей материальной базы, включающей новые цифровые средства и сетевые технологии; созданной электронной образовательной среды, объединяющей единую информационную сеть кадетского учреждения, собственные сайты, интерактивные порталы локальных сетей, виртуальный преподавательский банк программного и электронно-методического обеспечения образовательного процесса, электронного документооборота и административного управления [17, с. 75].

В рамках сетевого взаимодействия функционируют городские экспертно-консультативные советы родительской общественности. Так, в г. Москве консультативный совет является постоянно действующим экспертно-консультативным органом при Департаменте образования города Москвы. Совет решает такие задачи, как выдвижение и поддержка общественных инициатив и проектов, имеющих значение для увеличения вклада образования в развитие города Москвы, а также направленных на повышение его качества, обеспечение занятости, безопасности и защиту прав обучающихся; привлечение общественности, государственных, научных и предпринимательских структур к поддержке образования в городе Москве, к формированию и реализации благотворительных программ в области образования и др. Решения совета носят рекомендательный характер.

В образовательных учреждениях кадетского типа с целью создания единого образовательного и воспитательного пространства для осуществления военно-профориентационной работы реализуется проект «Сетевой город. Образование» (Московская, Нижегородская области и др.), «Лаборатория профессионального выбора» (Воронежская, Ярославская области), «Передовой отряд» (Оренбургская область) и др.

Вторая тенденция – обеспечение военно-патриотической направленности учебно-воспитательного процесса в урочной и внеурочной деятельности. Данная тенденция осуществляется включением кадет, преподавательского состава, родителей, администрации, представителей общественных и религиозных организаций в окружные и городские семинары и методические совещания военно-патриотической направленности. Организуются проекты «Мой район в годы войны» (г. Москва), митинги, посвящённые Дню Неизвестного солдата, «День Победы», «Парад Победы», «Бессмертный полк», «Стена Памяти», классные часы, «Окна Победы» (Алтайский край), участие в Параде Победы (Н. Новгород) и др.

Во всех образовательных учреждениях кадетского типа организованы музеи и музейные комплексы, посвященные истории создания образовательного учреждения, памятным историческим датам, памяти героев войны и Победы, раскрывается специфика профиля учреждений. Например, музей «История российской дипломатии», «Дочери России», «Навигацкая школа от Петра до наших дней» (Московская область, г. Москва).

Третья тенденция – психолого-педагогическое сопровождение военно-профориентационной работы кадет.

Общим для всех изученных нами программ военно-профориентационной работы является поэтапное включение кадет в образовательную и профориентационную деятельность, начиная от обеспечения адаптации кадета к жизнедеятельности учреждения (распорядку дня, длительному пребыванию в учреждении, уходу за формой и соблюдению дисциплины и др.) до помощи в самоопределении, с учетом профессиональных интересов кадет. Познавательные интересы к профориентационным занятиям способствуют возникновению новых профессионально ориентированных мотиваций к обучению, инициируют самовоспитание личностных качеств и способностей, присущих представителям желаемых профессий [13, с. 160]. В учреждениях разработаны и действуют программы, направленные на развитие личности кадет. Например, в ГБОУ «Нижегородская кадетская школа» реализуется программа «Становление и развитие личности кадета», которая включает блоки: «Час воспитателя» (изучается история кадетского движения, строевая и тактическая подготовка, военно-медицинская подготовка и т.п.), «Юные таланты» (участие в выставках, конкурсах и т.п.), «За здоровый образ жизни» (участие в спортивных соревнованиях и т.п.), «Статен в строю, силен в бою» (проведение смотров взводов, рот, проведение кадетских балов, коллективных творческих дел), «Музейное дело» (поисково-краеведческая работа). Программа обеспечивает развитие личности кадет в военно-патриотической, спортивно-оздоровительной, художественно-эстетической, научно-познавательной, общественно полезной деятельности.

В кадетских учреждениях успешно реализуются программы «Одаренные дети», а также проводятся дни самоуправления, в которых проявляются лидерские, коммуникативные и организаторские способности кадет.

Ведущими формами психодиагностической работы являются комплексное психолого-педа-

гогическое обследование всех кадет; углубленное психодиагностическое обследование; оперативное психодиагностическое обследование для срочного получения информации. В дополнение к сетевым диагностическим инструментам для контроля уровня осознанного выбора профессии применяются достаточно типовые тесты, анкеты, собеседования. Среди наиболее продуктивных – стандартизированный тест Рейдаса, с помощью которого хорошо устанавливается динамика уверенности обучающихся в успешности выполнения служебно-боевых задач, сопровождаемая мотивацией к выбору профессии; тест «Акцентуация типов личности» Леонгарда–Шмишека, «Профессиональный автопортрет», в адаптации К. Мачовер; методика смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева; модифицированная методика «Изучение смысловых уровней личности» М.Н. Мироновой и др.

В рамках работы с родителями и педагогами осуществляются консультации и семинары. Для педагогов проводятся курсы повышения квалификации.

Четвертая тенденция – реализация программ дополнительного и профессионального образования на базе образовательных организаций кадетского типа.

Сочетание дополнительного образования, участие в конкурсах разной направленности, в том числе военной, позволяет в дальнейшем развивать разностороннюю личность, с другой стороны – определиться с выбором профессии.

На базе ГБО «Первый Московский кадетский корпус» реализуется проект «Сыны Отечества» – школа выходного дня. В рамках проекта проводятся занятия для ребят, которые хотят познакомиться с элементами кадетской жизни. Для учеников основной школы проводятся занятия: «Пилотажная подготовка», «Плавание», «Основы информатики», «Стрелковый клуб» (основная кадетская школа). Для старшеклассников преподаются предметы социально-педагогической и военно-прикладной, спортивной и технической направленностей [18; 19].

Уникальную возможность предлагают некоторые образовательные учреждения кадетского типа г. Москвы и Московской области, предоставляя возможность получения профессионального образования после достижения кадетом 14 лет. Например, обучающиеся 9–11 классов ГБО «Первый Московский кадетский корпус» в рамках проекта Департамента образования и науки города Москвы «Профессиональное обучение без границ» могут получить вместе с аттестатом свидетельство о профессии рабочего с присвоением квалификации или разряда [20].

Интересный опыт дополнительного образования накоплен в ГБОУ «Кадетская школа-интернат «Сибирский Кадетский Корпус». В данном корпусе созданы центры дополнительного образования «Мужество, Героизм и Воля!», «Центр патриотического воспитания», «Туристический центр», «Центр индивидуально ориентированного развития». В частности, в центре индивидуально ориентированного развития кадеты занимаются декоративно-прикладным искусством, парашютно-десантной подготовкой, танцами, художественной резьбой по дереву и др. [21].

На базе некоторых кадетских учреждений функционируют детские оздоровительные лагеря, в которых реализуются программы военно-патриотической, художественно-эстетической, спортивно-оздоровительной и учебно-воспитательной (школа вожатых, туристический клуб и др.) направленностей и др.

Все это помогает кадетам осознать себя в мире профессий, понимать долг перед Отечеством, родителями, соотечественниками, самостоятельно принимать ответственные решения.

Пятая тенденция – привлечение выпускников корпуса – курсантов военных вузов и выпускников, проходящих службу в армии, к воспитательной работе, профессиональному просвещению.

Кроме того, большую роль в получении кадетами знаний о военном деле и службе в армии при организации и проведении профориентационных занятий, экскурсий играет использование учебной материальной базы воинских частей и подразделений: учебных центров; учебных городских центров, комплексов технических средств охраны; автомобильной техники учебной группы эксплуатации; имитационных средств и др.

Шестая тенденция – использование в процессе организации профориентационной работы интерактивных, поисковых, проблемных методов и форм проведения занятий. Широко распространены исследовательские квест-технологии, кейс-стади, метод проектов, консультативные беседы, культурные обмены, сетевое взаимодействие.

Особым средством военно-профориентационной работы является формирование кадетским корпусом собственной образовательной стилистики как уникальной культурно-образовательной среды, снабжённой особой, доверительной педагогической атмосферой, в которой «взращивается» решение юноши-кадета об осознанном выборе профессии как особый социокультурный акт осмысления-осознания собственной причастности к почитаемому и впечатляющему Миру защитников Отечества.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

В заключении отметим, что анализ практики военно-профориентационной работы образовательных учреждений кадетского типа позволил выявить следующие современные тенденции (направления) совершенствования системы военно-профессиональной ориентации кадет: 1) осуществление образовательными учреждениями кадетского типа сетевого взаимодействия по военно-профессиональной ориентации; 2) обеспечение военно-патриотической направленности учебно-воспитательного процесса в урочной и внеурочной деятельности; 3) психолого-педагогическое сопровождение военно-профориентационной работы кадет; 4) реализация программ дополнительного и профессионального образования на базе образовательных организаций кадетского типа; 5) привлечение выпускников корпуса – курсантов военных вузов и выпускников, проходящих службу в армии, к воспитательной работе, профессиональному просвещению; 6) использование в процессе организации профориентационной работы интерактивных, поисковых, проблемных методов и форм проведения занятий. Указанные тенденции (направления) совершенствования военно-профориентационной работы позволяют развивать разностороннюю личность, способную самостоятельно принимать ответственные решения, а также определиться с выбором профессии на основе понимания кадетами долга перед Отечеством, родителями, соотечественниками.

Перспективным направлением развития системы военно-профориентационной работы является сетевое взаимодействие образовательных организаций кадетского типа. Обретая свою индивидуальность, кадетское учреждение осуществляет распространение накопленного опыта, транслирует принятые ценностные ориентиры в качестве лидера, учреждение становится и ресурсным центром для других организаций, заинтересованных в профориентации своих выпускников.

Список литературы

1. Тезисы доклада председателя общероссийского союза кадетских объединений «Открытое содружество суворовцев, нахимовцев и кадет России» генерал-майора Александра Владимирова на совещании по законопроекту о кадетском образовании в Минобрнауки РФ 27 апреля 2009 года. URL: http://www.kadet.ru/Obrazovanie/Tezisy270409.htm (дата обращения: 05.05.2022).

2. Письмо Минобрнауки России от 19.05.2017 № 08-986 «О методических рекомендациях» (вместе с «Методическими рекомендациями для субъектов Российской Федерации по нормативному правовому регулированию деятельности образовательных организаций кадетской направленности»). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_219501 (дата обращения: 05.05.2022).

3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 16.04.2022). URL: https://base.garant.ru/77308190 (дата обращения: 25.04.2022).

4. Селиверстова О.И. Проблемы совершенствования кадетского образования в Российской Федерации // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2015. Т. 10. С. 40–55.

5. Асриев А.Ю., Маврин С.А., Маврина И.А. Некоторые проблемы и тенденции развития кадетского образования в России // Армия и общество. 2015. № 1 (44). С. 67–70. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-i-tendentsii-razvitiya-kadetskogo-obrazovaniya-v-rossii (дата обращения: 28.04.2022).

6. Киселев В.А. Система военно-профессиональной подготовки допризывной молодежи в военно-техническом кадетском корпусе: на примере кадетского корпуса г. Тольятти: Автореф. дис. ... к. пед. наук. Тольятти, 1998. 17 с.

7. Пилипенко В.И. Педагогическая поддержка кадет в профессиональном самоопределении: на примере Карельского кадетского корпуса: Автореф. дис. ... к.пед.наук. Петрозаводск, 2012. 23 с.

8. Паули А.В., Мухина Т. Г. Сущность, содержание и структура готовности кадет к осознанному выбору военной профессии // Психолого-педагогический поиск. 2021. № 3 (59). С. 44–54.

9. Постановление Минтруда РФ от 27.09.1996 № 1 «Об утверждении Положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 31.10.1996 № 1186). URL: http://www.consultant.ru/document.

10. Приказ Министра обороны РФ от 24.04.2010 № 100 (ред. от 26.07.2012) Об утверждении Инструкции об условиях и порядке приема в военные образовательные учреждения высшего профессионального образования Министерства обороны Российской Федерации (Зарегистрировано в Минюсте России 01.07.2010 № 17670). Приложение. П. 57. URL: https://sudact.ru/law/prikaz-ministra-oborony-rf-ot-24042010-n (дата обращения: 04.05.2022).

11. План мероприятий военно-профессиональной ориентации воспитанников Санкт-Петербургского суворовского военного училища на 2019–2020 учебный год. URL: https://spbsvu.mil.ru/upload/site64/docu ment_file/HTwhwC1DfB.pdf. (дата обращения: 04.05.2022).

12. Герасименко В.Г. Проблемы интеграции регионального рынка труда и системы дополнительного профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4. С. 34–37.

13. Бекоева М.И. Основные направления профориентационной деятельности в современной общеобразовательной школе // БГЖ. 2016. № 4 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-proforientatsionnoy-deyatelnosti-v-sovremennoy-obsche obrazovatelnoy-shkole (дата обращения: 04.05.2022).

14. Яцковская И.Г. Сетевое взаимодействие образовательных организаций как условие гражданско-патриотического воспитания кадетов // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-vzaimodeystvie-obrazovatelnyh-organizatsiy-kak-uslovie-grazhdansko-patrioticheskogo-vospitaniya-kadetov. (дата обращения: 04.05.2022).

15. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.05.2022).

16. Лобок А.М. Возможное сетевое взаимодействие инновационных школ // Школьные технологии. 2008. № 1. С. 49–59

17. Волох О.В., Чекалева Н.В., Макарова Н.С. Подготовка педагогических кадров в условиях сетевого регионального взаимодействия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 166. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-pedagogicheskih-kadrov-v-usloviyah-setevogo-regionalnogo-vzaimodeystviya (дата обращения: 04.05.2022).

18. Марковская Е.А. Особенности обучения кадетов в условиях цифровизации // ЧиО. 2019. № 3 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obucheniya-kadetov-v-usloviyah-tsifrovizatsii (дата обращения: 04.05.2022).

19. ГБО «Первый Московский кадетский корпус»: официальный сайт. URL: https://1mkk.mskobr.ru/syinyi-otechestva (дата обращения: 04.05.2022).

20. Перечень основных программ профессиональной подготовки по профессиям рабочих и должностям служащих в рамках проекта «Профессиональное обучение без границ» с указанием профильных классов в соответствии с приказом «О проведении проекта «Профессиональное обучение без границ» № 240 от 23.07.2020. URL: https://mgok.mskobr.ru/professional_noe_obuchenie_bez_granic (дата обращения: 04.05.2022).

21. Положение о структурном подразделении государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Новосибирской области «Кадетская школа-интернат «Сибирский Кадетский Корпус» Центр дополнительного образования «Мужество, Героизм и Воля!». URL: https://scc-nsk.ru/images/doc/svedenia_ob_OO/lokalnie_normativnie_akty (дата обращения: 04.05.2022).

ANALYSIS OF PEDAGOGICAL PRACTICES OF MILITARY-VOCATIONAL GUIDANCE WORK OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF CADET TYPE

***T.G. Mukhina,*[1,2] *A.V. Pauli*[2]**

[1] Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
[2] Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I. K. Yakovlev of the National Guard Troops

The results of a comparative analysis of the pedagogical practices of the military career guidance work of the leading educational organizations of the cadet type, which are under the jurisdiction of regional executive authorities in the field of education, are presented. The current legal documents regulating the activities of these educational organizations have been studied. The comparison of the results of monitoring the performance indicators of the system of career guidance in cadet schools and buildings of the cities: Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Novosibirsk; Amur Region and Altai Territory. A set of pedagogical conditions aimed at improving the system of military-professional orientation of cadets has been revealed. It has been determined that in educational organizations of the cadet type in which military career guidance work is accompanied by complex military and patriotic work, networking, psychological and pedagogical support for all subjects of the educational process, the inclusion of students in the system of additional and vocational education, participation in competitions of various directions, including On the one hand, military education allows one to develop a versatile personality capable of making responsible decisions independently, and on the other hand, to decide on the choice of a profession based on an understanding of duty to the Fatherland, parents, and compatriots.

Keywords: cadet education, military career guidance work, cadets, educational organizations of cadet type.

УДК [378.011.3-051:35]-027.31
DOI 10.52452/18115942_2022_2_177

КРИТЕРИИ ДИАГНОСТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ К ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2022 г.

Н.В. Провоторова

Провоторова Наталия Викторовна, к.психол.н.; доц.; доцент кафедры психологии
Луганского государственного педагогического университета
provotorova.natalija@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 14.12.2021
Статья принята к публикации 27.04.2022

Рассматривается проблема диагностики уровня профессиональной готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления (ГМУ). Целью исследования является определение критериев диагностики данного вида готовности. Несмотря на актуальность представленной проблемы и многочисленность публикаций по теме подготовки государственных гражданских служащих, качественные показатели готовности к инновационной деятельности представлены впервые. В статье акцентируется внимание на многоаспектности исследования готовности и профессиональной готовности в современной науке. С учетом проведенных исследований сформулированы авторские определения понятий «готовность к профессиональной деятельности», «будущий специалист в сфере ГМУ», «профессиональная деятельность будущего специалиста в сфере ГМУ», «инновационная деятельность будущего специалиста в сфере ГМУ», «профессиональная готовность будущего специалиста сферы ГМУ к инновационной деятельности». Особое внимание уделялось изучению критериев и показателей профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности. В итоге представлены основные критерии диагностики данного вида готовности и определены показатели каждого критерия. Разработанный автором критериальный диагностический аппарат является основой для создания инструментария диагностики уровня готовности к инновационной деятельности будущих специалистов в сфере государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, будущие специалисты, готовность, профессиональная готовность, инновационная деятельность, критерии профессиональной готовности, показатели профессиональной готовности, критериально-диагностический аппарат.

Актуальность проблемы исследования

В современном государстве, претерпевающем кардинальные изменения в социальном, экономическом и духовном развитии, первоочередным является вопрос результативности органов власти и, соответственно, эффективности профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления, что определяет необходимость модернизации подготовки специалистов для данной отрасли.

Вместе с тем инновации, внедряемые в сферу государственного и муниципального управления, становятся определяющим ориентиром для совершенствования системы подготовки дипломированных специалистов и, соответственно, задают основные требования к их знаниям, умениям, навыкам, личностным особенностям.

Вышесказанное свидетельствует о том, что подготовка современных специалистов сферы государственного и муниципального управления (ГМУ) предполагает формирование их готовности к профессиональной деятельности в инновационных условиях и отображает актуальность исследования данного вида готовности.

Актуальность проблемы определяет цель исследования, заключающуюся в изучении критериального аппарата диагностики профессиональной готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления.

Теоретические основы

Проблеме готовности, в частности профессиональной готовности, в современной науке отведено особое место. Следует отметить многоаспектность исследования готовности как психолого-педагогического явления.

Анализ научной литературы показал, что готовность современными учеными рассматривается:

– как состояние (М.И. Дьяченко, М.А. Викулина, К.М. Дурай-Новикова, Е.П. Ильин, Н.Д. Левитов и др.);

– как качество личности (Е.М. Павлютенков, К.К. Платонов, В.В. Сериков, В.А. Шадриков);

– как комплекс способностей (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн);

– как синтез определенных личностных качеств (С.А. Дыбин, В.А. Крутецкий);

– как системное личностное образование (С.Г. Васильева, А.В. Веденов, Л.А. Кандыбович);

– как комплекс профессиональных знаний, умений и навыков (Л.В. Романенко, В.В. Сериков);

– как отношение к деятельности (В.Н. Мясищев);

– как уровень ценностных ориентаций (В.Н. Мясищев) [1].

С нашей точки зрения, готовность в целом и готовность к деятельности в частности (без акцентирования внимания на конкретном виде деятельности) можно рассматривать как положительное отношение к действию, как некую предпосылку к формированию готовности к определенной профессиональной деятельности. Готовность, безусловно, подразумевает также наличие знаний, умений, навыков, индивидуально-типологических особенностей в конкретной профессиональной деятельности, наличие профессионального кругозора, способность к самообучению, самореализации, креативному мышлению и т.д.

Феномен «готовность» предполагает взаимообусловленную связь с категорией «готовность к профессиональной деятельности». Изучение готовности к профессиональной деятельности также рассматривалось в различных аспектах в разные периоды развития педагогической науки. Анализ исследований профессиональной готовности дает основания утверждать, что данный феномен ученые рассматривают:

– как совокупность профессионально значимых требований к определенной профессиональной деятельности (В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов);

– как «целенаправленное выражение личности» в совокупности ее отношений, мотивов, установок, волевых, индивидуальных и других качеств (М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович);

– как психическое состояние (В.Н. Дружинин);

– как целостное проявление свойств личности, включающее познавательный, эмоциональный и мотивационный компоненты (Н.Д. Левитов);

– как сложное структурное образование, систему профессионально значимых качеств, мотивов, компетентности, умений (Е.П. Белозерцев, И.А. Колесникова, Е.В. Титова);

– как существенный компонент профессиональной компетентности (А.Н. Мищенко) [2].

С учетом проведенных исследований готовности к профессиональной деятельности [1, 2], мы понимаем данный феномен как состояние личности, имеющее целостную структуру, характеризующееся определенными психологическими особенностями и сформированными качествами, выражающееся в способности выполнения человеком каких-либо функций.

Стоит заметить, что при всем многообразии исследований профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления исследованию профессиональной готовности к данному виду деятельности уделялось недостаточно внимания [3].

В частности, Е.А. Науменко и Г.Д. Бабушкин подчеркивают, что профессиональная готовность «определяется как способность работника с учетом условий и реальных возможностей найти оптимальные пути и способы реализации поставленных задач и возложенных полномочий, как система определенных качеств, обеспечивающих результаты приемлемого уровня в соответствующей сфере деятельности» [4, с. 32]. Ученые в результате эмпирического исследования выявили зависимость успешности в профессиональной деятельности специалистов сферы государственного управления от уровня развития социально-психологических качеств личности и выделили факторы профессиональной готовности специалистов сферы государственного управления, среди которых наиболее информативными являются: фактор социабельности, определяющийся возможностями межличностного взаимодействия; фактор коммуникабельности, проявляющийся в коммуникативных и организаторских способностях; фактор профессиональной ориентированности, определяющийся «способностью управлять собой, выраженностью личностных целей и ценностей, потенциалом саморазвития»; фактор креативности, затрагивающий «достаточный уровень творческого подхода к решению задач управления, умение ситуативно влиять на окружающих, понимать особенности и специфику управленческого труда»; фактор организационных умений, включающий управленческие умения; фактор готовности к деловым переговорам, определяющийся готовностью «вести конструктивную дискуссию, гармонично распределять эмоциональную и рациональную нагрузку, а также оптимальный уровень управленческой, психологической культуры» [4, с. 33].

С точки зрения В.Л. Чепляева, обязательным компонентом профессионализма и условием достижения высоких результатов в профессиональной деятельности государственных гражданских служащих является «служение как общий профессионально-личностный императив

деятельности» [5, с. 58]. Подчеркивает важность компетенций общественного служения для будущих специалистов сферы государственного управления и В.Н. Колесников [6, с. 13].

Ю.В. Погребняк отмечает, что профессиональная готовность государственных служащих – это результат профессиональной подготовки государственных служащих, детерминированный такими базовыми аспектами готовности, как мотивационный, личностный, гностический, информационный, деятельностный, функциональный и т.д. [7].

Учитывая управленческий аспект профессиональной деятельности госслужащих, стоит обратить внимание на структуру готовности к данной деятельности [8, 9]. В частности, по мнению П.А. Агеевой, компонентами готовности к профессиональной деятельности госслужащих, как управленческой, являются: готовность к принятию решения, готовность к организации совместной деятельности, личностные качества, необходимые для успешной деятельности в особых условиях, в нашем случае – в условиях инновационной деятельности [8]. С точки зрения В.П. Жуковского, основными аспектами профессиональной готовности к управленческой деятельности являются функциональный (теоретико-прикладная готовность) и личностные (личностные характеристики и качества, обеспечивающие включенность и регуляцию управленческой деятельности), включая также нормативную (следование нормам профессиональной этики, уважение прав коллективных субъектов управления), деонтологическую (ответственность за принятые решения и их последствия) и регулятивную (психологическая устойчивость к стрессу) стороны, являющиеся, по мнению ученых, основой структуры готовности к управленческой деятельности [9, с. 12–13].

В целом можно отметить, что готовность к профессиональной деятельности будущих специалистов сферы ГМУ – это состояние личности, включающее интеллектуальные, эмоциональные, мотивационные, волевые аспекты; которое предполагает направленность на выполнение профессиональной деятельности в сфере государственного управления; требует наличия соответствующих навыков, знаний, умений. Готовность к данному виду деятельности обусловливает осознанные и неосознанные установки, модели вероятного поведения, определение оптимальных способов деятельности, оценку своих возможностей в профессии и необходимость достижения определенного результата.

Результаты и их обсуждение

Проанализировав теоретический блок научной литературы и результаты авторского исследования в контексте проблематики готовности в целом, готовности к профессиональной деятельности в сфере государственного управления, готовности будущего специалиста ГМУ к инновационной деятельности [1, 2, 10], учитывая характерные признаки профессиональной деятельности в сфере государственного и муниципального управления, мы сформулировали авторское определение понятий «будущий специалист в сфере ГМУ», «профессиональная деятельность будущего специалиста в сфере ГМУ».

Итак, *будущий специалист в сфере ГМУ* – это личность, обладающая системой компетенций и личностных качеств, выступающих индикаторами профессионализма в сфере государственного и муниципального управления, способная к их успешному использованию для выполнения функций государства и организации эффективного взаимодействия между гражданами и государством.

Профессиональная деятельность будущего специалиста в сфере ГМУ – это особый вид трудовой деятельности, имеющий строгую нормативную регламентацию, основной целью которой является выполнение служащим функций государства, путем принятия социально значимых решений и осознания высокой степени ответственности за результаты своей работы.

Учитывая особые условия деятельности современных специалистов сферы ГМУ, одной из стержневых задач эффективной подготовки будущих специалистов сферы государственного управления является формирование у них готовности к инновационной деятельности.

Инновационную деятельность будущего специалиста в сфере ГМУ мы понимаем как вид профессиональной деятельности, предполагающий наличие у специалистов высокого уровня профессиональной подготовки, интеллектуальной наполненности, креативного мышления, способности к использованию в своей работе принципиально новых подходов, методов и инструментов управления [11].

Опираясь на теоретические разработки современных ученых, а также на результаты проведенных исследований, мы пришли к пониманию термина «профессиональная готовность будущего специалиста сферы ГМУ к инновационной деятельности». Мы понимаем этот феномен как состояние личности, выражающееся в способности выполнения служащим функций государства, принятия социально значимых решений, характеризующееся целостной структурой, включающей: мотивационно-ценностный, интеллектуально-информационный, процессуально-деятельностный, рефлексивно-аналитический компоненты, и предполагающее умение использовать

принципиально новые подходы, методы и инструменты управления.

Для диагностики уровня профессиональной готовности будущих специалистов сферы ГМУ к инновационной деятельности необходимо определить критерии и показатели, соотношение которых будет свидетельствовать о качестве профессиональной подготовки в контексте готовности к инновационной деятельности будущих специалистов.

Комплексный анализ психолого-педагогических источников показывает, что проблема определения критериальной базы и диагностического инструментария для оценки готовности обучающихся к профессиональной деятельности освещалась в научных трудах Л.Е. Варфоломеевой, К.М. Дурай-Новиковой, Е.Н. Жариновой, И.А. Зимней, И.А. Зязюна, Н.В. Кузьминой, В.А. Сластенина и др. [12– 16].

Понимание структуры профессиональной готовности к инновационной деятельности определяют основные её компоненты, являющиеся критериями диагностики данного вида готовности у будущих специалистов сферы ГМУ [17, 18].

С нашей точки зрения, ведущим компонентом готовности будущих специалистов сферы ГМУ к инновационной деятельности является мотивационно-ценностный. Мотивационно-ценностный компонент представлен совокупностью мотивов, ценностных ориентаций и установок будущего специалиста и выражает осознанное отношение специалиста к инновационной деятельности, понимание ее роли в решении актуальных проблем системы государственной службы. В практике государственного управления инновационная активность специалиста может быть обусловлена различными мотивами и ценностями, а именно: желанием приносить пользу государству и людям; удовлетворением материальных и духовных потребностей; удовлетворением потребности в общественном признании, желанием совершенствовать себя в профессии; необходимостью совершенствования профессиональной компетентности, формирования профессионально важных качеств специалиста; стремлением человека к достижению жизненного успеха, как личностного, так и профессионального и т.д.

Основными показателями мотивационно-ценностного критерия в работе определены: значимость для будущих госслужащих мотивов профессиональной деятельности; мотивация будущих специалистов в сфере государственного управления к успеху.

Обязательным является процессуально-деятельностный компонент, который определяется спецификой видов профессиональной деятельности будущего специалиста и необходимостью выполнения работы в государственном управлении.

Профессиональное выполнение рабочих задач специалистами в области государственной службы определяется наличием целого ряда умений, в частности умением организовывать организационно-управленческую, информационно-методическую, коммуникативную, проектную, вспомогательно-технологическую, организационно-регулирующую, исполнительно-распорядительную и, конечно же, инновационную деятельность. А также осуществлять эффективные социальные взаимоотношения в процессе решения профессиональных задач; быть способным к предупреждению и преодолению проблемных ситуаций в профессиональной деятельности.

Основными показателями процессуально-деятельностного критерия нами выделены: осмысленность профессиональных действий, наличие креативного мышления у обучающегося.

Степень овладения профессиональными знаниями, умениями и навыками, уровень готовности овладения навыками инновационной деятельности в профессии, технологиями принятия рациональных решений, умение адаптироваться к различным изменениям, прогнозировать ход развития той или иной рабочей ситуации, используя инновационные подходы, методы и приемы, определяется интеллектуально-информационным критерием.

Интеллектуально-информационная составляющая изучаемой готовности специалиста отражает степень овладения навыками инновационной деятельности в профессии, уровень вооруженности профессиональными знаниями, умениями и навыками, способность моделировать рабочие ситуации, степень овладения технологиями принятия рациональных, инновационных решений, умения адаптироваться к различным изменениям, прогнозировать развитие той или иной возникшей в ходе деятельности ситуации, предупреждать негативные последствия чрезвычайных событий.

Основными показателями интеллектуально-информационного критерия являются: средний балл успеваемости обучающихся; усвоение ими основных понятий профессиональной деятельности в сфере государственной службы; осведомленность студентов в проблематике инновационных процессов в аппарате государственной службы.

Рефлексивно-аналитический компонент готовности к инновационной деятельности будущих специалистов в сфере государственного управления определяет уровень профессио-

нальной ответственности, критического мышления студентов, профессиональной этики и морали, способности к самосовершенствованию, профессиональному росту.

Рефлексивно-аналитический критерий профессиональной готовности будущих специалистов к инновационной деятельности отражает: соответствие индивидуальных качеств студента существующим требованиям к специалисту аппарата госслужбы; осознание и глубокое осмысление своего реагирования в случае возникновения нестандартных рабочих ситуаций; анализ личностного смысла в собственных профессиональных действиях; умение конструктивно разрешать свои внутриличностные и межличностные противоречия и конфликты.

Анализируя рефлексию как направленность сознания будущего специалиста в сфере государственной службы на глубокую осознанность профессиональной деятельности, самодетерминацию, самоанализ, самооценку и основу развития профессиональной самотождественности и ответственности за результаты своей профессиональной деятельности, показателями рефлексивно-аналитического критерия нами определены: самоанализ сформированности профессиональной готовности будущего специалиста к инновационной деятельности, самооценка реализации необходимости в самосовершенствовании.

Заключение

В заключении отметим, что к критериям диагностики профессиональной готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления мы отнесли выделенные нами компоненты структуры данного вида готовности, а именно мотивационно-ценностный, процессуально-деятельностный, интеллектуально-информационный, рефлексивно-аналитический, и соответствующие им показатели.

Разработанный нами критериальный диагностический аппарат является инструментарием для анализа результатов педагогических экспериментов, которые определят уровень сформированности готовности будущих государственных служащих к инновационной деятельности на разных этапах подготовки. Диагностика степени выраженности показателей готовности к профессиональной деятельности позволит нам выделить уровни готовности будущих специалистов ГМУ к инновационной деятельности.

Список литературы

1. Провоторова Н.В. Структура профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления // Педагогические исследования. Журнал Астраханского государственного университета. 2020. № 3. С. 20–26.

2. Провоторова Н.В. Особенности профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности // Гуманитарные исследования Центральной России. Журнал Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского. 2020. № 4 (17). С. 54–62.

3. Провоторова Н.В. Особенности профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности // Гуманитарные исследования Центральной России. 2020. № 4 (17). С. 54–62.

4. Науменко Е.А., Бабушкин Г.Д. Модель социально-психологической готовности специалиста в сфере государственного управления // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 32–34.

5. Чепляев В.Л. Личностно-профессиональная готовность государственных служащих // Управленческое консультирование. 2016. № 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-professionalnaya-gotovnost-gosudarstvennyh-sluzhaschih (дата обращения: 09.02.2020).

6. Колесников В.Н. Публичные ценности в системе подготовки государственных служащих в рамках компетентностного подхода // Управленческое консультирование. 2014. № 1 (61). С. 7–17.

7. Погребняк Ю.В. Феноменологія професійної готовності державних службовців до управління соціальними проектами // Державне управління: удосконалення та розвиток. 2013. № 4. URL: http://www.dy.nayka.com.ua/?op=1&z=568 (дата обращения: 22.09.2020).

8. Агеева П. Профессионально-психологическая готовность студентов к управленческой деятельности. URL: https://pandia.ru/text/79/481/10361.php (дата обращения: 12.02.2020).

9. Жуковский В.П., Зайнетдинова К.М., Жуковская Н.А. Профессиональная готовность руководителя образовательной организации к управленческой деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019. Т. 25. № 2. С. 11–15.

10. Провоторова Н.В. Профессиональная подготовка будущих специалистов сферы государственного управления как психолого-педагогическая проблема // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2021. Т. 27. № 1. С. 138–142.

11. Провоторова Н.В. Особенности инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного управления // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования). 2021. № 1 (55). С. 41–45.

12. Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е., Жаринова Е.Н. Акмеологические основы развития коммуникативной культуры и творческой готовности бакалавра, магистра, специалиста. СПб.: Изд-во НУ «Центр стратегических исследований», 2015. 315 с.

13. Дурай-Новакова К.М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: Автореф. дис. … д.пед.наук. М., 1983. 32 с.

14. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 3–10.

15. Зязюн І.А. Технологізація освіти як історична неперервність // Неперервна професійна освіта: теорія і практика. 2001. Вип. 1. С. 73–75.

16. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 576 с.

17. Провоторова Н.В. Критериальный аппарат готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного управления // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Филологические науки. 2021. № 7 (160). С. 70–75.

18. Провоторова Н.В. Предикторы формирования профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления к инновационной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 3 (92). С. 277–281.

CRITERIA FOR THE DIAGNOSIS OF PROFESSIONAL READINESS FOR INNOVATION FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD OF PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

N.V. Provotorova

Lugansk State Pedagogical University

This article deals with the problem of diagnosing the level of professional readiness for innovative activity of future specialists in the field of state and municipal administration (SMA). The purpose of the study is to determine the diagnostic criteria for this type of readiness. Despite the urgency of the presented problem and the numerous publications on the topic of training state civil servants, qualitative indicators of readiness for innovative activity are presented for the first time. The article focuses on the multidimensional nature of the study of readiness and professional readiness in modern science. Taking into account the conducted research, the author's definitions of the concepts "readiness for professional activity", "future specialist of the SMA sphere", "professional activity of the future specialist of the SMA sphere", "innovative activity of the future specialist of the SMA sphere", "professional readiness of the future specialist of the SMA sphere for innovative activity" is formulated. Special attention was paid to the study of criteria and indicators of professional readiness of future specialists in the field of state and municipal administration for innovative activities. The publication presents the main criteria for diagnosing this type of readiness and defines the indicators of each criterion. The criterion-diagnostic apparatus developed by the author is the basis for diagnosing the level of readiness for innovative activity of future specialists in the field of state and municipal management.

Keywords: state and municipal management, future specialists, readiness, professional readiness, innovative activity, criteria of professional readiness, indicators of professional readiness, criteria-diagnostic apparatus.

УДК 37.022
DOI 10.52452/18115942_2022_2_183

УЧЁТ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИХ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ ИНДОНЕЗИЙСКОЙ ГРУППЫ)

© 2022 г.

А.В. Рагозина, О.А. Обдалова

Рагозина Алёна Владимировна, аспирант факультета иностранных языков
Томского государственного университета
raalena22@gmail.com
Обдалова Ольга Андреевна; д.пед.н.; профессор кафедры английского языка естественно-научных и физико-математических факультетов Томского государственного университета;
старший научный сотрудник Томского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
o.obdalova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.02.2022
Статья принята к публикации 26.04.2022

В свете активно развивающейся мультикультурной и плюрилингвальной университетской среды университетов России исследователям современной методики обучения русскому языку как иностранному необходимо изучать эффективные практические методы, но не в меньшей мере и самих обучающихся, от которых часто и зависят способы обучения. В статье рассматривается ряд характеристик, образующих этнопсихологический портрет индонезийских студентов как одной из самых распространённых групп Юго-Восточной Азии, изучающих русский как иностранный в России. Анализируются последние исследования на тему этноориентированной методики, в частности, одного из её ведущих принципов – учёта этнопсихологических характеристик обучающихся. Обобщаются и систематизируются отечественные и зарубежные описания индонезийских обучающихся, приводятся собственные наблюдения авторов. Описываются такие факторы, как тип культуры, коммуникативное поведение, академическое участие, гендерное, этническое и религиозное взаимодействие, на основе которых предлагаются разработанные методические рекомендации по работе на занятии. Делается вывод о целесообразности учёта описываемых характеристик на занятиях по иностранному языку, а также о необходимости дополнять методическую науку подобными описаниями и рекомендациями по работе со студентами из недостаточно изученных этнических групп.

Ключевые слова: этноориентированная методика, межкультурная коммуникация, индонезийские студенты, этнопсихологический портрет, русский как иностранный, методика преподавания иностранного языка.

Введение

В современной образовательной среде изучение иностранных языков становится не только всё более актуальным и популярным выбором нового поколения по всему миру, но является и непреложным условием обучения. В ситуации активно открывающихся образовательных возможностей и развития отношений между странами число желающих изучать русский язык как иностранный (РКИ) значительно возросло и продолжает стремительно расти. Даже несмотря на переход на смешанное или дистанционное образование, количество обучающихся, желающих получить образование в России, ежегодно увеличивается. Для сравнения: количество мест, выделенных для иностранных студентов в 2018–2019 году, было равно 15 000, а в 2021–2022 году увеличилось до 18 000 мест [1]. Возросло и количество представителей из стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Лаос, Вьетнам): студенты НИ ТГУ, прибывшие из Индонезии, Вьетнама и Лаоса, занимают второе место по количеству обучающихся после студентов из Китая [2].

Современная этическая обстановка, так называемая «новая этика», провозглашает не только толерантное отношение к другим культурам, гендерным предпочтениям и прочее, но ставит на первый план культурную самоидентичность [3]. Важность этого аспекта фиксирована на документальном государственном уровне. Так, в Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 г. говорится о необходимости воспитания гражданина России – «зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом» [4].

Для современной методики вышесказанное означает потребность в развитии и поиске таких

методов обучения, которые нацелены на определенные национальные группы и учитывают их культурные и этнопсихологические особенности, не приуменьшают важность социокультурной самоидентичности. Целью данной статьи является анализ отечественных и зарубежных исследований, а также собственного опыта обучения студентов РКИ, для описания этнопсихологического портрета индонезийских студентов и составление ряда рекомендаций по учёту этих характеристик на занятиях по иностранному языку.

В ситуации межкультурной коммуникации наиболее полное понимание культуры собеседника является обязательным звеном успешного общения. При обучении иностранному языку более полное понимание этнопсихологических характеристик может служить самым разным дидактическим целям, от выбора тона общения до лексико-тематического содержания обучения. Чтобы преподавателю сформировать это понимание, помимо собственных наблюдений, необходимо всестороннее исследование этнопсихологических и социокультурных характеристик той или иной этнической группы.

При этом этнопсихологические описания студентов из Юго-Восточной Азии (в частности индонезийцев) проведены в недостаточном количестве. Разработаны этноориентированные модели обучения ИЯ китайских, итальянских, греческих, арабских, таджикских, тайских, иранских обучающихся. Этнопсихологическими описаниями индонезийских обучающихся занимались М.Н. Гусев, А.Ю. Другов, И.А. Пугачёв, В.Ф. Сычев, Е.В. Невмержицкая, В.В Вязовская, D. Smith, Novita W. Sutantoputri, Helen M. Watt, Yvette Reisinger, Norasman Othman. Таким образом, всё вышесказанное актуализирует проблему учёта этнопсихологических характеристик студентов при обучении их иностранному языку.

Методология исследования

Исследование культурных особенностей, включающих социальный, психологический, культурно-исторический и поведенческий аспекты, представляет собой обширную и непростую отрасль исследований, необходимых в самых разных областях применения, в том числе в методике преподавания иностранного языка. Т.М. Балыхина и Ч. Юйцзян, изучая взаимодействие национального характера и стереотипа, приходят к выводу, что характер имеет социальную природу (зависит от социальной группы и мировоззрения человека). Мировоззрение, «переходя в убеждение человека, в его моральные представления и идеалы, регулируют его поведение» [5, с. 39].

В обучении иностранному языку, разумеется, значительное внимание отводится его коммуникативной составляющей, а именно умению совершать коммуникацию посредством вербальных интенций, верно трактуемых адресатом. Как отмечает И.А. Стернин, коммуникативное поведение в лингвокультурологии еще до сих пор не являлось предметом системного описания, а между тем оно должно стать «предметом особой науки, которая является стыковой и в известной мере интегральной для целого ряда наук… И заняться этим должны в первую очередь лингвисты и преподаватели иностранных языков» [6, с. 6]. В связи с этим мы подробнее изучим коммуникативную составляющую поведения индонезийских студентов, которая играет одну из ключевых ролей в создании этнопсихологического портрета обучающихся.

В отечественной методике преподавания РКИ, начиная с первой волны индонезийских студентов в СССР, появлялись значительные труды по этноориентированной методике обучения. Данная методика подразумевает учёт родного языка обучающегося, его этнопсихологических, культурных и языковых особенностей. В 80-е годы В.Н. Вагнер разработала национально ориентированный метод для иностранных студентов. Затем принцип учёта родного языка и культуры исследовался рядом учёных (Щербакова, 1977, 2010; Пугачёв, 2006; Вагнер, 2001; Балыхина, 2010; Оглоблин, 1988).

Однако если языковые особенности тех или иных языков остаются относительно постоянными с течением времени, то социокультурный, этнопсихологический портрет человека развивается и может сильно меняться. Последние описания, исследования социопсихологического портрета индонезийских обучающихся значительно разнятся с теми, что написаны всего 20 лет назад. С 2010-х гг., в связи с возросшим количеством индонезийских студентов в университетах России [7, с. 18–22], начали активно появляться новые исследования, изучающие социокультурные характеристики индонезийских студентов (Невмержицкая, 2011; Быкова, 2014; Щербакова, 2017; Вязовская, 2018; др.).

Этнопсихологические различия могут быть определены культурными ценностями, социальным поведением, восприятием, нуждами, опытом, верой, нормами, мотивацией, вербальным и невербальным поведением. Исследователи XX века, изучающие этнопсихологические характеристики народов, использовали самые разные методы: от структурализма (К. Леви-Стросс, М. Фуко и другие) до этнологических методов (Ф. Боас, Ф. Ратцель, Л. Фробениус) и этнометодологии (Г. Гарфинкель). Этнопсихо-

логические различия изучает этнопсихология, или этническая психология. Этнопсихология – относительно молодая отрасль знаний, возникшая на стыке таких наук, как психология, социология (философия), культурология и этнология (этнография), которые изучают особенности психики определенного этноса. Критикуя традиционные способы исследования культуры, этнометодологи строят анализ на основе изучения самых явных, очевидных фактов повседневности [8].

Этнопсихология может формулировать свои собственные законы и закономерности предметов, которые она исследует. Одним из важнейших принципов этнопсихологии является принцип детерминизма, который показывает причинную обусловленность этнопсихологических особенностей факторами, влияющими на процесс формирования того или иного явления. Поэтому, для того чтобы правильно понимать определённую этнопсихологическую особенность, необходимо узнать специфические причины её возникновения [9]. Совместно с культурологией, этнологией, методикой обучения иностранным языкам этнопсихологический подход позволяет выявить специфические черты этноса, как в целом, так и в отдельных ситуациях.

Идеями о психологическом измерении культур интересовались многие известные ученые, стараясь определить элементарные формы социального поведения, ценностей в их связи с культурной идентичностью. Существуют четыре основные характеристики, по которым различают культуры: индивидуализм или коллективизм, избегание неопределённости, дистанция власти, матриархат и патриархат. В классификацию этнокультур в межкультурной психологии были предложены понятия «культурный синдром» (Г. Триандис, 1994) и «измерение культур» (Г. Хофстеде, 1980). Г. Хофстеде в своей работе «Влияние культуры: международные различия трудовых ценностей» выделил следующие культурные измерения: идентичность, иерархия, гендер, правда и добродетель. Эдвард Холл (1976) предложил концепцию контекста культур и выделил высококонтекстные культуры и низкоконтекстные культуры. Попробуем применить вышеописанные теории на современного индонезийского обучающегося с помощью как собственных наблюдений, так и с помощью обращения ко всевозможным источникам.

Этнопсихологическая характеристика индонезийских студентов

Анализируя последние исследования, посвященные социокультурным и психологическим особенностям индонезийцев (при обучении РКИ и ELS), выделим основные характеристики и составим этнопсихологический портрет индонезийских студентов.

Среди стран Юго-Восточной Азии Индонезия является самой густонаселенной и занимает 4-е место в мире по численности населения (на 2022 год составляет более 270 млн человек). В связи с высокой плотностью населения жители Индонезии спокойно относятся к многолюдству. Дистанция комфорта при общении для индонезийца составляет один метр [10]. Индонезия является самой крупной мусульманской страной в мире: 90% населения исповедуют ислам. Вместе с этим в Индонезии минимальны проявления политического или религиозного экстремизма [11]. В Индонезии действуют все мусульманские обычаи и традиции: пятничный намаз, обязательное посещение мечети, запрет на свинину, алкоголь, у девушек – ношение платка и т.д.

В целом индонезийцы живут достаточно скромно, однако, несмотря на невысокий уровень жизни, индонезийцы – очень дружелюбный народ: вежливость считается здесь одним из главных факторов в общении. В общении индонезийцы сдержанны и вежливы. Современная государственная идеология Индонезии представляет собой сложное взаимодействие различных цивилизаций: собственно индонезийской, индуистской, мусульманской, европейской [12]. В стране соблюдаются и защищаются гражданские права всех народов и этнических групп, строится мирный диалог между различными религиозными течениями.

Как отмечают исследователи [13–15], большинство представителей индонезийской мусульманской общины сочетают в своем мировоззрении исламские элементы с существовавшими здесь ранее индуистскими представлениями, поэтому самобытной чертой индонезийской культуры является ее способность приспосабливать новые социальные модели и религиозные учения под собственную систему ценностей. В сознании индонезийцев монотеистическое представление гармонично сосуществует с целым рядом индуистских богов, с верой в силу магических заклинаний, священных мест, камней, деревьев и т.п. [16].

Говоря об этнопсихологических особенностях представителей Юго-Восточной Азии, прежде всего отметим, что эти особенности обусловлены в значительной мере тем, какая религия доминирует в их культуре [17; 18]. В таких странах, как Индия, Таиланд, Камбоджа, Непал, Лаос, исповедуются индуизм и буддизм, упор делается на гармонию человека с приро-

дой, окружающей средой. Профессор РУДН И.А. Пугачёв, с разных позиций занимавшийся исследованием этнических особенностей обучающихся из разных регионов, пишет, что для студентов, представляющих регион ЮВА, характерна такая этнокультурная особенность, как авторитет коллектива, одобрение или неодобрение является сильным мотивирующим фактором для студента [19].

По представлению индонезийцев, человек должен проявлять уважительность и терпимость к окружающим, а гордыня воспринимается как крайне отрицательное качество человека. Неприемлемым в индонезийской культуре считается разговор на повышенных тонах, т.к. индонезийцам прививают достаточную скромность, чтобы не оскорбить чувств другого, трудолюбие, не поддерживается соперничество с другими, следует довольствоваться своим положением и выполнять свои обязанности наилучшим образом [10]. Сознательность студентов отмечается многими преподавателями: за исключением отдельных случаев, студенты выражают чувство благодарности за обучение, часто благодарят за урок.

Выделим и опишем основные этнопсихологические и культурные характеристики индонезийцев, основанные на идее о психологическом измерении культур [20; 21].

1) *High power distance culture (высокий индекс дистанции власти).* Согласно австралийским исследователям Yvette Reisinger и Lindsay Turner (2000), Индонезия относится к такому типу культуры, где решения, принятые властью или другим авторитетом, очень редко подвергаются сомнению [22]. Такой культуре свойственна четкая социальная иерархия и неравенство (власть–народ), послушание, следование правилам. Характер индонезийского народа складывался в условиях колонизации, когда человеку приходилось приспосабливаться к авторитарному режиму властей. Поэтому одним из отличительных качеств индонезийцев является податливость – готовность принять чужую точку зрения, не отвергая свою собственную.

2) *Collectivism (коллективизм).* Устремлённость на права и нужны того или иного коллектива: от членов внутри одной группы ожидается доброе отношение, помощь, равенство и дружба. Гармоничное сосуществование в коллективе особенно подчеркивает E. Hall [21]. В связи с этим в Индонезии существует множество правил, регулирующих социальные нормы и подавляющих любое девиантное поведение, а также несогласие или критику большинства. Согласно индонезийской философии, гармоничные отношения в коллективе необходимо начинать с себя: «человек должен обрести и поддерживать гармонию в себе, своем внутреннем мире. Внутренняя жизнь должна быть похожа на тихий водоем с чистой водой, сквозь которую хорошо просматривается дно» [23, с. 159].

3) *High context culture (HCC; высококонтекстная культура).* Не только Индонезия, но и многие азиатские страны относятся к высококонтекстным культурам. Здесь важны скрытый контекст, невербальное поведение, т.е. большая часть смысла передается скрытым путем [11]. Процесс межкультурной коммуникации осложняется различными пониманиями вербальных высказываний, так как большее внимание уделяется способу произношения, чем смыслу высказывания. Поэтому достаточное внимание уделяется «прочтению» языка тела, паузам и т.п. HCC подразумевает наличие таких характеристик, как честь и позор, сохранение «лица», поддерживание статуса и власти. Индонезийские обучающиеся, сохраняя уважительность, трудолюбие и любознательность, проявляют себя как равные собеседники, эксплицитно ориентированные на коммуникацию.

4) *Masculine culture.* Маскулинность и патриархат до сих пор имеют место и проявляются в Индонезии в неравенстве полов в социуме, в доминантном отношении, существенном различии ролей. Предполагается, что девушки должны быть скромны, особенно в общении с мужским полом. Причиной этого, однако, также является и тип религии.

5) *Ethnic and religious interaction (этническое и религиозное взаимодействие).* В стране соблюдаются и защищаются гражданские права всех народов и этнических групп, строится мирный диалог между различными религиями. Современная государственная идеология Индонезии, как пишет А.К. Оглоблин, представляет собой сложное взаимодействие различных цивилизаций и религий. Так называемые религиозные и социокультурные привычки ценны для всех народов, особенно мусульманских, и Индонезия не является исключением [24]. Так, например, стоит учитывать, что под влиянием яванской философии самой священной частью человеческого тела у индонезийцев является его голова – касание ее может быть воспринято индонезийцем как оскорбление [24]. С другой стороны, человек должен проявлять уважительность и терпимость к окружающим, а гордыня воспринимается как крайне отрицательное качество человека. Неприемлемым в индонезийской культуре считается разговор на повышенных тонах, т.к. индонезийцам прививают достаточную скромность, чтобы не оскорбить чувств другого, трудолюбие, не поддерживается со-

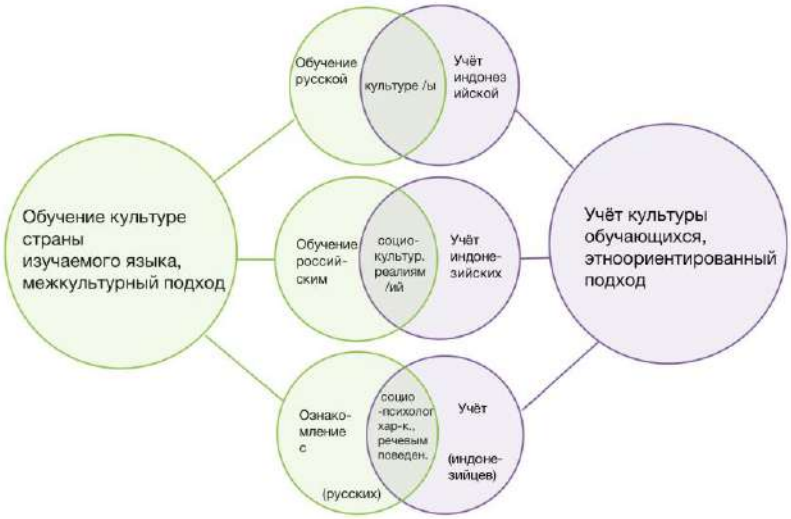

Рис. Принцип учёта этнопсихологических характеристик иностранных студентов и межкультурный подход в этноориентированной методике

перничество с другими, следует довольствоваться своим положением и выполнять свои обязанности наилучшим образом [10; 13].

6) *Attribution and Motivation (теория атрибуции и мотивация (академическое участие))*. Исследователи Novita W. Sutantoputri, Helen M. G. Watt, изучая отношение индонезийских студентов к успеху, поражению, мотивации, пришли к выводу, что атрибуции (механизмы объяснения причин поведения) стабильности обучающихся предсказывали их учебные цели и мотивацию. В то время как ни локус контроля (свойство личности приписывать свои успехи/неудачи только внутренним или только внешним факторам), ни атрибуции контроля не влияли напрямую на мотивацию студентов [25]. Религиозность и этническая принадлежность явились более существенными индикаторами мотивационных целей студентов [26].

Исследования, посвященные сравнительному анализу ценностных ориентаций российских и индонезийских обучающихся, проведенные группой ученых [27] в нескольких российских и индонезийских школах, показывают, что российские обучающиеся ориентируются на достижения, на ценности самостоятельности, гедонизма, в то время как для индонезийских школьников оказались важны ценности доброжелательности, безопасности и универсализма. Ценностные ориентации школьников исследуемых этносов находятся в оппозициях друг к другу: школьники из России открыты изменениям, и ценность сохранения (в том числе традиций) не является наиболее приоритетной, обучающиеся из Индонезии, напротив, предпочитают самоутверждению ценность самоопределения.

7) *Communication (общение)*. По нашим наблюдениям [12; 28], индонезийским студентам свойственна коммуникативная открытость. В отличие от других представителей Юго-Восточной Азии (например, лаосских студентов), индонезийские обучающиеся проявляют большую активность в заданиях, направленных на коммуникацию. На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, языковыми причинами – для лаосских студентов русский язык более трудный (ввиду типа языка), а с другой стороны, психологическими причинами – лаосские студенты менее коммуникабельны и в силу буддистской традиции, подразумевающей скорее молчаливое наблюдение, чем активную деятельность. Современные же индонезийские обучающиеся проявляют явную любознательность, не стесняются задавать вопросы, шутить во время занятия.

Учёт этнопсихологического портрета индонезийских студентов на занятиях по иностранному языку

Принцип учёта этнопсихологических, религиозных, культурных особенностей обучающихся гармонично сосуществует в этноориентированной методике с межкультурным подходом в обучении ИЯ.

Обучая культуре страны изучаемого языка, коммуникативному поведению ее носителей, социокультурным реалиям (в нашем случае – современной России), необходимо не только поощрять проводимые параллели с теми же факторами, но и строить содержание обучения исходя из них [12; 28; 29], выбирать релевантные формы речевой деятельности [30] и манеру межличностного общения.

Схематично весь культурный компонент этноориентированной методики можно изобразить в виде следующей схемы (см. рис.).

С одной стороны – зелёные окружности на схеме, представляющие культурные компоненты изучаемого языка: обучение русской культуре, социокультурным реалиям, речевому поведению, т.е. культурологический аспект обучения иностранных студентов. С другой стороны – фиолетовые окружности, отображающие те же самые компоненты культуры, но уже не русского, а индонезийского (языка обучающихся). Здесь речь идёт об учёте «фиолетовых» компонентов одновременно с обучением «зелёным» компонентам, т.е. о гармоничном и логичном сосуществовании межкультурного и этноориентированного подходов.

Владение сведениями, играющими важную роль в составлении этнопсихологического портрета, поможет преподавателю обратить внимание на причины того или иного коммуникативного поведения студентов. Преподаватель сможет использовать психолингвистическую характеристику студентов не только с целью предотвращения разного рода проблем как в классе, так и вне его, но также и для установления мотивирующей атмосферы на занятиях. Выделим основные методические рекомендации, учитывающие коммуникативное поведение индонезийских студентов (табл.).

В целом, мы можем отметить, что представители стран Юго-Восточной Азии успешно проходят адаптационный период, с ними реально установить теплые, дружеские отношения. Они трудолюбивы, исполнительны, проявляют интерес к нашей культуре, а также активны при подготовке и проведении своих национальных праздников. Среди остальных представителей ЮВА, именно индонезийцы проявляют большую коммуникативную активность, однако в начале обучения могут «отмалчиваться», так как в культуре юго-восточных стран не каждый обучающийся может легко войти в диалог с учителем как авторитетом. Поэтому преподавателям российских вузов, работающих со сту-

Таблица

Рекомендации по учёту этнопсихологических характеристик индонезийских студентов при обучении иностранному языку

Этнопсихологическая характеристика	Учёт на занятии по иностранному языку
High power distance culture (высокий индекс дистанции власти). Уважительность к преподавателю и одногруппникам	Помогает преподавателю сохранять дисциплину на занятии, избегать конфликтных ситуаций, избавляет от необходимости объяснять важность выполнения тех или иных заданий. Здесь можно говорить о терпеливости обучающихся и доверии к преподавателю
Collectivism (коллективизм). Устремлённость на права и нужды того или иного коллектива, гармоничное сосуществование в коллективе; от членов внутри одной группы ожидается доброе отношение, помощь, равенство и дружба	Применять задания с разным уровнем сложности на одном занятии можно только в случае очень большой разницы в уровне студентов. В каждой группе, как правило, обучаются студенты с разной скоростью усвоения материала. Индонезийские студенты терпеливо относятся к «отстающим» одногруппникам, искренне поддерживают, помогают, без проявления любого негатива ждут каждого, кто медленнее выполняет задания
High context culture (HCC; высококонтекстная культура). Здесь важны скрытый контекст, невербальное поведение, внимание к «прочтению» языка тела, паузам и т.п. Важность категорий чести и позора, сохранения «лица», поддерживание статуса	Преподавателю следует быть как аккуратным при исправлении ошибок, особенно стараться не пристыжать обучающихся, так и нарочито хвалить перед одногруппниками. Обучающимся важно одобрение не только преподавателя, но и своего коллектива: «потерять лицо» из-за грубой ошибки считается постыдным, а хвастовство или гордыня за успехи рассматривается как плохая черта
Masculine culture (маскулинность и патриархат)	Первое время при групповых заданиях рекомендуется парная работа с учётом пола: муж.+муж., жен.+жен. Через некоторое время девушки также могут работать в паре и с молодыми людьми
Ethnic and religious interaction (этническое и религиозное взаимодействие). Мирный диалог между различными религиями, толерантное отношение ко всем культурам и этносам	Возможна групповая работа и парная работа на занятии со студентами других религий и этносов. Такая особенность индонезийцев является большим преимуществом в обучении при работе в мультикультурном классе: индонезийцы очень терпеливо и дружелюбно относятся к представителям любых этносов и религий. Начинающим преподавателям не стоит делать замечаний относительно пропуска занятий по «пятничным» (религиозным) причинам: многие молодые люди ставят свои религиозные убеждения достаточно высоко и если занятие приходится на время намаза (пятничной молитвы в мечети), то они пропустят занятие

Окончание таблица

Attribution and motivation (теория атрибуции и мотивация (академическое участие)). Ответственность за учёбу, сознательное отношение к процессу обучения, трудолюбие	Если преподавателю требуется вынести материал на самостоятельное изучение, студенты будут стараться выполнить задание, даже если это потребует немалых сил. С целью экономии времени рекомендуется выносить на домашнее задание отдельные лексические и грамматические темы, которые затем отрабатываются на занятиях. Независимо от трудностей, возникающих в процессе усвоения иностранного языка, студенты склонны ответственно относиться к выполнению всех заданий (как на занятии, так и домашних)
Communication (общение). Коммуникативная открытость, активность. Проявляют любознательность, не стесняются задавать вопросы, шутить во время занятия	Продуктивно проходят виды работы, связанные с развитием речевых навыков: работа в парах, обсуждение той или иной ситуации в группах, участие в ролевых играх [31] и др. Индонезийцы достаточно активно высказывают свое мнение по предлагаемым проблемным ситуациям. Смешение индонезийских и лаосских/вьетнамских обучающихся в парной работе кажется нам наиболее продуктивным [30] в случае мультикультурного (ЮВА) класса

дентами из стран ЮВА, нужно иметь в виду, что в данных этнических группах особой добродетелью является скромность в общении, взаимоуважение.

Заключение

Выделены и описаны такие этнопсихологические черты поведения индонезийских обучающихся, как устремлённость на права и нужды того или иного коллектива, уважительность к преподавателю и одногруппникам, невербальное поведение, важность категорий чести и позора, сохранения «лица», поддерживание статуса, следование религиозным правилам, толерантное отношение ко всем культурам и этносам, ответственность за учёбу, сознательное отношение к процессу обучения, трудолюбие, коммуникативная активность и открытость. Мы считаем, что в стремительно меняющемся мире следует регулярно изучать вопросы, связанные с составлением этнопсихологического портрета самых разных (особенно малоизученных) этнических групп в дидактических целях.

Преподаватель, обладающий основными сведениями о коммуникативном поведении индонезийцев, их культурных ценностях, сможет выбрать верную тактику в работе с ними, что позволит избежать конфликтов, недопониманий и установить гармоничные отношения в классе. Таким образом, учёт этнопсихологических характеристик целесообразен при обучении иностранному языку. Надеемся, что приведенные рекомендации, учитывающие данные характеристики, будут полезны для преподавателей иностранного языка, работающих с иностранными обучающимися.

Список литературы

1. Study in Russia (официальный сайт о высшем образовании в России для иностранных студентов) [Электронный ресурс]. URL: https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu/ (дата обращения: 07.11.2021).

2. Отчет о самообследовании деятельности ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (2020) [Электронный ресурс]. URL: https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/75c/samoobsledovanie_TSU_2020.pdf (дата обращения: 11.02.2022).

3. Лукина А.К., Андренко Т.О., Батарчук Д.С. и др. Становление идентичности и толерантности личности в условиях поликультурного образования: Монография / Отв. ред. А.К. Лукина. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 260 с.

4. Распоряжение от 29 мая 2015 года № 996-р [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/docs/18312/ (дата обращения: 15.02.2022).

5. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография. 2-е изд. М.: РУДН, 2010. 344 с.

6. Стернин И.А. Коммуникативное поведение. Финское коммуникативное поведение / Ред. И.А. Стернин, В.Б. Кашкин. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2004. 99 с.

7. Арефьев П.А., Гусев И.А., Новикова О.С. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации: Статистический сборник. Вып. 15 / Министерство образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://docplayer.com/108828347-Obuchenie-inostrannyh-grazhdan-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-rossiyskoy-federacii-statisticheskiy-sbornik.html (дата обращения: 02.12.2021).

8. Горохов В.Ф. Культурология: Учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 348 с.

9. Kecskes I., Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Soboleva A.V. Study of the perception of situation-bound utterances as culture-specific pragmatic units by Russian learners of English // System. 2018. Vol. 76. August. P. 219–232.

10. Щербакова Е.Е. Характеристика индонезийских учащихся в контексте обучения русскому языку

как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. Ч. 2. С. 209–212.

11. Кирчанов М.В. Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: Научная книга, 2009. 250 с.

12. Рагозина А.В. Этноориентированная методика обучения иностранному языку обучающихся из стран Юго-Восточной Азии на начальном этапе: Магистерская диссертация по направлению подготовки: 45.04.02 – Лингвистика. Томск: [б.и.], 2019. [Электронный ресурс]. URL: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:9477 (дата обращения: 05.08.2021).

13. Вязовская В.В. О специфике преподавания русского языка как иностранного студентам из Индонезии [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-spetsifike-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-studentam-iz-indonezii (дата обращения: 10.09.2021).

14. Гусев М.Н. «Ислам с человеческим лицом»: индонезийский вариант / Институт Ближнего Востока. 2011. 9 августа [Электронный ресурс]. URL: http://www.iimes.ru/?p=13090 (дата обращения: 17.08.2021).

15. Станюкович М.В. Индонезийцы и их соседи. Festschrift, Е.В. Ревуненковой и А.К. Оглоблину / Отв. ред. М.В. Станюкович. СПб.: МАЭ РАН [Электронный ресурс]. URL: http://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-141-1/978-5-88431-141-1.pdf (дата обращения: 24.09.2021).

16. Другов А.Ю. Учебное пособие по курсу «Индонезия. Страноведение». М.: Восточный Университет, Институт востоковедения РАН, 2005. 89 с.

17. Pew Research Centre. The Global Religious Landscape [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewforum.org/2012/12/18/global-religious-landscape-exec/ (дата обращения: 10.02.2022).

18. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межъязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81.

19. Пугачёв И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного: Монография. М.: РУДН, 2011. 284 с.

20. Hofstede G. Culture’s consequences: Comparing values, behaviours, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mindtools.com/pages/article/newLDR_66.htm (дата обращения: 07.09.2021).

21. Hall E.T. Beyond culture. New York, London, Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976. 320 p.

22. Reisinger Y., Turner L. Cross-cultural differences in tourism: Indonesian tourists in Australia [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1xvbipCNXccIxklOzwuSYfwhLlxKaEp03 (дата обращения: 09.09.2021).

23. Гирц К. Интерпретация культур: Пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004 560 с. (Серия «Культурология. XX век»).

24. Оглоблин А.К. Индонезийцы // Имена народов мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.andein.ru/articles/inm_indoneziycy.html (дата обращения: 27.08.2021).

25. Othman Norasmah, Radin Siti Aishah Radin A Rahman. Differences in entrepreneurial determination between Malaysian and Indonesian students // International Journal of Management and Applied Science. Vol. 3. Is. 1. Special Is. 2. Jan. 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1xvbipCNXccIxklOzwuSYfwhLlxKaEp03 (дата обращения: 20.08.2021).

26. Masela Maximeliana, Subekti Adaninggar Septi. Indonesian university students’ visual learning style: learners’ and teachers’ perspectives [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1xvbipCNXccIxklOzwuSYfwhLlxKaEp03 (дата обращения: 03.09.2021).

27. Sutantoputri N.W., Watt H.M.G. Attribution and motivation: A cultural study among indonesian university students [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1xvbipCNXccIxklOzwuSYfwhLlxKaEp03 (дата обращения: 17.12.2021).

28. Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Дискурс как единица коммуникативного и речемыслительного процесса в коммуникации представителей разных лингвокультур // Язык и культура. 2017. № 37. С. 205–228.

29. Ткаченко Н.В. Сравнительный анализ ценностных ориентаций российских и индонезийских подростков в контексте развития поликультурного образования [Электронный ресурс]. URL: https://mpsu.ru/files/pub/journals/actual_probl_n1_15site.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

30. Obdalova O.A., Gulbunskaya E.V. Cross-cultural component in non-linguistics EFL students teaching // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2015. **200.** P. 53–61 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815046613 (дата обращения: 23.08.2021).

31. Obdalova O.A., Minakova L.Yu., Soboleva A.V. Indirect reporting and pragmatically enriched context: A case study into Russian learners of English // Pragmatics and Cognition. 2019. **26:1**. P. 85–111. Scopus Q2 [Электронный ресурс]. URL: http://doi.org/10.1075/pc.19011.obd (дата обращения: 16.02.2022).

THE STUDY OF THE STUDENTS' ETHNO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (THE CASE OF INDONESIAN STUDENTS)

***A.V. Ragozina,*[1] *O.A. Obdalova*[1,2]**

[1]Tomsk State University
[2]Tomsk Scientific Center
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (TSC SB RAS)

This article discusses a number of characteristics that form the ethnopsychological portrait of Indonesian students as one of the most common groups in Southeast Asia who study Russian as a foreign language. The latest research on the topic of ethno-oriented methodology is analyzed, in particular, one of its leading principles – taking into account the ethno-psychological characteristics of students. Domestic and foreign descriptions of Indonesian students are summarized and systematized, and the authors' own observations are given. Factors such as the type of culture, communicative behavior, academic participation, gender, ethnic and religious interaction are described, on the basis of which the methodological recommendations are proposed. The authors conclude that it is expedient to take into account the described characteristics in foreign language classes, as well as the need to supplement methodological science with appropriate descriptions and recommendations for working with students from understudied ethnic groups.

Keywords: ethno-oriented methodology, intercultural communication, Indonesian students, ethno-psychological portrait, Russian as a foreign language, methods of teaching a foreign language.

УДК 372.853
DOI 10.52452/18115942_2022_2_192

МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ ПО ФИЗИКЕ КАК СРЕДСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

© 2022 г.

Е.К. Титаева, О.В. Лебедева

Титаева Евгения Константиновна, аспирант
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
titaeva@unn.ru
Лебедева Ольга Васильевна, д.пед.н.; доц.; профессор кафедры кристаллографии
и экспериментальной физики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
lebedeva@phys.unn.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.2022
Статья принята к публикации 29.04.2022

Предложена модель организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике как средства профессионального самоопределения. Выделена система принципов, обеспечивающая профессиональное самоопределение учащихся в учебно-исследовательской деятельности: системности, научности, доступности и посильной трудности; активности и самостоятельности учащегося; сотрудничества школьника и руководителя; последовательного перехода от учебного исследования к учебно-профессиональному исследованию, а затем к научно-исследовательской деятельности в решении профессиональных задач. Показана структурно-функциональная модель каждого этапа, включая цель, содержание, формы обучения и средства диагностики. Предложены линии реализации данной модели: на базе школьного кабинета физики, в учреждениях дополнительного образования детей, на базе лабораторий вуза.

Ключевые слова: учебно-исследовательская деятельность учащихся по физике, профессиональное самоопределение учащихся, готовность к получению физического образования.

Введение

Одной из стратегических задач социально-экономического развития Российской Федерации в сфере образования является «формирование эффективной системы выявления и поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости и всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию учащихся» [1]. Работа над решением этой задачи привлекла внимание педагогического сообщества к вопросам предпрофессиональной подготовки и профессионального самоопределения учащихся.

Анализ состояния проблемы подготовки школьников к осознанному выбору и успешному освоению профессии в практике современного российского образования показывает, что существует три основных направления: создание профильных классов на базе школ; разработка программ дополнительного образования детей; создание программ подготовки учащихся на базе вузов [2–4].

Вузы, заинтересованные в привлечении хорошо подготовленных и мотивированных абитуриентов, для решения задач реализуют программы, интегрирующие уровни школьного и высшего образования. Анализ программ показывает, что они нацелены на подготовку учащихся по профилирующим предметам вуза, позволяющую им успешно сдать единый государственный экзамен, и на адаптацию к системе обучения в вузе, но не уделяют достаточного внимания формированию личностных качеств, необходимых для осознанного профессионального выбора. В результате у нестоличных вузов встала проблема оттока подготовленных абитуриентов в вузы Москвы и Санкт-Петербурга, поскольку современные правила поступления значительно расширили возможности выбора абитуриентами вузов.

Эффективным средством решения задачи профессионального самоопределения является включение школьников в учебно-исследовательскую деятельность, организованную в системе дополнительного образования, в том числе на базе вуза. Целью данной работы является обоснование и разработка модели методики организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике, обеспечивающей формирование профессионального самоопределения учащихся.

Методология и методы исследования

Методологическим основанием построения методики организации учебно-исследовательской деятельности учащихся как средства профессионального самоопределения являются системно-деятельностный и личностно ориентированный подходы в обучении. Опираясь на системно-деятельностный подход, мы рассматриваем учебно-исследовательскую деятельность учащихся как вид деятельности учебной. При включении учащихся в учебно-исследовательскую деятельность последовательно формируется система действий, через которые она реализуется [5, с. 93–96]. Учебно-исследовательская деятельность контекстно зависима, поэтому при ее организации на содержании физики учащиеся осваивают нормы этой деятельности, принятые в физике как науке. Опираясь на идеи личностно ориентированного подхода в обучении, при проектировании этапов учебно-исследовательской деятельности по физике в дополнительном образовании предусмотрено построение образовательных траекторий, учитывающих индивидуальные образовательные траектории и позволяющих учащимся сделать осознанный выбор профессии.

Теоретическое основание разрабатываемой нами методики составляют походы к формированию профессионального самоопределения учащихся (Т.Г. Брылева, Е.А. Климов, И.В. Лесовик, О.А. Любягина, Е.А. Мороз, С.В. Шибанкова и др.); разработанные в теории и методике обучения физике подходы к обучению эмпирическим и теоретическим методам получения физических знаний, формированию основ теории научного познания (Г.М. Анохина, Н.Е. Важеевская, И.А. Крутова, В.В. Майер, Н.И. Одинцова, В.Г. Разумовский, Е.А. Румбешта, Ю.А. Сауров, Г.П. Стефанова и др.); теоретические основы проектирования и организации учебно-исследовательской деятельности учащихся (Е.В. Ефимова, Е.Н. Кикоть, М.Ю. Кожухова, А.А. Ушаков, Е.А. Юлпатова, С.В. Масягин и др).

Результаты и их обсуждение

Структурно-содержательную модель методики организации учебно-исследовательской деятельности учащихся в дополнительном образовании мы рассматриваем как образ этого процесса, отражающий его основные компоненты, их взаимосвязь, а также основные этапы процесса, обусловливающие достижение поставленной цели. Анализ исследований, посвященных проблеме профессионального самоопределения учащихся, позволяет определить это понятие на основе системно-деятельностного и личностно ориентированных подходов как «выбор личностью профессии на основе анализа внутренних ресурсов, а также процесс и результат соотнесения данных ресурсов со специфическими требованиями к профессии» [6, с. 25]. При разработке методики организации учебно-исследовательской деятельности учащихся как средства профессионального самоопределения мы учитывали внешние системообразующие факторы: Федеральные государственные стандарты основного общего образования [7] и среднего общего образования [8]; нормативные документы, отражающие государственную политику в области образования; социальный заказ на подготовку выпускников школ, готовых и способных к освоению программ высшего образования по специальностям и направлениям подготовки, связанным с физикой и современными технологиями, основанными на достижениях физической науки.

С учетом целей исследования и указанных выше методологических оснований исследования были выделены основные принципы организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике в системе дополнительного образования как средства профессионального самоопределения: системности, научности, доступности и посильной трудности; активности и самостоятельности учащегося; сотрудничества школьника и руководителя; последовательного перехода от учебного исследования к учебно-профессиональному исследованию, а затем к научно-исследовательской деятельности в решении профессиональных задач.

Два первых этапа (учебное и учебно-профессиональное исследование) объединяет получение учащимися субъективно новых знаний ради освоения норм и методов исследовательской деятельности. Учебное исследование – «особый вид интеллектуально-эвристической деятельности учащихся, который предполагает творческую самостоятельность в поисках субъективной новизны теоретических и экспериментальных знаний» [9, с. 50]. Учебно-профессиональное исследование можно рассматривать как вид учебного исследования на содержании задач, характерных для определенной области знаний, т.е. учебное исследование профессиональной направленности. Научно-исследовательская деятельность принципиально отличается тем, что имеет целью получение объективно нового знания. В образовании требование освоения обучающимися навыков организации и реализации научно-исследовательской деятельности в решении профессиональных задач

Цель: формирование профессионального самоопределения учащихся и готовности к получению физического образования

Этап	Цель	Содержание	Формы обучения	Средства диагностики
1.Учебное исследование	Освоение исследовательских действий, соответствующих УИР на содержание физики	Лабораторные работы исследовательского характера по основным темам школьного курса физики	Лабораторный практикум в группах 3–4 человека. Лекции по физике и экскурсии в научные лаборатории	Опросник по В.Б. Успенскому. Отчеты по лабораторным работам

Профессиональное самоопределение: связана ли моя будущая профессия с физикой?

выполнение УИД в другой научной области нет; да

2.Учебно-профессиональное исследование в определенной области физики	Знакомство с основным оборудованием и методами исследования, используемыми в данной области физики	Лабораторные работы на учебном оборудовании, используемом в данной области физики	Лекции и семинары. Специальный лабораторный практикум в группах 3–4 человека. Выполнение УИР	Отчеты по лабораторным работам. Защита УИР на конференциях и конкурсах. Опросник по В.Б. Успенскому

Профессиональное самоопределение: связана ли моя будущая профессия с данной областью физики?

выполнение этапа 2 в другой области физики нет; да

3.Учебно-профессиональное исследование с элементами научно-исследовательской деятельности в профессиональной сфере	Приобретение опыта исследовательской деятельности в решении задач в определенной профессиональной области	УИД по решению задач в данной профессиональной области	Индивидуальные исследования в лабораториях профильных кафедр вуза. Участие в научных семинарах	Отчеты о проделанной работе на семинарах. Защита УИР на конференциях и конкурсах. Тест профессиональной идентичности

Профессиональное самоопределение учащихся
Готовность к получению физического образования
мотивационный компонент когнитивный компонент деятельностный компонент

Рис. Последовательность этапов организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике как средства профессионального самоопределения

ставится федеральными государственными стандартами на уровне магистратуры. В нашем исследовании этот уровень указывается в контексте преемственности школьного и высшего образования. В предлагаемой нами модели на третьем этапе школьники приобщаются к тематике таких исследований с целью профессиональной пробы, чтобы обеспечить понимание того класса задач, которые предстоит решать в данной области. Последовательность этапов организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике показана на рисунке.

На первом этапе учащиеся, проявившие интерес к учебно-исследовательской деятельности на содержании физики, осваивают основные нормы и методы исследовательской деятельности, присущие физике как науке. Учащиеся выполняют лабораторные работы исследовательского характера на содержании, соответствующем школьному курсу физики. Этот этап может быть реализован как на базе школы во внеурочной деятельности, так и на базе организаций дополнительного образования детей либо на базе вуза. Требуется основное оборудование, которым оснащается школьный кабинет физики. На базе вузов для организации практикумов школьников оснащаются лаборатории, например на базе физического факультета ННГУ оборудована лаборатория школьного физического эксперимента. Тематика работ соответствует возрасту учащихся и программе школьного курса физики. Для учащихся 7–9-х классов это работы по гидростатике, механике (простые механизмы, исследование взаимодействия тел и т.д.), тепло-

вым явлениям (измерение удельных характеристик вещества – теплоемкости, теплоты плавления, теплоты сгорания топлива), электрическим явлениям и т.д. Для учащихся 10–11-х классов повышается сложность заданий, требования к обработке результатов. Примеры работ – изучение колебательных систем (математический и пружинный маятники, жидкость в U-образной трубке, колебательный контур), включая системы с двумя степенями свободы; изучение трения нити о блок по методу Эйлера; изучение плоскопараллельного движения твердого тела и т.д.

На этом этапе школьники работают в группах по 3–4 человека. Основное требование – активность учащихся на каждом этапе работы. Учащиеся изучают теоретическую модель (выстраивают ее под руководством преподавателя), разрабатывают план эксперимента как последовательность действий (что измерять, в какой последовательности, сколько раз и т.д.). Основные средства диагностики освоения системы исследовательских действий – отчеты по результатам выполненных работ. Диагностика готовности к выбору профессии на этом этапе осуществляется по опроснику В.Б. Успенского «Готовность учащихся к выбору профессий» [10].

Итогом данного этапа является самоопределение учащегося по отношению к исследовательской деятельности на содержании физики: если учащийся понимает, что ему интересно выполнять физическое исследование, то переходит к выбору той или иной области физики. Некоторые учащиеся по результатам данного этапа осознают, что хотели бы попробовать себя в учебно-исследовательской деятельности в другой области научных знаний.

На втором этапе происходит переход к учебно-профессиональному исследованию в той или иной области физики. Основная цель этапа – знакомство с основным оборудованием и методами исследования, используемыми в данной области физики. Учащиеся в малых группах выполняют работы специального физического практикума. В качестве примера нами разработан практикум по росту кристаллов, в ходе выполнения которого учащиеся учатся работать с основным оборудованием лаборатории: кристаллизаторами, микроскопом, аналитическими весами, рефрактометрами, pH-метрами и т.д. Содержание практикума выстроено по принципу движения от кристаллизации в макросистеме к кристаллизации в микросистеме: рост кристаллов из водного раствора, в геле, в капле, на слюде и т.д. Поскольку для выполнения работ требуются знания, выходящие за пределы школьного курса физики, практикум сопровождается лекциями и семинарами. Средствами диагностики на данном этапе являются отчеты по выполненным работам. В конце практикума каждый учащийся получает индивидуальное задание по тому методу роста кристаллов, который заинтересовал его больше всего, и выполняет учебное исследование, результаты которого представляет на конференциях научного общества учащихся и конкурсах различного уровня. Готовность к выбору профессии, как и на первом этапе, определяется по опроснику В.Б. Успенского.

Второй этап может быть реализован как на базе учреждений дополнительного образования детей, например ДТ «Кванториум», так и на базе вуза. Основным условием является наличие преподавателей-специалистов в данной области, соответствующего оборудования. В некоторых областях физики большую часть практикума можно провести и на базе школьного кабинета физики, дополнив имеющееся лабораторное оборудование самодельными установками. Например, большую часть описанного выше практикума по росту кристаллов можно провести на базе школьного кабинета физики, используя доступные и безопасные материалы [11].

Итогом второго этапа является самоопределение учащегося по отношению к исследовательской деятельности в данной профессиональной области. Если школьника заинтересовали исследования в данной области, ему предлагают перейти на следующий уровень и выполнять индивидуальную учебно-исследовательскую деятельность по одной из актуальных задач, стоящих в данной профессиональной области. Если данная область физических исследований не заинтересовала, этап можно повторить, перейдя к другой тематике, например электронике и наноэлектронике.

Третий этап предполагает выполнение учащимся индивидуального учебно-профессионального исследования под руководством преподавателя вуза в лаборатории профильной кафедры. Целью данного этапа является приобретение опыта исследовательской деятельности в решении задач в определенной профессиональной области. Школьник приобщается к тематике исследований, которую выполняет научный коллектив. Учащихся, выполняющих такие исследования, привлекают к участию в научных семинарах и конференциях. По мере выполнения работы учащийся выступает с промежуточными отчетами по решению той или иной подзадачи. Результатом данного этапа является участие в конференциях научного общества учащихся и конкурсах различного уровня.

Готовность к выбору профессии на этом этапе определяется с помощью методики изучения ста-

тусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов) [12]. Методика позволяет определить, насколько готов тестируемый совершить осознанный выбор дальнейшего профессионального развития или уже его совершил.

В результате последовательного прохождения всех трех этапов учебно-исследовательской деятельности учащиеся могут принять решение о выборе будущей профессии, основанное на понимании профессиональных задач, решаемых в данной области. Формируется и готовность к получению физического образования как интегративного свойства личности, проявляющегося в стремлении и способности к освоению программ высшего образования по специальностям и направлениям подготовки, связанным с физикой и современными технологиями, основанными на достижениях физической науки [13]. В структуре понятия выделим три взаимосвязанных компонента: мотивационный, когнитивный и деятельностный. Мотивационный компонент включает осознанное желание учащихся получить будущую профессию, основанное на понимании решаемых профессиональных задач. Когнитивный компонент подразумевает знания, полученные при изучении школьных курсов физики и математики. Деятельностный компонент – владение необходимыми способами деятельности, в т.ч. общеучебными, предметными и исследовательскими.

Экспериментальную базу для апробации модели составили ДТ «Кванториум» и физико-математическая школа физического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Результаты внедрения модели будут представлены в отдельной работе. В целом, можно утверждать, что организация учебно-исследовательской деятельности учащихся на основе представленной модели позволяет учащимся сделать осознанный выбор будущей профессии. Учащиеся, последовательно прошедшие все три этапа, успешно сдают единый государственный экзамен по физике и математике, поступают на физико-математические направления подготовки ННГУ им. Н.И. Лобачевского и успешно осваивают программы высшего образования, продолжая заниматься исследовательской деятельностью по выбранному направлению.

Заключение

Предложенная модель организации учебно-исследовательской деятельности учащихся по физике, основанная на последовательном переходе от учебного исследования к учебно-профессиональному, а затем к научно-исследовательской деятельности в решении профессиональных задач, позволит решить проблему профессионального самоопределения учащихся. Учащийся, прошедший последовательно указанные три этапа учебно-исследовательской деятельности, может сделать выбор будущей профессии осознанно, основываясь на понимании профессиональных задач, которые предстоит решать в данной области, и своих возможностей для их решения. В дальнейшем эта модель обеспечит преемственность учебной деятельности на этапе общего и высшего профессионального образования, поскольку в учебном процессе вуза на более высоком уровне будет соблюдаться та же последовательность этапов: учебное исследование в общем курсе физики (физический практикум); учебно-профессиональное исследование при выполнении спецкурсов, научно-исследовательских практик и ВКР (уровень бакалавриата); научно-исследовательская деятельность в решении профессиональных задач при выполнении научно-исследовательских практик и ВКР (уровни магистратуры и аспирантуры) [14].

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 24.02.2022).

2. Ивашкин Е.Г., Бушуева М.Е., Лухманова Т.В. Предпрофессиональная подготовка будущих инженеров // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1061.

3. Ковалев Д.С., Матина Г.О., Горева В.Б. и др. Предпрофессиональная подготовка в системе дополнительного образования детей // Непрерывное образование в Санкт-Петербурге. 2016. № 1-2. С. 50–55.

4. Половецкий С.Д. Анализ современного состояния системы ранней профориентации и предпрофессиональной подготовки московских школьников // Профессиональное образование и общество. 2018. № 2 (26). С. 262–284.

5. Лебедева О.В. Подготовка учителя физики к проектированию и организации учебно-исследовательской деятельности учащихся: Дис. … докт. пед. наук. Н. Новгород, 2019. 381 с.

6. Любягина О.А. Формирование мотивационной готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению в условиях профильного обучения: Дис. … канд. пед. наук. Казань, 2021. 190 с.

7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050027 (дата обращения: 21.02.2022).

8. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования [Элек-

тронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902350579?marker=6500IL (дата обращения: 24.03.2022).

9. Талызина Н.Ф., Буткин Г.А., Володарская И.А. Усвоение научных понятий в школе: Учебное пособие. М.: Полиграф Сервис, 1999. 112 с.

10. Опросник В.Б. Успенского «Готовность учащихся к выбору профессий» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.msmc.by/proforientatsiya/727-oprosnik-dlya-vyyavleniya-gotovnosti-k-vyboru-professii-po-v-b-uspenskomu (дата обращения: 23.03.2022).

11. Титаева Е.К. Рост кристаллов в геле как учебно-исследовательский проект учащихся // Физика в школе. 2021. № 7. С. 52–54.

12. Грецов А.Г., Азбель А.А. Узнай себя. Психологические тесты для подростков. СПб.: Питер, 2006. С. 143–155.

13. Титаева Е.К., Лебедева О.В. Содержание и структура понятия «готовность обучающихся к получению физического образования» // Материалы XIV Международной научной конференции, посвященной Году науки и технологий Российской Федерации, 205-летию начала подготовки педагогов в Ивановской области / Отв. редактор А.А. Червова. М.–Иваново–Шуя, 2021. С. 106–108.

14. Лебедева О.В., Марков К.А. Исследовательское обучение физике как фактор интеграции в системе «школа–вуз» // Нижегородское образование. 2014. № 2. С. 43–49.

PUPILS ACTIVITY IN PHYSICS AS A MEANS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

E.K. Titaeva, O.V. Lebedeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

There was suggested the model of pupils study-research activity in physics as a means of professional self-determination. There was selected the system of principles that provides professional self-determination of pupils in study-research activity: systematic, scientific, accessibility, feasible difficulty; activity and independence of pupils; pupil's collaboration with teacher; the sequence of transition from study research to study-professional research and then to scientific-research activity for solving proffesional tasks. The structural-functional model was demonstrated for each stage including aim, contents, a form of study and diagnistic way. There were suggested threads form model implementation: based on school physics classroom, in institution for additional education for children; based on institution laboratory.

Keywords: study-research activity of pupils in physics, proffesional self-determonation of pupils, readiness to receive physical education.

ВЕСТНИК
НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Серия СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 2 (66)

2022

Главный редактор
д.соц.н., проф. А.О. Грудзинский

Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Таймс»
Уч.-изд. л. 26,4. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 100 экз. Заказ № 844.
Дата выхода в свет: 30.06.2022
Свободная цена

Учредитель журнала: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство ПИ № ФС77-66314 от 01.07.2016 г.

Информационная продукция для детей старше 16 лет